

Айн Рэнд

КАПИТАЛИЗМ

Незнакомый идеал

EDITOR'S
CHOICE

- [Айн Рэнд](#)
 - [Введение](#)
 - [1. Что такое капитализм?](#)
 - [2. Семена войны](#)
 - [3. Большой бизнес - преследуемое меньшинство американского общества](#)
 - [4. Антимонополия](#)
 - [5. Всеобщие заблуждения относительно капитализма\[18\]](#)
 -
 - [Монополии](#)
 - [Депрессии](#)
 - [Роль профсоюзов](#)
 - [Государственное образование](#)
 - [Унаследованное богатство](#)
 - [Целесообразность капитализма](#)
 - [6. Золото и экономическая свобода](#)
 - [7. Заметки об истории американского свободного предпринимательства](#)
 - [8. Влияние промышленной революции на женщин и детей](#)
 -
 - [Детский труд и промышленная революция](#)
 - [Женщины и промышленная революция](#)
 - [9. Битва против честности](#)
 - [10. Кому принадлежат радиоволны?](#)
 - [11. Патенты и копирайты](#)
 - [12. Теория и практика](#)
 -
 - [Человеконенавистники](#)
 - [Дикий хаос](#)
 - [13. Не мешайте!](#)
 - [14. Анатомия компромисса](#)
 - [15. Расправляет ли Атлант плечи?](#)
 - [16. Лоббисты](#)
 - [17. «Экстремизм», или Искусство подмены понятий](#)
 - [18. Уничтожение капитализма](#)
 - [19. Консерватизм: некролог](#)
 - [20. Новый фашизм: господство консенсуса](#)
 - [21. Крах консенсуса](#)

- [22. Выгодное дело: студенческие волнения](#)
- [23. Отчуждение](#)
- [24. Реквием по человеку](#)
- [25. Права человека](#)
- [26. Природа государства](#)
- [Библиография](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)

- [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
-

Айн Рэнд

Капитализм: Незнакомый идеал

Введение

Эта книга - не трактат по экономике. Это сборник статей об этических аспектах капитализма.

Наша позиция была суммирована в моем утверждении, опубликованном в первом выпуске *The Objectivist Newsletter* (январь 1962):

«Объективизм - это философское течение, а так как политика есть раздел философии, объективизм защищает ряд политических принципов, в особенности принцип невмешательства государства в экономическую деятельность частного сектора, поскольку они следуют из наших фундаментальных философских принципов и являются их главным практическим воплощением. Для объективизма политика не является отдельной или главной целью и рассматривается в широком идеологическом контексте.

В основании политики лежат три философские дисциплины - метафизика, эпистемология и этика - теория о человеческой природе и взаимоотношении человека с реальностью. Лишь на подобном базисе можно сформулировать цельную политическую теорию и претворять ее в практику... Объективисты - не «консерваторы». Мы - радикальные сторонники капитализма. Мы пытаемся сформулировать философскую первооснову, которой капитализм до сих пор не имеет, и без которой он обречен на гибель».

Я хочу подчеркнуть: сфера наших интересов - не политика или экономика как таковые, но «человеческая природа и взаимоотношения человека с реальностью». Мы защищаем капитализм, поскольку это единственная система, в рамках которой может быть организована жизнь разумного человеческого существа.

В связи с этим существует фундаментальное различие между нашим подходом и тем, который демонстрируют как традиционные защитники капитализма, так и его современные апологеты. За малым исключением, именно они, по определению, несут ответственность за крах капиталистической системы. И вина их заключается в том, что они не могут либо не желают защищать морально-философские установки капитализма как системы.

Ни одна политико-экономическая система в человеческой истории не продемонстрировала свои достоинства так красноречиво, не принесла человечеству столь неоспоримой выгоды, как капитализм, - и ни на одну не

нападали столь злобно, яростно и бездумно. Поток дезинформации, неадекватных представлений, искажений и откровенных фальсификаций столь мощен, что молодое поколение не имеет представления о сути капитализма - и, в сущности, не имеет возможности подобными представлениями обогатиться. В то время как археологи тщательно исследуют руины ушедших тысячелетий, разыскивая обломки керамики и осколки костей, чтобы с их помощью восстановить информацию о доисторической эпохе, события менее чем вековой давности погребены отнюдь не под наслоениями, образовавшимися в результате многовековой работы ветров, наводнений и землетрясений, но под наслоениями, проникнуть сквозь которые человеческому взору куда труднее, - под курганами молчания.

Никакому злодею, никакому заговорщику не под силу стереть из памяти человечества истину столь масштабную, скрыть секрет, давно ставший достоянием гласности, без применения власти или использования цензуры, без единого слова протеста удалить из человеческой памяти тот факт, что идеальное общественное устройство было почти что нами достигнуто.

Именно признанные защитники капитализма своим молчанием, своим нежеланием говорить о соотношении капитализма и альтруизма довели дело до того, что капитализм разрушается на наших глазах - без публичных слушаний, без суда, без объяснения публике его принципов, его сути, его моральных ценностей. Его убивают, как на судилище, где слепая, отчаянно беснующаяся толпа, сжигая соломенное чучело, и не подозревает, что внутри бесформенной кучи соломы спрятан живой, истинный идеал.

Демонстрируемый нам метод убийства капитализма не дает миру узнать, что же именно уничтожается; и самое печальное, что эта информация не доходит до людей молодых.

Цель данной книги - предоставить эту информацию.

Вина за нынешнее состояние нашего мира лежит, за редкими исключениями, на тех, кому сегодня за 40, - на тех, кто в своих речах говорил меньше, нежели знал, и менее определенно, нежели того заслуживал предмет их выступлений.

Эта книга адресована тем, кто молод годами или душой, тем, кто не боится знаний, кто не желает сдаваться.

Им непременно следует знать о том, что попытки врагов капитализма направлены на сокрытие единственного факта: капитализм - не просто «практически ориентированная» система, но и единственная система в человеческой истории, обладающая моральными ценностями. (См. «Атлант

расправил плечи»^[1].)

Политические вопросы - отнюдь не главные в книге «Атлант расправил плечи». Главное в ней - этические и эпистемологические аспекты: роль разума в жизни человека - и, разумеется, политика, как неизбежное следствие данной темы. Однако столь силен в наше время возвращенный современной философией гносеологический хаос, что многие молодые читатели затрудняются не только претворить абстрактные построения в политические принципы, но и применить их к оценке сегодняшних событий. Эта книга должна им помочь. Ее можно назвать документальным приложением к «Атланту».

Поскольку любая политическая система базируется на той или иной этической теории, я предлагаю читателям, искренне желающим постигнуть сущность капитализма, сначала прочесть «Добродетель эгоизма»^[2] - сборник эссе, посвященных этике объективизма, который можно назвать необходимой основой для данной книги. Ни одна политическая дискуссия не будет сколько-нибудь осмысленной и вразумительной без четкого понимания двух основополагающих терминов - «права» и «правительство» - хотя в практикуемой нынче технике умышленного запутывания подобных вопросов обсуждения именно этих определений принято всеми силами избегать. Поэтому я предлагаю вам начать знакомство с этой книгой с прочтения (первого или очередного) двух более ранних статей «Права человека» и «Природа государства» (главы 25 и 26 настоящего издания).

Большинство собранных в этой книге эссе первоначально были опубликованы в *The Objectivist Newsletter*. Другие были созданы по материалам лекций или исследований, о чем указано в соответствующих текстах. Некоторые из статей содержат краткие возражения на наиболее распространенные заблуждения, касающиеся капиталистической экономики. Эти статьи, написанные в ответ на вопросы, задаваемые нашими читателями, были опубликованы в разделе «Интеллектуальное оружие» *The Objectivist Newsletter*. Интересующиеся политэкономией найдут в конце книги список литературы по данному вопросу.

Теперь - пара слов о тех, кто внес свой вклад в создание этой книги. Это Роберт Хессен, который в настоящее время заканчивает работу над диссертацией по истории в Колумбийском университете и преподает в бизнес-школе Колумбийского университета. Также упомяну Алана Гринспена - президента компании Townsend-Greenspan, и ряд экономических консультантов.

Айн Рэнд.

Нью-Йорк, июль 1966 г.

Р.С. Натаниэль Бранден больше не имеет ничего общего со мной, моей философией или журналом *The Objectivist Newsletter*.

А.Р.

Нью-Йорк, ноябрь 1970 г.

1. Что такое капитализм?

Айн Рэнд

Распад философии в XIX столетии и ее полный крах в XX веке повлекли за собой сходные, хотя гораздо более замедленные и не столь заметные со стороны, процессы в современной науке. Безумные темпы сегодняшнего технического прогресса чем-то неуловимо схожи с ситуацией накануне экономического кризиса 1929 года - собственной движущей силы эта безудержная горячая экспансия не имеет. Паразитируя на прошлом, на остатках бесстыдно присвоенной аристотелевской эпистемологии, она не желает осознать, что ее теоретический кредит давно превышен; что ученые больше не могут ни обобщать, ни интерпретировать на теоретическом уровне данные собственных исследований, а потому потворствуют возрождению дикарского мистицизма. В области гуманитарных наук, однако, кризис уже наступил, «Великая депрессия» началась, окончательный крах вот-вот наступит.

Особенно явственно это видно на примере таких относительно молодых наук, как психология и политическая экономия. Некоторые психологи пытаются изучать поведение человека, ни словом не упоминая о том, что человек обладает самосознанием, а некоторые политические экономисты - изучать и разрабатывать модели общественного устройства, ни словом не упоминая о *человеке вообще*.

Именно философия формулирует и диктует эпистемологические критерии и познания в целом и конкретных наук в частности. Политическая экономия выступила на первый план в XIX веке, в эпоху посткантианского распада философии, и никто не вызвался проверить ее предпосылки или оспорить ее основы. Негласно, по умолчанию политическая экономия приняла за аксиому догматы коллективизма.

По словам самих политических экономистов, включая приверженцев капитализма, их наука исследует, каким образом нация, или «сообщество», распоряжается или манипулирует своими «ресурсами», как эти ресурсы используются или упорядочиваются. Характер «ресурсов» не уточнялся; то, что они - в общественной собственности, считалось само собой разумеющимся, а задачу политической экономии видели в том, чтобы изучать способы их использования ради «общего блага».

В лучшем случае главному «ресурсу» - человеку, с его особой

природой, специфическими потребностями и способностями уделялось минимум внимания. Его рассматривали в общем ряду с землей, лесами или шахтами, как один из факторов производства, причем один из самых маловажных. Роли и свойствам человека посвящалось куда меньше исследований, чем значимости и свойствам вышеупомянутых элементов.

Политическая экономия как наука, по сути, поставила телегу впереди лошади; заметив, что люди занимаются производством и торговлей, она сочла - точнее, бездумно приняла на веру, - что люди занимались этим всегда и будут заниматься всегда. Исходя из этого, она задумалась, каким образом «сообщество» может лучше всего распорядиться человеческим фактором.

Такое первобытно-племенное отношение к человеку было вызвано к жизни рядом предпосылок - например, этикой альтруизма и растущим влиянием политического этатизма среди интеллектуалов XIX века. В психологическом плане его главной основой стала пронизывающая европейскую культуру дихотомия «дух/тело»: производство материальных благ считалось унижительным, нестоящим занятием, не дающим пищи для человеческого интеллекта, ведь оно с доисторических времен было уделом рабов или крепостных. Институт рабства в той или иной форме сохранялся вплоть до середины XIX века. Он был ликвидирован (но, заметьте, не как ментальная категория) лишь благодаря приходу капитализма.

Европейской культуре было глубоко чуждо представление о человеке как о свободной, независимой личности. То была племенная культура; в европейском понимании существо, единица - именно племя, а человек - лишь расходный материал, одна-единственная клетка большого организма. Это относилось и к крепостным, и к правителям; считалось, что правители обладают своими привилегиями лишь в силу того, что оказывают племени определенные услуги. Эти услуги - а конкретнее, забота об армии и вооруженной защите населения - считались «благородным делом», но дворянин был таким же движимым имуществом племени, как крепостной, ибо его жизнь и собственность принадлежали королю. Не будем забывать, что институт частной собственности в полном юридическом смысле этого термина возник лишь при капитализме. В докапиталистические времена частная собственность существовала де-факто, но не де-юре, то есть по обычаю и с молчаливого согласия, а не по праву или по закону. Юриспруденция и общие принципы устройства общества гласили: вся собственность принадлежит главе племени, королю, который дает разрешение ею владеть, но в любой момент, по своему усмотрению, может передумать. (Как известно из истории Европы, короли имели право

конфисковывать поместья непокорных дворян и многократно им пользовались.)

Европейские интеллектуалы так и не уяснили, что такое американская философия Прав Человека. В Европе возобладало свое понимание свободы: представление о человеке как о рабе абсолютистского государства, воплощенного в короле, сменилось представлением о человеке как о рабе абсолютистского государства, воплощенного в «народе», то есть иго вождя племени сменилось игом самого племени. Принять иное, далекое от племенного мировоззрение оказалось не под силу людям, для которых признак благородства - это привилегия командовать производителями материальных благ при помощи кнута.

Европейские мыслители не заметили, что в XIX веке на смену рабам-галерникам пришли изобретатели пароходов, а на смену деревенским кузнецам - владельцы доменных печей; они продолжали мыслить в таких терминах (точнее, оксюморонах), как «рабство наемного труда» или «антиобщественный эгоизм фабрикантов, которые так много берут у общества, ничего не отдавая взамен», исходя из принятой на веру аксиомы, что богатство - это анонимный, общественный, племенной продукт.

Эту концепцию никто не оспорил по сей день; она являет собой негласную предпосылку и основополагающий тезис современной политической экономии.

Как образец этой концепции и ее последствий я процитирую статью «Капитализм» из энциклопедии Britannica. Термина в статье не определяют; она начинается следующим образом:

«*Капитализм* - термин, используемый для обозначения экономического уклада, который стал господствующим в странах Запада после распада феодализма. Основой любого уклада, называемого капиталистическим, являются отношения между частными владельцами объектов вно существующих средств производства (земли, шахт, промышленных предприятий и т.п., обобщенно именуемых "капиталом") и свободными, но не имеющими капитала работниками, которые продают свою трудовую деятельность нанимателям... В результате заключается соглашение о заработной плате, определяющее, в какой пропорции валовой общественный продукт будет поделен между классом трудящихся и классом капиталистических предпринимателей»^[3].

(Процитирую слова Голта, персонажа моего романа «Атлант расправил плечи». Вот как он пересказывал догматы коллективизма: «Промышленник... - пробел - такого человека не существует. Завод - это

"естественный ресурс", как дерево, камень или грязевая лужа»^[4].)

Успех капитализма Britannica объясняет следующим образом:

«Вложение "излишков общественного богатства" в производство оказалось тем особым преимуществом, которое позволило капитализму превзойти все существовавшие ранее экономические уклады. Вместо того чтобы возводить пирамиды и соборы, лица, распоряжавшиеся общественными излишками, предпочитали вкладывать их в корабли, склады, сырье, промышленные товары и другие материальные разновидности богатства. Таким образом общественные излишки конвертировались в расширенные производственные возможности».

Это сказано о времени, когда население Европы прозябало в такой нищете, что детская смертность достигала чуть ли не 50%, а периодические неурожаи истребляли *«излишки людского богатства»*, то есть тех, кого не могли прокормить докапиталистические общества. Однако, не проводя различий между двумя разновидностями богатства - произведенным и экспроприированным в качестве налога, - энциклопедия утверждает, что первые капиталисты того времени *«распоряжались»* не чем иным, как *излишками богатства*, и что на их вложениях стоит последующая эпоха фантастического процветания.

Что же такое «излишки общественного богатства»? В данной статье этот термин никак не определяется и не поясняется. «Излишек» предполагает существование нормы; если хроническое недоедание приравнивается даже не к нормальному уровню жизни, а к благополучию, то какова же в таком случае норма? Автор статьи не дает ответа.

Разумеется, на самом деле никаких «общественных излишков» не бывает. Все богатство кем-то производится и кому-то принадлежит. «Особым преимуществом, которое позволило капитализму превзойти все существовавшие ранее экономические уклады», была *свобода* (отсутствие этого понятия в статье весьма симптоматично), повлекшая за собой не экспроприацию, а *создание* нового богатства.

Позднее я еще вернусь к этой статье, постыдной во многих отношениях, и не в последнюю очередь - с научной точки зрения. Пока же я процитировала ее как самый лаконичный и наглядный пример первобытно-племенной аксиомы, на которой зиждется современная политическая экономия. В эту аксиому равно веруют враги и поборники капитализма; первым она дарует что-то вроде внутренней цельности, вторых обезоруживает изысканно-интеллектуальным, но пагубным ореолом ханжества - возьмем, к примеру, попытки оправдать капитализм на основании таких понятий, как «общее благо», или «служение

потребителю», или «наилучшее распределение ресурсов» (*чьих, собственно, ресурсов?*).

Чтобы все-таки понять, что такое капитализм, надо проверить и оспорить *аксиому о племени как о минимальной единице социума*.

Человечество - не существо, не организм, не коралловый куст. Существо, занятое производством и торговлей, - *индивид*. Только с изучения индивида, а не того рыхлого целого, которое зовется «сообществом людей», должна начинаться любая гуманитарная наука.

Таково одно из эпистемологических различий между гуманитарными и точными науками, порождающих, среди прочего, тот вполне оправданный комплекс неполноценности, который испытывают гуманитарии. Ни одна точная наука не позволит себе (*пока еще не позволит*) игнорировать характер своего предмета или уходить от него. Иначе астрономия, созерцая небосвод, пренебрегала бы изучением отдельных звезд, планет и спутников, а медицина изучала бы болезни, ничего не зная о здоровье и его критериях, и основным предметом исследования считала бы больницу, не обращая внимания на отдельных пациентов.

Изучая человека, можно очень много узнать об обществе, но, изучая общество - взаимоотношения существ, остающихся для тебя неопознанными и неопределенными, - абсолютно ничего не узнаешь о человеке. Однако именно такой методологии придерживается большинство политических экономистов. Их подход на деле сводится к тайному, негласному постулату: «Человек - это элемент экономических формул». Поскольку человек в эти формулы явно не вписывается, возникает занятная ситуация: политические экономисты, несмотря на прикладной характер своей науки, совершенно не способны увязывать свои абстракции с реальной действительностью.

Кроме того, это ведет к пагубному двойному стандарту в их отношении к людям и событиям. Если они увидят сапожника, то без особых умственных усилий придут к выводу, что он трудится ради заработка; но как политические экономисты, основываясь на племенной аксиоме, заявляют, что его предназначение (и долг) - снабжать общество обувью. Увидев уличного попрошайку, они опознают в нем бродягу; в науке же он становится «независимым потребителем». Услышав коммунистическую проповедь, требующую передать всю собственность государству, они категорически протестуют и *искренне* готовы бороться с коммунизмом до последнего вздоха; но как ученые толкуют о том, что долг правительства - обеспечить «справедливое перераспределение богатства»,

а бизнесменов называют лучшими, наиболее умелыми попечителями «природных ресурсов нации».

Вот до чего может довести философская неряшливость; вот до чего довела первобытно-племенная аксиома.

Чтобы отринуть ее и начать с нуля, сопоставляя различные общественные уклады и вырабатывая собственный подход к политической экономии, прежде всего следует выяснить природу человека, то есть основные признаки, отличающие его от всех других видов живых существ.

Основная черта человека - его способность к разумному мышлению. Для человека интеллект - главное средство выживания.

«Человек не может выжить, подобно животным, с помощью одной лишь способности к восприятию... Без мышления человек не может обеспечить свои простейшие физиологические потребности. Чтобы узнать, как посадить и вырастить съедобные растения или как изготовить оружие для охоты, ему необходимо мыслить. Его восприятие может привести его в пещеру, если она имеется, но для постройки простейшего убежища ему необходимо мыслить. Никакие образы и никакие "инстинкты" не скажут ему, как развести огонь, как получить ткань для одежды, как выковать инструменты, как сделать колесо, как построить самолет, как вырезать аппендикс, как изготовить лампочку, электронно-лучевую трубку, циклотрон или коробок спичек. Но его жизнь зависит от этих знаний, а дать ему их может только произвольный акт его сознания, процесс мышления»^[5].

Мышление - невероятно сложный процесс идентификации и интеграции, доступный только сознанию индивида. «Коллективного мозга» просто нет. Люди могут учиться друг у друга, но это требует мыслительных усилий каждого ученика. Люди могут объединять свои силы, чтобы приобрести новые знания, но объединение это требует, чтобы каждый думал самостоятельно. Человек - единственный биологический вид, который способен передавать и расширять свой запас познаний от поколения к поколению; но эта передача требует мыслительных усилий со стороны каждого получателя. Тому порукой периоды упадка цивилизации, темные века в истории нашего прогресса, когда знания, накапливаемые столетиями, буквально испарялись из жизни людей, которые не могли, не желали или не смели мыслить.

Чтобы поддерживать в себе жизнь, существо любого биологического вида должно осуществлять четкую программу, предопределенную его природой. Деятельность, необходимая для поддержания жизни в человеке, преимущественно интеллектуальна: все, что человеку нужно, он должен

изобрести с помощью разума и произвести с участием мыслительных усилий. Производство - это приложение разума к проблеме выживания.

Те, кто предпочитает не мыслить, могут выжить, лишь подражая и следуя методам работы, изобретенным кем-то другим; но «другие» должны были их изобрести, иначе не выживет никто. Те, кто предпочитает не мыслить и не работать, могут существовать (временно), воруя то, что произвел кто-то другой; но «другие» должны производить, иначе не выживет никто. Какой бы выбор ни сделал конкретный человек или какое-то множество людей (можно предпочесть бездумные, иррациональные или подлые поступки), остается фактом, что разум - средство выживания человека и что люди обогащаются или разоряются, выживают или гибнут в зависимости от того, насколько они разумны.

Знание, мышление и разумные действия - свойства индивида, и сам индивид решает, будет ли он пользоваться своей способностью к разумному мышлению, а значит, выживание человечества требует, чтобы мыслящие люди были защищены от тех, кто не мыслит. Поскольку люди не всеведущи и не идеальны, они должны иметь возможность и право соглашаться или не соглашаться, сотрудничать с другими или действовать независимо, по-своему, в соответствии со своим личным мнением, сформированным в результате умственной деятельности. Свобода - основная потребность человеческого разума.

Мозг разумного человека не заставишь работать насильно. Свою оценку реальности он не подчиняет приказам, директивам или контролю; своими познаниями, своим пониманием истины он не жертвует в пользу чьих бы то ни было мнений, угроз, желаний, планов или «благополучия». Ему могут чинить препятствия другие, его могут выслать, посадить в тюрьму или убить; но принуждение над ним не властно, ведь револьвер - не довод. (Пример и символ этого - Галилей.)

Всеми своими познаниями и достижениями человечество обязано труду и непоколебимой цельности упорных новаторов (см. роман «Источник»^[6]). Если бы не эти умы, оно давно бы вымерло (см. «Атлант расправил плечи»). Принцип этот распространяется на всех людей, каковы бы ни были их способности и стремления. Если человек разумно оценивает ситуацию, он действует согласно потребностям своей природы и обеспечивает себе сносную, человеческую жизнь. Если он действует неразумно, то сам себя губит.

То, что разумность присуща человеку от природы, как и прямая связь между применением разума и выживанием, признано обществом в форме такого понятия, как «права личности».

Напомню, что «права» - это этический принцип, определяющий и санкционирующий свободу действий человека в его социальном окружении. Их основание - природа человека, его принадлежность к разумным существам; наконец, они - необходимое условие его выживания. Напомню и о том, что право на жизнь - начало всех прав, включая право собственности^[7].

Говоря о политической экономии, последний вид права нужно подчеркнуть особо; чтобы поддерживать в себе жизнь, человек должен работать и что-то производить. Он должен поддерживать ее своими собственными силами, руководствуясь указаниями собственного разума. Если он не может распоряжаться плодами своих усилий, то не может распоряжаться и своими усилиями; если он не может распоряжаться своими усилиями, то не может распоряжаться и своей жизнью. Без права собственности никакими другими правами воспользоваться невозможно.

Теперь, учитывая вышеизложенные факты, рассмотрим вопрос о том, какой общественный уклад действительно соответствует природе человека.

Общественный уклад - это комплекс этико-политико-экономических принципов, воплощенных в законах, институтах и исполнительной власти некоего социума и предопределяющих условия сотрудничества между людьми, живущими в пределах определенной географической области. Совершенно очевидно, что эти условия зависят от понимания природы человека; в обществе разумных существ они будут не такими, как в муравейнике. Очевидно и то, что эти отношения будут кардинально различаться в зависимости от того, взаимодействуют ли люди между собой как свободные, независимые личности, считающие, что всякий человек самоценен, или же как члены одной стаи, где всякий видит в других лишь слепые орудия достижения своих *личных* целей, а также целей «стаи вообще».

Природу любого общественного уклада предопределяют всего два основных вопроса (или два аспекта одного и того же вопроса): «Признает ли этот общественный уклад права личности?» и «Запрещает ли этот общественный уклад применять физическую силу при взаимодействии людей между собой?». Ответ на второй вопрос проясняет, решен ли вопрос первый.

Что такое человек - самостоятельная личность, которой принадлежат ее тело и разум, ее жизнь, ее труд и его плоды, или собственность племени (государства, общества, коллектива), которое может распоряжаться им по своему усмотрению, диктовать ему убеждения, предопределять его жизненный путь, управлять его трудом и присваивать то, что он

производит? Есть ли у человека *право* существовать ради самого себя, или он рождается рабом, словно крепостной, который должен все время выкупать свою жизнь, служа обществу, но никогда не получит ее безоговорочно и безвозмездно?

С вопроса «Свободен ли человек?» следует начать. Все прочие - лишь его следствия. За всю историю человечества лишь один общественный уклад отвечает на него утвердительно. Это капитализм.

Капитализм - это общественный уклад, основанный на признании прав личности, в том числе права собственности, и предполагающий, что вся собственность находится в руках частных лиц.

Признание прав личности включает в себя запрет на применение физической силы при взаимодействиях между людьми. В капиталистическом обществе ни один человек или группа людей не вправе применять физическую силу против других *первыми*. В таком обществе единственная функция исполнительной власти - меры по защите прав человека, то есть по защите его от физических посягательств; человек перепоручает власти осуществлять его право на самозащиту, и власть должна использовать силу только в качестве карательной меры и только против тех, кто применяет ее первыми; итак, исполнительная власть - это средство поставить карательные силовые меры под *беспристрастный контроль*.^[8]

Капитализм утверждает и защищает не что иное, как основополагающую, метафизическую составляющую природы человека, связь между применением разума и выживанием.

В капиталистическом обществе все человеческие взаимоотношения *добровольны*. Люди вольны сотрудничать между собой или не сотрудничать, заключать сделки или не заключать в соответствии с тем, что диктуют им личные мнения, убеждения и интересы. Они могут взаимодействовать между собой только на разумных условиях и разумными средствами, то есть средствами обсуждения, убеждения и *договорных* соглашений, добровольного выбора на условиях взаимной выгоды. Ни одно общество не отказывает своим членам в праве на согласие с другими; различаются социальные системы наличием либо отсутствием *права на несогласие*. Именно институт частной собственности защищает и практически осуществляет это право, тем самым уничтожая препятствия для проявления самого ценного человеческого качества (ценного не только для него лично, но и для общества, *объективно ценного*) - способности мыслить творчески.

В этом и состоит кардинальное различие между капитализмом и

коллективизмом.

Сила, предопределяющая возникновение, изменения, эволюцию и разрушение общественного уклада, - философия. Роль случая, стечения обстоятельств и традиции в данном контексте такова же, как и в жизни отдельного человека; их могущество обратно пропорционально могуществу философского арсенала культуры (или отдельного человека) и растет по мере того, как философия приходит в упадок. Поэтому о характере общественного уклада следует судить по его философии. Четверем разделам философии соответствуют четыре краеугольных камня капитализма: в метафизическом плане - потребности человеческой натуры и выживания, в эпистемологическом - разумность, в этическом - права личности, в политическом - свобода.

Без этих оснований мы не истолкуем правильно политическую экономию и не поймем, чем капитализм лучше первобытно-племенного строя.

«Практическое» оправдание капитализма заключается не в том, что этот уклад обеспечивает «наилучшее распределение ресурсов нации», как думают некоторые коллективисты. Человек и его разум - *отнюдь не* «ресурсы нации», а без творческой мощи нашего разума сырье остается лишь сырьем.

Нравственное оправдание капитализма - вовсе не в том, что он помогает достигнуть «общего блага», как сказали бы альтруисты. Правда, капитализм и впрямь его обеспечивает (если затертое выражение «общее благо» вообще что-то значит), но это лишь побочное следствие. Нравственное оправдание капитализма в том, что это единственный уклад, созвучный природной разумности человека, гарантирующий человеку *человеческое* существование и руководимый принципом *справедливости*.

Всякий общественный уклад явно или скрыто зиждется на некоей этической теории. Племенное понятие «общего блага» служило нравственным оправданием большинства известных истории общественных укладов и всех тираний. Степень поработченности или свободы того или иного общества соответствовала тому, насколько громко провозглашали (или, напротив, решительно обходили) этот первобытно-племенной лозунг.

«Общее благо» (или «интересы общества») - понятие неопределенное и неопределимое: такого существа, как «племя», или «общество», на свете нет. «Племя» (или «общество», или «народ») - это лишь множество отдельных людей. Нет ни одного блага, которое было бы благом для племени вообще. Термины «благо» и «ценность» относятся только к

живому организму, взятому по отдельности, а не к бесплотной совокупности взаимоотношений.

Понятие «общее благо» не имеет никакого смысла, кроме буквального, узкого: «совокупность того, что хорошо для *всех* отдельных людей». Но в таком случае оно не может служить нравственным критерием, поскольку не проясняет, что именно хорошо для них и как это «хорошо» распознать.

Однако такое понятие обычно используется не в своем буквальном значении. С ним мирятся именно благодаря его растяжимости, неопределенности. Это не нравственный ориентир; наоборот, оно помогает уйти от нравственности. Поскольку понятие «благо» нельзя применить по отношению к чему-то бесплотному, оно дает нравственный карт-бланш тем, кто пытается представить себя его воплощением.

Когда в некоем социуме считают, что «общее благо» не совпадает с личным благом его членов и, более того, стоит выше личного блага, это значит, что благо *одних* ставится выше блага *других*, а этих *других* обрекают на роль жертвенных животных. Тут действует молчаливая договоренность, что под «общим благом» предполагается «благо *большинства*», противопоставляемое благу меньшинства или индивида. Обратите внимание, что эта договоренность *молчаливая*: даже сверхколлективистское мышление словно бы чувствует, что невозможно ее нравственно оправдать. Но «благо большинства» - тоже иллюзия. Поскольку на деле попрание прав личности отменяет все права, это общество, которое руководствуется подобной идеей, отдает беспомощное большинство во власть любой банды, которая провозгласит себя «гласом народа» и начнет управлять страной силовыми методами, пока ее не сместит другая банда.

Если начать выяснять, в чем состоит благо для индивида, то придется признать справедливым лишь то общество, где это благо осуществляется и *осуществимо*. Но если считать «общее благо» чем-то бесспорным, а благо личное - лишь его возможным, но отнюдь не обязательным следствием (не обязательным при каких бы то ни было конкретных условиях), получится отвратительный абсурд вроде Советской России - государства, декларирующего служение «общему благу», где все население, кроме немногочисленной правительственной клики, прозябает в нечеловеческой нищете уже как минимум два поколения.

Почему жертвы и, что еще ужаснее, сторонние наблюдатели мирятся с мерзостями, реальность которых вполне доказана, и продолжают держаться за миф об «общем благе»? За ответом следует обратиться к

философским теориям о природе нравственных ценностей.

Можно выделить три интерпретации вопроса о природе блага: теорию «блага-в-себе» («внутреннего блага»), субъективистскую и объективистскую.

Теория «блага-в-себе» гласит, что благо неотъемлемо присуще некоторым объектам или поступкам как таковым, независимо от их контекста и последствий, от того, полезны они или вредны для лиц, совершающих данные действия, и лиц, на которых эти действия направлены. Эта теория отделяет понятие «блага» от «облагодетельствованных», а понятие «ценность» - от цели и «оценщика», утверждая тем самым, что благо есть «благо-в-себе», «для-себя» и «само-по-себе».

Субъективистская теория гласит, что благо никак не связано с реальной действительностью. Оно - продукт человеческого сознания, порождаемый его чувствами, желаниями, «интуитивными догадками» или капризами, то есть всего лишь «произвольный постулат» или «эмоциональное обязательство».

Теория «блага-в-себе» утверждает, что благо в том или ином смысле локализуется в реальности и не зависит от нашего сознания; субъективистская теория утверждает, что благо локализуется в сознании и никак не связано с реальностью.

Объективистская теория гласит, что благо - отнюдь не характеристика «вещей-в-себе» или эмоциональных состояний, но оценка реальной действительности человеческим сознанием в соответствии с рациональными ценностными критериями. (В данном контексте «рациональный» означает «почерпнутый из реальной действительности и проверенный средствами рационального мышления»). Теория эта утверждает, что благо - один из аспектов действительности, взятой в ее соотношении с человеком, и что человек должен не выдумать благо, а отыскать его. Для объективистской теории ценностей основополагающий вопрос - ценно для кого и ради чего? Она не позволяет «воровать» понятия или выдергивать их из контекста; она не разрешает отделять «ценность» от «предназначения», благо - от его получателей, действия - от разума.

Из всех общественных укладов, которые знала история человечества, только капитализм основан на объективистской теории ценностей.

Субъективистская теория и теория «блага-в-себе» (либо их помесь) являются необходимым фундаментом диктатуры и тирании, любой разновидности абсолютистского государства. Неважно, осознанны эти теории или нет, излагаются ли они открыто в философском трактате или

маячат смутными отголосками этого трактата в хаотическом сознании простого человека; главное - они позволяют людям верить, что благо не зависит от человеческого сознания и может быть отвоевано силой.

Если человек убежден, что благо неотъемлемо присуще определенным действиям, он непременно принудит к этим действиям других людей. Если он убежден, что полезность или пагубность этих действий для других учитывать не стоит, он спокойно прольет целое море крови. Если он считает, что люди, которых он стремится осчастливить, сами по себе ничего не значат (или их легко заменить), он сочтет массовое истребление людей своим нравственным долгом во имя «высшего» блага. Именно теория «блага-в-себе» порождает Робеспьеров, Лениных, Сталиных и Гитлеров. Эйхман не случайно был кантианцем.

Если человек полагает, что благо - дело произвольного, субъективного выбора, выбор между добром и злом сводится для него к вопросу: «Что важнее - мои переживания или чужие?» Понимание другого, общение, мостик между сердцами - все это для него в принципе невозможно. Разум - единственное средство общения между людьми, а объективно воспринимаемая действительность - их единственный общий критерий. Когда в сфере нравственности все это отменяется (то есть объявляется ничего не значащим), единственным способом взаимодействия людей становится принуждение. Если субъективист желает достигнуть сугубо личного социального идеала, он ощущает в себе нравственное право принуждать других «ради их собственной пользы» - ведь он *чувствует*, что прав и давно бы привел всех к счастью, если бы они отринули свои заблуждения и признали его правоту.

Итак, на практике сторонники двух школ - субъективизма и «блага-в-себе» - сходятся в одной точке. (Едины они и в своей психоэпистемологии: адепты «блага-в-себе» обнаруживают свое трансцендентальное благо не посредством особых, иррациональных, интуитивных догадок и откровений, то есть доверяясь субъективным ощущениям.) Сомневаюсь, что хоть один реальный человек, даже по недомыслию, мог бы всерьез уверовать в какую-либо из этих двух теорий. Но обе они оправдывают власть силы и помешательство на могуществе, дают волю потенциальному диктатору и разоряют его жертв.

Объективистская теория ценностей - единственная этическая теория, несовместимая с властью силы. Капитализм - единственный общественный уклад, опирающийся, пусть и неявно, на объективистскую теорию ценностей. Эту его особенность никогда не провозглашали открыто, что имело трагические последствия для человечества.

Зная, что благо существует *объективно* (иными словами, его определяет природа реальности, но обнаружить должен человеческий разум), понимаешь, что любая попытка отвоевать благо физической силой - чудовищное противоречие, которое подрывает самые корни нравственности, лишая человека способности распознавать благо, то есть способности к суждениям. Сила оттесняет на задний план и парализует оценочную способность человека, требуя, чтобы он поступал вопреки этой способности, и тем самым обрекая его на нравственное бессилие. Будет ли кто-нибудь дорожить ценностью, ради признания которой человека вынуждают поступиться собственным разумом? Люди, отупевшие поневоле, не могут иметь мнений, делать выбор, судить о чем бы то ни было. Пытаясь отвоевать благо силой, мы как бы ставим кому-то условие: «Если ты позволишь выколоть себе глаза, то получишь за это коллекцию картин». Ценности не могут существовать (их нельзя оценить) вне полного контекста жизни, нужд, целей и *познаний* отдельного человека.

Объективистский взгляд на ценности понижает всю структуру капиталистического общества.

Признание прав личности предполагает признание того, что благо - это не какая-то невыразимая абстракция, принадлежащая к некоему сверхъестественному плану бытия, но часть реальности, земного мира, жизни конкретных людей (вспомним о праве на стремление к счастью^[9]). Права личности предполагают, что благо нельзя отделять от его получателей, а людей - считать восполняемым ресурсом, и что ни один человек и ни одно племя не вправе жертвовать одними людьми ради попыток осчастливить других.

Свободный рынок - это *социальный* результат приложения объективистской теории ценностей к практической жизни. Поскольку человек должен открыть для себя ценности посредством разума, он должен быть свободен, то есть иметь возможность свободно мыслить, исследовать, облекать свои знания в материальную форму, выставлять плоды работы на продажу, оценивать их и выбирать материальные блага или идеи, хлеб или философский трактат. Поскольку ценности познаются и обосновываются в контексте, всякий человек должен вырабатывать свое мнение сам, в контексте своих личных познаний, целей и интересов. Поскольку ценности детерминированы реальностью, именно реальность служит для человека высшим арбитром - если суждение человека верно, оно вознаграждается, если же оно ошибочно, то не приносит вреда никому, кроме него самого.

Различия между тремя подходами к ценности особенно важно уяснить в том, что касается свободного рынка. Рыночная цена товара - это не его

внутренняя, помещенная в вакуум ценность или стоимость, не «стоимость-в-себе». Свободный рынок никогда не забывает спросить: «Для кого это ценно?», «С чьей точки зрения стоимость такова?» И в широком плане объективного отношения к реальности рыночная цена товара отражает лишь его *социально объективную*, а не *философски объективную* ценность.

Под «философски объективной» я понимаю ценность, устанавливаемую по принципу «наилучшее из возможного для человека», то есть по оценке наиболее рационально мыслящего ума, обладающего максимумом познаний. При этом оценка выносится в отношении конкретной категории явлений в конкретный период и в конкретном контексте (в неопределенном контексте вообще ничего оценивать нельзя). Например, можно логично обосновать, что с *объективной точки зрения* самолет для человека (*для человека в идеале*) несравнимо ценнее, чем велосипед, а книги Виктора Гюго с *объективной точки зрения* несравнимо ценнее, чем бульварная пресса. Но если для данного конкретного человека, при его умственных способностях, бульварная пресса - предел интеллектуального напряжения, то ему нет никакого резона тратить свой мизерный заработок, плоды своих усилий, на оплату книг, которые он не может прочесть, или на субсидирование авиапромышленности, если его потребности вполне удовлетворяет незамысловатый велосипед. (Однако нет причин насильно удерживать все остальное человечество на уровне подобных вкусов, технического развития и доходов. Ценности нельзя ни навязать правительственной директивой, ни утвердить путем голосования.)

Точно так же, как количество сторонников еще не доказывает истинность или ложность некой идеи, гениальность или бездарность произведения искусства, достоинства или недостатки вещи, так и свободная рыночная цена товаров или услуг не обязательно отражает их философски объективную ценность и стоимость. В этом смысле речь может идти только об их *социально объективной* ценности, то есть совокупности индивидуальных суждений всех лиц, участвующих в торговле; совокупности того, что *они сочли* ценным, исходя из контекста своей собственной жизни.

Именно поэтому производитель губной помады, возможно, разбогатеет куда быстрее производителя микроскопов, хотя, как доказывает логика, с научной точки зрения микроскопы гораздо ценнее помады. Ценнее - но для кого?

С точки зрения скромной стенографистки, едва сводящей концы с концами, ценность микроскопа равна нулю. Зато помада может дать ей уверенность в себе (в противоположность сомнениям), яркую жизнь (в

противоположность скучной работе).

Однако это не означает, что свободным рынком управляют *субъективные* ценности. Если стенографистка истратит все деньги на косметику и ей нечем будет заплатить за «аренду» микроскопа *тогда, когда он ей понадобится* (скажем, для проведения анализов при попадании в больницу), она научится эффективнее распоряжаться своими доходами; свободный рынок преподаст ей урок, и она не сможет наказывать других за свои ошибки. Если она как следует продумает свой бюджет, у нее всегда будет возможность воспользоваться микроскопом *для своих конкретных нужд*; стенографистку не облагают налогами на содержание целой больницы, научно-исследовательской лаборатории или полет космического корабля. В меру своих способностей к производству она все равно возмещает некую долю расходов на научный прогресс *тогда и в той степени, в какой она в нем нуждается*. У нее нет «долга перед обществом». Она несет ответственность только за собственную жизнь. Капиталистический уклад требует от нее только того, чего требует и *природа* - быть разумным существом, жить и поступать так, как кажется лучше ей самой.

Во всякой категории товаров и услуг, предлагаемых на свободном рынке, именно тот, кто предлагает самый лучший продукт по самой низкой цене, получает *в своей отрасли* самое высокое денежное вознаграждение, не автоматически, не моментально, не по правительственному указу, но благодаря природе свободного рынка, приучающего всех участников добиваться *объективно* лучшего в области их компетенции и наказывающего тех, кто руководствуется неразумными соображениями.

Заметьте в связи с этим, что свободный рынок не нивелирует людей, сводя их к некоему общему знаменателю, - ведь в свободном обществе интеллектуальные критерии большинства не руководят свободным рынком, - и что выдающиеся люди, новаторы, гиганты мысли обязаны подлаживаться под большинство. Именно это меньшинство исключительных людей поднимает все свободное общество до уровня своих достижений, а само продолжает штурмовать все новые и новые высоты.

Свободный рынок - это *непрерывный*, неудержимый никакими силами процесс, стремление ввысь, требующее полной самоотдачи (максимально разумных действий) от всякого человека и соответственно вознаграждающее его. Пока большинство только-только усваивает преимущества автомобиля, творчески мыслящее меньшинство уже внедряет в жизнь самолеты. Большинство учится, наблюдая за другими;

меньшинство вольно подавать ему пример, демонстрируя наглядные плоды своих идей. «Философски объективная» ценность нового продукта просвещает тех, кто желает использовать свой интеллектуальный потенциал, каждого - в меру его способностей. Те, кому этого делать не хочется, а также те, у кого больше претензий, чем способностей, остаются без вознаграждения. Субъективисты, косные люди или те, кто не способен к рациональному мышлению, не властны препятствовать тем, кто их превосходит.

(Немногочисленное меньшинство тех взрослых людей, которые, в отличие от не желающих трудиться, *действительно не работать* не могут, должно полагаться на добровольные благотворительные пожертвования. Несчастье - еще не повод обрекать других на рабский труд. Человек не имеет никаких *прав* командовать теми, без кого он не в состоянии выжить, истощать их и истреблять. Что до экономических кризисов и массовой безработицы, то их причина - не механизмы свободного рынка, а вмешательство государства в экономику.)

Эпигоны, паразитирующие на чужих умах, - подражатели, пытающиеся в меру своего понимания удовлетворить уже известные вкусы потребителей, - постоянно отстают от новаторов, чья продукция поднимает познания и вкусы потребителей на еще более высокий уровень. В этом смысле можно сказать, что свободным рынком правит не потребитель, а производитель. Самого большого успеха добиваются первооткрыватели новых отраслей производства, отраслей, о которых никто и не думал.

Вполне возможно, что некий продукт - в особенности радикально-новаторский - далеко не сразу оценят по достоинству; но за немногими, чисто случайными, исключениями история все ставит на свои места. В этом смысле можно сказать, что свободным рынком правят не интеллектуальные критерии большинства - они берут верх лишь на время, лишь в определенные моменты; свободным рынком правят те, кто в состоянии заглядывать в будущее и планировать загодя. А чем мощнее интеллект, тем он дальновиднее.

Экономическая стоимость чьего-то труда определяется на свободном рынке по одному-единственному принципу - в соответствии с тем, много ли своего труда или своей продукции добровольно согласны отдать за него другие люди. Таково этическое значение закона спроса и предложения, отражающее решительный отказ от двух пагубных доктрин - первобытно-племенной аксиомы и альтруизма. Тем самым признается, что человек - не собственность и не слуга племени; он *работает, чтобы поддерживать в себе жизнь*, как и должен делать по своей природе, и поневоле

руководствуется своей корыстью в ее разумном понимании. Если же он хочет вступать с другими в отношения обмена, то не должен рассчитывать на ритуальные жертвы, то есть надеяться, что получит нечто ценное, не отдавая взамен какого-то эквивалента. В данном контексте единственный критерий эквивалентности ценностей - свободное, добровольное, вынесенное без принуждения извне суждение участников обмена.

Люди с племенным менталитетом критикуют этот принцип с двух разных и, казалось бы, взаимоисключающих позиций; они утверждают, что свободный рынок «несправедлив» и к гению, и к среднему человеку. Первое возражение обычно формулируется так: «Почему Элвис Пресли должен зарабатывать больше, чем Эйнштейн?» Ответ таков: потому что люди работают, чтобы поддерживать в себе жизнь и наслаждаться ею, и все те, кто высоко ценит Элвиса Пресли, вправе тратить собственные деньги на то, чтобы себя порадовать. Пресли не отбирает денег насильно ни у тех, кто равнодушен к его творчеству (например, у меня), ни у Эйнштейна, он вообще не конкурирует с великим физиком. Да и Эйнштейн в свободном обществе обрел достаточное признание и финансовую поддержку тех, кто находится на соответствующем интеллектуальном уровне.

Что до второго возражения, будто на свободном рынке человек средних способностей находится в «несправедливо» невыгодном положении, приведу такие слова:

«Взгляните шире, вы, кричащие, что боитесь конкуренции с людьми более высокого ума, что их разум представляет собой угрозу для ваших доходов, что сильные не оставляют шанса слабым на рынке свободной торговли... Но если вы живете в разумном обществе, где люди вольны торговать, вы получаете громадное преимущество: материальная ценность вашей работы определяется не только вашими усилиями, но и усилиями лучших созидательных умов в окружающем вас мире... Машина, застывшая форма живого разума, представляет собой силу, которая расширяет потенциал вашей жизни, повышая продуктивность вашего времени. Если бы вы работали кузнецом в средние века, ваш потенциальный доход состоял бы из железного бруса, выкованного вашими руками за несколько дней работы...

Каждый волен подниматься так высоко, как хочет или может, но только уровень его мышления определяет ту ступень, на которую он перейдет. Физический труд как таковой не может выходить за пределы настоящего. Человек, занятый только физическим трудом, потребляет материальные ценности, эквивалентные своему вкладу в процесс

производства, и не оставляет дополнительных ценностей ни для себя, ни для других. Но человек, создающий идею в любой сфере работы разума, открывающий новое знание, - вечный благодетель человечества. Материальные изделия делить невозможно, они принадлежат конечному потребителю; только ценность идеи можно разделить с неограниченным количеством людей, сделав всех богаче без чьей-либо жертвы или утраты, повысив продуктивную способность выполняемой ими работы...

В пропорции к затраченной умственной энергии человек, создавший новое изобретение, получает лишь ничтожный процент своей ценности в виде материального вознаграждения, какое бы состояние он ни наживал, какие бы миллионы ни зарабатывал. Но человек, работающий уборщиком на заводе, производящем это изобретение, получает громадную плату в пропорции к умственным усилиям, которых требует его работа. И то же самое можно сказать обо всех людях на всех уровнях способностей. Человек на вершине пирамиды интеллекта дает очень много тем, кто находится ниже, но получает только материальное вознаграждение, ему нет никаких интеллектуальных выгод от остальных. Но тот, кто находится внизу, будучи предоставлен сам себе, голодал бы в своей безнадежной неспособности. Он не дает ничего тем, кто над ним, но получает выгоду от их интеллекта. Такова природа "конкуренции" между сильными и слабыми в сфере интеллекта. Такова суть "эксплуатации", за которую вы нас осуждали»^[10].

Вот какое отношение имеет капитализм к нашему разуму и к нашему выживанию.

Чудесные успехи, которых капитализм достиг за тот недолгий срок, во время которого фантастически улучшились условия человеческого существования на Земле, уже стали фактом истории. Все потуги антикапиталистической пропаганды не в силах скрыть их, перетолковать или обойти молчанием. А главное, их не пришлось оплачивать жертвоприношениями.

Искусственные лишения, выколачивание «общественных излишков» из голодающих жертв, не могут привести к прогрессу. Прогресс опирается лишь на *личные излишки*, то есть на труд, энергию, творческую неумность тех людей, чьи таланты производят больше, чем требуется для их личного потребления, тех, кто достаточно умен и достаточно богат, чтобы позволить себе усовершенствовать известное и искать чего-то нового, словом - двигаться вперед. В капиталистическом обществе, где такие люди вольны действовать на свой страх и риск, прогресс не требует жертвовать собой во имя гипотетического и отдаленного будущего; он неотъемлем от

настоящего, естествен и нормален. Прогресс идет своим чередом, а люди меж тем живут - и *наслаждаются* - своей обычной жизнью.

Теперь рассмотрим альтернативу - общественное устройство по племенному образцу, где все люди «бросают» свои усилия, ценности, устремления и жизненные цели в фонд племени, в общий котел, а потом с голодными глазами балансируют на его краю, пока главарь поварской клики помешивает в котле штыком, держа в другой руке право на жизнь всех этих людей. Самый яркий пример такого общественного устройства - Союз Советских Социалистических Республик.

Полвека назад советские правители приказывали своим подданным терпеть, мириться с лишениями и жертвовать собой во имя «индустриализации» страны, обещая, что все это - лишь временные явления, что индустриализация принесет изобилие и Советская Россия перегонит капиталистический Запад.

Сегодня Советская Россия по-прежнему не может прокормить свой народ, а правители из кожи вон лезут, пытаясь скопировать, позаимствовать или украсть западные технические достижения. Однако индустриализация - это не статичная цель, а динамичный процесс, в котором любые достижения быстро устаревают. Злосчастные рабы плановой экономики раньше затягивали пояса в ожидании тракторов и электрогенераторов, а теперь затягивают пояса в ожидании атомной энергии и межпланетных перелетов. Таким образом, «при народной власти» научный прогресс опасен для жизни людей, и за всякое его достижение заплачено ценой нещадных поборов с населения.

В истории капитализма ничего подобного не было и нет.

Своим изобилием Америка обязана не самопожертвованию народа во имя «общего блага», а гениальности свободных производителей, заботившихся о своих личных интересах и своих личных капиталах. Они не «покупали» индустриализацию ценой массового голода. Они обеспечивали людям хорошую, лучше прежней работу, рост оплаты и снижение цен на товары; все это прилагалось к каждой новой машине, которую они изобретали, к каждому новому научному открытию или техническому достижению. Страна продвигалась вперед не ценой мучительных усилий, а извлекая из каждого шага пользу для себя.

Остерегайтесь, однако, менять местами причину и следствие: эта деятельность шла стране на благо именно потому, что это благо никому не навязывалось в качестве нравственного долга или цели. Оно было следствием, причиной же стало право человека стремиться к тому, что хорошо для него лично. Именно это право, а не его следствия, можно

считать, и является нравственным оправданием капитализма.

Право это несовместимо ни с субъективистской интерпретацией ценностей, ни с теорией «блага-в-себе», ни с этикой альтруизма, ни с племенной аксиомой. Легко догадаться, от какого человеческого качества мы отказываемся, отринув объективность; исходя из исторического «послужного списка» капитализма, легко догадаться и о том, против какого человеческого качества выступают этика альтруизма и племенная аксиома - против разума.

Альтруизм стремится оставить интеллект без вознаграждения, утверждая, что нравственный долг умелых - служить неумелым и жертвовать собой ради нужд всякого встречного. Племенная аксиома идет еще дальше: она вообще отрицает существование интеллекта и его роль в производстве богатств.

Считать богатство анонимным, общеплеменным продуктом и толковать о его «перераспределении» - аморально почти до неприличия. Взгляд на богатство как на результат некоего недифференцированного, коллективного процесса деятельности (все мы что-то делали, но конкретный вклад каждого вычленить невозможно, а потому нужно что-то вроде уравнительного «распределения») был бы уместен где-нибудь в первозданных джунглях, где орда дикарей, полагаясь только на собственную физическую силу, передвигала огромные камни, хотя даже там кто-то должен был выдумать, как лучше переместить камень и организовать работу. Придерживаться такого взгляда в индустриальном обществе, где личные достижения документально фиксируются и становятся известны всем, это такое насилие над истиной, что о нем неприлично помыслить даже гипотетически.

Любой, кому доводилось выступать в роли нанимателя или наемного работника, видеть людей за работой или самому честно отработать хоть один день, знает, какое решающее значение имеют талант, разум, умственные способности, интеллектуальная самоотдача во всех без исключения профессиях, от самого верха до самого низа служебной лестницы. Он знает, что способности или их отсутствие (как объективное отсутствие, так и сознательное нежелание их развивать) могут спасти или обречь на неудачу любую производственную операцию. Фактические доказательства этого тезиса настолько неопровержимы - в теории и на практике, логически и «эмпирически», на материале исторических событий и на личном опыте всякой «рабочей лошадки», - что никто не вправе отговариваться их незнанием. По недомыслию таких колоссальных ошибок не совершают.

Когда великие фабриканты делали деньги на *свободном* рынке (то есть не прибегая к принуждению, обходясь без поддержки или вмешательства властей), они *созидали* новое богатство, а не отнимали его у тех, кто его *не созидал*. Если вы в этом сомневаетесь, поинтересуйтесь показателями «валового национального продукта» - и уровнем жизни - в странах, где таким созидателям богатства не позволено даже существовать.

Обратите внимание, как редко и неадекватно анализируется в трудах теоретиков этатизма-альтруизма-дикарства проблема человеческого интеллекта. Обратите внимание, как старательно современные поборники смешанной экономики, говоря о политической экономии, избегают даже упоминать об интеллекте или способностях, то есть ратуют за расхищение «валового национального продукта».

Часто спрашивают: «Почему, несмотря на его беспрецедентный "список благодеяний", капитализм пал?» Чтобы ответить, нужно учесть, что живительная струя, питающая всякий общественный уклад, - господствующее в данной культуре философское учение. У капитализма никогда не было собственной философской основы. Он оказался последним и (в теоретическом смысле) незавершенным порождением аристотелевской традиции. Когда в XIX веке философию вновь захлестнула волна мистики, капитализм остался в интеллектуальном вакууме, живительная струя пересохла. Ни нравственную природу, ни даже политические принципы капитализма так до конца и не поняли и не сформулировали. Его самозванные поборники считали, что он может ужиться с государственным регулированием (то есть вмешательством государства в экономику), игнорируя значение и следствия «свободы рынка». Словом, XIX век практически не знал капитализма в его чистом виде - на деле существовали лишь разные варианты смешанного экономического устройства. Поскольку регуляторы нуждаются в новых регуляторах и сами их порождают, этатистские элементы этих гибридов повлекли за собой их крах, а обвинили в нем капиталистические элементы, то есть свободу.

Капитализм не мог выжить в культуре, где господствуют мистика и альтруизм, противопоставление духа телу и племенная аксиома. Ни один общественный уклад (и вообще ни одна институция или разновидность человеческой деятельности) не может уцелеть без этической основы. Капитализм, поставленный на альтруистическую этическую основу, был заранее обречен. Так он и погиб^[11].

Тем, кому не вполне ясна роль философии в политико-экономических вопросах, я предлагаю - как самый красноречивый образчик уровня

современной интеллектуальной жизни - еще несколько выдержек из статьи «Капитализм» в энциклопедии Britannica:

«Мало кто из наблюдателей склонен предъявлять претензии к капитализму как к механизму производства. Критика обычно основывается на *этическом* или *культурном* неодобрении определенных черт капиталистического уклада, или на краткосрочных бедствиях (кризисах и спадах), перемежающих периоды долговременного прогресса» [курсив мой. - А.Р.].

Причина этих «кризисов и спадов» - вмешательство государства в экономику, а не природа капиталистического строя. А в чем источник «этического или культурного неодобрения»? Статья не дает прямого ответа, но роняет один красноречивый намек:

«Как бы то ни было, и тенденции, и практическое воплощение [капитализма] несут на себе безошибочный отпечаток интересов делового человека и, еще в большей степени, его образа мысли. Этот отпечаток несла не только политика, но и система культурных ценностей, а также общенациональная и индивидуальная философия жизни. Материалистический утилитаризм, наивная вера в некую разновидность прогресса, реальные достижения в области чистой и прикладной науки, характер его художественных творений - все это можно возвести к духу *рационализма*, источаемому офисом бизнесмена» [курсив мой. - А.Р.].

Автор статьи, недостаточно «наивный», чтобы верить в капиталистическую (или *рационалистическую*) разновидность прогресса, явно стоит на иной позиции:

«На исходе Средневековья Западная Европа находилась в том же положении, что и многие низкоразвитые государства XX века. [Это значит, что культура Ренессанса была примерно аналогична культуре современного Конго; либо что интеллектуальное развитие людей никак не связано с экономикой.] В странах, стоящих на низкой ступени экономического развития, перед государственными деятелями стоит сложная задача - наладить кумулятивный процесс такого развития, ибо при накоплении определенного количества кинетической энергии дальнейшее продвижение вперед осуществляется более или менее автоматически».

На подобных представлениях основываются все теории плановой экономики. Из-за веры в эту мудрую мысль два поколения русских людей перемерли в ожидании *автоматического* прогресса.

Экономисты классической школы пытались оправдать капитализм в духе племенной аксиомы, утверждая, что он обеспечивает наилучшее «распределение ресурсов» людского сообщества. Из этой статьи мы можем

видеть, что следует из их доводов.

«Главной темой классической экономической теории является рыночная теория распределения ресурсов в частном секторе. Распределение между общественным и частными секторами теоретически подчиняется тому же принципу, что и другие виды распределения ресурсов, а именно: сообщество должно извлекать одинаковую пользу из предельного прироста ресурсов, задействованных в общественной сфере, с одной стороны, и в частной, с другой... По утверждениям многих экономистов, существуют веские, возможно - даже неопровержимые причины считать, что общее благосостояние, например, в капиталистических Соединенных Штатах возросло бы в результате перераспределения ресурсов в пользу общественного сектора, если будет больше школ и меньше торговых центров, больше публичных библиотек и меньше автомобилей, больше больниц и меньше игровых площадок».

Это значит, что некоторым людям придется всю жизнь прозябать без адекватного их нуждам транспорта (автомобилей), мириться с дефицитом мест, где можно было бы приобрести необходимые им товары (торговых центров), не иметь возможности расслабиться и развлечься (играя в мяч) - ради того, чтобы другие люди получили школы, библиотеки и больницы.

Если вы хотите узнать конечный результат и исчерпывающий *смысл* племенного взгляда на богатство (состоит он в том, что изглаживаются все различия между действиями частного лица и действиями государственной власти, между производством и насильственным принуждением, а понятие «права» и реальность существования отдельного человека замещаются взглядом на людей как на расходный материал, как на вьючных животных, как на «факторы производства»), вчитайтесь в нижеследующий отрывок:

«Предубежденное отношение капитализма к общественному сектору имеет две причины. Во-первых, все произведенное и все доходы вначале поступают [?] в частный сектор, меж тем как общественного сектора ресурсы достигают за счет такой болезненной операции, как налогообложение. Нужды общества удовлетворяются только с неохотного согласия потребителей, выступающих в качестве налогоплательщиков [а разве *производители* не платят налогов?], чьи политические представители отлично осознают, какую тревогу [!] вызывают у их избирателей вопросы налогообложения. Идея "люди лучше правительства знают, как распорядиться своими доходами" куда больше импонирует людям, чем ее противоположность: "взамен налоговых отчислений граждане получают намного больше, чем могли бы получить, просто истратив эти деньги". [В соответствии с какой теорией ценностей? С чьей точки зрения?]

Во-вторых, поскольку частный бизнес стремится к скорейшему сбыту товара, современная торговля выработала широкий спектр приемов и уловок, влияющих на предпочтения потребителя и формирующих у него предвзятую систему ценностей, ориентированную на личное потребление... [То есть желание самому распоряжаться заработанными деньгами и не позволять, чтобы их у вас отобрали, - это, с вашей стороны, лишь предвзятость, *предрассудок*.] По этой причине много личных расходов связано с удовлетворением потребностей, которые по сути своей вовсе не первостепенны. [Первостепенны для кого? Да и есть ли какие-то не «первостепенные» потребности, кроме пещеры, медвежьей шкуры и куска сырого мяса?] Как естественное следствие, многие потребности общества остаются неудовлетворенными, ибо эти маловажные, искусственно созданные личные потребности побеждают в борьбе за ресурсы. [Чьи, собственно, ресурсы?]

Сопоставив распределение ресурсов между общественным и частным секторами при капитализме, с одной стороны, и при социалистическом коллективизме, с другой стороны, мы многое поймем. [Вот именно, что многое.] В коллективистской экономике все ресурсы задействованы в общественном секторе; они могут поступать на нужды образования, обороны, здравоохранения, социальных пособий и т.п. напрямую, минуя налоговое ведомство. Частное потребление ограничено притязаниями, которые могут быть *допущены* [кем?] без ущерба для *общественного продукта*, подобно тому как в капиталистической экономике общедоступные услуги предоставляются лишь по определенному списку притязаний, которые могут быть допущены без ущерба для частного сектора [курсив мой. - А.Р.]. В коллективистской экономике нужды общества приоритетны по умолчанию, точно так же, как в капиталистической экономике приоритетно частное потребление. Советский Союз богат учителями и беден автомобилями, Соединенные Штаты - наоборот».

Перейдем к заключительной части статьи.

«Прогнозы относительно жизнестойкости капитализма отчасти зависят от интерпретации самого этого термина. Во всех капиталистических государствах наблюдается смещение центра экономической активности из частного в государственный сектор... В то же самое время [после окончания Второй мировой войны] объемы частного потребления в коммунистических государствах, по-видимому, были обречены на расширение. [Например, потребления пшеницы?] Складывалось впечатление, что эти два экономических уклада постепенно

сближаются. Однако в том, что касается структуры экономики, между ними все еще оставались значительные различия. Резонно предположить, что то общество, которое вкладывает больше средств в свое население, станет прогрессировать быстрее и унаследует будущее. В этом немаловажном отношении капитализм, по мнению ряда экономистов, оказывается в весьма невыгодном, хотя все же не безвыходном, положении по отношению к коллективизму».

Коллективизации советского сельского хозяйства достигли за счет спланированного властями голода - да, спланированного и сознательно спровоцированного, чтобы загнать крестьян в колхозы. Враги Советской России утверждают, что от этого голода умерло 15 миллионов крестьян; советские власти признают гибель семи миллионов.

Когда закончилась Вторая мировая война, враги Советской России заявили, что в советских концлагерях отбывают принудительную трудовую повинность (и умирают от планового недоедания, поскольку человеческая жизнь дешевле еды) 30 миллионов человек; апологеты Советской России признают цифру в 12 миллионов.

Вот что Britannica называет «вкладывать средства в население».

Если культура допускает, чтобы такие заявления выдавались за истину и проходили без последствий для репутации говорящего, то самая тяжкая вина лежит не на коллективистах. Больше всех виноваты те, кто, не решаясь бороться с мистикой и альтруизмом, пытаются, обходя разум и нравственность, оправдать единственный разумный и высоконравственный строй в истории человечества на каких-либо основаниях, кроме его разумности и высоконравственности.

1965 г .

2. Семена войны

Айн Рэнд

Говорят, атомное оружие навело на людей такой страх, что отныне никто не может даже помыслить о том, чтобы затеять войну. Но в то же самое время все народы мира, трепеща от ужаса и беспомощности, не могут отделаться от предчувствия атомной войны.

Подавляющее большинство жителей Земли - те, кто погибает на полях сражений или страдает от голода и угасает среди руин, - войны не хочет. Так было всегда. Но не было ни одного столетия, которое обошлось бы без войн, - через всю историю, отмечая проделанный человечеством путь, тянется длинный кровавый след.

Люди опасаются возможной войны, так как, осознанно или подсознательно, знают, что пока еще не отказались от доктрины, которая приводит к войнам. Она приводила к войнам в прошлом и способна на это в будущем. Эта доктрина гласит, что добиваться своих целей при помощи *физической силы* (применяя силу *первыми* против других людей) справедливо, или целесообразно, или необходимо, а также может быть оправдано некими «благими намерениями». Согласно этой доктрине, сила - легитимный или как минимум неизбежный элемент человеческой жизни и человеческих сообществ.

Рассмотрим одну из самых неприглядных черт современности - совмещение рьяных приготовлений к войне с истеричной пропагандой миролюбия. В действительности у этих двух явлений - *один и тот же исток*, одно и то же политико-философское учение. *Этатизм* - вот имя политической философии нашего века, которая, расписавшись в своей несостоятельности, все же не утратила господствующих позиций.

Посмотрим, что представляет собой по своей природе так называемое «движение борцов за мир». Проповедуя любовь, высказывая тревогу о дальнейшем существовании человечества, они неустанно вопят, что гонку ядерных вооружений нужно остановить, урегулирование международных конфликтов путем вооруженной интервенции - запретить, а войну - от имени всего человечества поставить вне закона. Но в то же самое время эти организации друзей мира не борются против диктатур; их активисты исповедуют этатизм всех возможных оттенков, от доктрины общества всеобщего благосостояния до социализма, фашизма и коммунизма. Иначе говоря, они протестуют, когда одно государство к чему-то принуждает

другое, но ничего не имеют против того, чтобы государство в лице правительства к чему-то принуждало своих собственных граждан. Итак, эти люди не одобряют применение силы против *вооруженного* противника, зато вполне санкционируют принятие подобных мер к противнику *безоружному*.

Задумайтесь о грабежах, разрушениях, голоде, зверствах, трудовых лагерях с их подневольными рабами, застенках, массовых бойнях - всех злодеяниях диктатур. Вот что готовы пропагандировать или терпеть - во имя любви к человечеству - современные «борцы за мир»!

Истоки идеологии этатизма (иначе говоря, коллективизма), несомненно, следует искать в аксиомах первобытных дикарей, чьи незрелые умы еще не выработали понятия «права личности». Поэтому дикари верили, что племя - высшая, всесильная власть, собственник жизни своих членов, имеющий право приносить их в жертву по собственному капризу во имя того, что провозгласит «благом». Не способные вообразить себе какие-либо принципы устройства общества, кроме права грубой силы, дикари полагали, что желания племени ограничены лишь его физическими возможностями, а другие племена предназначены ему природой в качестве добычи. Другие племена следовало подчинять силой, грабить, обращать в рабство или истреблять. История всех первобытных народов - это череда межплеменных войн и геноцида. Тот факт, что эту дикарскую идеологию теперь исповедуют нации, обладающие ядерным оружием, заставит задуматься любого, кому небезразлично дальнейшее существование человечества.

Этатизм - это система институционализованного насилия и перманентной гражданской войны. Он не оставляет людям другого выбора, кроме жестокой борьбы за политическую власть - грабить или быть ограбленным, убивать или быть убитым. Когда грубая сила - единственный критерий общественного поведения, а покорное непротивление палачу - единственная альтернатива, даже самый забитый из людей, даже животное, загнанная в угол крыса, будет сопротивляться. В государстве рабов мир невозможен.

Самыми кровавыми конфликтами, которые только знает история, были не войны между разными народами, но *гражданские войны* между соотечественниками, которым не удавалось урегулировать свои разногласия мирным путем, апеллируя к правосудию, общечеловеческим принципам или справедливости. Обратите внимание, что история всех абсолютистских государств испещрена кровавыми пятнами восстаний - яростными вспышками слепого отчаяния, не имеющими ни идеологии, ни

программ, ни целей; восстаний, которые обычно подавляли, безжалостно истребляя их участников.

При абсолютистском диктаторском режиме хроническая «холодная» гражданская война, характерная для этатизма, принимает форму кровавых чисток - одна банда свергает другую. Так было в нацистской Германии или Советской России. В государстве со смешанной экономикой эта война принимает форму ожесточенной борьбы между разными «лобби»: каждая группа добивается законодательных мер, которые позволили бы вымогать у всех других групп выгодные ей уступки.

Чем ближе политическое устройство какого-либо государства к этатизму, тем сильнее его разобщающий эффект. Режим сам дробит страну на враждующие банды и натравливает людей друг на друга. Когда права личности отменены, нет никакой возможности установить, кто на что вправе претендовать; невозможно проверить правомочность чьих бы то ни было притязаний, желаний или интересов. Соответственно не остается других критериев, кроме чисто дикарского принципа: если его банда достаточно сильна, человек может делать все, что только заблагорассудится. Чтобы выжить при таких порядках, люди могут только опасаться, ненавидеть и уничтожать друг друга. Это - общество подпольных козней, тайных сговоров, сделок, фаворитизма, предательств и внезапных кровавых переворотов.

Оно не способствует духу братства, безопасности, сотрудничества и мира.

Этатизм и в теории, и на практике - всего лишь власть банды. Диктатура - это банда, существующая для того, чтобы отнимать у трудящихся граждан собственной страны плоды их усилий. После того как правитель-этатист истощает ресурсы своей страны, он нападает на соседние. Для него это единственный способ оттянуть крах внутри страны и удержаться у власти. Страна, не считающаяся с правами собственных граждан, не будет уважать и права соседей. Те, кто не признает прав личности, не признают и прав наций; ведь нация - лишь множество личностей.

Этатизм *нуждается* в войне, свободная страна - нет. Этатизм живет грабежом, а свободная страна - производством.

Обратите внимание, что величайшие войны в истории человечества начинали те страны, где контроль государства над экономикой был наиболее сильным. Их агрессия была направлена против других, относительно свободных стран. Первую мировую войну начали монархистская Германия и царская Россия, втянувшие в нее своих

относительно свободных союзников. Вторая мировая война началась с альянса нацистской Германии и Советской России и их совместного нападения на Польшу.

Обратите внимание, что во время Второй мировой войны и Германия, и Россия захватывали, демонтировали и транспортировали из завоеванных стран на свою территорию целые заводы, а самое свободное из государств со смешанной экономикой, полукапиталистические Соединенные Штаты, прислало по программам ленд-лиза своим союзникам массу техники и оборудования на миллиарды долларов, включая опять же целые заводы^[12].

Германии и России война была нужна; Соединенные Штаты, которым война была не нужна, в результате нее ничего не приобрели. (США, формально выиграв войну, в экономическом отношении фактически ее проиграли: государственный долг был огромен, а теперь вырос еще больше, поскольку по сей день практикуется нелепая и безрезультативная политика финансовой помощи бывшим союзникам и противникам.) Однако с капитализмом современные сторонники мира борются, а этатизм проповедуют, во имя мира.

Единственный общественный строй, который зиждется на признании прав личности, - и соответственно единственный, при котором из социальных взаимодействий исключено принуждение, - это капитализм типа «laissez-faire», то есть такой, где государство не вмешивается в экономику. Одновременно, в силу своих основополагающих принципов и интересов, это единственный общественный строй, который не приемлет войны.

Те, кто волен производить, не имеют причин для мародерства; в случае войны они ничего не приобретут, но очень многое потеряют. В идеологическом аспекте принцип прав личности не допускает, чтобы люди добывали себе пропитание штыком ни внутри родной страны, ни за ее пределами. В экономическом плане войны стоят денег; в свободной экономике, где имущество принадлежит частным лицам, война оплачивается из кармана граждан, - непомерно раздутой государственной казны, наличие которой могло бы затушевывать этот факт, не существует, а гражданам не свойственно надеяться на то, что, победив в войне, они возместят свои личные убытки (например, дополнительные налоговые отчисления, потери в связи с эвакуацией фабрики или утратой имущества). Значит, сохранение мира - в личных экономических интересах гражданина.

При этатистском экономическом строе, где имущество «в общественной собственности», у гражданина (ведь он лишь капля воды в коммунальном ведре) нет экономических интересов, которые он мог бы

отстаивать, борясь за мир. К тому же война вселяет в него надежду (обманчивую) на более щедрые подачки хозяина. В идеологическом плане он приучен относиться к людям как к жертвенным животным - да он и сам такое животное; ему ни за что не уразуметь, почему на том же общественном алтаре, во благо того же самого государства, нельзя приносить в жертву иностранцев.

На протяжении всей истории человечества торговец и воин были заклятыми врагами. На полях брани не процветает торговля, под бомбежкой заводы ничего не производят, руины не приносят дохода. Капитализм - общество *торговцев*. За это его и ругает всякий начинающий террорист, считающий коммерцию «эгоистичным» делом, а завоевания - «благородным».

Тем, кто действительно печется о мире, напомним, что *капитализм даровал человечеству самый долгий в истории период мирного сосуществования* - период, обошедшийся без войн, которые охватывали бы весь цивилизованный мир, - с 1815 года, когда окончилась война с Наполеоном, по 1914-й, когда началась Первая мировая.

Не нужно забывать, что XIX век не знал чисто капиталистического устройства общества, только смешанное. Элементы свободы, однако, преобладали; именно этот век и можно назвать «столетием капитализма», самого близкого к идеалу. Но элементы этатизма развивались на протяжении XIX века, пока, наконец, в 1914 году не взорвали весь мир, причем к этому моменту правительства участвующих в войне государств проводили преимущественно этатистскую политику.

Точно так же, как на внутривнутриполитической арене вина за все зло, причиняемое этатизмом и ограничительными мерами правительства, возлагалась на капитализм и свободный рынок, так и в международных отношениях все отрицательные последствия этатистской политики приписывали капитализму. Такие мифы, как «капиталистический империализм» и «спекулянты, наживающиеся на войне», а также идея, будто капитализм должен завоевывать «рынки», свидетельствуют то ли о недалекости, то ли о беспринципности историков и мыслителей, стоящих на позициях этатизма.

Стержень внешней политики капитализма - *свобода торговли*. Речь идет об отмене торговых ограничений, протекционистских таможенных пошлин, особых привилегий, то есть о том, чтобы открыть торговые пути всего мира для свободного международного товарообмена и конкуренции, осуществляемых напрямую между частными лицами, гражданами всех стран. В XIX веке именно свободная торговля раскрепостила мир,

сокрушив пережитки феодализма и этатистской тирании абсолютистских монархий. Как пишет Изабель Патерсон в своей книге «Бог из машины» (The God of the Machine):

«Как и в случае с Римом, мир принял Британскую империю благодаря тому, что она открыла мировые энергетические каналы для коммерции в самых широких рамках. Правда, режим, навязанный Ирландии, в значительной мере был все еще полицейским (по статусу), что имело крайне негативные последствия. Но, за этим исключением, если рассматривать целостную картину, право и свободная торговля являли собой нематериальный экспорт Великобритании. В практическом плане это выглядело так: пока Британия правила морями, любой человек любой национальности мог безопасно добраться куда угодно, а также довести свои товары и деньги в целостности и сохранности».

Как и в случае Древнего Рима, после того как полицейские элементы смешанной экономики в Великобритании разрослись и, возобладав в политике, привели к победе этатистского режима, развалилась и империя, так как она опиралась совсем не на военную силу.

Капитализм завоевывает и удерживает свои рынки, как внутренние, так и зарубежные, в свободной конкуренции. Рынок, завоеванный в результате войны, выгоден (и то на время) только тем приверженцам смешанной экономики, которые стремятся закрыть его для международной конкуренции, навязать ограничения и тем самым насильно добиться для себя особых привилегий. Бизнесмены, стремящиеся завоевать особые преимущества за счет внутривнутриполитических мер и решений правительства, ничем не отличаются от тех, которые стремятся занять некие конкретные рынки благодаря внешнеполитическим действиям правительства. Кто же платит за эти преимущества? Платит за них большинство бизнесменов, внося налоги и тем самым финансируя предприятия, которые не приносят им никакого дохода. Кто же логически обосновывает подобную политику и внушает обществу, что она хороша? Интеллектуалы-этатисты, выдумавшие доктрины «интересов общества», «престижа нации», «неоспоримой миссии».

Во всех государствах со смешанной экономикой наживаются на войне люди со связями в политических кругах, во время или по окончании войны сколачивающие при благосклонном попустительстве государства капиталы, о которых на свободном рынке им не пришлось бы даже мечтать.

Помните, что частные лица - ни богачи, ни бедняки, ни бизнесмены, ни рабочие - не вольны начать войну. Это полномочие - исключительная

прерогатива правительства. Какое же правительство скорее склонно ввязать страну в войну - правительство с ограниченной властью, скованное конституционными нормами, или правительство с неограниченной властью, подверженное давлению любой группы с промилитаристскими интересами или идеологией, которое вправе отправить армию в поход по капризу одного-единственного высокого начальника?

Однако нынешние борцы за мир проповедуют отнюдь не ограничение исполнительной власти.

(Излишне говорить, что односторонний пацифизм - лишь приглашение к агрессии. Свободная страна, как и всякий отдельный человек, имеет право на самозащиту. Но это не дает ее правительству права призывать граждан на военную службу. Военная повинность - самое откровенно этатистское нарушение права человека распоряжаться своей жизнью. Нравственность тут не вступает в противоречие с прагматичностью: укомплектованная на добровольной основе армия, по свидетельству многих авторитетов военного дела, наиболее эффективна. Ни одна свободная страна, подвергшаяся нападению зарубежного агрессора, никогда не имела недостатка в добровольцах. Но мало нашлось бы добровольцев участвовать в таких кампаниях, как Вьетнам или Корея. Без армий, сформированных из призывников, внешняя политика этатистских государств или государств со смешанной экономикой была бы неосуществима.)

Пока страна свободна хотя бы отчасти, спекулянты, паразитирующие на ее смешанной экономике, не диктуют ей милитаристскую политику и не вовлекают ее в войну. Они - лишь политические стервятники, наживающиеся на общественной тенденции. А изначальная пружина этой тенденции - интеллектуалы, приверженные смешанной экономике.

Рассмотрим, как связаны этатизм и милитаризм в истории идей XIX-XX веков. Точно так же как крах капитализма и развитие тоталитарного государства были вызваны не экономическими причинами, не действиями бизнесменов или трудящихся, но победой этатистской идеологии в кругах интеллектуалов, доктрины, проповедующие завоевания и крестовые походы во имя политических «идеалов», выросли на почве убежденности тех же самых интеллектуалов в том, что «благо» надо добывать силой.

Подъем националистически-империалистических настроений в Соединенных Штатах начался не справа, а слева, не с лобби большого бизнеса, а с реформаторов-коллективистов, вдохновлявших политику Теодора Рузвельта и Вудро Вильсона. Об истории влияния коллективистов можно прочесть в книге Артура Э. Экерча-мл. «Упадок американского

либерализма»^[13].

«Такие явления, - пишет профессор Экерч, - как все возрастающее одобрение обязательной военной подготовки и "бремени белых" в кругах прогрессистов, недвусмысленно напоминали о преимущественно патерналистском характере принимаемых ими законодательных мер в поддержку экономической реформы. Империализм, по словам современного исследователя американской внешней политики, был мятежом против очень многих идеалов традиционного либерализма. "Дух империализма означал, что обязанности ставились выше прав, благосостояние коллектива - выше личных интересов индивида, героические идеалы противопоставлялись материальной заинтересованности, действие - логике, инстинктивный порыв - сухому размышлению"»^[14].

По поводу Вудро Вильсона профессор Экерч пишет:

«Вильсон, несомненно, предпочел бы, чтобы объемы торговли Соединенных Штатов с другими странами увеличивались благодаря свободной международной конкуренции, но затем обнаружил, что его представления о долге и нравственности - отличное оправдание такого способа защиты национальных интересов, как прямая американская интервенция»^[15].

И еще:

«По-видимому, он [Вильсон] полагал, что миссия Соединенных Штатов состоит в насаждении своих институций - которые он считал либеральными и демократическими - в других, прозябающих во мраке невежества регионах мира»^[16].

И вовсе не приверженцы капитализма помогали Вильсону разжигать у миролюбивой, не желавшей конфликтов нации истерию милитаристского крестового похода - а «либеральный» журнал *New Republic*. Вот один из аргументов его редактора Герберта Кроули: «Американская нация нуждается в тонизирующем средстве - в серьезном высоконравственном приключении».

Вильсон, реформатор-«либерал», втянул Соединенные Штаты в Первую мировую войну, чтобы «сделать мир безопасным для демократии»; точно так же Франклин Д. Рузвельт, другой реформатор-«либерал», втянул США во Вторую мировую войну во имя «четырех свобод». В обоих случаях «консерваторы» - и крупный бизнес - чрезвычайно энергично протестовали против войны, но им заткнули рот. Во время Второй мировой войны они удостоились таких кличек, как «изоляционисты»,

«реакционеры» и «думающие лишь об Америке».

Первая мировая война привела отнюдь не к победе «демократии» - напротив, появились три диктаторских режима - Советская Россия, фашистская Италия и нацистская Германия. Вторая мировая война привела отнюдь не к победе «четырех свобод», напротив, треть населения планеты попала в коммунистическое рабство.

Если бы целью сегодняшних интеллектуалов был мир, столь масштабная неудача - и фактические доказательства неописуемых страданий такого множества людей - заставили бы их задуматься и повнимательнее присмотреться к этатистским предпосылкам своих выкладок. Вместо этого, слепые ко всему, кроме собственной ненависти к капитализму, они утверждают, что «войны порождаются бедностью» (а также оправдывают войну, сочувствуя соответствующей тяге к обладанию материальными благами). Но вопрос в ином: *чем порождается бедность?* Взглянув на сегодняшний мир, а затем припомнив историю, вы сами найдете ответ: степень процветания страны равняется степени ее свободы.

Другая модная крылатая фраза - это жалоба, что народы мира делятся на «имущих» и «неимущих». Обратите внимание, «имущие» - это те, кто свободен, а у «неимущих» как раз свободы и нет.

Если люди хотят протестовать против войны, то им следует протестовать против *этатизма*. Пока они придерживаются первобытно-племенных аксиом, гласящих, что отдельный человек - лишь жертвенное «пушечное мясо» коллектива; что некоторые люди имеют право насильно управлять другими; что все это можно оправдать неким (каким угодно) гипотетическим «благом», - недостижим ни мир *внутри* народа, ни мир между народами.

Не спорю, благодаря ядерному оружию потенциальные агрессоры теперь остерегаются даже задумываться о войне. Но убитому все равно, что его убило - атомная бомба, динамит или вообще старая добрая дубинка. Ему все равно и то, сколько еще жертв, каковы масштабы разрушений. Есть что-то непристойное в позиции тех, кто обращает внимание на количественную сторону ужасных событий и ради племени готов послать горстку юношей на смерть, но громогласно протестует против угрозы самому племени; или, хуже того, в позиции людей, готовых смотреть сквозь пальцы на убийство беззащитных жертв, но устраивающих марши протеста против войн между вооруженными до зубов противниками.

Пока людей держат в подчинении силой, они будут давать сдачи, хватаясь за любое доступное им оружие. Если человека ведут в нацистскую

газовую камеру или ставят к стенке в советской тюрьме и никто не подает голоса в его защиту, останется ли в его душе хотя бы капля любви к человечеству или беспокойства о его дальнейшем существовании? Быть может, он скорее почувствует, что каннибалы, мирящиеся с диктатурами, не заслуживают права на жизнь.

Если ядерное оружие таит в себе ужасающую угрозу, если для человечества войны - отныне непозволительная роскошь, тогда и этатизм - непозволительная роскошь. Пусть ни один человек доброй воли не берет на себя ответственность за пропаганду насильственных методов управления ни за пределами, ни *внутри* своей страны. Пусть все те, кого действительно волнует сохранение мира, - те, кто воистину любит *человечество*, кому небезразлично, чтобы оно продолжало жить, - поймут, что запретить войну будет возможно, в конечном итоге лишь запретив *применение силы*.

1966 г .

3. Большой бизнес - преследуемое меньшинство американского общества

Айн Рэнд

Если некая маленькая группа людей всегда считается виновной стороной в случае всякого ее столкновения с любой другой группой, невзирая на реальную суть и обстоятельства конфликта, - разве это не преследование? Если эту группу всегда заставляют расплачиваться за грехи, ошибки или недостатки любой другой группы, разве это не преследование? Если эта группа вынуждена жить под пятой молчаливого террора, по особым законам, которым неподсудны все остальные люди на свете, по законам, которых обвиняемый не в силах ни понять, ни предугадать заранее, по законам, которые обвинитель может трактовать, как ему только заблагорассудится, - разве это не преследование? Если эту группу карают не за ее недостатки, но за достоинства, не за бездарность, но за способности, не за неудачи, но за успехи, и чем крупнее успех, тем суровее кара, - разве это не преследование?

Если вы ответили «да» - спросите себя, какую чудовищную несправедливость вы допускаете, поддерживаете или совершаете сами. Группа, о которой я говорю, - это бизнесмены Америки.

В наши дни защита прав меньшинств практически единогласно провозглашена нравственным принципом высочайшей пробы. Но этот принцип, запрещающий дискриминацию, большинство «либеральных» интеллектуалов воплощает в жизнь дискриминационным образом: исключительно в приложении к расовым либо религиозным меньшинствам. К маленькому, эксплуатируемому, очерняемому, беззащитному меньшинству, которое состоит из бизнесменов, он не применяется.

Но все беззакония, творимые по отношению к расовым или религиозным меньшинствам, имеют свои столь же некрасивые, бесчеловечные параллели в том, чему подвергаются бизнесмены. Задумайтесь, к примеру, какая это подлость - никого не выслушав, невзирая на факты, одних людей проклинать, а других прощать. Нынешние «либералы» считают бизнесмена виновной стороной в любом конфликте с профсоюзом, без учета фактов и обстоятельств дела, и кичатся тем, что не отступятся от пикетчиков «никакими правдами и неправдами».

Задумайтесь, какая это подлость - судить людей по двойным стандартам и отказывать одним в правах, дарованных другим. Нынешние либералы признают право трудящихся (большинства) зарабатывать на жизнь (получать зарплату), но отказывают бизнесменам (меньшинству) также зарабатывать на жизнь (извлекать прибыль). Если рабочие борются за повышение зарплаты, это приветствуется как «общественный прогресс»; если бизнесмены стремятся повысить прибыль, это охаивается как «эгоистическая алчность». Если уровень жизни рабочих низок, «либералы» винят в этом бизнесменов; но если бизнесмены пытаются увеличить экономическую эффективность своей фирмы, расширить рынки сбыта, наращивать финансовую окупаемость своих проектов, что позволяет понизить цены и повысить зарплату, те же самые «либералы» клянут их за «торгашество». Если некоммерческий фонд - то есть, подчеркиваю, организация, которая не сама заработала свой капитал, - спонсирует какую-то телепередачу, пропагандируя свою конкретную позицию, «либералы» объявляют это «просвещением», «образованием», «искусством» и «службой на благо общества»; если же бизнесмен спонсирует телепередачу и хочет, чтобы та отражала его позицию, «либералы» вопят, что это «цензура», «давление» и «диктаторский режим». Когда три местных отделения Международного братства водителей грузовиков 15 дней отказывались возить в город Нью-Йорк молоко - со стороны «либералов» не было слышно ни криков возмущения этим аморальным поступком, ни проклятий; но только вообразите, что начнется, если поставки молока, пусть даже на час, прекратят бизнесмены - с ними быстро расправятся при помощи такой узаконенной разновидности погромов и «судов Линча», как «трасовые аресты».

Сталкиваясь где бы то ни было, в любой культуре, в любую эпоху, в любом обществе с феноменом предвзятости, несправедливости, преследования и слепой, безрассудной ненависти к некому меньшинству - ищите шайку, которой эта травля приносит выгоду, ищите тех, чьим тайным интересам служит освященное жертвоприношение данных конкретных лиц. Вы непременно обнаружите, что преследуемое меньшинство служит козлом отпущения для неких сил, которые стараются не разглашать свои собственные цели. Каждое общественное движение, планирующее поработить страну, каждая диктатура или потенциальная диктатура нуждаются в меньшинстве, которое можно превратить в козла отпущения, виновного в невзгодах народа, и под этим предлогом оправдать свои собственные претензии на диктаторскую власть. В Советской России таким козлом отпущения стала буржуазия; в нацистской Германии - евреи;

в Америке - бизнесмены.

К диктатуре Америка еще не пришла. Но дорога к ней прокладывается уже не одно десятилетие - американские бизнесмены служат козлами отпущения для «государственных» движений самого разного толка: коммунистических, фашистских, сторонников «всеобщего благосостояния». За чьи грехи и злодеяния спрашивают с бизнесменов? За грехи и злодеяния чиновников.

Отождествление экономической власти с властью политической - это отравленный «комплексный обед» из идей, навязываемый нам теоретиками этатизма. Вы все знакомы с ним по таким избитым афоризмам, как «голодный человек - человек несвободный» или «рабочему без разницы, кто ему отдает приказы - бизнесмен или чиновник». Большинство людей принимает эти заблуждения за чистую монету - в то же самое время зная, что беднейший батрак в Америке пользуется куда большей свободой и безопасностью, чем обеспеченный комиссар в Советской России. Каков же основной, фундаментальный, ключевой принцип, отличающий свободу от рабства? Это принцип добровольного действия, противопоставляемого физическому насилию или принуждению.

Разница между властью политической и всеми другими видами «власти» над обществом, между правительством и любой частной организацией, состоит в том, что правительству принадлежит узаконенная монополия на применение физической силы. Этот отличительный признак так важен, а его значение в наши дни так редко признается, что я просто вынуждена заострить на нем ваше внимание. Позвольте повторить: правительству принадлежит узаконенная монополия на применение физической силы.

По закону ни один индивид, ни одна группа граждан, ни одна частная организация не имеют права первыми применять физическую силу против других индивидов или групп, а также принуждать их действовать в противоречии с их собственным добровольным выбором. Такую власть имеет только правительство. Действия правительства по самой своей природе направлены на принуждение. Политическая власть по природе своей есть власть принуждать к подчинению под угрозой телесного и материального урона: угрозой экспроприации собственности, заключения под стражу или под угрозой смерти.

Туманные метафоры, наспех выдуманные образы, а также заблуждения (вроде «голодный человек - человек несвободный») не меняют того факта, что властью физического насилия является исключительно политическая власть, а слово «свобода» в политическом

контексте имеет лишь один смысл - отсутствие физического насилия.

Правительству свободной страны приличествует выполнять одну-единственную функцию - осуществлять защиту прав личности, то есть, подчеркиваю, защищать индивида от физического насилия. Подобное правительство не имеет права первым применять физическую силу к кому бы то ни было - ведь индивид тоже лишен этого права и, соответственно, не может никому его делегировать. Но индивид наделен другим правом - правом самозащиты; его-то он и делегирует правительству, которое должно осуществлять это право в упорядоченной, определенной законом форме. Справедливое правительство имеет право применять физическую силу только в качестве меры воздействия и только против тех, кто применяет ее первыми. Функции справедливого правительства таковы: полиция защищает граждан от преступников; вооруженные силы - от иноземных захватчиков; судебные учреждения оберегают собственность граждан и заключенные ими договоры от нарушений посредством насилия или мошенничества, а также улаживают конфликты между гражданами в соответствии с объективно сформулированными законами.

Эти политические принципы и стали основой Конституции США; основой, которая подразумевается, но не излагается открытым текстом. В Конституции имелись противоречия, позволившие государственным найти лазейку и, расширив ее, постепенно разрушить все здание.

Государственник - это человек, считающий, что некоторые люди имеют право принуждать, подвергать насилию, порабощать, обкрадывать и убивать других людей. Чтобы воплотиться в жизнь, эта позиция должна быть укомплектована политической доктриной, признающей за правительством - государством - право первым применять физическую силу против собственных граждан. Как часто следует применять силу, против кого, до какой степени, с какой целью и в чьих интересах - это уже неважно. Фундаментальный принцип и конечные результаты всех государственных доктрин одни и те же: диктатура и разрушение. Остальное - лишь дело времени.

Теперь рассмотрим вопрос об экономической власти.

Что такое экономическая власть? Это власть производить и торговать произведенным продуктом. В свободной экономической системе, где ни один человек и ни одна группа людей не могут использовать физическое насилие против кого-либо, экономической власти можно достичь лишь добровольным путем: по добровольному выбору и согласию всех, кто участвует в процессе производства и торговли. В свободной рыночной экономике все цены, зарплата и прибыли детерминированы - не капризами

богачей либо бедняков, не чьей бы то ни было «алчностью» либо нуждой - но законом спроса и предложения. Механизм свободного рынка отражает и суммирует все экономические предпочтения и решения всех участников. Люди торгуют своими товарами и услугами по обоюдному согласию к обоюдной выгоде, в соответствии со своей личной, никем не навязываемой оценкой ситуации. Человек может разбогатеть лишь в том случае, если он в состоянии предложить лучшие ценности - усовершенствованные товары или услуги по более низкой цене, чем те, что предлагают другие. В условиях свободного рынка богатство приобретается путем свободного, всеобщего, «демократического» голосования - через продажи и покупки, совершаемые каждым индивидом, который принимает участие в экономической жизни страны. Выбирая данный продукт, а не какой-то иной, вы голосуете за преуспевание его производителя. При голосовании такого рода каждый голосует лишь в тех областях, в которых компетентен: по поводу того, что он сам предпочитает, чем интересуется, в чем нуждается. Никто не властен решать за других или подменять чужое мнение своим; никто не властен сам себя назначить «голосом народа», сделав народ безгласным и бесправным.

А теперь позвольте сообщить, чем отличается экономическая власть от политической: экономическая власть осуществляется позитивными средствами, предлагая людям вознаграждение, стимул, плату, ценность; политическая власть осуществляется негативными средствами, зиждясь на угрозе наказания, физического вреда, заключения под стражу, умерщвления. Орудие бизнесмена - ценности; орудие чиновника - страх.

Индустриальный прогресс, которого добилась Америка за краткий полуторавековой период, стал легендой: ему нет аналогов ни в одном другом уголке Земли. Американские бизнесмены как класс проявили величайшую гениальность в области производства и достигли самых блестящих успехов, какие только отмечены в экономической летописи человечества. Как же их вознаградила наша культура и ее столпы-интеллектуалы? Поставила в положение ненавистного, преследуемого меньшинства. В положение козла отпущения за злодеяния чиновников.

Чистого, нерегулируемого капитализма на свете не существует и еще не существовало нигде и никогда. Существовали лишь так называемые «экономические системы смешанного типа», то есть смесь, в той или иной пропорции, свободы и контроля, добровольного выбора и правительственного насилия, капитализма и этатизма. Америка была самой свободной страной на свете, но элементы этатизма присутствовали в ее экономике с самого начала. Эти элементы пошли в рост под влиянием

американских интеллектуалов, в большинстве своем приверженных философии этатизма. Интеллектуалы - идеологи, интерпретаторы, оценщики событий общественной жизни - соблазнились возможностью захватить политическую власть, от которой отказались все остальные слои общества, и установить отвечающий их представлениям «хороший» общественный строй под дулом пистолета, то есть, подчеркиваю, посредством узаконенного физического насилия. Свободных бизнесменов они проклинали, видя в них образчик «эгоистичной алчности», а чиновников восславляли, провозглашая «слугами народа». Анализируя социальные проблемы, эти интеллектуалы постоянно хулили «экономическую власть» и обеляли власть политическую, тем самым сваливая бремя вины с политиков на бизнесменов.

Все злодеяния, злоупотребления и несправедливости, традиционно приписываемые бизнесменам и капитализму, имели своей причиной отнюдь не свободный рынок или нерегулируемую экономику, но вмешательство правительства в экономическую жизнь. Гиганты американской промышленности - например, Джеймс Джером Хилл, коммодор Вандербильт, Эндрю Карнеги, Дж. П. Морган - «сделали себя сами», сколотив капитал благодаря личным способностям, а также свободному товарно-денежному обмену на свободном рынке. Но существовала и другая порода бизнесменов: плоды смешанной экономики, люди с политическими связями, которые делали деньги благодаря полученным от правительства особым привилегиям, - такова была «Большая четверка» Центрально-Тихоокеанской железной дороги. Именно стоявшая за действиями подобных бизнесменов политическая власть - власть искусственных, незаслуженных, экономически несправедливых привилегий - вызывала неурядицы в экономике страны, трудности, спады и все усиливающиеся протесты масс. Но виновниками всего этого считались свободный рынок и свободные бизнесмены. Любое катастрофическое последствие правительственного контроля использовалось как оправдание для расширения контроля и власти правительства над экономикой.

Если бы меня попросили выбрать дату, которая знаменует роковой поворот на дорогу, ведущую к окончательной гибели американской промышленности, а также самый позорный законодательный акт, я выбрала бы 1890-й год и Закон Шермана^[17] - этот зародыш, из которого выросла гротескная, иррациональная, злокачественная опухоль, состоящая из неисполнимых, не подлежащих рассмотрению в суде противоречий под названием «антитрестовские законы» (они же - антимонопольные).

Согласно антимонопольным законам, человек становится

преступником в тот же миг, как начинает заниматься бизнесом, что бы он ни делал. Если он исполняет один из этих законов, ему угрожает уголовная ответственность по нескольким другим. Например, если он устанавливает цены, которые покажутся каким-то чиновникам слишком высокими, его можно будет привлечь за монополию, а точнее, за успешное «намерение монополизировать рынок»; если установленные им цены ниже, чем у его конкурентов, его можно привлечь за «нечестную конкуренцию», или «ограничение свободы торговли»; если же он устанавливает те же цены, что и его конкуренты, его можно привлечь за «тайное соглашение», или «сговор».

Рекомендую вам ознакомиться с замечательной книгой под названием «Антитрестовские законы США» (The Antitrust Laws of the U.S.A.), написанной Э.Д. Нилом. Это научное, бесстрастное, объективное исследование; автор, английский государственный служащий, не является приверженцем идей свободного предпринимательства; судя по всему, его скорее можно отнести к «либералам». Но он не путает факты с интерпретациями, а тщательно разделяет их; а факты, которые он излагает, - это просто роман ужасов.

Мистер Нил подчеркивает, что стержнем антимонопольных законов является запрет на «ограничение свободы торговли» - и что точно сформулировать, в чем, собственно, состоит «ограничение свободы торговли», невозможно. Соответственно, никто не в силах сказать, что именно запрещает или разрешает человеку этот закон; интерпретация всецело остается на совести судебных учреждений. Чтобы уяснить для себя современный смысл этих законов хотя бы в общих чертах, бизнесмен или его поверенный должен изучить весь корпус так называемого прецедентного права - полные материалы судебных дел, прецедентов и решений; вот только завтра, на следующей неделе или в будущем году прецеденты могут быть попораны, а решения - аннулированы. «С 1890 года суды США постоянно пытаются на примере каждого отдельного дела определить, что именно запрещает данный закон. Ни одно широкое определение, по сути, не в состоянии раскрыть смысл этого статута...»

Это значит, что бизнесмен никак не может узнать заранее, являются ли его действия законными или противозаконными, виновен он или нет. Это значит, что бизнесмен должен жить под дамокловым мечом внезапной, непредсказуемой катастрофы, под риском потерять все имущество или быть приговоренным к тюремному заключению; его карьера, репутация, собственность, капитал, труды всей его жизни отдаются на милость любого амбициозного молодого чиновника, который по любой причине, будь то

интересы общества или что-то личное, властен возбудить против бизнесмена дело.

Законы с обратной силой (или *ex post facto*) - иными словами, законы, карающие человека за деяние, которое в момент его совершения не считалось преступным, - не признаны всей традицией англосаксонской юриспруденции и, более того, прямо противоречат ей. Это форма преследования, практикуемая только диктаторскими режимами и запрещенная всеми цивилизованными кодексами законов. Она запрещена и Конституцией США. Считается, что в Соединенных Штатах законов с обратной силой не существует и их ни к кому не применяют - ни к кому, кроме бизнесменов. Ситуация, когда человек вплоть до вынесения ему приговора не имеет способа узнать, законно или противозаконно он поступил когда-то, очевидно, является примером применения закона с обратной силой.

Рекомендую вам блестящую маленькую книжицу Гарольда Флеминга под названием «Десять тысяч заповедей» (*Ten Thousand Commandments*). Она написана общедоступным языком и - ясно, просто, логично, с множеством подробных, документированных примеров из жизни, - рисует такую яркую картину антимонопольных законов, что слово «кошмар» в применении к ним кажется слишком слабым определением.

«Одна из опасностей, - пишет Флеминг, - которых должны остерегаться нынешние предприниматели, состоит в том, что некая политика, которой вы сегодня решили придерживаться по совету самых компетентных юристов, в будущем году может быть объявлена противоправной. В таком случае преступление и наказание возникают "задним числом"... Другая опасность - возможность исков о возмещении убытков в тройном размере, которые также могут быть поданы задним числом. Фирмы, которые с самыми благими намерениями нарушили закон в силу вышеописанных обстоятельств, подлежат искам о трехкратном возмещении убытков по антимонопольным законам, даже когда их преступление - это деяние, которое в момент его совершения единодушно считалось вполне законным и этичным, а противоправным оказалось лишь вследствие обновленной интерпретации закона».

Что говорят на эту тему бизнесмены? В докладе под названием «Презумпция виновности» (18 мая 1950 года) Бенджамин Ф. Фейрлесс, тогдашний президент *United States Steel Corporation*, сказал:

«Джентльмены, вам и без меня известно, что в случае, если у нас сохранится существующая система законов - и если мы беспристрастно будем применять ее ко всем нарушителям, - управление практически всеми

фирмами Америки, как крупными, так и мелкими, будет осуществляться на расстоянии, из Атланты, Синг-Синга, Ливенуорта и Алькатраса».

Правовая оценка действий настоящих преступников значительно справедливее той, которой удостоиваются действия бизнесменов. Права преступника защищены объективным законодательством, объективными процессуальными нормами, объективными нормами доказательственного права. Пока его вина не доказана, преступник наделен презумпцией невиновности. Только бизнесмены - производители, добытчики, кормильцы, атланты, несущие на своих плечах всю нашу экономику, - считаются виновными от природы; только от них требуют доказательств их невиновности в отсутствие каких бы то ни было четких критериев невиновности либо доказательств вины, только их отдают на волю капризов, благосклонности или злого умысла любого политика, который жаждет саморекламы, любого расчетливого государственника, любой завистливой посредственности, которая, случайно пробравшись в государственный аппарат, просто пожелает развлечься борьбой с монополиями.

Лучшие или просто более-менее порядочные государственные служащие много раз протестовали против необъективного характера антимонопольных законов. В том же докладе мистер Фейрлесс цитирует заявление Лоуэлла Мейсона, тогдашнего члена Федеральной комиссии по делам торговли:

«Американский деловой мир подвергается преследованиям, издевательствам и даже, можно сказать, избиениям со стороны правовой системы; многие из ее законов несправедливы, непонятны и не имеют исковой силы. В законах, регулирующих торговлю между разными штатами, царит такой сумбур, что правительство может подобрать обвинение буквально против любого концерна, который оно захочет привлечь к суду. Заявляю - эта система возмутительна».

Далее мистер Фейрлесс цитирует письменное замечание члена Верховного суда США Джексона, сделанное в тот период, когда последний возглавлял антитрестовское отделение департамента юстиции:

«Юристы не имеют возможности определить, какое деяние в сфере бизнеса будет квалифицировано судом как законное. Эта ситуация приводит в замешательство как бизнесменов, желающих подчиняться закону, так и правительственных чиновников, пытающихся исполнять закон».

Однако не все представители власти разделяют это замешательство. В книге Флеминга цитируется нижеследующее заявление Эммануэля

Селлера, председателя юридического комитета палаты представителей, сделанное им на симпозиуме Ассоциации адвокатов штата Нью-Йорк в январе 1950 года:

«Я хочу открыто заявить, что буду энергично бороться против любых антитрестовских законов, для которых будет характерно подробное перечисление нарушений и замена общих принципов перечнями частных. Дабы обеспечивать динамичность общества, закон должен оставаться пластичным, как вода».

А я, в свою очередь, хочу открыто заявить, что «пластичный закон» - это эвфемизм для «произвола власти» (ведь «пластичность» - основная черта права при всякой диктатуре) и что «динамичное общество», чьи законы, пластичные как вода, выходят из берегов и затопляют всю страну, можно найти в нацистской Германии либо в Советской России.

Трагическая ирония всей этой истории в том, что антимонопольные законы были созданы и доселе поддерживаются так называемыми «консерваторами», якобы защищающими свободу предпринимательства. Это прискорбное доказательство того факта, что у капитализма никогда не было истинных защитников среди философов. Отсюда также ясно, что у людей, провозглашавших себя защитниками капитализма, напрочь отсутствовали политическая принципиальность, знания об экономике и понимание характера политической власти. Концепция свободной конкуренции, осуществляемой по закону, - это абсурд. Это значит: под дулом пистолета принуждать людей к свободе. Это значит: отдать защиту свободы личности в руки деспотической власти железных бюрократических циркуляров.

Каковы были исторические предпосылки, приведшие к принятию Закона Шермана? Процитирую книгу Нила:

«В 70-80-е годы XIX века силы, стоявшие за движением, которое добивалось срочного принятия этих законов, все крепили и крепили... После Гражданской войны основной мишенью подозрений и враждебности стали железные дороги с их привилегиями, чартерами и субсидиями. Возникло много организаций с такими откровенными названиями, как "Национальная антимонопольная лига за удешевление грузовых железнодорожных перевозок"».

Вот красноречивый пример того, как бизнесмены становились козлами отпущения за грехи политиков. Люди бунтовали именно против привилегий, дарованных политиками: чартеров и субсидий для железных дорог; именно эти привилегии поставили железные дороги Запада вне конкуренции и наделили их монопольной властью, со всеми вытекающими

из этого возможностями злоупотреблений. Но средство против этого, внесенное в свод законов республиканским конгрессом, состояло в поправлении свободы бизнесменов и расширении власти политиков над экономикой.

Если вы хотите увидеть подлинную трагедию Америки, сравните идеологическую мотивировку антимонопольных законов с их реальными результатами. Вновь процитирую книгу мистера Нила:

«По-видимому, недоверие американцев ко всем носителям неограниченной власти - это и есть сокровенная, извечная причина принятия антитрестовской политики, более серьезная, чем все экономические позиции или радикальные политические тенденции. Это недоверие можно наблюдать в разных сферах жизни американцев... Оно отражено в теориях "сдержек и противовесов" и "разделения властей". В США тот факт, что некоторые люди имеют власть над действиями и капиталами других, иногда признается неизбежным, но никогда не считается чем-то положительным. Всегда существует надежда, что любой конкретный носитель власти - *и политической, и экономической* (курсив мой. - А.Р.) - не защищен от посягательств со стороны других властей...

С этим фундаментальным основанием антитрестовского законодательства вполне согласуется его опора не на административные регулятивные механизмы, а на юридический процесс и средства судебной защиты. Знаменитый принцип, закрепленный в Декларации прав жителей республики Массачусетс, - "правление на основании закона, а не по воле людей" - этот любимый афоризм американцев представляет собой ключ к смыслу антимонопольных законов. Без него невозможно объяснить, почему, на удивление всем зарубежным наблюдателям, в США так спокойно мирятся с антитрестовским курсом те же самые слои, особенно "большой бизнес", которые часто попадают под его бич».

Вот в чем трагедия. Вот к чему приводит отсутствие четкой философской теории, которая руководила бы человеческими поступками и намерениями. Первое свободное общество в истории человечества уничтожило свою свободу - во имя ее защиты. Неумение отличить политическую власть от экономической позволило людям предположить, что насилие может стать подходящим «противовесом» производства, что первое и второе - действия одного порядка, могущие служить взаимными регуляторами, что «авторитет» бизнесмена и «авторитет» чиновника - взаимозаменяемые вещи, соперничающие за одну и ту же социальную роль. Стремясь к «правлению на основании закона, а не по воле людей», сторонники антитрестовских законов передали всю экономику Америки во

власть капризной воле людей, до которой далеко любой диктатуре.

В отсутствие каких бы то ни было рациональных оценочных критериев люди пытались судить о бесконечно сложных проблемах свободного рынка, руководствуясь поверхностной идеей «большого». Это можно слышать и по сей день: «большой бизнес», «большое правительство», «большие профсоюзы» осуждаются как враги общества без учета характера, причин и функций их «большой величины», словно быть большим само по себе уже дурно. Рассуждая в таком духе, можно заключить, что «большой гений» - например Эдисон, - и «большой гангстер» - например Сталин, - злодеи одного и того же порядка: один заполонил мир бесчисленными ценностями - изобретениями, а второй - бесчисленными могилами, но оба делали свое дело в очень большом масштабе. Сомневаюсь, что найдется человек, который поставит знак равенства между Эдисоном и Сталиным, - но между ними та же разница, что и между большим бизнесом и большим правительством. Единственное средство, благодаря которому правительство может стать большим, - это физическая сила; единственное средство, благодаря которому бизнес может стать большим в условиях свободной экономики, - это успешный производительный труд.

В реальности для существования свободной конкуренции необходим один-единственный фактор: чтобы механизм свободного рынка работал беспрепятственно, не стесняемый ничем. Единственная мера, которую может принять правительство, чтобы защитить свободу конкуренции, это соблюдать принцип «Laissez-faire!» (это выражение можно вольно перевести как «Не мешайте!»). Но антимонопольные законы создали прямо противоположные условия - и дали результаты, прямо противоположные задуманным.

С помощью законов конкуренцию регулировать нельзя; нет критериев, которые позволяли бы установить, кто с кем вправе конкурировать, сколько конкурентов должно существовать в каждой отрасли; какова должна быть их относительная мощь или их так называемые «важнейшие рынки», какие цены они должны устанавливать, какие методы конкуренции «справедливы», а какие «несправедливы». Ни на один из этих вопросов нельзя ответить - это все вопросы того рода, на какие в силах ответить только механизм свободного рынка.

В отсутствие принципов, стандартов или критериев, которыми можно было бы руководствоваться, антимонопольное прецедентное право представляет собой летопись семидесяти лет софистики, казуистики и мелочного педантизма, нелепого, оторванного от действительности не

менее, чем диспуты средневековых схоластов. Разница только одна: у схоластов было больше резонов для вопросов, которые они поднимали, да и от исхода их диспутов не зависели жизнь и судьбы конкретных людей.

Позвольте привести несколько примеров антитрестовских судебных процессов. В деле «Associated Press против США» 1945 года агентство Associated Press было признано виновным, так как его уставные нормы ограничивали количество членов агентства и очень затрудняли процесс приема в него новоучрежденных изданий. Прочитую книгу мистера Нила:

«В защиту Associated Press был высказан аргумент, что существуют и другие агентства новостей, от которых новые издания могут получать информацию... Суд решил, что... Associated Press коллективно организовано таким образом, что его члены оказываются в более выгодном положении и более конкурентоспособны, чем не-члены, и, следовательно, оно тем самым ограничивает свободу торговли, хотя на не-членов и не оказывается принуждение к отказу от конкуренции. [Служба новостей Associated Press расценивается как столь ценное учреждение, что, сделав ее услуги эксклюзивными для себя, члены ассоциации создают реальные трудности для *потенциальных конкурентов* (курсив здесь и далее мой. - А.Р.)...] Тот факт, что члены создали это учреждение... для себя, не является оправданием; новые издания все равно должны получить возможность пользоваться им на разумных условиях, *если только для них не будет эффективнее участвовать в конкурентной борьбе без пользования им*».

Чьи, собственно, права тут попораны? И чей, собственно, каприз осуществляется властью закона? Что нужно для того, чтобы удостоиться статуса «потенциального конкурента»? Если завтра я вздумаю конкурировать с General Motors, какими своими учреждениями эта компания будет вынуждена со мной поделиться, чтобы для меня было «эффективно» с ними конкурировать?

В деле «Migram против Loew's» 1951 года тот факт, что некий кинотеатр безуспешно пытался получить от крупных дистрибьюторов кинофильмов картины из категории премьерных, был квалифицирован как доказательство сговора дистрибьюторов. Каждая из фирм, очевидно, имела веские причины для отказа кинотеатру, и защита заявила, что каждый дистрибьютор принимал свое решение самостоятельно, не зная о решениях других. Но суд постановил, что «явно схожие методы ведения дел» являются достаточным доказательством сговора и что «дополнительные доказательства существования реального соглашения между ответчиками

не требуются». Апелляционный суд поддержал это решение, постановив, что такая улика, как схожие деяния, позволяет возложить заботу о доказательствах на самих ответчиков: те, дескать, должны «предоставить объяснения своих предполагаемых согласованных действий», будто они и так этих объяснений не предоставили.

Задумаемся, на какие выводы наталкивает данное дело. Если три бизнесмена независимо друг от друга приходят к одному и тому же очевидному, лежащему на поверхности решению - они, что же, должны доказывать отсутствие сговора между собой? А если два бизнесмена замечают, что третий осуществляет некую разумную идею, - должны ли они бояться ее перенять, из страха быть обвиненными в сговоре? Допустим, идею переняли - не потащат ли ее автора в суд, чтобы обвинить в сговоре на основании действий двух людей, о которых он в жизни не слыхивал? И как он должен «предоставлять объяснения» своего гипотетического проступка и доказывать свою невиновность?

В том, что касается патентов, антимонопольные законы вроде бы уважают права владельца патента - до той поры, пока он пользуется этим патентом в одиночку, ни с кем не делаясь. Но если он предпочитает не ввязываться в патентную войну с конкурентом, который владеет патентами той же широкой категории, - если они оба отказываются от политики «человек-человеку-волк», в которой так часто обвиняют бизнесменов, - если они решают создать патентный пул и предоставить лицензии на его использование кучке других производителей, которых выберут сами, - тогда антимонопольные законы возьмутся за них обоих. В случае патентного пула наказание предполагает принудительное предоставление лицензий на патенты всякому, кто только пожелает, - либо решительную конфискацию патентов.

Прочитую книгу Нила:

«Принудительное предоставление лицензий на патенты - даже действительные патенты, приобретенные законным образом благодаря изобретательской деятельности служащих самой этой компании, - применяется не для наказания фирм, а для того, чтобы впустить на рынок конкурирующие компании... Например, в деле "ICI and duPont" в 1952 году судья Райан... принял решение о принудительном предоставлении лицензий на существующие патенты в отраслях, к которым относились их ограничительные соглашения, а также на патенты на улучшения, но не на новые патенты в этих отраслях. В данном случае была принята еще одна дополнительная мера, которая в последнее время получила широкое распространение: и ICI, и duPont было вменено в обязанность снабжать

всех желающих по разумной цене техническими руководствами с подробным изложением методов практического использования патентов».

Обратите внимание - это не расценивается как «карательная мера»!

Чьи, собственно, разум, таланты, достижения и права приносятся тут в жертву - и ради чьей незаслуженной выгоды?

Самое шокирующее решение суда в этой мрачной череде (вплоть до 1961 года) было вынесено - как, в сущности, и следовало ожидать - видным «консерватором», судьей Лернедом Хэндом. Его жертвой была ALCOA. Это было дело «Соединенные Штаты против Aluminum Company of America» 1945 года.

По антитрестовским законам монополия как таковая еще не противоправна; противоправно «намерение монополизировать». Чтобы признать ALCOA виновной, судья Лернед Хэнд должен был найти доказательства того, что ALCOA агрессивными мерами старалась вытеснить конкурентов с рынка. Вот какие улики он нашел и взял за основу решения, которое перекрыло кислород одному из крупнейших промышленных концернов Америки. Прочитирую мнение судьи Хэнда:

«Не было неизбежным фактом, что она [ALCOA] будет всегда предвосхищать заранее повышение спроса на металл в слитках и окажется готова удовлетворять его. Ничто не заставляло ее удваивать и учетверять свои мощности прежде, чем на рынок выйдут другие. Она настаивает, что никогда не вытесняла конкурентов; но мы не можем и помыслить о более эффективном способе вытеснения, чем постоянное стремление использовать любую новую благоприятную возможность, как только она появляется, и противопоставлять всякому новичку новые мощности, уже включенные в огромную структуру, имея на своей стороне преимущество опыта, связей с торговыми партнерами и элитарные кадры».

Здесь беззастенчиво обнажаются смысл и цели антимонопольных законов: наказать талант за талантливость, наказать успех за успешность и принести плодотворный гений в жертву требованиям завистливой посредственности.

Если приложить этот принцип к любой производительной деятельности, если запретить умному человеку «использовать любую новую благоприятную возможность, как только она появляется», чтобы, не дай бог, не отбить охоту у какого-нибудь дурня или труса, который вздумает с ним соперничать; это будет означать, что никто из нас, вне зависимости от его профессии, не должен вырываться вперед, совершенствоваться, расти, поскольку личное совершенствование в любой его форме - будь то высокая скорость печати машинистки, лучшая картина

художника, повышенный процент исцеленных у врача - может отбить охоту у новичков, которые еще не принялись за дело, но рассчитывают состязаться с лучшими.

В качестве последнего, завершающего штриха я процитирую примечание мистера Нила к его отчету о деле ALCOA:

«Интересно отметить, что главным доводом, на основании которого экономические обозреватели бранили алюминиевую монополию, был именно тот факт, что ALCOA постоянно упускала возможности для экспансии и так недооценила спрос на металл, что на заре обеих мировых войн Соединенные Штаты испытывали острую нехватку производственных мощностей».

А теперь я попрошу вас держать в голове характер, суть и реальные результаты антимонопольных законов, пока я буду описывать кульминацию, по сравнению с которой меркнут прочие страницы этой отвратительной летописи: дело General Electric от 1961 года.

Перечень обвиняемых по этому делу читается как список героев отрасли производства электротехнического оборудования: General Electric, Westinghouse, Allis-Chamers и еще 26 компаний поменьше. Их преступление состояло в том, что они снабдили вас всеми незаменимыми удобствами и благами электрической эры, от тостеров до генераторов. Именно за это преступление их и покарали - поскольку они не могли снабжать нас всем этим и вообще заниматься бизнесом, не нарушая антимонопольных законов.

Против них было выдвинуто обвинение в заключении тайных соглашений по установлению цен на свою продукцию и в мошенничестве с ценами на торгах. Но в отсутствие таких соглашений крупные компании могли так сбить цены, что мелкие производители, не имея возможности с ними соперничать, разорились бы, в то время как те же самые крупные компании, согласно все тем же антимонопольным законам, угодили бы под суд по обвинению в «намерении монополизировать».

Процитирую статью Ричарда Остина Смита под названием «Невероятный электрический заговор» в журнале *Fortune* (апрель и май 1961 года): «Если General Electric решит занять 50% рынка, это нанесет смертельную рану даже таким сильным компаниям, как I-T-E Circuit Breaker». В той же статье показано, что соглашения по установлению цен не приносили выгоды General Electric, а напротив, наносили урон ее интересам, что, по сути, GE оказалась в роли «дойной коровы», и ее руководство, зная об этом, хотело выйти из «заговора», но оказалось в безвыходной ситуации (из-за антитрестовских и других правительственных

постановлений).

Лучшим доказательством того, что антимонопольные законы были главной причиной, вынудившей электротехническую промышленность к «сговору», стали последствия этого дела - в том, что касалось «решения суда в соответствии с заключенным сторонами мировым соглашением». Когда компания General Electric объявила о своем намерении понизить цены до предела, запротестовали именно мелкие компании и правительство.

В статье мистера Смита упомянуто, что встречи «заговорщиков» начались в результате учреждения Департамента по ценообразованию. Во время войны цены на электрооборудование были фиксированными - их устанавливало правительство, и высшие руководители в области электротехнической промышленности устраивали совещания для обсуждений общего курса. Этот обычай удержался и после ликвидации данного ведомства.

Можно ли вообразить себе логику, по которой политика фиксированных цен является преступлением, если ее практикует бизнесмен, но заботой об обществе, если ее практикует правительство? Даже в мирное время найдется много отраслей - например, автомобильные грузоперевозки, - в которых цены фиксирует правительство. Если фиксирование цен вредит конкуренции, промышленности, производству, потребителю, экономике в целом и «интересам общества» - как утверждают сторонники антимонопольных законов, - то каким же образом эта же вредоносная политика в руках правительства оборачивается благотворной? Поскольку на этот вопрос нет рационального ответа, я советую вам усомниться в экономических познаниях, намерениях и мотивах ярых борцов с монополиями.

Электрические компании даже не пытались защищаться от обвинения в «заговоре». Дело в том, что антитрестовские законы представляют такую смертельную опасность для тех, кто пытается оправдаться, что защита становится практически невозможной. В этих законах сказано, что на компанию, признанную виновной в нарушении антитрестовских законов, может подать в суд любой ее клиент, считающий себя пострадавшим, и требовать трехкратного возмещения убытков. В случае такого крупномасштабного дела, как процесс над электротехнической промышленностью, подобные иски о возмещении убытков могут, как это легко себе представить, разорить всех ответчиков подчистую. Перед лицом подобной угрозы кто сможет или захочет защищаться в суде, где нет ни объективных законов, ни объективных критериев вины или невиновности,

ни объективного способа оценить свои шансы на успех?

Попробуйте вообразить, какие крики негодования, какие протесты раздадутся со всех сторон, если какую-либо другую группу людей, какое-либо другое меньшинство подвергнут суду, где приняты все меры, чтобы сделать защиту невозможной, - или где законы предписывают: чем серьезнее обвинение, тем опаснее защита. Очевидно, в случае с истинными преступниками верно прямо противоположное: чем серьезнее преступление, тем больше предосторожностей и мер защиты, предписанных законом, дабы предоставить ответчику шанс на оправдание за недостаточностью улик. Только бизнесмены должны являться в суд связанными и с кляпом во рту.

А с чего же началось правительственное расследование положения в электротехнической промышленности? В статье мистера Смита указано, что расследование началось из-за жалоб TVA и требований сенатора Кифауэра. Это было в 1959 году, при республиканской администрации Эйзенхауэра. Процитирую журнал *Time* от 17 февраля 1961 года:

«Сбор улик по антитрестовским делам часто дается правительству с большими трудностями, но на сей раз ему повезло. В октябре 1959 года на судебном процессе по некоему антитрестовскому делу четыре бизнесмена из Огайо были приговорены к тюремному заключению. (Один из них по дороге в тюрьму покончил с собой.) Эта новость посеяла панику в рядах руководителей электротехнических компаний, находившихся под следствием, и некоторые из них в обмен на гарантии неприкосновенности согласились дать показания о своих коллегах. На основе улик, полученных от этих людей (которые в большинстве своем сохранили свои посты), правительство подытожило дело».

Таковыми словами здесь описывают не гангстеров, не рэкетиров, не торговцев наркотиками - а бизнесменов, производителей, творцов, умелых и компетентных членов общества. Однако теперь антитрестовские законы, на этом новом этапе, явно стараются превратить деловой мир в мир криминала, с осведомителями, подсадными утками, провокаторами, особыми «сделками»... в общем, все, как в сериале «Неприкасаемые» о борьбе ФБР с мафией.

Семь руководителей электротехнических компаний были приговорены к тюремному заключению. Мы никогда не узнаем, что происходило за кулисами этого судебного процесса или на переговорах компаний с правительством. Были ли эти семеро ответственны за гипотетический «заговор»? Если они и виновны, то действительно ли их вина тяжелее, чем у других? Кто на них «настучал» - и за что? Может быть, их оклеветали?

Может быть, они поддались на провокацию? На алтарь чьих интересов, амбиций, целей их принесли в жертву? Мы не знаем. В ситуации, созданной антитрестовскими законами, этого никак не узнать.

Когда эти семеро, не имевшие возможности защищаться, явились в суд, чтобы выслушать приговор, их адвокаты обратились к судье с ходатайством о помиловании. Процитирую тот же отчет в *Time*:

«Первым выступил адвокат... вице-президента компании Westinghouse, с ходатайством о помиловании. Его клиент, сообщил адвокат, является членом приходского управления епископальной церкви Св. Иоанна в Шэроне, штат Пенсильвания, и жертвует на благотворительные учреждения для детей-инвалидов. Адвокат другого ответчика подчеркнул, что его клиент - "директор клуба для мальчиков в Скенектади, штат Нью-Йорк, и председатель комитета по сбору средств на постройку новой иезуитской семинарии в Леноксе, штат Массачусетс"».

Итак, адвокаты этих людей нашли нужным сослаться не на их достижения, не на их таланты в области индустрии, не на их ум и даже не на их права - но на их альтруистичное «служение» «благосостоянию нуждающихся». Значит, нуждающиеся имеют право на благосостояние - но те, кто это благосостояние обеспечивает, такого права не имеют. Благосостояние и права производителей не были сочтены заслуживающими признания и учета. Вот самый страшный обвинительный акт против нынешнего состояния нашей культуры.

Последним штрихом всего этого отвратительного фарса стало заключение судьи Гейни. Он сказал: «Тут поставлено на кон не что иное, как дальнейшее существование той экономики, благодаря которой Америка стала великой державой, системы свободного предпринимательства». С этими словами он нанес системе свободного предпринимательства самый сокрушительный удар за всю ее историю, отправив в тюрьму семерых из ее лучших представителей и тем самым провозгласив, что к тем же самым людям, которые сделали Америку великой, - бизнесменам - теперь в силу самой их натуры и профессии следует относиться как к преступникам.

В лице этих семерых он вынес приговор системе свободного предпринимательства.

Эти семеро стали мучениками. С ними обошлись, как с жертвенными животными - по сути, то было человеческое жертвоприношение, воистину более жестокое, чем человеческие жертвы, которые приносили доисторические дикари в джунглях.

Если вас волнует справедливое отношение к меньшинствам, помните,

что бизнесмены - небольшое меньшинство, очень небольшое по сравнению со всеми бескультурными ордами нашей планеты. Помните, сколь многим вы обязаны этому меньшинству - и какому позорному преследованию оно подвергается. Помните также, что самое маленькое меньшинство на свете - это отдельный человек. Те, кто отказывает отдельному человеку в правах, не могут претендовать на звание защитников меньшинств.

Что нам следует делать в этой связи? Нам следует потребовать пересмотра и переработки всего вопроса об антитрестовской деятельности. Нам следует оспорить его философскую, политическую, экономическую и нравственную базу. Нужно создать Союз гражданских свобод для бизнесменов. Нашей конечной целью должна стать отмена антитрестовских законов; это потребует долгой борьбы на интеллектуальном и политическом фронте; но тем временем и в качестве первого шага мы должны потребовать отменить положения этих законов о наказании тюремным заключением. И без того дурно, что к людям применяют штрафы и другие финансовые санкции по законам, которые единодушно считаются необъективными, противоречивыми и не способными сформулировать состав преступления, поскольку нет двух юристов, которые одинаково трактовали бы их смысл и применение; в таких двусмысленных законах просто непристойно даже упоминать о санкциях в форме тюремного заключения. Следует положить конец возмутительному обычаю сажать в тюрьму людей за то, что они нарушают невразумительные законы, не нарушить которые просто невозможно.

Бизнесмены - это единственная категория людей, отличающая капитализм и американский образ жизни от тоталитарного этатизма, который постепенно подминает под себя весь остальной мир. Все другие слои общества - рабочие, фермеры, профессионалы, ученые, солдаты - существуют и при диктатурах, хотя и прозябают в страхе, в цепях, в нищете, в условиях прогрессирующего саморазрушения. Но при диктатуре такая категория, как бизнесмены, отсутствует. Их место занимают вооруженные бандиты: чиновники и комиссары. Бизнесмены - символ свободного общества, символ Америки. Если они погибнут, в тот миг, когда они погибнут, с ними погибнет цивилизация. Но если вы хотите бороться за свободу, вы должны начать с борьбы за ее обойденных наградами, непризнанных, негласных, но лучших представителей - американских бизнесменов.

1962 г .

4. Антимонополия

Алан Гринспен

Слово «антимонополия» напоминает нам об «Алисе в Стране Чудес»: где-то что-то, кажется, существует, и в то же время определенно не существует. Это мир, в котором конкуренция провозглашается краеугольным камнем и руководящим принципом, и в то же время чрезмерная конкуренция тут же удостоивается ярлыка «убийственной». Это мир, в котором любые действия, направленные на ограничение конкуренции, считаются преступлением, если исходят от бизнеса, предпринятые же правительством, те же шаги обретают статус «прогрессивных». Это мир, в котором закон столь расплывчат, что бизнесмен до самого конца не знает, какие из его действий будут объявлены преступными, - и узнает об этом лишь позднее - из приговора судьи.

Учитывая многочисленные нестыковки, противоречия и юридические хитросплетения, окружающие понятие антимонополии, я полагаю, что все оно должно быть подвергнуто пристальному изучению. Мы должны понять и оценить, во-первых, исторические корни антимонопольного законодательства и, во-вторых, экономические теории, на которых базируются подобные законы.

Для американцев сосредоточение в руках политиков деспотической власти всегда представлялось худшим из кошмаров. До Гражданской войны мало кто признавал возможность концентрации подобной власти в руках бизнесменов. Считалось, что власти способны принуждать к подчинению силой, тогда как бизнес подобной силой не обладает. Бизнесмену необходимы клиенты, и он вынужден апеллировать к их интересам.

Эти представления, однако, стали быстро меняться после Гражданской войны, в особенности - с наступлением эры железных дорог. Казалось бы, железные дороги не опирались на силу закона. Однако для фермеров Запада железные дороги обладали воистину неограниченной властью, которая ранее приписывалась лишь правительству. Оказалось, что железнодорожники не подвержены влиянию законов конкуренции. Они взимали тарифы, которые делали фермерские доходы едва достаточными для того, чтобы обеспечить себя посевным зерном - не больше, не меньше. Протесты фермеров вылились в создание национального движения

грейнджеров, чьими усилиями в 1887 году был принят Межштатный транспортный закон.

Промышленные гиганты, активно развивавшиеся в этот период, - такие как корпорация Рокфеллера Standard Oil, - также были вынуждены постоянно терпеть обвинения в игнорировании законов конкуренции, законов соотношения спроса и предложения. Общественное осуждение монополий достигло своей кульминации в Законе Шермана, принятом в 1890 году.

После этого в обществе возобладала точка зрения, которая является общепринятой и поныне: она гласит, что бизнес, будучи предоставлен сам себе, неизбежно превращается в силу, обладающую неограниченной властью. Правомочно ли это утверждение? Быть может, период, наступивший вслед за Гражданской войной, дал жизнь новой форме неограниченной власти? Или же источником этой власти все равно остается государство, а бизнес лишь обеспечивает новые пути для ее реализации? Вот ключевой вопрос истории.

На Востоке, в период, предшествовавший Гражданской войне, железные дороги развивались в непрерывной конкуренции между собой, как и более старые виды транспорта - баржи, речные суда, дилижансы. К 60-м годам XIX столетия политики начали активно продвигать идею строительства железных дорог на Западе, чтобы связать Калифорнию с остальной частью страны: на кону стоял государственный престиж. Но объем перевозок за пределами плотно населенных восточных штатов был явно недостаточным для активного развития коммерческой железнодорожной сети в западном направлении. Потенциальные доходы не могли покрыть значительных вложений в транспортную инфраструктуру. И вот было принято решение о субсидировании железных дорог, дабы подстегнуть их движение к западу.

В промежутке между 1863 и 1867 годами железным дорогам было бесплатно передано более ста миллионов акров общественной земли. Поскольку эти земли получали конкретные компании, другие железные дороги уже не могли составить им конкуренцию в соответствующих районах Запада. При этом альтернативные средства транспорта (дилижансы, речные суда) не могли конкурировать с железными дорогами в западных штатах. Таким образом, при помощи федерального правительства, железнодорожные перевозки на Западе оказались свободны от пут конкуренции, традиционно существовавших на Востоке.

Как и следовало предположить, государственные субсидии оказались особенно привлекательными для деятелей того сорта, что постоянно

крутятся на обочине бизнеса в поисках легких денег. Множество железных дорог на Западе оказались построенными из рук вон плохо, ибо они изначально создавались отнюдь не для транспортных перевозок, а исключительно для получения общественных земель.

Западные железные дороги были настоящей монополией, в буквальном значении этого слова. Они могли действовать с позиции абсолютной власти. И не пренебрегали этой возможностью. Но источником их силы был отнюдь не свободный рынок, а правительственные субсидии и государственные ограничения.

Когда, в конце концов, объем перевозок в западных штатах вырос настолько, что другие перевозчики также смогли с достаточной прибылью оперировать на этом рынке, монополии очень скоро пришел конец. Невзирая на первоначальные привилегии, монополисты не смогли противостоять давлению свободной конкуренции.

Однако вскоре в нашей экономической истории произошел зловещий поворот: в 1887 году был принят Межштатный транспортный закон.

Причиной появления подобного закона были отнюдь не гримасы свободного рынка. Как и многие последующие попытки законодательного контроля над бизнесом, этот закон стал попыткой излечить экономику от перекосов, созданных предыдущим государственным вмешательством, - хотя обвинение в их появлении пало, разумеется, на свободный рынок. Межштатный транспортный закон, в свою очередь, породил новые перекосы в структуре и финансировании железнодорожных перевозок. Теперь предполагается устранить уже эти, новые проблемы с помощью новых субсидий. Железные дороги находятся на грани финансового краха, и все же никто не желает вернуться к первоначальному, неправильно поставленному диагнозу, дабы выяснить - и устранить - истинные причины болезни.

Было бы чудовищной ошибкой интерпретировать историю железнодорожной отрасли в XIX столетии как доказательство несостоятельности свободного рынка. Такой же ошибкой, сохранившейся до сего дня, был в XIX веке страх перед «трастами».

Самым одиозным из «трастов» был Standard Oil. Однако во времена, когда был принят Закон Шермана, в доавтомобильную эпоху, вся нефтяная индустрия производила менее одного процента ВВП и по своим масштабам была втрое менее внушительна, нежели производство обуви. Тем не менее опасения вызывали не абсолютные масштабы монополий, а их доминирование в рамках собственных отраслей промышленности. При этом противники монополии оказались не в силах уяснить: в ту эпоху, на

переломе столетий, способность Standard Oil контролировать 80% нефтеперерабатывающего производства была экономически оправдана и обеспечивала рост американской экономики.

Именно контроль корпорации над отраслью позволял увеличивать эффективность производства путем внедрения разнообразных способов нефтепереработки и транспортировки, маркетинговых практик. Кроме того, это упрощало и удешевляло рост капитала. Монополии появились потому, что именно они оказались наиболее эффективными механизмами для развития тех отраслей промышленности, которые, будучи сравнительно молодыми, оказались не в состоянии обеспечить возможности для развития более чем одной компании.

Исторически развитие любой сферы производства происходит по одной и той же схеме: сначала в отрасли появляется несколько небольших компаний, затем часть из них объединяется, что позволяет увеличить как эффективность, так и доходность. По мере расширения рынка на него приходят новые фирмы, что сокращает долю рынка, принадлежащую крупнейшей компании в отрасли. По этой схеме развивались сталелитейная, нефтяная, алюминиевая, транспортная, равно как и большинство других отраслей производства.

Наблюдаемая тенденция, согласно которой доминирующая в отрасли компания теряет часть собственной доли рынка, вызвана отнюдь не антимонопольным законодательством: в реальности дело в том, что невозможно остановить выход новых компаний на рынок, когда растет потребность в соответствующем товаре. К примеру, Техасо и Gulf стали бы крупными компаниями даже в том случае, если бы не распалась корпорация Standard Oil. Соответственно, и доминирующее положение United States Steel в сталелитейной отрасли полвека назад было бы поколеблено и без Закона Шермана.

В свободной экономике требуется недюжинное искусство, чтобы удерживать за собой более 50% рынка. Для этого необходимы высокая интенсивность производства, безошибочное деловое чутье и постоянная работа над улучшением товаров и технологий. Те немногие компании, которые удерживают соответствующую долю рынка годами и десятилетиями, достигают этого за счет эффективности производства, - и заслуживают славословий, а не проклятий.

Можно понять, откуда появился Закон Шермана, если вспомнить о страхах и экономической невежественности XIX столетия. Но в контексте сегодняшних экономических знаний он воспринимается как сущая нелепица. Семидесятилетний опыт изучения промышленного развития

должен был нас хоть чему-то научить.

Однако если попытки оправдать наше антимонопольное законодательство историческими причинами являются в корне ошибочными и основаны на недостаточном понимании истории, то его теоретические оправдания содержат в себе еще более грубую ошибку.

На заре существования США американский народ наслаждался экономической свободой. Каждый мог свободно производить любой товар и продавать его любому, согласному купить, по удовлетворяющей обоим цене. Если две конкурирующие фирмы приходили к заключению, что согласованная ценовая политика идет на пользу каждой из них, они свободно могли договориться о такой политике. Если клиент просил сделать ему скидку, предлагая что-то взамен, компания (обычно железная дорога) могла удовлетворить просьбу или же отказать в ней, в зависимости от собственного понимания своей выгоды. Как утверждала классическая экономическая наука, пользовавшаяся большим уважением в XIX столетии, конкуренция обеспечивала сбалансированность экономики.

Однако в то время как многие теории классических экономистов - к примеру, описание механизмов свободной экономики - были крайне ценными, предложенная ими концепция конкуренции оказалась весьма неоднозначной и внесла сумятицу в умы адептов. Из нее следовало, что смысл конкуренции, по большому счету, в том, чтобы производить и продавать как можно больше, подобно роботам, полагая рыночные цены неизменными, как законы природы, и не делая ни малейшей попытки повлиять на состояние рынка. Однако в реальности коммерсант второй половины XIX века прилагал всю свою энергию, чтобы повлиять на рынок - с помощью рекламы, изменения объемов производства, ожесточенного торга с поставщиками и покупателями.

Многие исследователи сходятся во мнениях, что подобная деятельность несовместима с классической экономической теорией. Отсюда они заключили, что конкуренция более не эффективна. Однако в том смысле, в каком они понимают конкуренцию, она никогда не была эффективна и, более того, не существовала вовсе - за исключением каких-нибудь обособленных сельскохозяйственных рынков. Однако конкуренция в истинном значении этого слова все-таки существовала и существует - сегодня не менее, нежели в XIX веке.

«Конкуренция» - слово активное, а не пассивное. Ее законы касаются экономики в целом, то есть не только производства, но и торговли; и заключается она в осуществлении тех или иных шагов для изменения рынка в чью бы то ни было пользу.

Ошибка экспертов XIX столетия заключалась в попытке свести крайне широкое абстрактное понятие «конкуренция» к узкому набору конкретных примеров, к «пассивной» конкуренции, основанной на их собственной интерпретации классической экономики. В результате они пришли к заключению, что широко объявленный «конец» существующей лишь в воображении «пассивной конкуренции» противоречит всем теоретическим построениям классической экономики, включая и утверждение, что невмешательство государства в рыночные отношения - это наиболее эффективный и продуктивный из всех существующих экономических принципов. Они решили, что свободный рынок, по сути своей, носит в себе свою собственную гибель, - и впали в противоречие, пытаясь спасти свободный рынок с помощью государственного контроля. Таким образом, они спасали ценности свободной от государственного вмешательства экономики путем их тотальной отмены.

Однако на один вопрос им не удалось ответить. Действительно ли «активная» конкуренция неизбежно приводит к принудительному установлению монополии, как они предполагали? Или же, напротив, основанная на «активной» конкуренции свободная от государственного вмешательства рыночная экономика несет в себе встроенный предохранитель, защищающий ее от подобной возможности? Именно этот вопрос мы сейчас и рассматриваем.

«Принудительная монополия» - компания, которая организует производство и устанавливает цены на товары независимо от рынка, без оглядки на конкуренцию, на законы спроса и предложения. Если подобные монополии займут ведущее место в какой бы то ни было экономической системе, в ней возобладают косность и застой.

Единственная возможность для искусственного создания монополий - закрытый выход на рынок для всех, кто может составить конкуренцию в соответствующей отрасли. Этой цели можно достичь лишь с помощью государственного вмешательства в форме специальных постановлений, субсидий или лицензий. Без государственной поддержки предполагаемый монополист будет не в состоянии устанавливать и удерживать цены на свои товары независимо от остальных экономических факторов: ведь если он установит цены, гарантирующие новым игрокам на рынке прибыль существенно большую, нежели в других отраслях, потенциальные конкуренты тотчас же оккупируют столь заманчивую рыночную нишу.

Наилучшее регулирование конкуренции в свободной экономике осуществляет рынок капитала. Пока перемещение капитала остается свободным, денежный поток будет искать ту отрасль, которая обещает

максимальную прибыль.

Потенциального инвестора заботит не только коэффициент окупаемости капиталовложений, демонстрируемый компаниями той или иной отрасли. Его решение о том, куда инвестировать средства, зависит от того, что он лично сможет заработать в той или иной области. Существующая в отрасли норма прибыли рассчитывается исходя из существующих цен. При этом ему следует иметь в виду, что новый игрок, выйдя на рынок, вполне вероятно, не сразу сможет выйти на уровень цен, уже достигнутый компаниями - старожилами отрасли.

Существование свободного рынка капитала не дает гарантии, что монополист, получающий высокие доходы, непременно столкнется с конкуренцией. Зато он гарантирует, что монополист, чьи высокие доходы обеспечены не низкими издержками, а высокими ценами, рано или поздно столкнется с конкуренцией, идущей от рынка капитала.

Рынок капитала выступает в роли регулятора цен, но при этом не обязательно регулирует доходы. Он позволяет каждому предпринимателю заработать столько, сколько он сможет, снижая издержки и повышая эффективность производства в сравнении с конкурентами. Таким образом, мы наблюдаем создание механизма, стимулирующего рост производительности и, в результате, способствующего повышению качества жизни.

Этот процесс можно проиллюстрировать историей Aluminum Company of America (ALCOA) перед Второй мировой войной. Для защиты своих интересов и доходов в долгосрочной перспективе ALCOA поддерживала цены на первичный алюминий на уровне, устраивавшем максимально широкие слои участников рынка. Тем не менее при таком уровне цен компания сохраняла высокую доходность за счет гигантских усилий, направленных на повышение эффективности и производительности.

ALCOA действительно была монополией, оставаясь единственным производителем первичного алюминия, но она не была искусственно созданной монополией, то есть не могла устанавливать цены без оглядки на конкурентную среду. При этом именно готовность компании принимать меры для снижения издержек и повышения эффективности вместо того, чтобы повышать цены, позволила ей так долго сохранять свое положение единственного производителя первичного алюминия. Если бы ALCOA попыталась увеличить свои доходы за счет повышения цен, она очень скоро столкнулась бы в конкурентной борьбе с новыми компаниями, вышедшими на рынок первичного алюминия.

Анализируя конкурентные процессы в экономике, свободной от

государственного вмешательства, следует понимать, что затраты капитала (инвестиции, которые действующие игроки рынка и новички вкладывают в производственные помещения и оборудование) определяются не только текущей доходностью. Будут ли сделаны соответствующие вложения или нет, зависит от оценки сегодняшней дисконтированной стоимости будущих доходов. Соответственно, придет ли потенциальный конкурент на пока еще монополизированный рынок, зависит от того, сможет ли он в будущем окупить вложенные в это средства.

Сегодняшняя стоимость дисконтированных будущих доходов в той или иной отрасли определяется рыночной ценой обычных акций компаний, действующих в соответствующей отрасли. Если акции какой-либо компании (или компаний какой-либо отрасли в целом) растут в цене, это означает, что сегодняшняя величина предполагаемой завтрашней прибыли также растет.

Статистика демонстрирует нам корреляцию между биржевыми ценами и затратами капитала не только в рамках индустрии в целом, но и внутри отдельных крупных групп производителей. При этом между колебаниями биржевых цен и последующими колебаниями затрат компаний проходит достаточно мало времени, что доказывает: новые инвестиции капитала без задержек следуют за оценкой будущих доходов. Если сегодня, когда государство ставит препоны свободному движению капитала, данный механизм работает столь быстро, следовательно, на абсолютно свободном рынке он окажется еще более эффективным.

Движение национального капитала в полностью свободной экономике будет постоянно перемещать деньги в доходные отрасли. Таким образом, будет осуществляться эффективный контроль над рыночными ценами и производственной политикой компаний, делая возникновение искусственных монополий в принципе невозможным. Подобные монополии могут процветать лишь в так называемой «смешанной» экономике, где от дисциплины рынка капитала их защищает система лицензий, субсидий и привилегий, устанавливаемых государственными регулирующими органами.

Итак, подведем итоги. Вся система государственного антимонопольного законодательства в США представляет собой не что иное, как смесь экономической бессмыслицы и безграмотности. В основе ее лежит, во-первых, категорически ошибочное толкование истории и, во-вторых, весьма наивные экономические теории.

Некоторые в качестве последнего довода утверждают: по крайней мере, антимонопольные законы не наносят никакого вреда. По их мнению,

хотя процесс конкуренции сам по себе сдерживает развитие монополий, нет ничего плохого в том, чтобы еще раз подстраховаться, объявив те или иные экономические деяния незаконными.

Однако само по себе существование этих бессмысленных актов и противоречивых законов приводит к тому, что бизнесмены отказываются браться за проекты, которые в ином случае могли бы привести к возникновению эффективных предприятий. Никто не знает, сколько новых товаров, производственных процессов, технических приспособлений, слияний, служащих снижению издержек, так никогда и не состоялись, будучи уничтоженными Законом Шермана еще до рождения. Никто не в состоянии определить цену, которую каждый из нас заплатил за этот закон, препятствующий более эффективному использованию капитала, а значит, сдерживающий рост качества жизни.

И уж совсем невозможно отрицать тот урон карьере, репутации и самой жизни каждого бизнесмена, приговоренного к тюремному заключению по обвинению в нарушении антимонопольного законодательства.

Тем же, кто предполагает, что антимонопольное законодательство призвано защищать конкуренцию, промышленность и эффективность бизнеса, следует напомнить цитату, произнесенную судьей Лернедом Хэндом в обвинительном заключении по поводу так называемых «монополистических действий» компании ALCOA:

«Не было необходимости в том, чтобы, предвидя растущий спрос на металл, постоянно стремиться удовлетворить его. Никто не вынуждал компанию вновь и вновь удваивать свои мощности, пока другие игроки не вышли на рынок. Они утверждают, что никогда не пытались выжить с рынка конкурентов; однако невозможно представить себе более совершенный способ борьбы с конкуренцией, нежели мгновенное использование каждой вновь открывающейся возможности. Выходя на рынок, новички видели, что все ниши уже заняты гигантской организацией, у которой к тому же есть преимущество в опыте, торговых связях и качестве персонала».

Таким образом, ALCOA обвинили в том, что она слишком успешна, слишком эффективна, слишком хорошо ведет конкурентную борьбу. Какой бы вред не причинили антимонопольные законы нашей экономике, каких бы перекосов не произошло из-за них в структуре национального капитала, все это меркнет перед упомянутым выше. Какие бы декларированные и тайные цели не преследовали антимонопольные законы, на практике их применение привело к обвинениям в адрес деятельных и успешных членов

общества, полученных ими единственно за их производительность и эффективность.

5. Всеобщие заблуждения относительно капитализма[\[18\]](#)

Натаниэль Бранден

Монополии

Как можно предотвратить в капиталистическом обществе, свободном от государственного контроля, появление могущественных монополий, способных захватить контроль над всей экономикой?

Одна из наиболее распространенных экономических ошибок - пропагандировавшееся Карлом Марксом и принимаемое сегодня многими, включая бизнесменов, утверждение, что развитие монополий - существенный и неизбежный результат функционирования свободной нерегулируемой экономики. На самом деле верно обратное: именно свободный рынок не допускает развития монополий.

Необходимо четко и конкретно трактовать понятие «монополия». Рассуждая в политическом или экономическом контексте об опасности монополий и чинимом ими зле, люди чаще всего имеют в виду «*принудительные монополии*» - то есть единолично контролирующие ту или иную сферу производства, где отсутствует конкуренция. В этом случае монополия может придерживаться любой производственной политики и устанавливать любые цены, не оглядываясь на рынок, независимо от закона соотношения спроса и предложения. Важно отметить: такая монополия влечет за собой не отсутствие, а *невозможность* конкуренции. Это характерный признак принудительной монополии, о котором необходимо помнить, выдвигая любые обвинения в ее адрес.

За всю историю капитализма никому не удалось установить принудительную монополию на свободном рынке посредством свободной конкуренции. Запретить конкуренцию в той или иной сфере производства можно единственным способом - с помощью закона. Любая существовавшая и существующая искусственная монополия - в США, Европе, в любой стране мира, - *стала возможной и была создана с помощью государства*: посредством выдачи специальных разрешений, лицензий, субсидий, законодательных актов, дарующих особые привилегии (*невозможные* на свободном рынке) какому-либо лицу или группе лиц, а также посредством прямых запретов конкурировать с ними.

Искусственная монополия - не результат деятельности свободного рынка. Она - результат упразднения свободного рынка в пользу иного принципа - принципа государственности.

В нашей стране искусственной монополией являются коммунальные службы: государство предоставляет им право оказывать услуги на

определенной территории, запрещая другим компаниям действовать одновременно с ними. К примеру, потенциальный конкурент, вздумавший предоставлять в том же районе электричество, не сможет этого сделать по закону. Также искусственно монополизирована услуга телефонной связи. Во время Второй мировой войны государство слило в единую монополию и две существовавшие ранее телеграфные компании - Western Union и Postal Telegraph.

В сравнительно свободную эпоху американского капитализма, в конце XIX - начале XX века, было предпринято множество попыток монополизировать рынки различных сырьевых товаров (самые известные примеры связаны с рынками хлопка и пшеницы), закрыв соответствующую отрасль для конкурентов, и получать огромные прибыли, вздувая цены. Но все эти попытки провалились. Люди, предпринимавшие их, были вынуждены сдаться - или обанкротиться. Их победила не сила закона, а сила свободного рынка.

Нас часто спрашивают: а что, если крупная и богатая компания начнет скупать своих мелких конкурентов или выдавливать их с рынка, снижая цены или продавая товары себе в убыток? Сможет ли она захватить рынок, чтобы впоследствии вздуть цены и остановиться в своем развитии, не боясь конкуренции? Наш ответ: такого не может быть. Если компания несет значительные убытки, пытаясь выдавливать с рынка конкурентов, она вынуждена будет устанавливать высокие цены, чтобы покрыть убытки. Это станет сигналом для новых конкурентов, которые получат возможность выйти на рынок, чтобы получить выгоды от его высокой доходности: ведь им не придется покрывать свои потери! Новые конкуренты вынудят цены вновь вернуться к рыночному уровню. Крупная компания, таким образом, будет вынуждена оставить попытки установить монопольные цены - или обанкротиться в борьбе с конкурентами, которых ее собственная политика привлекла на рынок.

Ни одной компании не удалось выиграть ни одну «ценовую войну» в попытках создать монополию или установить цены выше рыночных, игнорируя закон соотношения спроса и предложения, - это исторический факт. При этом ценовые войны помогали повысить экономическую эффективность конкурирующих компаний, - и, таким образом, шли на пользу обществу, обеспечивая выход на рынок товаров более высокого качества по более низким ценам.

Рассматривая данную проблему, люди часто игнорируют важнейшую роль рынка капитала в свободной экономике. Об этом говорит Алан Гринспен в своей статье «Антимонополия» (глава 4 наст. изд.): если

выходу на тот или иной рынок не препятствуют правительственные предписания, разрешения и субсидии, то «основным регулятором конкуренции в свободной экономике является рынок капитала. Пока перемещение капитала остается свободным, он будет стремиться в ту отрасль, которая обещает максимальную прибыль».

Инвесторы всегда ищут наиболее выгодного применения своим капиталам. Таким образом, если определенная сфера производства обещает высокую доходность (особенно если доходность обеспечивают высокие цены, а не низкие издержки), бизнесмены и инвесторы непременно придут на соответствующий рынок. И, поскольку предложение соответствующей продукции будет расти относительно спроса, цены на нее неизбежно поползут вниз. «Рынок капитала - пишет Гринспен, - выступает в роли регулятора цен, но при этом не обязательно регулирует доходы. Он позволяет каждому предпринимателю заработать столько, сколько он сможет, снижая издержки и повышая эффективность производства в сравнении с конкурентами. Таким образом, мы наблюдаем создание механизма, стимулирующего рост производительности и, в результате, способствующего повышению качества жизни».

Свободный рынок не оставляет экономически безнаказанными ни отсутствие эффективности, ни застой в любой из сфер производства. Рассмотрим для примера хорошо известный случай из истории автомобильной индустрии США. В определенный период Ford T, созданный Генри Фордом, занимал основную часть рынка автомобилей. Но когда компания Форда начала стагнировать, отказываясь от стилистических изменений этой модели: «Вы можете выбрать Ford T любого цвета, при том условии, что он будет черным», - General Motors со своим более внешне привлекательным Chevrolet отнял у Форда значительную долю рынка. И тогда компания Ford была вынуждена изменить свою политику, чтобы быть в состоянии угнаться за конкурентами. И подобные примеры можно найти в истории практически любой отрасли производства.

Если мы рассмотрим единственный вид монополии, который может существовать при капитализме, - непринудительную монополию, - мы увидим, что ее производственная политика и устанавливаемые ею цены зависят от рынка, на котором она действует, и подчиняются закону соотношения спроса и предложения. Мы поймем, что нет никакого смысла в том, чтобы сдерживать развитие подобных монополий.

К примеру, если в небольшом городке работает лишь одна аптека, которой с трудом удастся сводить концы с концами, ее владельца можно

назвать «монополистом» - однако в данном контексте никто не будет использовать подобный термин. Для второй аптеки в этом городе нет рыночной ниши и возможностей для развития, для нее не наберется достаточно покупателей. Но если город будет расти, единственная аптека никакими силами не сможет предотвратить появление конкурентов.

Часто полагают, что добыча полезных ископаемых - отрасль, особенно подверженная опасности монополизации, поскольку ресурсы, добываемые из земных недр, существуют в конечном количестве, и считается, что какая-нибудь компания вполне может постараться захватить контроль над всеми ископаемыми определенного вида. Однако заметьте: канадская компания International Nickel производит более двух третей всего мирового никеля - но все же не устанавливает на него монопольные цены. Ее цены таковы, как будто на рынке существует сильная конкуренция, - и она действительно существует. Никель (в форме сплавов и нержавеющей стали) конкурирует с алюминием и многими другими материалами. Редко признаваемый принцип, действующий в подобных случаях, заключается в том, что ни один продукт, товар или материал не является и не может быть критично необходимым для экономики без привязки к цене. Один товар может быть предпочтительнее других товаров. К примеру, когда цены на каменный уголь росли (из-за того, что Джон Льюис искусственно поднимал заработные платы до экономически неоправданных цифр), это стало причиной массового перепрофилирования в ряде отраслей, где стали использоваться нефть и газ. Свободный рынок защищает себя сам.

Если компания сумела установить непринудительную монополию в той или иной отрасли, если ей удалось привлечь всех потребителей, не используя дарованные правительством привилегии, но лишь увеличивая эффективность производства, предлагая товар по более низким ценам либо более высокого качества, чем конкуренты, - подобную монополию не в чем упрекнуть. Наоборот, такая компания достойна всяческих похвал и наивысших оценок.

Никто не может предъявлять моральные претензии к конкурентам, не будучи в состоянии соответствовать им по эффективности производства. Людям нет резона покупать товары худшего качества по более высоким ценам только для того, чтобы поддержать на плаву неэффективную компанию. В условиях капитализма любой человек, любая компания имеют право победить конкурентов, если они в состоянии сделать это. Именно так свободный рынок награждает способных к выгоде каждого.

Чаще всего противники капитализма в связи с обсуждаемой проблемой приводят пример бакалейной лавочки на углу, вытесненной из

бизнеса большим сетевым супермаркетом. В чем же основной смысл этого примера? Не в том ли, что живущие по соседству люди должны продолжать делать покупки в старой лавке, несмотря на то, что новый супермаркет предлагает им лучший сервис за меньшие деньги, помогая сэкономить? В этом случае и сам супермаркет, и покупатели, живущие по соседству, достойны наказания во имя защиты застойного существования старого бакалейщика. По какому праву? Если бакалейщик не в состоянии конкурировать с супермаркетом, ему следует перенести свой бизнес в другое место, заняться чем-нибудь другим или наняться на работу в супермаркет. Капитализм по своей природе находится в постоянном движении, обеспечивающем рост и прогресс. Ни у кого нет неотчуждаемого права занимать место на рынке, если другие в состоянии сделать потребителю лучшее предложение.

Когда говорят о «жестокости» свободного рынка, де-факто осуждают основной моральный принцип, которым этот рынок руководствуется: справедливость. И именно в этом - главная причина ненависти к капитализму.

Единственный вид монополии действительно заслуживает осуждения - принудительная монополия. (При этом следует помнить, что, если речь идет о непринудительной монополии, «монополистом» можно назвать любого, поскольку он является обладателем эксклюзивных умений или продуктов. Но это никто не считает злом - кроме, разумеется, социалистов).

В случае с монополией, как и в ряде других случаев, капитализм обвиняют в злодеяниях, совершенных его противниками. Принудительные монополии создает не свободная торговля, не свободный рынок, - но государственное регулирование, государственная политика, государственный контроль. Если кого-то беспокоит проблема монополий, давайте покажем ему истинного виновника и истинную причину зла: государственное вмешательство в экономику. Давайте поможем ему осознать, что существует единственный способ избавиться от монополий: разделить государство и экономику, введя в действие правила, в соответствии с которыми государство не будет иметь права посягать на свободу производства и торговли.

Июнь 1962 г.

Депрессии

Неизбежны ли экономические депрессии при капитализме?

Противники капитализма часто обвиняют его в грехах, единственной причиной которых является государственное вмешательство в экономику.

Я уже приводил вопиющий пример подобного подхода: ответственность, которую несет капитализм за создание принудительных монополий. Еще один печально известный пример данного подхода - утверждение, что капитализм по своей природе непременно обречен на периодические депрессии.

Статистики неоднократно утверждали, что депрессии (феномен так называемого бизнес-цикла «роста и спада») присущи свободному рынку, и что крах 1929 года стал финальным доказательством несостоятельности нерегулируемой экономики и свободного рынка. Какова же доля правды в этом утверждении?

Депрессия - это масштабный упадок в производстве и торговле, ее характеризует резкое падение производства, сокращение инвестиций, уменьшение числа рабочих мест, а также снижение стоимости капитальных активов (предприятий, техники и т.д.). Обычные колебания бизнес-активности, равно как и временное снижение темпов развития производства, не являются депрессией. Депрессия - это общенациональное снижение деловой активности - и соответствующее ему по масштабам падение стоимости основных активов. В природе свободной экономики нет ничего, что могло бы привести к подобным последствиям. Популярные объяснения, именуемые причинами депрессии - «перепроизводство», «недостаточное потребление», монополии, трудосберегающие технологии, неравномерное распределение, чрезмерная концентрация материальных и финансовых ресурсов и т.п., - неоднократно были разоблачены как несостоятельные.

Перетекание рабочей силы и капитала из одной отрасли в другую в соответствии с меняющимися условиями при капитализме происходит постоянно. Это часть движения, роста, прогресса, присущих капитализму. Всегда существует возможность попытаться заработать в той или иной области, спрос и потребность в товарах есть всегда, - меняются лишь наименование товаров, производство которых в данный момент наиболее выгодно.

В каждой конкретной сфере производства существует вероятность

того, что предложение превысит спрос. В таком случае начинают падать цены, снижается доходность, уменьшаются инвестиции и число рабочих мест в соответствующей отрасли. При этом капитал и рабочая сила начинают перетекать в иные отрасли в поисках более выгодного приложения сил. Соответствующая индустрия переживает период застоя, который становится результатом неоправданных, а значит, неэкономичных, недоходных, непроизводительных инвестиций.

В свободной экономике, основанной на золотом стандарте, подобные непроизводительные инвестиции существенно ограничены; неоправданные спекуляции не растут беспрепятственно. В свободной экономике объем денег и кредитов, выделяемых для финансирования бизнеса, определяется объективными экономическими факторами. На страже экономической стабильности стоит банковская система. Принципы, определяющие объем денежных вливаний, действуют таким образом, чтобы предотвратить крупные неоправданные инвестиции.

Большинство компаний, по крайней мере, частично финансирует свои проекты за счет банковских займов. Банки исполняют функцию аналитических центров, инвестируя средства своих клиентов в предприятия, которые ожидает максимальный успех. Банки не обладают безграничными возможностями для раздачи займов: они ограничены в кредитных средствах объемом своих золотых резервов. Чтобы успешно работать, получая прибыль и привлекая средства клиентов, банки должны выдавать кредиты с умом, выбирая максимально надежные и потенциально наиболее доходные предприятия.

Если в период роста спекуляций банки получают слишком много запросов на выдачу кредитов, то в ответ на растущую потребность в деньгах они, во-первых, повышают проценты, а во-вторых, более придирчиво отбирают предприятия, которые согласны кредитовать, устанавливая более строгие рамки для тех, кому считают возможным выделить средства. В итоге получить деньги становится сложнее и инвестиции в бизнес временно сокращаются. Бизнесмены зачастую не в состоянии получить средства для развития, и вынуждены корректировать планы расширения предприятий. Приобретение обыкновенных акций, отражающее ожидания инвесторов по поводу прибыльности компаний, также сокращается; переоцененные акции падают в цене. Бизнесмены, начавшие нерентабельные проекты, не в состоянии привлечь дополнительные кредиты и вынуждены закрывать предприятия. Таким образом, дальнейшие потери в области производственных факторов предотвращаются, а экономические ошибки - ликвидируются.

В худшем случае подобная экономика может испытать небольшую рецессию - несущественное снижение инвестиций и производства. В нерегулируемой экономике восстановление происходит очень быстро, после чего инвестиции и производство вновь начинают расти. Временная рецессия не вредна экономике, а, напротив, благотворна: она позволяет экономической системе скорректировать собственные ошибки, побороть болезнь и вновь вернуть себе здоровье.

Влияние подобной рецессии может особенно почувствоваться в нескольких отраслях, но она не способна обрушить всю экономику. Общественная депрессия, подобная той, что случилась в США в 1930-е годы, была бы невозможна в полностью свободном обществе. Ее сделало возможным лишь государственное вмешательство в экономику, а точнее, правительственные манипуляции с кредитными средствами.

Политика государства состояла в том, чтобы заглушить все регуляторы, присущие свободной банковской системе, способные предотвратить безудержный рост спекуляций и последующий экономический коллапс.

Любое государственное вмешательство в экономику основано на вере в то, что экономическим законам функционировать не обязательно, что принцип причины и следствия можно отменить, что все на свете подвижно и податливо, кроме прихотей бюрократа, которые всемогущи: реальности, логике и самой экономике лучше не попадаться ему на пути.

На основании именно таких идей в 1913 году была образована Федеральная резервная система - учреждение с правом осуществлять контроль (комплексными и зачастую непрямыми методами) над частными банками по всей стране. Федеральная резервная система поспешила освободить частные банки от ограничений, налагаемых на них объемом их собственных резервов, освободить от законов рынка, - и самонадеянно присвоила правительственным чиновникам право решать, какой объем кредитных средств и в какой момент времени должен быть доступен.

Политика «дешевых денег» была основной идеей и целью этих чиновников. Банки больше не были ограничены в объемах выдаваемых кредитов размерами своих золотых резервов. Процентам больше не имело смысла расти в ответ на растущие спекуляции и рост спроса на кредиты. Кредит должен был стать доступным в любой момент - пока Федеральная резервная система «не передумает».

Правительство утверждало, что, забрав контроль над деньгами и кредитами из рук частных банкиров, увеличивая или уменьшая кредитные потоки по своему усмотрению, руководствуясь при этом иными

соображениями, нежели движут «эгоистичными» банкирами», оно получило возможность - в совокупности с иными способами вмешательства - контролировать инвестиции таким образом, чтобы гарантировать фактически постоянное процветание. Многие бюрократы верили, что правительство способно поддерживать экономику в состоянии непрекращающегося подъема.

Я позволю себе позаимствовать прекрасную метафору у Алана Гринспена: если при свободном рынке банковская система и четкие правила игры, отвечая за доступность финансовых ресурсов, играют роль предохранителя, предотвращающего полный экономический крах, - то правительство посредством Федеральной резервной системы использует в качестве предохранителя монету. Результатом подобной политики стал взрыв, известный как экономический крах 1929 года.

В 1920-е годы правительство, по большей части, принуждало банки искусственно сохранять экономически неоправданные низкие процентные ставки. В результате деньги потоком лились в любое рискованное предприятие. К 1928 году уже трудно было не заметить сигналов, предупреждающих об опасности: неоправданные инвестиции стали повседневной практикой, и биржевые бумаги были явно переоценены. Однако правительство предпочитало игнорировать эти опасные признаки.

Свободная банковская система в данном случае была бы вынуждена, исходя из экономической необходимости, бороться с массированными спекуляциями. Объемы кредитов и инвестиций в этом случае значительно уменьшились бы. Банки, вкладывавшие деньги в невыгодные проекты, предприятия, оказавшиеся неэффективными, а также их партнеры пострадали бы - и все: целая страна не была бы ввергнута в кризис. Однако от «анархической» свободной банковской системы решили отказаться - в пользу «компетентного» государственного планирования.

Экономическому подъему и массовым спекуляциям, предшественникам любой глобальной депрессии, было позволено развиваться беспрепятственно, ширившаяся практика неприбыльных инвестиций и безразличия к цифрам доходности охватила всю национальную экономику. Люди инвестировали куда угодно, за одну ночь зарабатывая состояния - на бумаге. Доходность подсчитывалась, исходя из чудовищно преувеличенных оценок будущих прибылей компании. Кредиты брались беспорядочно в расчете на то, что в крайнем случае всегда можно будет покрыть их за счет стоимости имеющихся товаров. Все это напоминало действия человека, сбывающего фальшивые чеки, в надежде успеть получить необходимую сумму и положить ее в банк до

того, как кто-нибудь предъявит чек к оплате.

Но чудес не бывает, и реальность нельзя перекраивать до бесконечности. К 1929 году финансовая и экономическая система страны стала чудовищно шаткой. К моменту, когда правительство наконец-то стало в панике поднимать процентные ставки, было слишком поздно. Вряд ли кто-нибудь сможет ответить, какое конкретное событие дало толчок массовой панике - да это и неважно: крах был неизбежен, и любое из множества событий могло послужить спусковым крючком. Но когда пошли известия о первых разорившихся банках и коммерческих фирмах, неуверенность прокатилась по стране ширящейся волной кошмара. Люди начали продавать акции, надеясь уйти с рынка с прибылью или хотя бы получить деньги, необходимые для погашения банковских кредитов, затребованных к погашению. Другие, видя это, также стали в панике продавать свои акции - и вот, буквально за одну ночь рынок акций был сметен лавиной на самое дно, цены мгновенно упали, ценные бумаги девальвировались, банки потребовали возврата кредитов, по многим из которых заемщики были не в состоянии расплатиться, стоимость капитальных активов снижалась с головокружительной скоростью, состояния рушились на глазах. К 1932 году деловая активность практически остановилась. Правило, гласящее, что за легкомысленность приходится платить, вновь оправдало себя.

Таковыми, по сути, была природа и причины Депрессии 1929 года.

Это одна из самых красноречивых иллюстраций, дающая представление об ужасных последствиях «плановой» экономики. Когда в условиях свободной экономики частный предприниматель делает ошибку в экономических расчетах, он (а также, возможно, те, кто работает с ним в соответствующий момент) вынуждены столкнуться с последствиями ошибки. В контролируемой экономике, когда ответственные за планирование делают подобную ошибку, страдать приходится всей стране.

Тем не менее ответственность за Депрессию 1929 года возложили не на правительство или Федеральную резервную систему, а на капитализм. Свобода получила свой шанс - и потерпела поражение, кричали государственники всех мастей. Голоса немногих разумных людей, указывавших на действительные причины бедствий, потонули в хоре обвинений в адрес бизнесменов, их жажды наживы и капитализма вообще.

Если бы наши граждане дали себе труд разобраться в причинах краха, страна могла бы избежать большей части обрушившихся на нее бедствий. Депрессия затянулась на несколько трагических лет из-за тех же монстров, которые ее породили: государственного регулирования и контроля.

Вопреки популярному заблуждению, контроль и регулирование начались задолго до Нового курса: в 1920-х годах смешанная экономика в США уже стала свершившимся фактом. Однако во время президентства Гувера государственный центризм стал развиваться быстрее, - а с наступлением Нового курса, предложенного Рузвельтом, он стал усиливаться с беспрецедентной активностью. Экономические регуляторы, с помощью которых депрессия быстро подошла бы к концу, оказались отключены - с помощью удушающего контроля, роста налогов, трудового законодательства. Последнее привело к экономически необоснованному росту зарплат и, как следствие, росту цен, - в тот самый момент, когда цены должны были снижаться, дабы привлечь на рынок инвесторов и бизнесменов.

Закон о восстановлении национальной промышленности, Закон Вагнера и отказ от золотого стандарта (с последующим сползанием в инфляцию и бездумным превышением расходов над доходами) - вот лишь три из множества разрушительных шагов, предпринятых в рамках Нового курса якобы для того, чтобы спасти страну от депрессии, - хотя в реальности эти меры имели строго обратный эффект.

Как указал Алан Гринспен в работе «Биржевые цены и оценка капитала» (Stock Prices and Capital Evaluation), восстановлению бизнеса препятствовали не только законы, принятые в рамках Нового курса. Гораздо более разрушительной была общая атмосфера неуверенности, порожденная тогдашней администрацией. Никто не мог понять, какой именно закон или постановление обрушится на головы в следующий момент, никто не был в состоянии угадать, в каком направлении свернет государственная политика, - а значит, о долгосрочном планировании не могло быть и речи.

Чтобы действовать, производить, бизнесмену необходимы знания. Он должен основывать свои действия на трезвом расчете, а не на «вере» и «надежде» - тем более вере и надежде, касающимся непредсказуемых скачков мысли в голове бюрократа. Все, чего смог добиться бизнес в рамках Нового курса, окончательно развалилось к 1937 году в результате растущей неуверенности в дальнейших действиях правительства. В стране было более 10 миллионов безработных, а деловая активность скатилась практически до уровня 1932 года - самого тяжелого года депрессии.

Одним из мифов Нового курса является утверждение о том, что Рузвельт «вывел нашу страну из депрессии». Как же в итоге была решена проблема депрессии? С помощью популярной уловки, которую государственники используют в чрезвычайной ситуации, а именно - войны.

Депрессия, подстегнутая биржевым крахом 1929 года, была не первой в американской истории, однако она оказалась несравнимо тяжелее предыдущих. Изучив более ранние депрессии, мы и там обнаружим все ту же основную причину, тот же общий знаменатель: в той или иной форме, теми или иными средствами организованное государственное вмешательство в проблему финансирования. Обратим внимание на пример, типичный для растущего государственного вмешательства в экономику: Федеральная резервная система изначально была основана, дабы спасти общество от повторения прежних депрессий, которые сами по себе были результатом финансового манипулирования со стороны государства.

Финансовый механизм, управляющий экономикой, - это чувствительная точка, бьющееся сердце деловой активности. Ни в одной другой сфере государственное вмешательство не может породить столь разрушительных последствий. Если вас интересует широкая дискуссия о бизнес-циклах и их отношении к правительственным манипуляциям рынком заемных средств - читайте книгу Людвиг фон Мизеса «Человеческая деятельность»^[19].

Самые поразительные факты истории - это истории человеческих ошибок, на которых можно учиться. Вы сможете лучше уяснить эту мысль, если обратитесь к деятельности сегодняшней администрации.

Август 1962 г.

Роль профсоюзов

Помогают ли профсоюзы поднять общий уровень жизни?

Одно из наиболее распространенных заблуждений нашего времени - вера в то, что американские рабочие обязаны своим высоким уровнем жизни профсоюзам и «гуманитарному» трудовому законодательству. Правда, веру эту опровергают наиболее фундаментальные экономические факты и принципы, о которых предпочитают умалчивать лидеры профсоюзов, законодатели и интеллектуалы-государственники.

Уровень жизни в стране, включая зарплату рабочих, зависит от производительности труда, которая, в свою очередь, зависит от техники, изобретений и капитальных инвестиций. В основе всего этого лежат творчество и талант индивидуума, которые могут раскрыться лишь в рамках политико-экономической системы, защищающей права и свободы личности.

Производительная ценность физического труда как такового достаточно низка. Сегодняшний рабочий производит больше, чем его коллега 50 лет назад, вовсе не потому, что прикладывает больше усилий. Наоборот - усилий теперь требуется значительно меньше. Производительность его труда выросла в несколько раз за счет техники и инструментов, которые он использует. Они - важнейшее слагаемое, определяющее ценность его труда. Проиллюстрирую эту мысль: представьте, какую финансовую выгоду сможет получить человек, живущий на необитаемом острове, за то, что он передвинет свой палец на полдюйма? А теперь подумайте о том, какую зарплату получает нью-йоркский лифтер за то, что нажимает на кнопки. Мускулы ничего не решают.

Как писал Людвиг фон Мизес:

«Зарплаты в США выше, чем где бы то ни было в мире, поскольку там выше объем инвестиционного капитала в расчете на одного работающего, а следовательно, существует возможность использовать самые современные машины и механизмы. То, что называется "американским образом жизни" - лишь следствие меньшего количества барьеров на пути сохранения сбережений и аккумуляирования капитала в сравнении с другими странами. Экономическое отставание таких стран, как Индия, происходит лишь оттого, что они чрезвычайно затрудняют как аккумуляирование капитала внутри страны, так и инвестиции зарубежного капитала. Из-за недостатка

капитала индийские промышленники оказываются не в состоянии использовать современное оборудование в достаточных количествах. Соответственно, производительность труда в расчете на человеко-час на их предприятиях невелика, а значит, зарплаты, на которые могут рассчитывать рабочие, в сравнении с американскими будут шокирующе низкими».

В свободной рыночной экономике предприниматели вынуждены конкурировать за рабочую силу. Если предприниматель пытается платить рабочим меньше, чем они могли бы получить в другом месте, он останется без рабочих - и вынужден будет либо изменить подход, либо уйти из бизнеса. Если же, при прочих равных, предприниматель устанавливает рабочим зарплаты выше, чем в среднем по рынку, то, вынужденный устанавливать высокие цены на свою продукцию, он окажется в невыгодном положении в сравнении с конкурентами, и должен будет либо действовать по-иному, либо покинуть бизнес. Работодатели понижают зарплаты вовсе не из-за своей жестокости и повышают их опять-таки не по причине добросердечия. Уровень зарплат не определяется одним лишь желанием работодателя. Зарплата - это цена человеческого труда, и, как любая другая цена в мире свободной экономики, она подчиняется закону соотношения спроса и предложения.

С начала промышленной революции и рождения капитализма уровень зарплат имел тенденцию к устойчивому росту, что было неизбежным следствием увеличения концентрации капитала, технологического прогресса и промышленного развития. Капитализм, создавая бесчисленные новые рынки, создал также и постоянно растущий рынок труда: он во много раз увеличил число рабочих мест и различных видов вакансий, повысил спрос на рабочие руки, усилив конкуренцию за них, и, таким образом, обеспечил постоянный рост оплаты труда.

Повышать зарплаты и сокращать рабочие часы капиталистов заставил их собственный экономический интерес, а вовсе не давление профсоюзов. Восьмичасовой рабочий день был установлен в большинстве отраслей американской промышленности задолго до того, как профсоюзы стали реальной экономической силой. В то время, как конкуренты платили своим рабочим от двух до трех долларов в день, Генри Форд установил уровень оплаты в пять долларов в день и привлек таким образом самых квалифицированных рабочих в стране, повысив тем самым производительность труда и собственные доходы.

В 1920-е годы, когда рабочее движение во Франции и Германии было гораздо активнее, нежели в США, уровень жизни американских рабочих

был, тем не менее, существенно выше. Причиной этому была экономическая свобода.

Само собой разумеется, у людей есть право организовывать профессиональные союзы, при условии, что они вступают туда добровольно, без принуждения с чьей бы то ни было стороны. Профсоюзы имеют смысл, если они объединяют товарищей по духу или информируют своих членов о текущей ситуации на рынке, или помогают эффективнее торговаться с работодателями, - особенно в небольших изолированных сообществах. Бывает, частный наниматель платит своим работникам меньше, чем их труд стоит в среднем по рынку: в этом случае забастовка или угроза организовать таковую может убедить его изменить свою политику, особенно когда он поймет, что за предлагаемые деньги он не в состоянии нанять персонал достаточной квалификации. Тем не менее идея, что профсоюзы могут обеспечить существенное повышение уровня жизни в целом, - всего лишь миф.

Сегодня рынок труда уже не свободен. Профсоюзы обладают уникальной, почти монопольной властью в целом ряде сфер экономики. Это случилось благодаря законодательству, принуждавшему рабочих присоединяться к профсоюзам вне зависимости от их собственного желания, а работодателей - иметь дело с этими союзами, хотя бы они того или нет. В результате в целом ряде отраслей уровень заработной платы больше не диктуется рынком; профсоюзы сумели добиться его значительного повышения в сравнении с нормальным рыночным уровнем. В эту сумму входят так называемые «социальные выплаты», за которые принято благодарить профсоюзы. На самом же деле, результатом их политики стало: 1) сокращение производства; 2) рост безработицы; и 3) дискриминация рабочих других отраслей, а также остальной части населения.

1. Когда зарплаты достигают неоправданно высокого уровня, стоимость производства поднимается настолько, что часто требуется его сокращение. Новые разработки оказываются слишком дороги, что препятствует развитию производства. При возросших ценах производители, едва-едва ухитрявшиеся держаться на рынке, вынуждены уходить из бизнеса. В результате товары и услуги, которые могли бы быть произведены, так никогда и не появляются на свет.

2. При возросших зарплатах работодатели вынуждены нанимать меньше рабочих, а в результате сокращения производства бизнесу требуется еще меньше рабочих рук. Таким образом, одна группа работников получает свои высокие зарплаты за счет другой группы,

которая вовсе не в состоянии найти работу. Эти обстоятельства плюс законы, определяющие минимум заработной платы, - вот причины роста безработицы. Безработица - закономерный результат повышения зарплат выше рыночного уровня. В свободной экономике, где и работник, и работодатель действуют без принуждения, уровень зарплат всегда стремится к сумме, на которую готовы согласиться ищущие работу в соответствующей сфере. В застывшей, контролируемой экономике данный процесс блокируется. В результате так называемого «законодательства в защиту рабочих» и монопольного положения профсоюзов безработные не могут надеяться найти место, предлагая свои услуги за меньшую зарплату, нежели принята в соответствующей отрасли: работодатели все равно не смогут их нанять. В случае забастовок, если безработные пытаются занять освобожденные забастовщиками рабочие места, предлагая свои услуги за меньшую плату, - в этом случае со стороны членов профсоюза на них посыплются угрозы, они могут быть подвергнуты даже физическому насилию. Подобные печальные факты хорошо известны, хотя их старательно замалчивают при обсуждении проблемы безработицы, - особенно к этому склонны правительственные чиновники.

3. Когда цена рабочей силы на рынке растет, но производитель при этом оказывается не в состоянии поднять цены на свою продукцию, производство сокращается. Соответственно, широкие слои населения лишаются товаров и услуг, которые в иных обстоятельствах появились бы на рынке. (Замечание, что производитель может «нивелировать» рост заработной платы, «вычитая ее из доходов» без ущерба для производства в будущем, хуже, нежели экономическая наивность. Именно доходы обеспечивают будущее того или иного производства. Объем дохода, расходуемого не на развитие бизнеса, а на собственное потребление бизнесмена, в экономическом контексте ничтожен). При росте цен на рабочую силу производитель обязан поднимать цену на свой товар - до того уровня, который дозволяется рынком. После этого рабочие других отраслей обнаруживают, что стоимость жизни выросла, и они больше не в состоянии приобретать подорожавшие товары, которые привыкли покупать в прошлом. Они, в свою очередь, требуют прибавки к жалованью в своих собственных отраслях, соответственно, цены вновь растут, и т.д. (Лидеры профсоюзов вечно негодуют, когда цены ползут вверх; и лишь рост одной-единственной цены они считают вполне нравственным - цены рабочей силы.) Рабочие, не состоящие в профсоюзах, и другие слои населения, также обнаруживают, что стоимость их жизни растет. Тем самым они вынуждены из своих карманов оплачивать неоправданно

высокие зарплаты членов профсоюза, становясь непризнанными жертвами обеспеченных профсоюзами «социальных выплат». При этом каждый получает возможность насладиться невероятным фактом: каменщики получают в два, а то и в три раза больше, нежели сотрудники офисов или преподаватели.

Разумеется, такое состояние дел стало возможным отнюдь не из-за профсоюзов, - а исключительно благодаря государственному контролю и регулированию. В свободной, нерегулируемой экономике, на рынке, где отсутствует принуждение, ни одна экономически активная группа населения не может добиваться власти за счет остальной части населения. Речь не идет о создании нового законодательства, направленного против профессиональных союзов, но единственно об отмене существующего, допустившего возможность подобного положения дел.

Неспособность профсоюзов добиться реального, широкомасштабного повышения зарплат - то есть общего роста уровня жизни, - отчасти замаскирована фактором инфляции. В результате государственной политики необеспеченного потребления и роста масштабов кредитования, покупательная способность нашей денежной единицы - доллара - за последние годы значительно снизилась. Формальный уровень зарплат вырос значительно больше, нежели реальный их уровень - то есть покупательная способность.

Еще один факт, затемняющий суть вопроса, - реальный уровень зарплат с начала XX века и вправду заметно вырос. Невзирая на разрушительные государственные ограничения, касающиеся свободы производства и торговли, достижения науки, развитие технологий и концентрация капитала обеспечили всеобщий рост уровня жизни. Следует, однако, добавить, что соответствующие достижения оказались менее впечатляющими, нежели могли бы быть при полностью свободной экономике, и теперь, когда государственный контроль становится еще более жестким, они происходят еще реже и медленнее.

Слушая, как лидеры профсоюзов негодующим тоном вещают о праве рабочих на «более значительную долю национального продукта», невольно задумаешься о том, какие преграды производителям приходится преодолевать, чтобы продолжать производство. Перефразируя Джона Голта, героя романа Айн Рэнд «Атлант расправил плечи»: кем обеспечивается эта «более значительная доля»? Нет ответа.

Прогресс в экономике, как и в любой другой сфере, происходит из единственного источника - человеческого разума, и может существовать лишь постольку, поскольку человек способен претворять свои мысли в

действия.

Пусть каждый, верящий, что повышение качества жизни стало результатом деятельности профсоюзов и государственного контроля, задаст себе один-единственный вопрос. Если бы вы, имея машину времени, перенесли американских профсоюзных боссов вместе с тремя миллионами государственных чиновников, - смогли бы вы обеспечить подневольных средневековых крестьян электричеством, холодильниками, автомобилями и телевизорами? Если вы признаете, что это невозможно, тогда подумайте о том, кто сделал это возможным.

Постскриптум. Закончив этот материал, я наткнулся на статью в *The New York Times*, оказавшуюся настолько кстати, что я не смог о ней не упомянуть. В статье под названием «10 лидеров Объединенного профсоюза рабочих автоиндустрии полагают, что профессиональные объединения теряют популярность среди своих членов» ее автор Дэймон Стетсон рассказывает о том, что руководство Объединенного профсоюза рабочих автоиндустрии провело совещание, на котором обсуждалась проблема недостаточной популярности профсоюзов и идеи рабочей солидарности в целом. Сообщается, что один из лидеров профсоюза заявил: «Как мы можем добиться от рабочих преданности профсоюзному движению? Компания в наше время предоставляет рабочим все, за что мы раньше боролись. Нам нужно найти новые стимулы - то, что рабочие хотели бы иметь, а работодатель не готов им предоставить. Нам следует создавать новую программу, опираясь на эти стимулы, которые станут для рабочих причиной вступить в профсоюз».

Кажется, комментарии излишни.

Ноябрь 1963 г.

Государственное образование

Должно ли образование быть обязательным, и следует ли поддерживать его за счет налогов, как это делается сейчас?

Ответ на это вопрос сразу станет понятен, если сформулировать его более детально и конкретно: следует ли разрешать государству силой забирать детей из дома, с согласия родителей или без него, и отправлять учиться тому, что родители далеко не всегда одобряют? Следует ли экспроприировать у граждан часть их доходов, чтобы поддержать систему образования, которая нравится им далеко не всегда и не во всем, и платить за обучение чужих детей? Любому, кто понимает обсуждаемую проблему и при этом является приверженцем принципа защиты прав личности, ответ ясен: нет.

У утверждения, гласящего, что образование - прерогатива государства, равно как и у стремления отнять часть собственности у одних, чтобы подарить не заработанные преимущества другим, нет никаких моральных оснований.

Доктрина, призывающая отдать образование под контроль государства, созвучна нацистским и коммунистическим теориям государственного управления. С американскими идеями государственности она никак не соотнобразуется.

Тоталитарный подтекст идеи государственного образования (зачем-то нелепо названного «бесплатным») отчасти был сглажен тем, что в США, в отличие от нацистской Германии и Советской России, законом разрешены частные школы. Но они существуют не по неотъемлемому праву, а лишь потому, что им это дозволено.

Ситуацию усугубляет еще ряд фактов: большинство родителей де-факто вынуждены отправлять детей в государственные школы, поскольку они своими налогами поддерживают эти учебные заведения, и при этом оказываются неспособными дополнительно платить еще и за то, чтобы отправить детей в частные школы. Стандарты образования, обязательные для всех школ, разрабатываются государством; расширение государственного контроля над всеми аспектами обучения стало ведущей тенденцией американского образования.

Для примера приведу иллюстрацию последнего из перечисленных фактов. Когда родители, не признающие пиктографический метод обучения чтению, начали учить детей читать с помощью фонетического

метода, тут же возникло предложение законодательно запретить им делать это. Оказывается, детское сознание принадлежит государству - иного вывода из данного факта сделать невозможно.

Когда государство берет на себя финансовый контроль над образованием, следующим логическим шагом будет, разумеется, контроль над содержанием обучения: ведь государству необходимо следить за тем, чтобы выделяемые средства тратились «удовлетворительным образом». Однако стоит государству вломиться в пространство идей, начать раздачу предписаний, касающихся интеллектуальных проблем, - тут же мы можем констатировать смерть свободного общества.

Как отмечала Изабель Патерсон в своей книге «Бог из машины»:

«Обучающие тексты с неизбежностью являются предметом выбора - с точки зрения темы, языка и отражаемой в них точки зрения. Там, где господствует частное образование, родители смогут выбрать устраивающий их вариант из числа имеющихся школ: рассмотрев учебные планы в различных учебных заведениях, они могут выбрать именно то, чему хотели бы обучать своих детей. При этом каждый так или иначе будет стремиться к объективной истине... Ни у одной из школ не будет причины преподавать "верховную роль государства" в качестве обязательного курса философии. Однако любая политически контролируемая образовательная система рано или поздно начнет насаждать доктрину верховной власти государства - неважно, будет ли идти речь о божественном праве короля или о "воле народа" в "демократических странах". Стоит принять подобную доктрину - и тут же становится невозможным разорвать удушающие объятия, в которых политическая сила сжимает простых граждан. С самого детства тело, разум и собственность каждого государство держит мертвой хваткой».

Позорно низкий уровень образования в сегодняшней Америке - предсказуемый результат работы системы, действующей под контролем государства. Образование в значительной степени превратилось в символ социального статуса, в ритуал. Все больше людей поступают в колледжи - и все реже выходят из них с достаточным уровнем образования. Все менее и менее приличным становится выяснять подробности о квалификации преподавателя (к примеру, число его публикаций) вместо того, чтобы ограничиться расспросами о его преподавательских способностях; точно так же не принято расспрашивать учащегося о его личных качествах (таких, как умение адаптироваться в коллективе). Вместо этого предлагается ограничиться информацией о его интеллектуальных способностях.

Чтобы решить эту проблему, необходимо вывести образование на рынок.

Сегодня существует насущная экономическая потребность в образовании. Когда образовательные учреждения будут вынуждены конкурировать друг с другом как в области качества обучения, так и по уровню престижности своих дипломов, качество образования непременно улучшится. Когда каждая школа будет стараться привлечь лучших педагогов, способных привлечь максимальное число учеников, - уровень преподавания, как и учительские зарплаты, неизбежно станет выше. (Сегодня наиболее талантливые учителя зачастую покидают профессию, уходя в частный бизнес, где их работа лучше оплачивается). Если экономические принципы, позволившие создать суперэффективную американскую промышленность, начнут применяться в сфере образования, результатом станет революционное, беспрецедентное развитие образовательных институтов.

Образование должно быть освобождено от вмешательства и контроля со стороны государства, превратившись в доходное частное предприятие, - не потому, что его значение не слишком велико, а, напротив, потому что его развитие критически важно.

В первую очередь необходимо преодолеть общепринятую веру в то, что образование является «естественным правом» каждого - то есть чем-то вроде дара природы. В действительности подобных бесплатных даров не бывает. Однако в интересах государственников поддерживать это заблуждение - дабы скрыть дымовой завесой вопрос о том, чьей свободой придется пожертвовать в качестве платы за подобные «бесплатные подарки».

В результате того, что образование в течение долгого времени поддерживалось при помощи налоговых отчислений, для большинства будет сложно представить себе, что все может быть по-другому. Однако образование ничем не отличается от прочих запросов, которые удовлетворяются силами частных предпринимателей. Если бы в течение многих лет государство обеспечивало граждан бесплатной обувью (на основании того, что обувь - это насущная потребность), а потом кто-нибудь предложил бы отдать данную отрасль на откуп частным предприятиям, ему бы, безусловно, с возмущением заявили: «Что?! Вы хотите, чтобы все, кроме богачей, ходили босыми?»

Тем не менее обувная промышленность делает свое дело несравнимо более умело, нежели государственное образование - свое.

Еще раз процитируем Изабель Патерсон:

«Наибольшего возмущения и негодования следует ожидать от представителей педагогики в ответ на любое предложение, которое приведет к смещению их с диктаторских позиций. Выражено оно будет, в основном, посредством эпитетов, из которых "реакционный" окажется наиболее мягким. Тем не менее, каждому из негодующих учителей следует задать один-единственный вопрос: неужели вы даже не надеетесь, что кто-нибудь по своей воле отдаст вам своих детей и согласится заплатить, чтобы вы учили их? Почему вы считаете необходимым принудительно вымогать у людей деньги на ваши зарплаты и силой привлекать в ваши школы учеников?»

Июнь 1963 г.

Унаследованное богатство

Дает ли состояние, полученное в наследство, незаслуженное преимущество в рамках конкурентной экономики?

Говоря о проблеме унаследованных состояний, мы должны помнить, что основным здесь является право не наследника, но создателя этого состояния. Право собственности включает право владения и распоряжения имуществом, и человек, сумевший заработать определенные блага, имеет право владеть и распоряжаться ими в течение жизни, а также завещать его любому другому индивидууму после своей смерти. Никто, кроме владельца, не имеет право делать этот выбор. Таким образом, не имеет смысла обсуждать достоинства и недостатки наследников: их права в данном случае второстепенны. Те, кто пытается опротестовать унаследование состояния, в действительности отрицают права его изначального владельца.

Утверждается, что, поскольку наследник не приложил руку к созданию полученных им ценностей, он не имеет на них неотъемлемого права. Это так: права наследника вторичны, первичным является право того, кто заработал соответствующие блага. Однако если будущий наследник не имеет морального права на наследство, то никто другой тем более им не обладает - и тем более не обладают соответствующими правами правительство или «общественность».

При свободной экономике унаследованное состояние не может стать проблемой или угрозой для тех, кто им не обладает. Необходимо помнить, что любое состояние - не постоянная величина, которую можно лишь поделить или отнять. Потенциальный объем капитала, в сущности, безграничен.

Если наследник оказывается достойным полученных денег, если он использует их продуктивно, он увеличивает капитал и улучшает уровень жизни, а значит в определенной степени облегчает дорогу к вершине любому талантливому новичку. Ведь чем выше в обществе общий уровень благосостояния и промышленного развития, тем выше общий уровень экономического вознаграждения (в форме зарплат и иных доходов) и тем шире открывающийся рынок возможностей для новых идей, товаров и услуг.

Чем меньше уровень благосостояния в обществе, тем дольше и труднее для каждого становится борьба за место под солнцем. В начале

существования промышленной экономики зарплаты невелики, а рынок применения необычных способностей крайне узок. Но с каждым удачливым поколением уровень концентрации капитала растет, а значит, рынку требуется все больше талантливых людей. Современные промышленные предприятия отчаянно нуждаются в способных сотрудниках. Сегодня единственный выход для них - все больше повышать зарплаты талантливым сотрудникам, обучая, таким образом, своих будущих конкурентов, - ведь период времени, который требуется талантливому новичку, чтобы скопить собственный стартовый капитал и начать свое дело, становится все короче.

Если же наследник оказывается недостоин полученных денег, - что ж, он будет единственным. Кому это принесет неприятности? Свободная конкурентная экономика - это процесс постоянного улучшения, обновления, прогресса; она не терпит застоя. Если наследник с недостаточными способностями получает состояние и крупное промышленное предприятие в наследство от своего удачливого отца, он не сможет долго управлять своим наследством, не сможет удержаться на одном уровне с конкурентами. В свободной экономике, где бюрократы и законодатели не имеют возможности продавать или дарить экономические преимущества, наследнику не хватит всего полученного состояния, чтобы приобрести защиту от собственной некомпетентности. Ему придется упорно трудиться - или потерять всех клиентов, которые предпочтут иметь дело с компаниями, во главе которых стоят более способные люди. Никто не бывает столь уязвимым, как крупная, дурно управляемая компания, которая пытается соревноваться с маленьким, но эффективным конкурентом.

Роскошь и пьяные вечеринки, которыми некомпетентный наследник сможет наслаждаться на деньги отца, не имеют никакого экономического значения. В бизнесе он не сможет устоять против способных конкурентов или стать преградой для способных новичков. Он никогда не сможет чувствовать себя в безопасности.

На рубеже веков была очень популярна поговорка, красноречиво иллюстрирующая вышесказанное: «Возможность ходить без галстука возвращается спустя три поколения». Если способный человек, сам сколотивший свое состояние, оставит его недостойному наследнику, его внуку вновь придется одевать рабочую одежду и отправляться на непрестижную работу (и вряд ли он сумеет стать губернатором штата).

Смешанная экономика - в том ее полусоциалистическом или полуфашистском варианте, который мы наблюдаем сегодня, - защищает

владельцев непродуктивных состояний, пытаясь заморозить общество на текущей ступени развития, разбив людей на классы и касты и создавая все больше сложностей на пути желающих перейти из одной касты в другой. Таким образом, получив состояние до того, как социальная заморозка завершилась, наследник может не бояться конкуренции, подобно наследникам феодальной эпохи.

Обращает на себя внимание большое число наследников крупнейших промышленных империй, миллионеров во втором и третьем поколении, отстаивающих идею социального государства и шумно требующих все более и более жесткого контроля над экономикой. Целью и жертвами подобного контроля становятся талантливые новички, которые в свободной экономике сместили бы этих наследников с пьедестала, - люди, с которыми наследникам не под силу было бы конкурировать.

Как писал Людвиг фон Мизес в «Человеческой деятельности»:

«Сегодня налоги зачистую съедают львиную долю "непомерных" доходов любого новичка в бизнесе. Он оказывается не в состоянии аккумулировать капитал, развивать свое дело, - он никогда не станет владельцем крупной компании, равным среди крупнейших промышленников. Давно существующие компании не заинтересованы в том, чтобы бояться конкуренции с его стороны, - и на страже их интересов стоит сборщик налогов. Они могут безнаказанно продолжать действовать по старинке... Действительно, налог на доходы мешает и им аккумулировать новые капиталы. Однако для них гораздо важнее, что всяческие опасные выскочки в подобной ситуации вообще не в состоянии аккумулировать сколько-нибудь значительную сумму. Крупные компании оказываются в привилегированном положении благодаря существующей налоговой системе. Таким образом, прогрессивное налогообложение препятствует экономическому прогрессу и способствует застою...

Интервенционисты жалуются, что крупный бизнес становится все более забюрократизированным и менее гибким, что талантливые новички больше не в состоянии пробиться в сферы установившихся интересов старых состоятельных семей. Однако, хоть их жалобы и справедливы, все, перечисленное ими, является результатом их собственной деятельности».

Июнь 1963 г.

Целесообразность капитализма

Правда ли, что свободная капиталистическая экономика становится менее эффективной с усложнением общественной структуры?

Это утверждение - еще одна банальность коллективистов, которую те привычно повторяют, даже не пытаясь доказать или привести какие-либо обоснования. Изучив его внимательно, мы поймем всю его абсурдность.

Уровень свободы, необходимый для достижения высокого уровня промышленного развития, - предусматривающего высокую степень сложности общественной ткани, - требуется и для того, чтобы этот уровень поддерживать. Утверждение, что общество стало более сложным, в действительности означает, что на той же географической территории теперь проживает больше людей, имеющих дело друг с другом, что они вовлечены в растущее число разнообразных занятий, участвуют в более сложных и разнообразных производственных отношениях. В этих фактах нет ничего, хотя бы теоретически оправдывающего отказ от экономической свободы в пользу государственного «планирования».

Напротив, чем сложнее экономика, тем чаще приходится делать выбор и принимать решения, - а значит, тем менее выполнимым становится тотальный контроль над этими процессами со стороны центральной власти. Если существуют ступени абсурда, то разумнее было бы предположить, что примитивная доиндустриальная экономика может быть без разрушительных последствий отдана под контроль правительства. Однако предположение о том, что высокоиндустриальное общество, основанное на научных достижениях, может существовать на основе рабского труда, обнажает лишь варварскую невежественность его авторов.

Необходимо заметить: те же люди, которые поддерживают данное утверждение, утверждают, что развивающиеся страны не готовы к экономической свободе, что их примитивный уровень развития делает социализм единственно возможной для них экономической моделью. Таким образом, утверждая, что страна с недостаточным экономическим развитием не готова к свободе, они в то же время считают, что слишком высоко экономически развитым странам свобода также не допускается.

Оба этих утверждения являются шатким рациональным обоснованием позиции государственников, так и не сумевших понять, что именно сделало возможным развитие промышленной цивилизации.

Ноябрь 1963 г.

6. Золото и экономическая свобода

Алан Гринспен

Почти истерическое противодействие золотому стандарту - вот пункт, который объединяет государственников, придерживающихся самых разных политических убеждений. Они, похоже, чувствуют - причем куда более ясно и глубоко, чем многие сторонники свободной экономики, - что золото и экономическая свобода неразделимы, что золотой стандарт - лишь ее инструмент, и что одно подразумевает другое.

Чтобы понять истоки подобного антагонизма, необходимо для начала осознать особую роль золота в свободном обществе.

Деньги - общий знаменатель любой экономической транзакции. Они служат посредником в обмене, поскольку принимаются всеми участниками экономического обмена в качестве платы за товары и услуги. Таким образом, они могут служить мерилom экономической ценности и способом ее сохранения, то есть средством сбережения.

Существование подобного средства - необходимое условие разделения труда. Если бы у человечества не было такого принимаемого всеми мерила объективной ценности, как деньги, людям пришлось бы пользоваться примитивным бартером или жить в автономных фермерских хозяйствах, отказавшись от бесчисленных преимуществ специализации. Если бы у человечества не было способа сохранения ценности, то ему пришлось бы отказаться от сбережений, а значит, ни долгосрочное планирование, ни обмен не были бы возможны.

Предмет, который будет обеспечивать посреднические функции в экономике достаточно комфортным для всех участников рынка образом, невозможно выбрать произвольно. Во-первых, он должен сохранять свою ценность достаточно долгое время. В примитивном обществе, на самом низком уровне благосостояния, зерно могло вполне успешно выполнять роль товара-посредника, поскольку процессы обмена происходили лишь во время или сразу после сбора урожая, и никто не задумывался о сохранении излишка прибавочной стоимости. Однако когда ее сохранение становится значимым - в более цивилизованных, более богатых обществах, - всеобщий эквивалент должен сохранять свою ценность в течение более продолжительного срока. Обычно эти функции исполняет металл: его преимущества заключаются в однородности и легкости деления на части. Любой кусок металла как две капли воды похож на другие такие же куски,

и их можно отливать и штамповать в любом количестве. Драгоценные камни, к примеру, не обладают ни одним из этих двух ценных качеств.

Что еще более важно, всеобщий эквивалент должен принадлежать к числу предметов роскоши. Стремление человека к роскоши беспредельно, а стало быть, на соответствующие товары всегда будет спрос, а также их в любой момент можно с легкостью сбыть с рук. Зерно - это роскошь в голодающих обществах, однако процветающие цивилизации относятся к нему иначе. Сигаретам не свойственно исполнять функцию денег, однако в Европе в период после Второй мировой войны они использовались именно в этом качестве и считались роскошью. Словосочетание «предметы роскоши» предусматривает редкость, а также высокую стоимость каждого предмета. Последнее свойство обеспечивает такому товару легкость в переноске и использовании: к примеру, одна унция золота стоит столько же, сколько полтонны чугуна в чушках.

На ранних стадиях развития денежной экономики в качестве всеобщего эквивалента может использоваться несколько разных видов товаров, поскольку все они на соответствующей ступени экономического развития будут удовлетворять соответствующим условиям. Однако постепенно один вид эквивалента вытеснит все остальные, обретая все большую популярность. Люди предпочитают сохранять излишек стоимости в том эквиваленте, который имеет наибольшее хождение, что, в свою очередь, обеспечит ему еще более широкое распространение. Процесс скоро приведет к тому, что на рынке останется один-единственный товар - всеобщий эквивалент. Использование единого эквивалента имеет те же преимущества, какие денежная экономика имеет перед бартерной: оно позволяет производить обмен в куда более широких масштабах.

Что будет всеобщим эквивалентом - золото, серебро, ракушки, скот или табак, - не принципиально и всецело зависит от условий и уровня развития соответствующей экономики. Все вышеперечисленное в различные периоды использовалось в данном качестве. Даже в текущем столетии в качестве международного товарного эквивалента использовались и золото, и серебро, и лишь постепенно золото завоевало преимущество. Золото, обладая одновременно художественной и практической ценностью и будучи при этом сравнительно редким металлом, всегда считалось предметом роскоши. Оно долговечно, просто в переноске, однородно, легко делимо и, таким образом, обладает значительными преимуществами перед другими средствами обмена. С начала Первой мировой войны оно фактически стало международным

стандартом обмена.

Однако если бы за все товары и услуги приходилось платить золотом, возникли бы проблемы с крупными платежами, что, в свою очередь, было бы чревато ограничениями в разделении труда и специализации. Таким образом, логическим продолжением идеи всеобщего эквивалента стало создание банковской системы и кредитных инструментов (банкнот и депозитов), которые служат заменой золоту и могут быть на него обменяны.

Свободная банковская система, в основе которой лежит золото, в состоянии предлагать кредиты и, соответственно, создавать банкноты (валюту) и депозиты в соответствии с производственными требованиями общества. С помощью выгодных процентов индивидуальных владельцев золота побуждают хранить его в банках, а в случае необходимости - выписывать чеки. Однако случаи изъятия из банка своих золотых запасов всеми вкладчиками одновременно чрезвычайно редки, и поэтому банк имеет возможность держать лишь часть своих депозитов в золоте в качестве резерва. Это позволяет банкирам давать ссуды на суммы, превышающие объем хранящихся у них депозитов, - а это значит, что в качестве инструмента обеспечения безопасности депозитов банки используют лишь заявки о праве собственности на золото, а вовсе не само золото. Однако объем выдаваемых кредитов также не может быть произвольным: банкир должен соотносить его с объемом имеющихся резервов и состоянием инвестиций.

Когда банки выдают кредиты финансово успешным, доходным предприятиям, средства возвращаются быстро, и как результат кредиты остаются массово доступным продуктом. Однако если предприятия, получившие кредит, оказываются не столь доходными и медлят с выплатами, банкиры вскорости обнаруживают, что объем невыплаченных кредитов становится сравнимым с имеющимися золотыми резервами, и сокращают объемы новых кредитов, как правило, используя заградительные проценты. В подобных случаях прекращается финансирование новых предприятий, а существующим заемщикам предлагается сначала увеличить доходность, а уже потом думать о новых кредитах для расширения производства. Таким образом, в условиях существования золотого стандарта свободная банковская система выступает в роли защитника экономической стабильности и сбалансированного роста.

Когда золото принимает в качестве всеобщего платежного эквивалента большинство наций, свободное широчайшее использование

золотого стандарта помогает создать систему мирового разделения труда и расширить международную торговлю. И хотя единицы обмена, используемые в разных странах (доллары, фунты, франки и т.д.), для разных стран различны, когда все их можно привязать к золоту, экономика разных стран действует как единый организм, если не существует ограничений, налагаемых на торговлю или движение капитала. Кредиты, проценты и цены в разных странах работают по единой схеме. К примеру, если в одной стране банк слишком либерально раздает кредиты, проценты здесь будут постоянно снижаться, принуждая вкладчиков уводить свое золото в другие банки с более высокими процентами. Из-за этого в стране, где кредиты наиболее доступны, сократятся банковские резервы, что, в свою очередь, приведет к более придирчивому отбору заемщиков и новому повышению процентов.

Абсолютно свободная банковская система и последовательное использование золотого стандарта, однако, до сих пор так и не реализованы на практике. До Первой мировой войны банковская система США (и большинства стран мира) базировалась на золоте, и, невзирая на периодическое вмешательство государства, банки оставались скорее свободными, нежели контролируемыми. Время от времени, в результате слишком активного развития кредитной системы, банки были вынуждены снижать объем кредитования до уровня своих золотых резервов. В этих случаях проценты взлетали до небес, новые кредиты не одобрялись, и экономика входила в краткий, но бурный период рецессии. (Если сравнивать с депрессиями 1920 и 1932 годов, перед Первой мировой войной бизнес, действительно, не особо пострадал). Именно ограниченность золотых резервов останавливала несбалансированный рост бизнеса раньше, нежели он переходил в катастрофу, наподобие случившейся после Первой мировой войны. Периоды реорганизации экономики при этом оказывались краткими: она быстро восстанавливалась и продолжала развитие на обновленной, здоровой основе.

Однако процесс излечения по ошибке был назван болезнью. Если сокращение банковских резервов ведет к снижению активности бизнеса, утверждают сторонники государственного вмешательства в экономику, то почему бы не изобрести способ помочь банкам повысить объем имеющихся резервов, чтобы об их сокращении и речи не шло? Было заявлено, что если банки смогут выдавать кредиты в любых объемах, то бизнесу не придется сталкиваться с проблемой экономического спада. Таким образом, в 1913 году была создана Федеральная резервная система. В нее входили 12 региональных федеральных резервных банков, лишь

номинально принадлежавших частным лицам, реально же финансирование, поддержку и контроль над ними всецело осуществляло государство. Кредиты, выдаваемые этими банками, на практике (хотя в законе об этом не было сказано ни слова) возмещались федеральным правительством за счет налоговых сборов. Формально при этом мы остались в рамках золотого стандарта: частные лица все еще свободно могли владеть золотом, оно же использовалось в качестве банковского резерва. Однако теперь, в дополнение к золоту, кредиты Федеральных резервных банков («бумажные» резервы) стали еще одним легальным средством уплаты держателям вкладов.

Когда в 1927 году бизнес в США испытывал некоторый спад, Федеральная резервная система создала дополнительные «бумажные резервы», стремясь упредить любое возможное сокращение банковских резервов. Куда более разрушительной оказалась попытка помощи Великобритании, в ходе которой было потеряно немало золота из-за того, что Банк Англии отказывался повышать проценты, когда того требовал рынок (это оказывалось политически невыгодным). Логика властей была такова: если ФРС волеет дополнительные бумажные резервы в американские банки, процентные ставки в США упадут до уровня английских, после чего Британия перестанет терять золото, не испытав при этом политического дискомфорта из-за вынужденного повышения процентных ставок.

ФРС преуспела в своих начинаниях: ей удалось остановить потери золота, однако по ходу дела чуть было не разрушилась вся мировая экономика. Излишек кредитных средств, впрыснутый ФРС в экономику, затопил фондовый рынок, породив невиданную волну спекуляций. Хотя и с опозданием, руководство Федеральной резервной системы попыталось вывести с рынка избыток кредитных средств, и все-таки сумело остановить спекулятивный рост. Но было поздно: к 1929 году спекулятивный дисбаланс оказался столь грандиозным, что предпринятые ФРС действия заставили бизнес максимально урезать расходы, лишив коммерсантов уверенности в будущем. В результате американская экономика рухнула. Великобритании пришлось еще хуже. Вместо того, чтобы принять последствия предыдущих безрассудных решений, в 1931 году она вовсе отменила золотой стандарт, напрочь разрушив всякую уверенность бизнеса в будущем и положив начало всемирной цепи банковских крахов. Мировая экономика рухнула в пучину Великой депрессии 1930-х годов.

С логикой, характерной для предыдущего поколения, сторонники государственного вмешательства утверждали, что именно золотой стандарт

стал причиной кредитного кризиса, приведшего к Великой депрессии. Если бы золотого стандарта не существовало, утверждали они, отказ Британии от расчетов в золоте в 1931 году не привел бы к краху целого ряда банков в разных странах мира. (Ирония в том, что после 1913 года мы имеем дело не с золотым стандартом в полном смысле слова, а с тем, что можно условно назвать «смешанным золотым стандартом»; невзирая на это, золото, конечно же, оказывается виновным во всем.)

Однако противодействие золотому стандарту со стороны проповедников государства всеобщего благосостояния имеет в своей основе другую, куда более тонкую догадку, которая гласит: золотой стандарт несовместим с превышением расходов над доходами - этой визитной карточкой социального государства. Если отказаться от академического жаргона, выяснится: социальное государство - это всего лишь механизм, позволяющий государству отнимать богатство продуктивных членов общества, дабы финансировать всевозможные социальные схемы. Существенная часть конфискаций происходит за счет налоговых схем. Однако деятели, поддерживающие социальное государство, быстро осознали: если они хотят сохранить политическое влияние, налоговое бремя должно быть ограничено. Таким образом, они вынуждены прибегать к программам бюджетного расходования, не покрываемого доходами, - то есть привлекать заемные средства с помощью государственных облигаций, дабы профинансировать масштабные социальные проекты.

В рамках действия золотого стандарта объемы кредитов, которые могут быть влиты в экономику, определяются вполне конкретным объемом имеющихся активов: ведь каждый кредитный инструмент - лишь знак наличия соответствующего актива. Однако за государственными облигациями не стоит никаких активов, помимо обещания со стороны правительства выплатить их владельцам причитающиеся средства за счет будущих налоговых поступлений. Поэтому финансовому рынку нелегко их принять. Большой объем новых государственных облигаций может быть продан массовому потребителю, только если проценты по ним весьма высоки. Таким образом, при существовании золотого стандарта возможный объем бюджетного дефицита оказывается строго ограниченным.

Отказ от золотого стандарта позволяет сторонникам социального государства использовать банковскую систему как инструмент ничем не ограниченного кредитования. Они выпускают государственные облигации, эти бумажные резервы, которые через сложную последовательность шагов

банк принимает точно так же, как и реальные активы, и относится к ним так же, как к настоящим депозитам - то есть как к эквиваленту золотого депозита. Держатель государственных облигаций или банковского депозита, созданного за счет «бумажных резервов», полагает, что это - знак владения реальными активами. Увы, на сегодняшний день подобных необеспеченных заявок куда больше, нежели реальных активов.

Закон спроса и предложения не приходится учить наизусть. Если предложение денег (основанное на заявленных активах) превысит объем реальных активов, цены непременно начнут расти. Таким образом, в пересчете на товары деньги, заработанные продуктивными членами общества, будут падать в цене. Когда все столбцы экономического грассбуха будут, наконец, заполнены, выяснится: эти потери тождественно равны суммам, потраченным государством на социальные программы и иные цели, деньги на которые были собраны с помощью государственных облигаций, позволивших финансировать кредитную экспансию банков.

В отсутствие золотого стандарта не существует механизмов защиты сбережений от инфляции. Комфортное сохранение накоплений становится невозможным. А если бы альтернативные средства накопления существовали, государству пришлось бы объявить владение ими незаконным, как в случае с золотом. Финансовая политика социального государства требует, чтобы состоятельные граждане ни в коем случае не могли защитить себя и свои накопления.

Вот в чем заключается неприглядный секрет, вызывающий к жизни пламенные тирады против золотого запаса, произносимые сторонниками социального государства. Дефицитный бюджет - это всего лишь метод скрытого отъема накоплений. Золото преграждает путь этим коварным планам. Оно защищает право собственности. Поняв это, любой без труда осознает причины ненависти государственников к золотому стандарту.

7. Заметки об истории американского свободного предпринимательства

Айн Рэнд

Если бы все примеры из истории американского бизнеса, которые государственники используют в качестве обвинений в адрес свободного предпринимательства и доводов в пользу государственного контроля над экономикой, были изучены детально и непредвзято, стало бы ясно: каждый раз, когда обвинения возлагаются на бизнесменов, единственной реальной причиной проблем стало вмешательство государства в экономику. Бедствия, виновными в которых принято считать крупных предпринимателей, в реальности были отнюдь не результатом нерегулируемого производства, а напротив, государственного вмешательства в дела предприятий. Настоящим злодеем оказывается отнюдь не бизнесмен, но законодатель, не свободный предприниматель, а государственные регулирующие органы.

Бизнесмены вновь и вновь оказывались жертвами, однако именно жертвам приходилось (и все еще приходится) принимать на себя всю тяжесть вины. Те же, кто на самом деле виновен, используют свои провинности в качестве аргумента для дальнейшего усиления своей власти, чтобы совершать те же преступления во все больших масштабах. Общественное мнение находится в столь глубоком неведении относительно истинных фактов, что на сегодняшний день в качестве решения проблем нашей страны оно требует дальнейшего увеличения дозы яда, который в первую очередь и является причиной поразившей нас болезни.

Далее в качестве иллюстраций я использую примеры, найденные мною в процессе исследований и касающиеся одной-единственной отрасли американской промышленности - железных дорог.

Одним из аргументов государственников в пользу правительственного контроля является тот факт, что американские железные дороги строились при помощи государственного финансирования, и без него их создание было бы невозможно. На самом же деле государственная финансовая помощь составила лишь 10% стоимости американской железнодорожной сети, при этом последствия этой помощи были катастрофическими для отрасли. Вот цитата из «Истории американских железных дорог» (The

Story of American Railroads) Стюарта Холбрука:

«Чуть более чем за два десятилетия при участии государства были построены три железные дороги, пересекающие весь континент. Все три в конечном итоге довели себя до суда по делам о банкротстве. И когда Джеймс Джером Хилл заявил, что собирается построить железнодорожную ветку от Великих озер до Пьюджент-Саунд без государственного финансирования и государственных землеотводов, даже ближайшие друзья сочли его сумасшедшим. Однако ветка Great Northern успешно дотянулась до Пьюджент-Саунд без единого пенни федеральных субсидий. Это достижение затмило разрекламированное строительство канала Эри».

Чем больше федеральной помощи получала та или иная железная дорога, тем больше в ее истории было трудностей и неудач. Дороги, получившие наибольший объем государственных субсидий, особенно прославились скандалами, нечестной игрой и многочисленными банкротствами. Те же дороги, которые не добивались и не получали помощи от властей, работали лучше всего и никогда не доходили до банкротства. Возможно, были исключения, - однако во всех материалах о железных дорогах, с которыми мне пришлось ознакомиться, я до сих пор не обнаружила ни единого подобного примера.

Считается, что в период масштабного железнодорожного строительства в США в стране было построено множество лишних веток, начатых и заброшенных из-за нерентабельности и сломавших множество судеб людей, вовлеченных в проекты. Государственники часто описывают этот период как яркий пример «стихийного хаоса» свободного предпринимательства. В реальности же большинство подобных железнодорожных веток создавались не теми, кто стремился к получению дохода, но теми, кто брался за дело из соображений политических спекуляций, мечтая лишь о том, чтобы получить правительственные субсидии.

Государственная помощь железнодорожному строительству осуществлялась самыми разными способами, включая государственные землеотводы, субсидии, федеральные и муниципальные облигации и т.д. Множество спекулянтов затевали железнодорожное строительство, чтобы быстро получить государственные средства, не задумываясь о коммерческих перспективах планируемых железнодорожных веток. Кое-как прокладывая рельсы, они не интересовались, необходима ли железная дорога в соответствующей местности и каково ее экономическое будущее. Некоторые из них, получив деньги, тут же скрывались, даже не приступив к каким бы то ни было работам. Вот откуда родилось популярное

убеждение, что начало создания железных дорог в США было периодом диких беспорядочных спекуляций. Однако те дороги, которые строились бизнесменами с правильным расчетом и коммерческим интересом, выжили, развились и доказали мудрость своих создателей в выборе места для строительства.

Среди крупных железных дорог особенно много скандалов окружало Объединенную тихоокеанскую и Центральную тихоокеанскую (сейчас - Южная тихоокеанская). Обе линии были построены с помощью государственных субсидий. Объединенная тихоокеанская дорога обанкротилась вскоре после окончания строительства, - это был, вероятно, наиболее грязный скандал в истории железных дорог, который к тому же поднял ряд вопросов о коррупции. Дела у этой дороги не шли на лад до тех пор, пока ее не взял в свои руки частный предприниматель Эдвард Гарриман.

Центральная тихоокеанская железная дорога, построенная калифорнийской «большой четверкой», также создавалась на государственные средства, продемонстрировала яркие примеры всех без исключения грехов, в которых принято обвинять железные дороги. Почти 30 лет Центральная тихоокеанская дорога полностью контролировала железнодорожные перевозки на территории Калифорнии, удерживая монополию и не допуская на рынок конкурентов. Она держала чудовищно высокие цены, повышая их ежегодно, и забирала практически весь доход у фермеров и владельцев других товаров, требовавших перевозки, у которых не было выбора, поскольку обращаться они могли лишь к единственному перевозчику. Как такое стало возможным? Исключительно при поддержке законодательной власти Калифорнии. «Большая четверка» контролировала законодательную власть и поэтому сумела обезопасить штат от конкурентов с помощью законодательных запретов - таких, к примеру, как закон штата, давший «большой четверке» право единовластно контролировать все побережье Калифорнии и запретивший строительство любой другой железнодорожной ветки, ведущей к любому из ее портов. В течение этих 30 лет частный бизнес предпринял множество попыток строить конкурирующие железнодорожные ветки в Калифорнии, разрушив, таким образом, монополию Центральной тихоокеанской дороги. Однако все эти попытки были пресечены - не методами свободной торговли и конкуренции, но исключительно с помощью законодательных рычагов.

Тридцатилетняя монополия «большой четверки» и ее способы работы всегда приводятся в качестве примера того зла, которое несет с собой

большой бизнес и свободное предпринимательство. Однако «большая четверка» не может рассматриваться в качестве примера свободных предпринимателей: ее представители не были бизнесменами, достигшими могущества с помощью механизмов нерегулируемой торговли. Они были типичными представителями того, что ныне принято называть «смешанной экономикой». Они достигли могущества с помощью законодательного вмешательства в дела бизнеса; подобные злоупотребления были бы невозможны в свободной, нерегулируемой экономике.

Та же Центральная тихоокеанская дорога печально известна земельной сделкой, приведшей к лишению фермеров собственности на землю и последующим кровавым мятежам 1870-х. Этот случай, послуживший основой для романа Фрэнка Норриса «Спрут: Калифорнийская история» (*The Octopus: A California Story*), направленного против бизнеса, вызвал массовые публичные возмущения, а также всеобщую ненависть ко всем без исключений железным дорогам и крупному бизнесу в целом. Однако эта сделка касалась земель, выделенных «большой четверке» правительством - а стало быть, все последующие несправедливые шаги были бы невозможны без законодательной и юридической помощи властей. И все же все последующие обвинения касались не государственного вмешательства в экономику, а исключительно бизнеса.

На другом конце шкалы мы видим железную дорогу с прозрачайшей историей, созданную исключительно эффективно в сложнейших условиях и обеспечившую развитие всего Северо-запада США. Это - Большая северная железная дорога, построенная Дж. Хиллом без какой бы то ни было государственной помощи. И все-таки государство всю жизнь преследовало Хилла - за то, что, согласно Закону Шермана, он являлся монополистом (!).

Однако худшей несправедливостью оказалось распространенное заблуждение, касающееся коммодора Вандербильта, создателя Нью-Йоркской Центральной железной дороги. Его именуют не иначе, как «старым пиратом» и «монстром с Уолл-стрит», осуждая за якобы чрезмерную жестокость, проявленную на Уолл-стрит. Однако реальная история выглядит иначе. Когда Вандербильт начал организовывать несколько небольших, малоизвестных железнодорожных веток в систему, ставшую Нью-Йоркской центральной железной дорогой, ему требовалось разрешение городского совета, чтобы его железнодорожная ветка «Нью-Йорк и Гарлем» получила право проходить по Нью-Йорку. Городской совет был известен своей коррумпированностью: все знали, что за

подобное разрешение придется заплатить, что и сделал Вандербильт. Следует ли обвинять его в этом, или вина должна лечь на государство, присвоившее себе всю полноту деспотической власти в этом вопросе, так что у Вандербильта не оставалось выбора? Как только стало известно, что Вандербильт получил разрешение для проведения по городу своей железной дороги, его акции тут же взлетели. Однако вскоре городской совет неожиданно отозвал свое разрешение, после чего акции Вандербильта стали падать. Члены городского управления, получившие деньги, вместе с кликой спекулянтов продавали акции Вандербильта без покрытия. Однако тот в жестокой борьбе сумел отстоять свою железную дорогу. Его «жестокость» заключалась в мгновенной скупке собственных акций, лишь стоило им появиться на рынке, предотвращая тем самым обвальное падение цены на них до уровня, необходимого играющим на понижение спекулянтам. В этой битве он рисковал всем, что имел, и все-таки победил. Спекулянтская клика и члены совета были повержены. Однако вскоре подобный трюк был повторен, на сей раз - с участием законодательного собрания штата Нью-Йорк. Вандербильту было необходимо добиться у законодателей специального акта, разрешающего объединить две принадлежавшие ему железные дороги в одну. И вновь он был вынужден заплатить законодателям за обещание протолкнуть нужное решение. Акции его компании взлетели - и законодатели тут же стали играть на понижение, отказав Вандербильту в обещанном акте. И вновь он вынужден был выдержать жестокий бой, взяв на себя всю ответственность, рискнув всем, что имел, не считая нескольких миллионов, одолженных у друзей. Но он вновь победил, разрушив планы государственной клики из Олбани. «Мы разгромили целый законодательный орган, - говорил он. - Кое-кто из его заслуженных членов теперь будет вынужден отправиться домой, не оплатив пансиона».

Сегодня, однако, деталей этой истории никто и не вспомнит. Есть какая-то порочная ирония в том, что сегодня государственники полагают Вандербильта ярким примером злоупотреблений, чинимых свободными предпринимателями. Про клику из Олбани уже никто не помнит, и главным злодеем оказывается, конечно же, Вандербильт. Попробуйте спросить у первого попавшегося человека, что ужасного сделал Вандербильт, - и тот сразу ответит: «О, он устроил какую-то жестокую штуку на Уолл-стрит, испортив жизнь массе людей».

Лучшую из возможных иллюстраций всеобщих заблуждений относительно государства и бизнеса можно найти в «Истории американских железных дорог» Холбрука:

«С самого начала железные дороги подвергались притеснениям со стороны политиков и их приспешников, или их владельцы были вынуждены так или иначе раздавать взятки. На это существовал безошибочный способ: политик, как правило - член законодательного собрания штата, изобретал проект какого-нибудь законодательного акта, который мог дорого обойтись железным дорогам штата, создавая неудобства в работе. Затем он оформлял свой законопроект, как положено, громко заявляя, что его необходимо принять, дабы защитить людей от произвола железнодорожного монстра. Дальше ему оставалось лишь сидеть и ждать посланца от владельцев дороги, который разубеждал его теми же методами, что и наш знакомый Вандербильт. Согласно имеющимся записям, не менее 35 законопроектов, ограничивающих в правах железные дороги, было внесено на единственном заседании одного и того же законодательного органа».

Далее Холбрук пишет:

«Приблизительно к 1870 году железные дороги стали, как указывали многие ораторы того времени, сами устанавливать для себя законы. Они скупали сенаторов и конгрессменов точно так же, как рельсы и локомотивы - за звонкую монету. Они завладевали целыми законодательными органами, зачастую - судами штатов... Сказать, что железные дороги были коррумпированы, - значит ничего не сказать».

Связь между этими двумя утверждениями, равно как и вывод, с неизбежностью следующий из них, не приходят в голову мистеру Холбруку. Он обвиняет в коррупции именно железные дороги. Но что, скажите, им оставалось делать, кроме как «завладевать целыми законодательными органами», если эти органы имели власть над их жизнью? Что, кроме раздачи взяток, могли сделать железные дороги, желая выжить? Кто заслуживает обвинений и кого следует называть «коррупционером» - бизнесмен, вынужденный платить «охранительную дань» за право оставаться в бизнесе, - или политики, торгующие этим правом?

Еще одно популярное обвинение в адрес крупного бизнеса: якобы эгоистические частные интересы тормозят развитие прогресса, боясь новых изобретений, могущих разрушить существующий рынок. Однако ни один бизнесмен никогда не делал ничего подобного, да и не мог - по крайней мере, без государственной помощи. История становления железных дорог прекрасно иллюстрирует этот тезис. Строительство дорог встречало жесткое противодействие со стороны владельцев каналов и паромных компаний, осуществлявших основную долю перевозок.

Различные законодательные органы, подстрекаемые пароходными компаниями, приняли целый ряд законов, постановлений и запретов в попытке воспрепятствовать развитию железных дорог и остановить их строительство. Это делалось под лозунгом «общественного благополучия» (!) Когда через Миссисипи был перекинут первый железнодорожный мост, владельцы пароходных компаний затеяли суд против его владельца, - и суд принял решение снести мост как «материальное препятствие, создающее затруднения». Верховный суд с небольшим перевесом голосов отменил это решение. А теперь спросите себя: какой могла стать история промышленного развития США, если бы судьи со столь же небольшим перевесом склонились к иному решению? И каким может быть прогресс экономики в целом, когда он зависит не от объективных показателей, а от произвольного решения нескольких человек, наделенных политической властью?

Важно отметить, что владельцы железных дорог не пытались коррумпировать правительство, когда только начинали свой бизнес. К практике подкупа законодателей они были вынуждены перейти лишь в целях самозащиты. Первыми - и лучшими - создателями железных дорог были свободные предприниматели, не боявшиеся брать на себя риск, использовавшие частный капитал и не прибегавшие к государственной помощи. И лишь когда они показали стране, что новая отрасль экономики таит в себе огромные перспективы, спекулянты и законодатели накинудись на новорожденного гиганта, дабы извлечь из него все возможные выгоды. Только когда законодатели стали прибегать к шантажу и запугиванию, проталкивая разрушительные и бессмысленные директивы, владельцы железных дорог были вынуждены заняться подкупом.

Важно понимать: лучшие строители железных дорог, создававшие их на частные средства, не использовали подкуп законодателей для удушения конкурентов или получения специальных законодательных преимуществ и привилегий. Они добивались благосостояния своими собственными силами, - и если уж прибегали к взяткам, подобно коммодору Вандербильту, то лишь для преодоления какого-либо бессмысленного ограничения. Они не платили взятки, чтобы получить какие-либо выгоды от действий законодателей, они давали их только для того, чтобы законодатели перестали стоять у них на пути. Однако строители, начинавшие с государственных субсидий, - такие как «Большая четверка» с ее Центральной тихоокеанской железной дорогой, - использовали возможности государства для получения преимуществ и были обязаны своим благосостоянием законодательным уловкам, а отнюдь не

собственным талантам. Именно к таким результатам неизбежно приводит «смешанная экономика» в любой форме. Лишь с помощью законодательных установлений человек с меньшими способностями может победить своих более талантливых конкурентов, - и лишь такой тип предпринимателей прибегает к помощи правительства в экономических вопросах.

Этот вопрос касается отнюдь не отдельных лиц, «нечестных бизнесменов» или «нечестных законодателей». Нечестность порождается системой и является ее неотъемлемой частью. Право государства контролировать экономику будет с неизбежностью порождать особую «элиту», «блатную аристократию», привлекать в законодательные органы коррумпированных политиков, порождать бесчестных бизнесменов, карая и уничтожая честных и способных.

Приведенные примеры - лишь часть; множество других историй также иллюстрируют одну и ту же идею. При этом мы затронули единственную отрасль промышленности. Представьте себе, сколько интересного можно узнать, столь же пристально углубившись в историю любой другой отрасли.

Пора объяснить обществу всю губительность идеи, впервые созданной марксистами и бездумно подхваченной остальными, о том, что регулирование экономики - неотъемлемая функция государства, что правительство - это средство реализации классовых интересов в экономике, и вопрос лишь в том, какой именно класс или группу влияния будет обслуживать государственный аппарат. Большинство убеждено, что свободное предпринимательство - это якобы контролируемая экономика, которая служит интересам предпринимателей, в противоположность государству всеобщего благосостояния, где контролируемая экономика служит интересам рабочих. Мысль о существовании неконтролируемой экономики сначала была полностью забыта, а теперь намеренно игнорируется. Большинство не в состоянии увидеть разницу между такими бизнесменами, как Дж. Хилл, создатель Большой северной железной дороги, и «большой четверкой» с Центральной тихоокеанской железной дорогой. Многие люди просто махнут рукой на эту разницу, заявив, что все бизнесмены - мошенники, поскольку пытаются коррумпировать правительство, тогда как на самом деле правительство может быть коррумпировано только и исключительно профсоюзами.

Суть не в том, в чьих интересах - труда или капитала - будет контролироваться экономика. Главное - разница между контролем и свободой. «Большая четверка» не противостоит государству всеобщего

благосостояния. На самом деле по одну сторону баррикад находятся и социальное государство, и «большая четверка», а по другую - Дж. Хилл и любой честный работник. Государственный контроль над экономикой - неважно, в чьих интересах, - был источником всех бедствий в истории нашей промышленности. Проблемы может решить лишь настоящий капитализм, который лишает государство права контролировать экономику, запрещая любые формы государственного вмешательства в производство и торговлю. Нужно отделить государство от экономики - тем же способом и по тем же причинам, по которым от государства была отделена церковь.

8. Влияние промышленной революции на женщин и детей

Роберт Хессен

Детский труд и промышленная революция

Детский труд - аспект истории капитализма, который хуже всего понимается и чаще всего предстает в ложном свете.

Невозможно оценить феномен детского труда в Англии в ходе промышленной революции конца XVIII - начала XIX века, не осознавая, что возникновение фабрик дало средства к существованию, а следовательно, и возможность выжить десяткам тысяч детей, которым в докапиталистическую эпоху не суждено было дожить до юности.

Фабричная система обеспечила повышение общего уровня жизни, резкое падение уровня смертности в городах, в том числе и детской - и стала причиной беспрецедентного роста населения.

В 1750 году население Англии составляло 6 млн человек, в 1800-м - 9 млн, а в 1820-м - 12 млн: подобного роста не знала ни одна эпоха. Чрезвычайно сильно изменился и возрастной состав населения: доля детей и молодежи резко выросла. «Доля детей, родившихся в Лондоне и умерших, не дожив до пяти лет», упала с 74,5% в 1730-1749 годах. до 31,8% в 1810-1829 годах. Дети, которым ранее было суждено умереть во младенчестве, теперь получили шанс.

Рост населения, а также рост ожидаемой продолжительности жизни доказывают лживость утверждений социалистов и фашистов, критикующих капиталистическую систему и утверждающих, что в ходе промышленной революции уровень жизни трудящегося класса значительно упал.

Обвинения капитализма в плохих условиях существования детей в ходе промышленной революции бесчестны и исторически безграмотны: ведь именно капитализм позволил существенно улучшить условия их жизни по сравнению с предыдущей эпохой. Источник подобной несправедливости - в творчестве столь же эмоциональных, сколь и безграмотных писателей и поэтов, подобных Диккенсу и миссис Браунинг, оторванных от реальности адептов средневековья вроде Саузи, а также авторов политических трактатов, позиционирующих себя в роли специалистов в истории экономики, - таких, как Маркс и Энгельс. Все они рисуют смутный и призывный образ утраченного «золотого века» рабочего класса, который, по их утверждениям, был уничтожен промышленной революцией. Однако историки не согласны с их утверждениями. Как исследования, так и здравый смысл давно уже сорвали романтический

флер с дофабричной системы кустарных промыслов. В рамках этой системы рабочему было необходимо либо с самого начала сделать существенные вложения, либо платить высокую арендную плату за ткацкий станок или другое оборудование, при этом принимая на себя все спекулятивные риски. Его питание было бедным и однообразным, и выживание часто зависело от того, удастся ли его жене и детям найти работу. Не стоила зависти и лишенная всякой романтики совместная жизнь и работа всей семьей в плохо освещенном, недостаточно проветриваемом, дурно построенном доме.

На какое же процветание могли надеяться дети до промышленной революции? В 1697 году Джон Локк написал ответ для министерства торговли, посвященный проблеме бедности и облегчению ее последствий. По оценкам Локка, работающий глава семьи и его жена могли позволить себе обеспечить не более двоих детей, и рекомендовал всем детям старше трех лет учиться зарабатывать себе на жизнь: в специальных рабочих школах они могли бы учиться прясть и вязать, получая при этом еду. «Дома родители редко могут предложить им что-либо, кроме хлеба и воды, да и то в недостаточном количестве», - писал Локк.

Профессор Людвиг фон Мизес напоминает нам:

«Владельцы фабрик не могли никого принудить работать на них. Они могли лишь нанимать людей, готовых работать за предлагаемую плату. Сколь бы низкой ни была эта плата, она все же оказывалась гораздо выше, нежели эти бедняки могли получить в любом другом месте. Было бы искажением фактов утверждать, что фабрики вырвали женщин из детских и кухонь, а детей оторвали от игр. Этим женщинам нечего было готовить и нечем накормить своих детей. Эти дети были брошены на произвол судьбы и голодали. Фабрика была их единственным спасением. Она в прямом смысле слова спасала их от голодной смерти».

Фабричные дети шли работать по настоянию родителей. Их рабочий день был весьма продолжительным. Однако работа чаще всего была довольно простой: чаще всего они следили за ткацкими или прядильными станками, связывая нити, когда те рвались. Отнюдь не по поручению этих детей началась политическая борьба за законодательное ограничение деятельности фабрик. Первый закон о детском труде, принятый в Англии в 1788 году, регулировал время и условия труда несчастных детей, работавших трубочистами. Эта опасная и грязная работа существовала задолго до промышленной революции и не имела ничего общего с фабриками. Первый законодательный акт, который относился к фабричным детям, был призван защитить тех, кто был отдан в настоящее

рабство местными властями - то есть представителями государства. Речь шла о брошенных или осиротевших детях бедняков, официально, согласно законодательству о бедных, находившихся под опекой окружных властей, которые на долгие годы отдавали их в неоплачиваемое обучение, предоставляя им лишь столько, чтобы те могли не умереть с голоду.

Признано, что условия труда, равно как и санитарные условия на самых больших и новейших фабриках были наилучшими. Последующие законы о фабричной деятельности, принятые в период с 1819 по 1846 год, налагали все более жесткие ограничения на детский и подростковый труд. Поэтому владельцы крупных фабрик, служивших легкой мишенью для частых визитов и проверок со стороны фабричных инспекций, предпочитали увольнять детей, дабы не испытывать на себе действие регулярно и произвольно принимаемых и постоянно меняющихся директив, предписывающих, как именно им следует управлять фабрикой, на которой работают дети. В результате подобного законодательного вмешательства дети, для которых работа была необходимым условием выживания, были вынуждены переходить на маленькие, старые, захолустные фабрики, на которых условия труда и производственная гигиена были явно хуже. Те же, кому не удавалось вновь найти работу, повторяли судьбу своих сверстников доиндустриальной эпохи, занимаясь сезонными сельскохозяйственными работами, или, того хуже, - по словам профессора фон Мизеса, «пополняли ряды наводнявших страну бродяг, бездомных, нищих, грабителей и проституток».

Законодательными мерами детский труд не был уничтожен. Он изжил себя, когда для детей исчезла необходимость работать ради выживания - когда доходы родителей стали достаточными для того, чтобы обеспечить их всем необходимым. Избавителями и благодетелями для этих детей стали не законники или фабричные инспекторы, а промышленники и финансисты. Их старания и инвестиции в машинное производство привели к росту реальных зарплат, появлению товаров по более низким ценам и значительному росту качества жизни.

Достойный ответ критикам промышленной революции дал профессор Т. Аштон:

«На просторах Индии и Китая многие мужчины и женщины живут, осаждаемые бедами и голодом, их жизнь, на взгляд стороннего наблюдателя, немногим отличается от жизни скотины, которая проводит с ними дни и спит рядом с ними по ночам. Подобные азиатские стандарты жизни, подобные ужасы немеханизированного труда характерны для стран, чье население росло и в которых при этом не произошло промышленной

революции».

К этому хотелось бы добавить, что промышленная революция и последовавшее за ней процветание - достижения капитализма, невозможные при иной политико-экономической системе. В доказательство позвольте указать вам на Советскую Россию, где индустриализация не отменила голода.

Женщины и промышленная революция

Чтобы порицать капитализм, нужно забыть его историю. Утверждение, что индустриальный капитализм принес женщинам лишь бедность и деградацию, - любимо всеми критиками капитализма. Оно столь же распространено, как и мысль о том, что промышленная революция превратила детей в жертв эксплуатации, - и столь же беспочвенно.

Давайте рассмотрим источники данного утверждения. Чтобы оценить преимущества, полученные женщинами при капитализме, необходимо сравнить их положение при этом строе с более ранними эпохами. Однако критики капитализма из XIX столетия и не пытались сделать это; взамен они искажали и фальсифицировали историю, идеализируя прошлое и порицая современную им реальность.

К примеру, один из наиболее фанатичных в XIX столетии критиков капитализма Ричард Остлер заявлял, что и духовная, и материальная стороны жизни в Средние века были обустроены куда лучше, чем в начале XIX века. Описывая средневековую Англию, Остлер страдает по утраченному «золотому веку»:

«Каким же прекрасным судном была Англия в ту эпоху! Ладно построенная, с прекрасной командой, нагруженная продовольствием и оснащенная отличными парусами! И все на борту были рады, счастливы и довольны».

Это было сказано про эпоху, когда

«"значительную часть народа составляли крестьяне, жившие в рабских условиях, не имевшие возможности изменить свой образ жизни или уехать из того места, где родились", когда люди могли надеяться обрести счастье и защиту от опустошительных бедствий лишь по ту сторону жизни, когда царил голод и полупустой желудок почитался за счастье, когда жизнь протекала в домах столь грязных и зараженных паразитами, что, по утверждению историков, "единственное, что можно сказать в их защиту: горели они очень легко"»^[20].

Остлер выражал точку зрения адептов Средневековья. Социалисты, соглашавшиеся с его постулатами, были столь же плохими историками.

К примеру, описывая условия жизни масс в XVII - начале XVIII века, Фридрих Энгельс утверждает:

«Рабочие наслаждались сравнительно комфортным существованием,

вели набожную мирную жизнь в благочестии. Их материальное благосостояние было не в пример выше, нежели у следующих поколений».

Это было написано про эпоху чудовищно высокой смертности - особенно детской, - когда в городах и деревнях ничего не знали о санитарии, к тому же печально известную высоким уровнем потребления алкоголя. Стол рабочего состоял, по большей части, из овсянки, молока, сыра и пива. Хлеб, картофель, кофе, чай, сахар и мясо были непозволительной роскошью. Мытье было событием, а стирка - редкостью: ведь мыло было дорого, к тому же прочности одежды, носившейся десятилетиями поколение за поколением, стирка лишь вредила.

Наиболее быстрым изменением, которое принесла промышленная революция, был перевод изготовления одежды из домашних условий на фабрики. В предшествовавший период «кустарного производства» семьи рабочих, включая жен и детей, ткали и пряли дома. Когда развитие технологий позволило перенести производство тканей на фабрики, это привело, как говорил один критик капитализма, «к распаду семьи как социальной единицы».

Мисс Нефф с одобрением пишет, что:

«при системе кустарного производства дети и родители работали вместе, отец был главой семьи, получавшим весь семейный доход и управлявшим всеми расходами».

Обвиняющим тоном она продолжает:

«Однако при фабричной системе у каждого из членов семьи был свой собственный доход, они работали в разных фабричных подразделениях, возвращаясь домой лишь для еды и сна. Дом превращался в простое пристанище».

Подобные критики возлагают на фабрики ответственность за все социальные проблемы эпохи, включая промискуитет, супружескую неверность и проституцию. В обвинениях в адрес женщин, работавших на фабриках, подразумевалось, что место женщины - дома и единственная достойная для нее роль - вести хозяйство для мужчины и воспитывать его детей. Кроме того, фабрики обвинялись в том, что они вырывали девочек из-под пристального родительского внимания, провоцируя тем самым ранние браки; позднее - в невнимании матерей к детям и неумении вести хозяйство, а также в незнании женщинами своего места и их стремлении к роскоши.

Интересно, какую «роскошь», по мнению обвинителей из числа сторонников дофабричного быта, индустриальная революция сделала доступной рабочему классу? Оказывается, женщинам хотелось иметь

туфли вместо обуви на деревянной подошве, шляпки вместо шалей и «деликатесы» (кофе, чай и сахар) вместо «простой еды».

Критики осуждали вошедшую в обиход фабричную одежду, видя в замене шерсти и льна недорогим хлопком признак обнищания населения. Женщин обвиняли в том, что они не желали делать вручную то, что, благодаря революции в текстильном производстве, гораздо дешевле было купить. Платья больше не надо было носить десятилетиями. Женщинам уже не надо было носить нижние юбки из грубой ткани до тех пор, пока они не начнут расползаться от грязи и старости. Дешевые хлопчатобумажные платя и нижнее белье стали настоящей революцией в сфере личной гигиены.

В XIX столетии два наиболее популярных тезиса, объясняющих, почему женщины работали на фабриках, сводились к следующему: во-первых, «мужья предпочитали не работать и сидеть дома, получая поддержку от жен», и, во-вторых, фабричная система «изгнала взрослых мужчин, возложив на женщин бремя заботы о мужьях и семействах». Эти перемены тщательно исследуются в работе «Жены и матери в викторианском производстве», чрезвычайно важном исследовании доктора Маргарет Хьюитт из Университета Эксетера. «Ни одно из этих утверждений не подтверждено статистикой», - приходит она к заключению.

На самом деле работа женщин на фабриках объяснялась куда более тривиальными причинами. Доктор Хьюитт перечисляет их: часто «зарплаты мужей было недостаточно для ведения хозяйства»; некоторые из этих женщин были вдовы или брошены мужьями. Некоторые вовсе не имели детей или их дети были уже взрослыми. У других мужья были безработными или имели лишь сезонную работу. Наконец, изредка женщины шли работать, чтобы иметь средства для создания дома дополнительных удобств, хотя заработки их мужей покрывали затраты на самое необходимое.

Фабричная система принесла женщинам отнюдь не страдания и деградацию - но средства к существованию, экономическую независимость, возможность надеяться на большее, нежели простое физическое выживание. Условия работы на фабриках XIX века были суровы по сравнению с XX веком. Женщины предпочитали работу на фабриках прочим доступным для них способам заработка - таким как должность прислуги, изнурительный труд в составе сельскохозяйственных бригад, работа на откатке земли в шахтах. Более того: женщина, способная сама себя содержать, реже вступала в ранний брак.

Даже профессор Тревельян, последовательно критикующий промышленное производство и воспевающий «старые добрые времена», признавал:

«...женщины, работавшие на фабриках, хотя и теряя некоторые из лучших возможностей, предоставленных им жизнью (*Тревельян так и не объяснил, что он имеет в виду. - А.Р.*), приобретали независимость... Заработанные ими деньги принадлежали только им. Фабричная работница сама создавала собственное экономическое положение, что со временем стало предметом зависти для других женщин».

«Дома пролетариев, перестав играть роль миниатюрных фабрик, стали более комфортными, тихими и опрятными», - заключает Тревельян.

Критики фабричной системы все еще пытаются утверждать, что домашние ткачи и прядильщики могли ощущать гордость творца, любуясь результатами своей работы, и лишились этой возможности, превратившись лишь в винтики огромной индустриальной машины. Доктор Дороти Джордж легко развенчивает этот тезис:

«...маловероятно, что среднестатистический ткач, упорно двигая челнок туда-сюда, проводя за этим монотонным и изнурительным трудом многие часы, смог бы испытывать те самые чувства, которых ждет от него современный энтузиаст, увлеченный народными промыслами».

Наконец, последнее обвинение гласит, что именно работа на фабриках учила женщин придавать слишком много значения материальному комфорту в ущерб духовному развитию.

Нищета, в которой жили женщины в докапиталистическую эпоху, должно быть, заставляла каждую из них свято верить в предписание Нового Завета: «Не любите мира, ни того, что в мире». Однако производительная мощь капитализма искоренила этот взгляд на мир. Сегодня его наиболее истовыми приверженцами остаются профессор Галбрейт и проповедники аскезы по ту сторону «железного занавеса».

9. Битва против честности

Алан Гринспен

Защита потребителя от «нечестных и недобросовестных действий коммерсантов» стала краеугольным камнем контролируемой экономики в рамках социального государства. Утверждается, что, предоставленные сами себе, бизнесмены тут же начнут продавать опасные для здоровья продукты и лекарства, фальшивые ценные бумаги и дурно построенные здания. Таким образом, утверждается, что Управление по надзору за качеством пищевых продуктов и лекарственных средств, Комиссия по биржам и ценным бумагам, а также многочисленные агентства, регулирующие строительную сферу, необходимы, поскольку потребителя необходимо защищать от «жадности» бизнесменов.

Однако на самом деле именно «жадность» бизнесменов - или, точнее, стремление к прибыли, - лучше всего защищает интересы потребителей.

Коллективисты отказываются признавать, что в собственных интересах каждого бизнесмена обладать репутацией, гласящей, что он ведет сделки честно и предлагает продукцию хорошего качества. Поскольку рыночная стоимость действующего бизнеса определяется его потенциалом в части получения доходов, репутация - такой же актив, как и материальные ресурсы, к примеру здание фабрики или оборудование. Для многих фармацевтических компаний стоимость репутации, которая определяет коммерческую стоимость бренда, - главный из активов. Ущерб, нанесенный репутации продажей некачественных или опасных товаров, значительно уменьшит рыночную стоимость фармкомпании, пусть даже ее материальные активы останутся неизменными. Рыночная стоимость брокерской фирмы еще теснее связана с ее «репутационными активами». Ценные бумаги на сотни миллионов долларов ежедневно продаются по телефону. Даже небольшое сомнение в порядочности брокера или его преданности делу способно мгновенно и навсегда лишить его возможности заниматься этим бизнесом.

Таким образом, в свободной экономике репутация - главный инструмент конкуренции. Строители, которые обладают репутацией специалистов, гарантирующих высокое качество своих объектов, отвоевывают рынок у своих менее честных и добросовестных коллег. Наиболее уважаемые дилеры по ценным бумагам получают львиную долю рынка комиссионной торговли. Производители продуктов питания и

лекарственных препаратов конкурируют за то, чтобы их собственный бренд воспринимался как синоним качества.

Врачам приходится столь же тщательно подходить к оценке качества выписываемых ими препаратов: они точно так же, как представители любого бизнеса, конкурируют за доверие потребителя. В этой гонке участвует даже хозяин продуктовой лавки на углу: если он хочет заработать деньги, то не может себе позволить продавать вредную для здоровья еду. По сути, любой производитель или продавец товаров и услуг тем или иным образом включается в конкурентную гонку за репутацией.

Чтобы заработать достойную репутацию и превратить ее в свой финансовый актив, требуются годы стабильно качественной работы. В дальнейшем еще большие усилия уходят на то, чтобы ее удержать: ни одна компания не может себе позволить перечеркнуть результаты многих лет, вложенных в создание репутации, хотя бы раз поступившись стандартами качества или создав один-единственный некачественный продукт, пусть даже подобные способы быстрого убийства бизнеса в какой-то момент кажутся крайне соблазнительными. Новички, входящие на рынок, не могут сразу вступить в конкурентную борьбу со стабильными фирмами с устойчивой репутацией. Им приходится многие годы работать в более скромной рыночной нише, дабы заработать соответствующую репутацию. Таким образом, стимулы к качественной работе в области производства действуют на всех уровнях. Они исполняют роль встроенного предохранителя в мире свободного предпринимательства, являясь единственной защитой потребителя от нечестности бизнесменов.

Государственное вмешательство, однако, не может служить альтернативным способом защиты потребителей. Оно не обеспечивает ни качество товаров, ни точность информации. Оно может лишь заменить истинные стимулы силой и страхом, объявив их «защитниками» потребителей. Какие бы эвфемизмы не использовали государственные структуры в своих пресс-релизах, в основе госрегулирования всегда находится сила. И каковы же результаты?

Попытки защитить потребителей силой сводят на нет действие традиционных стимулов. Во-первых, они подрывают значимость репутации, ставят на одну доску компанию с устоявшимся реноме, никому не известную фирму, новичка на рынке и того, кто пришел в бизнес случайно и ненадолго в расчете на легкие деньги. Фактически бизнесу дают понять, что все в одинаковой степени находятся под подозрением, и годы безупречной работы не спасают от недоверия. Во-вторых, они дарят автоматические (правда, недостижимые в реальности) гарантии любой

компании, соответствующей произвольно установленному минимальному набору государственных стандартов. Ценность репутации основывалась на том факте, что потребители вынуждены самостоятельно оценивать качество приобретаемых товаров и услуг. Государственные гарантии отменяют эту необходимость; в конечном итоге потребителей убеждают, что самостоятельные суждения не имеют цены, равно как и многолетняя история достижений той или иной компании.

Минимальные стандарты, лежащие в основе госрегулирования, со временем превращаются в подобие верхней планки. Если строительный кодекс задает минимальные стандарты качества, строители не получают никаких конкурентных преимуществ, работая лучше, чем предписывает соответствующий стандарт, а значит, будут стараться соответствовать предъявляемым минимальным требованиям. Если существует минимальная спецификация для производства витаминов, производитель вряд ли получит дополнительный доход, производя нечто более качественное. Постепенно, однако, и соблюдение минимальных требований становится невозможным, поскольку отсутствие адекватных стимулов для улучшения качества в итоге приводит к невозможности соблюдения даже минимальных требований.

Главная цель государственного регулирования - не создавать что бы то ни было, а, напротив, предотвращать. Сотрудники регулятивных органов не в состоянии приписать себе заслугу изобретения отличного нового лекарства, синтезированного учеными из фармацевтической компании, зато они могут похвастаться запретом талидомида. Ориентация на запреты устанавливает определенные рамки, в которых вынуждены работать даже самые добросовестные сотрудники регулятивных структур. В результате появляются все новые и новые законодательные запреты, ограничивающие экспериментирование с лекарственными средствами, их тестирование и распространение. При этом, как и в любых исследованиях, при разработке новых лекарств законодательные ограничения мешают вносить улучшения в уже существующие лекарства: ведь улучшение качества и инновации неразделимы.

Провозглашается, что цель строительных кодексов - защита общества. Однако, вынужденные соблюдать стандарты, уже давно ставшие историей благодаря новым научным достижениям, строители сосредотачиваются на сохранении старого вместо того, чтобы использовать более современные и безопасные технологии возведения зданий.

Регулирование, основанное на силе и страхе, подрывает моральные основы бизнеса. Подкупить инспектора по делам строительства постепенно

становится дешевле, нежели соблюсти требуемые строительные стандарты. Дилер по работе с ценными бумагами, мечтающий быстро урвать куш, не брезгуя любыми средствами, легко подстроится под требования Комиссии по биржам и ценным бумагам, получив от нее доказательства своей надежности, и будет спокойно стричь купоны с доверчивой публики. В нерегулируемой же экономике специалист по ценным бумагам должен будет много лет заключать безупречные сделки, прежде чем завоюет достаточно доверия, чтобы убедить нескольких клиентов вкладываться в ценные бумаги с его помощью.

Таким образом, защита потребителей с помощью законодательного регулирования - всего лишь иллюзия. Вместо того, чтобы оградить потребителей от нечестных бизнесменов, государство постепенно разрушает единственную надежную защиту, которая есть у потребителя: борьбу за репутацию.

Пока потребитель, таким образом, подвергается опасности, главной жертвой «охранительного» регулирования становится производитель, бизнесмен. Действия, подрывающие самую основу конкуренции за обладание репутацией, уничтожают рыночную стоимость доброй воли, которую предприниматель капитализировал годами. Это - настоящая экспроприация благосостояния, созданного честностью. Поскольку стоимость бизнеса - его материальная ценность - базируется на его возможностях приносить деньги, действия правительства, направленные на прямой захват предприятия либо на уменьшение стоимости его репутации, относятся к одной и той же категории - экспроприации.

Более того: законодательство по защите потребителей подпадает под категорию «превентивных законов». Бизнесмены подвергаются административному принуждению еще до того, как их обвинят в каком бы то ни было преступлении. В свободной экономике правительство начинает действовать лишь тогда, когда преступление уже совершено, либо потребителю был нанесен реальный вред. В подобных случаях потребитель оказывается под защитой уголовного законодательства.

Государственное регулирование не устраняет потенциально опасных людей с рынка; более того, именно благодаря ему их действия труднее обнаружить и легче скрыть. Более того, личная нечестность характерна для государственных служащих в той же мере, что и для любой другой группы населения. Нет гарантий, что чиновник или инспектор будут обладать отменным здравым смыслом, знаниями и личной честностью, - и нет нужды лишний раз напоминать, сколь опасным может быть наделение их практически неограниченной властью.

Отличительная родовая черта государственников - их глубоко укоренившееся недоверие к свободе и процессам, происходящим на свободном рынке. Однако борьба за так называемую «защиту потребителя» обнажает суть их взглядов с особенной ясностью. Предпочитая силу и страх убеждению и поощрению в качестве средства мотивации, они признают, что относятся к человеку, как к тупой скотине, живущей лишь сегодняшним днем, чьи реальные интересы - сделать дело кое-как и сбежать, разрушив все, что возможно. Они признают, что ничего не знают о роли интеллекта в производственном процессе, о широком интеллектуальном контексте и ориентации на перспективу, необходимых для того, чтобы управлять современным производством. Они признают, что не в состоянии осознать огромного значения моральных ценностей - движущей силы капитализма. Капитализм строится на личных интересах и чувстве собственного достоинства: он полагает главными ценностями честность и доверие, заставляя их работать на рынок, давая, таким образом, человеку возможность выжить благодаря его достоинствам, а не порокам. Поразительно, что именно эту, в высшей степени нравственную систему защитники социального государства хотят улучшить с помощью превентивного законодательства, вездесущих бюрократов и активно насаждаемой атмосферы страха.

10. Кому принадлежат радиоволны?

Айн Рэнд

Любой материальный элемент либо ресурс, для обретения ценности в человеческих глазах требующий приложения знаний и усилий, должен находиться в частной собственности, - как правило, у того, кто прикладывает знания и силы.

Особенно верно это в отношении вещательных частот и радиоволн, поскольку они становятся ценностью благодаря действиям человека, и де-факто не существуют без его усилий. В природе они - лишь потенциал, пронизывающий пространство, сквозь которое проходят волны.

Подобно двум поездам, которые не могут двигаться по одному и тому же участку железной дороги в одно и то же время, две программы не могут выходить в одно и то же время, в одном и том же месте на одинаковой частоте, не мешая друг другу. Не существует принципиальной разницы между владением землей и радиочастотой. Единственная проблема заключается в том, чтобы правильно применить право собственности в этой специфической сфере. Однако именно в этом американское правительство потерпело позорный провал, и последствия этой неудачи оказались воистину ужасными.

Не существует принципиальной разницы между вещанием и концертом: первое лишь транслирует звуки на большее расстояние и требует более сложного технического оснащения. Никто не рискнет утверждать, что пианисту принадлежат лишь его собственные пальцы и рояль, - а вот пространство концертного зала, через которое проходят звуковые волны от его игры, является «общественной собственностью», и поэтому, чтобы давать концерт, он должен получить разрешение от правительства. Однако подобный абсурд царит в нашем радиовещании.

Главный аргумент в поддержку утверждения, что радиочастоты должны быть «общественной собственностью», кратко изложил Джастин Франкфуртер:

«Число радиочастот ограничено. Их не хватит на всех желающих: радиоспектр не столь велик, чтобы вместить каждого. Число радиостанций, которые в состоянии функционировать, не перекрывая друг друга, естественным образом ограничено».

Ошибочность этого аргумента очевидна. Число радиочастот действительно ограничено - как и количество концертных залов, объем

нефти, хлеба, алмазов или земли на поверхности планеты. Не бывает материальных ресурсов, обладающих ценностью и существующих в неограниченных объемах. И если «желания» использовать некий «ресурс» достаточно для получения права на него, то Вселенная просто-напросто не сможет вместить всех, кто желает пользоваться тем, чего не заработал.

Актуальная задача правительства - защитить индивидуальные права, в частности, составляя законы, с помощью которых эти права можно внедрять в практику и судить связанные с ними споры. Правительство обязано определить, как будут применяться эти права в той или иной сфере деятельности, - определить (то есть установить), но не создавать, изобретать, даровать или отнимать. Вопрос о том, как именно должно применяться право собственности, поднимался неоднократно в контексте разнообразных научных открытий и изобретений; обсуждались, в частности, право на нефть, воздушное пространство и т.п. По большей части, американское правительство в этих случаях действовало правильным образом, стараясь защитить права людей, вовлеченных в проблему, а не аннулировать их.

Показательный пример установления права собственности на ранее никому не принадлежавшие ресурсы - Закон о гомстедах (земельных наделах), принятый в 1862 году, которым правительство открыло колонизацию новых земель на западе США, объявив землю, ранее считавшуюся общественной собственностью, доступной для частного владения. Государство предлагало ферму площадью в 160 акров любому взрослому гражданину, который обоснуется на ней и будет обрабатывать землю в течение пяти лет, после чего земля перейдет к нему в собственность. Несмотря на то, что изначально эта земля рассматривалась законом как «общественная собственность», метод ее распределения фактически основывался на верном принципе (фактически, но не с точки зрения заложенного в закон идеологического посыла). Граждане не должны были платить правительству, как будто оно является собственником земли; они становились первыми ее владельцами, причем посредством метода, являющегося основой и источником концепции собственности: используя доселе никем не востребованный материальный ресурс, превращая дикие земли в цивилизованные поселения. Таким образом, в данном случае государство действовало не как собственник, но как смотритель бесхозных ресурсов, устанавливая объективные и справедливые правила, по которым потенциальный владелец сможет получить их в собственность.

Именно по такому принципу стоило бы распределять среди

потенциальных владельцев радиочастоты.

Как только стало ясно, что радиовещание открыло для нас новый тип материальных ресурсов, который, вследствие отсутствия законодательного регулирования, обречен стать ареной столкновения многочисленных интересов, государству следовало выпустить аналог Закона о гомстедах, касающийся радиоэфира. Этот закон должен был определить, как будет действовать право собственности в этой новой сфере, установив правило, в соответствии с которым тот, кто использует радиочастоту, сможет получить ее в собственность после того, как его радиостанция проработает на ней определенное количество лет. При этом частоты следовало распределять согласно правилу первенства: кто пришел первым, тот и получает.

При этом не следует забывать, что развитие коммерческого радиовещания заняло много лет борьбы и экспериментов. Стоит также вспомнить, что золотая лихорадка с ее толпами искателей счастья началась лишь тогда, когда первопроходцы, взявшие на себя риск вторжения в неведомое, преподнесли миру на блюде вдохновенное обещание будущих богатств. Какие право, кодекс, стандарт могли пообещать эти богатства кому-то, кто не создал их сам?

Если бы государство оказалось привержено принципу права частной собственности и первопроходцы могли законно зарегистрировать свое право на соответствующую собственность, - пришедшие позже, желающие открыть собственную радиостанцию, должны были бы выкупать частоту у того, кто первым воспользовался ею (как и в случае с любым другим типом собственности). Тот факт, что число доступных частот ограничено, не станет посягательством на права первых владельцев, однако будет постоянно напоминать им о том, что их собственность может оказаться под угрозой, если они не сумеют управлять ею достаточно эффективно. При ограниченном предложении и постоянно растущем спросе конкуренция могла бы обеспечить столь высокую рыночную ценность радиостанций (а позже и телестанций), что лишь настоящий профессионал сможет позволить себе их приобретение и владение ими. Тот, кто неспособен извлечь их станции доход, просто не смог бы себе позволить столь дорогостоящее и рискованное вложение. Кто же определяет на свободном рынке успех или провал того или иного предприятия? Общество - в лице продюсеров, зрителей, слушателей, каждый из которых принимает свое собственное решение, отнюдь не похожее на единое, беспомощное, безличное «коллективное», рупорами которого обычно выступают несколько бюрократов, говорящих от имени всего общества.

При этом, вопреки «аргументу о недостаточности», если вы хотите, чтобы ограниченный ресурс стал доступным всему обществу, вам следует лишь сделать его частной собственностью и выставить на свободный рынок.

Аргумент о недостаточности ресурсов, кстати, устарел и в буквальном смысле этого слова: с открытием сверхдлинных волн вещательных каналов на сегодня уже стало больше, чем желающих стать первопроходцами в их использовании. Как всегда, охотники за счастьем вместо того, чтобы создавать новое, стараются присвоить вознаграждение и преимущества, предназначенные для других.

История коллективизации радиочастот в концентрированном виде, в рамках собственного своеобразного микрокосма демонстрирует как причины разрушения капитализма, так и сам процесс. Здесь мы видим яркую иллюстрацию того факта, что капитализм гибнет из-за философской несостоятельности тех, кто открыто объявлял себя его сторонником.

Сторонники жесткой государственной руки говорят об эпохе зарождения радио как о ярком примере несостоятельности свободного предпринимательства. В те годы, когда у владельцев станций не было законного права на частоты, они не могли рассчитывать на защиту закона и не имели возможности защитить себя, радиоволны были ничейной территорией, где каждый мог свободно использовать любую частоту, подавляя чужое вещание. Некоторые профессиональные вещатели пытались в частном порядке договориться о разделе частот, однако они не могли ни повлиять на других своих коллег, ни предотвратить действий разрозненных любителей, часто сознательно создающих помехи для других. Подобное положение дел то и дело провоцировало и оправдывало государственный контроль над радиочастотами.

Вот пример того, как капитализм принимает на себя вину за зло, чинимое его врагами.

Этот хаос был примером не свободного предпринимательства, но анархии. Причиной тому стали не права собственности, а их отсутствие. Этот пример демонстрирует нам, что капитализм несовместим с анархизмом, почему народ нуждается в правительстве, и какие функции должно нести последнее. На самом деле в данной сфере была необходима законность, а не контроль.

Однако в практику вошло нечто худшее, нежели контроль: полная национализация. Постепенно, в бесспорном порядке - по идеологическому упущению - все стали полагать, что воздушное пространство принадлежит «народу» и является «общественной собственностью».

Если вы хотите понять интеллектуальное состояние государства в тот момент, я предлагаю вам догадаться о политических воззрениях автора следующей цитаты:

«Радиосвязь не должна восприниматься исключительно в качестве бизнеса, который ведется ради личной выгоды, личной рекламы или развлечения любопытствующих. Это общественная забота, находящаяся в доверительном управлении, и относиться к ней следует с позиции общественного интереса - в той же степени и на такой же основе, как и к любому другому общественному предприятию».

Нет, это сказано не адептом коллективизма и ненавистником бизнеса, озабоченным лишь установлением приоритета «общественных интересов» над «личной выгодой». Автор цитаты - не теоретик социализма и не коммунист-подпольщик. Это сказал в 1924 году Герберт Гувер, в ту пору - министр торговли США.

Именно Гувер боролся за установление государственного контроля над радио, делал многочисленные попытки расширить полномочия государства далеко за границы, очерченные современным ему законодательством, стараясь обставить получение лицензий на радиовещание дополнительными условиями, не имея на то юридического права, - именно поэтому его попытки неоднократно отменялись в судах. Во многом именно под влиянием Гувера был принят закон, ставший надгробным камнем для радио (и еще не родившегося телевидения), известный как Закон 1927 года. Он учредил Федеральную комиссию по делам радиовещания с ее широчайшими диктаторскими полномочиями, объем которых так и не был определен конкретно. Именно этот закон с минимальными изменениями и дополнениями - такими как Закон от 1934 года, переименовавший Федеральную комиссию по делам радиовещания в Федеральную комиссию по коммуникациям, - до сих пор во всех основных аспектах является основным юридическим документом, регулирующим вещательный бизнес.

«То, что мы делаем, - говорил глава Федеральной комиссии по коммуникациям Ньютон Миноу в 1962 году, - не имеет никакого отношения к "новым рубежам"». Он был прав.

Закон от 1927 года не стал низводить государство до роли инспектора по регулированию движения в радиоэфире, задача которого - защищать права вещателей от технических накладок (на самом деле это все, что им необходимо, и все, чем стоит ограничиться государству). Он учредил службу «ради общественных интересов, удобства и потребностей» - именно этими критериями следовало руководствоваться Федеральной

комиссии по делам радиовещания, рассматривая заявки вещателей на лицензии, отклоняя их либо одобряя. Но поскольку «общественного интереса» не существует, - есть лишь сумма частных интересов индивидуумов, поскольку это понятие, изобретенное государственниками, до сих пор не было конкретизировано, - он открыл возможность тоталитарного управления вещательной индустрией, рычаги которого оказывались в руках любого бюрократа, случайно назначенного в состав Федеральной комиссии.

«Общественный интерес» - вот интеллектуальное острие жертвенной гильотины государственников, действие которой вынуждены проверять на себе вещатели, кладущие головы под нож каждые три года. Однако это лезвие было занесено над их головами отнюдь не врагами капитализма, а их собственными лидерами.

Именно так называемые консерваторы, - включая ряд первопроходцев из числа владельцев радиостанций, выступающих ныне с жалобами и протестами, - требовали от правительства контролирующих директив, с радостью слушали слова об «общественной собственности» и служении «общественным интересам». Именно они кинули в почву семена, из которых вполне закономерно выросли столь малосъедобные растения, как мистер Миноу и мистер Генри. Радиоиндустрия была порабощена с санкции жертв, которые, если разобраться, были не вполне невинны.

Многие бизнесмены - сторонники «смешанной экономики» недовольны истинной природой капитализма. Они полагают, что спокойнее занимать свое место не по праву, а по чьему-то соизволению. Они трепещут от страха перед конкуренцией на свободном рынке, чувствуя, что гораздо легче завоевать дружбу бюрократа. Они предпочитают получать «социальные гарантии» по протекции, а не благодаря собственным заслугам. Они полагают, что всегда смогут улестить, продовать или подкупить бюрократа - «хорошего парня», с которым «приятно иметь дело» и который сумеет защитить их от этого ужасного незнакомца - способного конкурента.

Следует сказать еще несколько слов о привилегиях, которые дает статус «сертифицированного защитника общественных интересов» и лицензированного пользователя «общественной собственности». Он не только защищает от экономической конкуренции, но и избавляет от обязанностей и расходов, связанных с обладанием частной собственностью. Такие люди получают возможность бесплатно пользоваться радиовещательной частотой, за которую на свободном рынке им пришлось бы выложить огромную сумму, - и все равно они бы не

сумели сохранить свое приобретение надолго, если бы выдавали в эфир столько бессмысленного мусора, сколько выдают сегодня.

Вот таким образом личная заинтересованность вызвала к жизни доктрину «общественного интереса» - и вот кто получает выгоду от любой формы, версии или степени использования доктрины «общественной собственности».

Теперь рассмотрим примеры, подтверждающие что право собственности лежит в основе всех остальных прав. Если в этой стране когда-либо возникнут цензура и подавление свободы слова, то начнутся они с телевидения и радио.

Закон 1927 года отдал в руки Федеральной комиссии по делам радиовещания власть над профессиональной судьбой вещателей, предложив в качестве критерия руководствоваться «общественным интересом». В то же время он запретил комиссии осуществлять цензуру радиопрограмм. С самого начала - и чем дальше, тем громче с течением лет, - звучат голоса, утверждающие, что подобные противоречивые указания невозможно реализовать на практике. Если сотруднику комиссии предстоит решить, кому из вещателей следует дать лицензию, исходя из «общественного интереса», - как он может решить это, не представляя содержания, характера и ценности программ, которые радиостанция передает и будет передавать в эфир?

Если бы у капитализма были достаточно разумные защитники, именно им следовало бы высказаться против данного противоречия. Однако в реальности на данную ситуацию ополчились вовсе не они, а, наоборот, сторонники сильного государства, требуя для комиссии права осуществлять цензуру программ. И, поскольку критерий «общественного интереса» так и остался вполне умозрительным, логика, безусловно, была на стороне государственников.

Результат оказался предсказуемым, еще раз продемонстрировав силу базовых принципов: постепенно, исподволь, все дальше простирая свою активность, комиссия стала контролировать содержание радио-и телепрограмм. В конце концов дело дошло до открытых угроз и ультиматумов, которые стал выдвигать мистер Миноу, сделав явным то, что было интуитивно понятно многими годами ранее. Нет, комиссия вовсе не занималась цензурой отдельных программ - она лишь знакомилась с сеткой вещания в момент выдачи очередной лицензии. Подобный подход оказался хуже открытой цензуры (которую можно победить в суде законными средствами): это была недоказуемая, неосязаемая, коварная цензура в форме немилости - обычный, а равно и единственный результат

любого необъективного законодательства.

Все без исключения СМИ оказывают друг на друга влияние. Невозможно подсчитать тот вклад, который унылое, покорное, охваченное страхом и стремящееся лишь к умиротворению, беспросветно посредственное, но при этом обладающее значительной властью сегодняшнее телевидение внесло в деморализацию нашей культуры.

Если уничтожается свобода одного из средств массовой информации, это непременно скажется и на всех остальных. Когда цензура на радио и телевидении безропотно воспринимается как свершившийся факт, не приходится сомневаться, что другие средства коммуникации - книги, журналы, газеты, публичные лекции, - вскоре постигнет та же судьба. Их возьмут в оборот ненавязчиво, неофициально, и тем же методом: открыто говоря об «общественных интересах» и скрытно грозя государственными репрессалиями (и этот процесс уже идет).

Что ж, именно так соотносятся права человека с правами собственности.

«Общественная собственность» - это фикция. Абстрактное «общество» не в состоянии ни использовать, ни контролировать эту свою «собственность». Неудивительно, что она итоге оказывается под контролем некоей «политической элиты», небольшой клики, которая таким образом получит возможность управлять тем самым обществом, состоящим из вполне конкретных обездоленных пролетариев.

Если вам любопытно самому оценить, насколько выкладки государственников расходятся с действительностью, спросите себя: каким невообразимым образом следует руководствоваться, чтобы объявить радиоволны собственностью безграмотного крестьянина, который не в состоянии понять саму идею электроники, или безграмотного фермера, чьих технических познаний не хватит, чтобы справиться с кубом для перегонки кукурузного спирта. Неужели радиовещанием, над созданием которого работали множество научных гениев, должны управлять именно такие владельцы?

Да, представьте себе: именно на этом принципе основано все законодательство, касающееся радиовещания.

У этой проблемы существует единственное решение. И начинать следует с самых основ, иной подход не даст результата. Необходимо передать радио-и телевизионные частоты в частную собственность. Единственный способ сделать это - продавать частоты в соответствии с аукционными принципами (при этом продажа должна быть организована объективным и понятным способом, открыто и справедливо). Только так

можно положить конец страшной сказке про «общественную собственность».

Подобную реформу невозможно провести в одночасье. Предстоит долгая борьба, однако защитники капитализма не должны забывать об этой высокой цели. Это - единственный способ исправить ужасную, атавистическую ошибку, допущенную мнимыми сторонниками капитализма.

Я употребляю слово «атавистический», поскольку примитивным кочевым племенам дикарей потребовалось много столетий, чтобы додуматься, наконец, до идеи частной собственности, - в том числе собственности на землю, с которой началась реальная цивилизация. Трагическая ирония состоит в том, что новую реальность, ставшую итогом гигантского научного труда, наши политические и интеллектуальные лидеры ментально низвели до уровня первобытного кочевья. Не будучи в состоянии постигнуть идею права собственности, они объявили новую территорию местом племенной охоты.

Пропасть между научными достижениями и идеологическими заблуждениями человечества ширится с каждым днем. Пора понять: человечество долго не протянет, если каждый шаг научного прогресса публика будет сопровождать движением вспять, в сторону идеологической дикости.

11. Патенты и копирайты

Айн Рэнд

Патенты и копирайты - это законное закрепление лежащих в основе любого права собственности прав человека на продукт его умственного труда.

Любой вид продуктивной работы - это комбинация умственных и физических усилий: мысли и действий, призванных воплотить мысль в материальную форму. Соотношение этих двух элементов различно для разных типов работы. На нижнем конце шкалы находится неквалифицированный физический труд, для которого необходимость умственных усилий минимальна. На противоположном конце - работа, где роль умственных усилий в создании материальных ценностей чрезвычайно высока, результаты которой как раз и защищают патентное законодательство и законы о копирайте. Эти законы защищают результат умственной работы в его чистом виде: в форме идеи. Предмет патента и копирайта - интеллектуальная собственность.

Идея как таковая не может быть защищена, пока она не примет материальную форму. Изобретение, прежде, чем на него станет возможным получить патент, должно быть воплощено в виде реальной модели; художественный текст - написан или напечатан. Однако патенты и копирайты защищают не физический объект как таковой, а воплощенную в нем идею. Запрещая несанкционированное воспроизведение объекта, закон, по сути, утверждает: физический труд по созданию объекта не является источником его основной ценности, созданной автором идеи, которая поэтому не может быть воспроизведена без разрешения последнего. Таким образом, закон утверждает право интеллекта на владение тем, что было создано его усилиями.

В этой связи важно заметить: открытие не может быть запатентовано, в отличие от изобретения. Научное или философское открытие, раскрывающее законы природы, ранее неизвестные принципы устройства мира или факты, относящиеся к этому устройству, не могут стать эксклюзивной собственностью автора открытия. На это есть две причины: во-первых, он не создавал открытого им, а во-вторых, если он стремится сделать свое открытие известным публике и утверждает, что оно истинно, - не в его силах заставить людей продолжать придерживаться прежних ложных убеждений, если автор открытия не позволит им его использовать.

Он может поставить копирайт на книгу, в которой описывает свое открытие, требовать признания за собой звания первооткрывателя, чтобы никто не смог присвоить ни само открытие, ни лавры за него. Однако запатентовать теоретическое знание - не в его силах. Патенты и копирайты защищают лишь практические применения теоретических знаний, отдельные объекты, созданные человеком и не имеющие аналогов в природе, - объекты, которые в случае с патентами, скорее всего, никогда не появились бы на свет без своего изобретателя, а в случае с копирайтами - точно никогда не существовали бы.

Государство не «дарит» патент или копирайт, как подарок, привилегию или знак отличия, - оно лишь обеспечивает защиту, подтверждая происхождение той или иной идеи и защищая эксклюзивное право ее автора и владельца на право распоряжаться и пользоваться ею. Изобретатель вовсе не обязан получать патент или проставлять копирайт; при желании он может и вовсе отказаться от авторства идеи. Однако если он захочет воспользоваться своим правом собственности, государство защитит его, как защищает и другие права граждан. Патент или копирайт - это аналог регистрации права собственности и получения соответствующего свидетельства. Патенты и копирайты, относящиеся к физическим объектам, публично извещают об условиях, на которых автор или изобретатель готов продать свой продукт - для личных нужд покупателя, но не для коммерческого использования.

Право на интеллектуальную собственность не сохраняется навсегда. Интеллектуальная собственность - это заявка на владение не материальным объектом, но идеей, которую он воплощает. Это означает, что соответствующие права автора распространяются не только на существующую ценность, воплощенную в этой идее, но и на пока не существующую ценность: то есть будущим пользователям тоже придется оплачивать труд автора или изобретателя. Однако ни один долг не может быть вечным.

Материальная собственность представляет собой статичную ценность, уже существующую в реальности. Ее можно оставить наследникам, однако они не смогут вечно владеть ею, ничего не предпринимая: им придется либо использовать ее для удовлетворения своих нужд, либо заработать право на дальнейшее обладание ею собственным продуктивным трудом. При этом, чем больше стоимость собственности, тем более значительные усилия должны будут предпринять наследники. В обществе, где царит свободная конкуренция, никто не сможет долгое время владеть предприятием или участком земли, не предпринимая серьезных усилий.

Однако интеллектуальная собственность не может быть предметом потребления. Если бы право интеллектуальной собственности длилось вечно, оно вело бы к результатам, противоположным легшим в его основу принципам: не к получению честно заработанной награды за собственные достижения, но к поддержке тех, кто паразитирует, получая не заработанные ими деньги. В этом случае право собственности загнало бы общество в долг к многочисленным поколениям наследников, еще не родившихся на момент изобретения, - и таким образом его смысл оказался бы полностью утерян. Представьте, что было бы, если бы, производя автомобиль, каждый промышленник должен был бы платить комиссионные всем многочисленным потомкам всех изобретателей, сделавших свой интеллектуальный вклад в данное изделие, - начиная от изобретателя колеса и дальше вверх по шкале истории. Даже если оставить в стороне невозможность доказать чью-либо причастность к изобретению спустя значительное время, - представьте себе, сколь случайные люди попытались бы получить незаработанные деньги в подобных случаях!

Право на наследование материальной собственности требует от наследников активных действий, при том что ценность самого наследства остается строго определенной. Получение дохода от наследуемой интеллектуальной собственности не требует никаких активных шагов, а вот сам объем дохода может постоянно меняться.

На самом деле интеллектуальные достижения не могут быть переданы другим лицам, точно так же, как ум, способности и другие личные достоинства. Передать можно лишь материальные результаты своих достижений в форме заработанного с его помощью состояния. Согласно самой сути того права, на котором базируется интеллектуальная собственность, - права человека на то, что произведено силой его разума, - это право на нем и заканчивается. Человек не может распоряжаться тем, о чем он не знает и не в состоянии судить: еще не достигнутыми, непрямыми, потенциальными результатами своих достижений на четыре поколения - или четыре столетия - вперед.

Именно в этом пункте некоторые из наших коллективистских терминов могут вводить в заблуждение: по истечении срока действия патента или копирайта охраняемая им интеллектуальная собственность не становится «общественной собственностью» (хотя и именуется «всеобщим достоянием»); она просто прекращает быть собственностью. Если изобретение по-прежнему продолжают производить, а книгу - печатать, доходы от этой бывшей собственности поступают не «обществу», а единственным полноправным наследникам - производителям, которые

пытаются воплотить идею в новой материальной форме, тем самым сохраняя ей жизнь.

Поскольку право на интеллектуальную собственность не может длиться вечно, вопрос о его продолжительности является чрезвычайно сложным. Если ограничить действие права продолжительностью жизни автора или изобретателя, это обесценит его, поскольку сделает невозможным заключение долгосрочных контрактов: в случае, если создатель умрет через месяц после того, как его изобретение попадет на рынок, это может разрушить бизнес того коммерсанта, который, вполне возможно, уже инвестировал в его производство целое состояние. При таких условиях инвесторы вряд ли смогут себе позволить подобные долгосрочные риски: чем более значительно или революционно будет то или иное изобретение, тем меньше будет шансов найти инвестора для его производства. Таким образом, закон должен определить такую продолжительность права интеллектуальной собственности, при которой возможно защитить интересы всех заинтересованных сторон.

В случае с копирайтом наиболее рациональное решение предложил британский акт о копирайте 1911 года, установивший, что копирайт защищает книгу, картину, фильм либо иное произведение на протяжении жизни автора и в последующие пятьдесят лет.

В случае с патентами проблема еще сложнее. То или иное изобретение, будучи запатентованным, способно серьезно замедлить или даже остановить дальнейшие исследования и конструкторские разработки в соответствующей научной области. К тому же многие патенты охватывают пересекающиеся сферы. Проблема заключается в том, чтобы определить конкретные права изобретателя, включив в них лишь то, на что он по справедливости может претендовать, и исключив его право на косвенные последствия или еще не обнаруженные возможности его изобретения. Пожизненный патент может стать непреодолимым барьером для развития соответствующей области знаний, которая в дальнейшем сможет развиваться лишь в границах существующих и потенциальных достижений обладателя патента. Юридическая проблема, таким образом, заключается в том, чтобы установить достаточный срок, дающий изобретателю возможность извлечь всю возможную выгоду из его изобретения, не нарушая при этом права других на проведение независимых исследований. Как и во многих правовых вопросах, соответствующий лимит времени должен быть назначен в согласии с принципом установления и защиты интересов всех заинтересованных сторон.

Противники патентного законодательства, как правило, приводят в пример двух изобретателей, независимо друг от друга работающих над одним и тем же открытием в течение многих лет; если после этого один успеет в патентное бюро на час или день раньше другого, он получит монополию на изобретение, тогда как работа неудачника пропадет втуне. Это возражение, однако, базируется на ошибочном смешивании возможного и реального. Тот факт, что человек мог бы стать первым, не отменяет другого - что он им так и не стал. Поскольку в центре проблемы находятся коммерческие права, неудачнику следует иметь в виду, что в борьбе за право продавать свое изобретение он может столкнуться с конкурентом, который обойдет его в борьбе, - что справедливо для всех типов конкуренции.

Сегодня патенты - излюбленный объект для коллективистских атак - прямых и косвенных, направленных на отмену торговых марок, брендов и т.д. Пока так называемые «консерваторы» смотрят на подобные атаки с безразличием, а временами и с одобрением, коллективисты, кажется, осознают, что патенты - сердце и суть любого права собственности, и если они будут отменены, отмена прочих прав произойдет автоматически, став лишь кратким послесловием к главному.

Сегодняшнее состояние нашей патентной системы воистину ужасно. Права изобретателей нарушаются, размываются, подтачиваются, отбираются по частям и попираются множеством способов с помощью такого числа необъективных законодательных установлений, что многие предприниматели предпочитают защищать важные изобретения с помощью плотной завесы секретности, боясь их патентовать. (Вспомним хотя бы, как трактовало патентное право антитрестовское законодательство, - и это лишь один пример из многих).

Те, кто внимательно наблюдает за разрушением системы патентов - иными словами, за тем, как посредственности из всех сил стремятся нажиться на достижениях гениев, - и понимает, каких последствий можно ждать от происходящего, поймет, почему в финальном параграфе VII главы, II части книги «Атлант расправил плечи» виновным оказывается пассажир, говорящий: «Почему Риарден должен быть единственным, кто производит риарден-металл?»^[21]

12. Теория и практика

Айн Рэнд

Человеконенавистники

Мало найдется столь же наивных и самоубийственных ошибок, как попытка так называемых «консерваторов» защитить капитализм с позиций коллективистского альтруизма.

Многие полагают, что альтруизм - синоним доброты, благожелательности и уважения к правам других. На самом же деле эта идеология противоположна перечисленным выше понятиям: она учит жертвовать собой и другими во имя непонятных «общественных интересов», рассматривая человека как жертвенное животное.

Свято веруя, что коллективистами движет искренняя забота о благополучии человечества, так называемые защитники капиталистической системы уверяют своих противников, что капитализм - практический путь достижения целей, декларируемых социалистами, лучший способ достижения того же самого результата, что именно он лучше всего соответствует интересам общества.

После этого они еще удивляются своему идейному поражению, не понимая, почему кровавая грязь социализма продолжает расползаться по планете.

Они терпят поражение, поскольку невозможно добиться блага для кого бы то ни было с помощью жертв, а также потому, что социалисты и не стремятся добиться блага для людей. Эти альтруисты и коллективисты ненавидят капитализм не за приписываемые ему недостатки, а за воплощенные в нем добродетели.

Если вы в этом сомневаетесь, давайте рассмотрим несколько примеров.

Многие историки-коллективисты критикуют Конституцию Соединенных Штатов, утверждая, что ее авторы были состоятельными землевладельцами, а значит, ими двигали не политические идеалы, каковы бы они ни были, а «эгоистические» экономические интересы.

Разумеется, это не так. Однако правда заключается в том, что капитализм ни от кого не требует жертвовать собственными интересами. И здесь прежде всего обращает на себя внимание та мораль, которая скрывается за аргументами коллективистов.

До Войны за независимость в течение многих столетий феодализма и монархии интересы богатых требовали лишения собственности, порабощения и страданий остальных слоев населения. Таким образом,

общество, где интересы богатых требуют всеобщей свободы, экономической эффективности и защиты прав личности, должно было превозноситься любым, кто заботится о благополучии человечества, как идеальная социальная формация.

Но не в этом цель коллективистов.

Подобной же критике подвергают идеологи коллективизма период Гражданской войны в США. Северянами, пренебрежительно заявляют они, двигало не самоотверженное стремление добиться свободы для рабов, но «эгоистические» экономические интересы капитализма, для которого требовался свободный рынок труда.

Последнее замечание нельзя не признать справедливым. Капитализм не может использовать рабский труд. Он требовался лишь аграрному феодальному Югу. Капиталистический индустриальный север уничтожил рабство в США - точно так же, как капитализм уничтожил рабство и крепостную кабалу во всем цивилизованном мире на протяжении XIX столетия.

Какая добродетель может оказаться более значимой для социальной системы, нежели тот факт, что она не позволяет одному человеку поработать другого в собственных интересах? Какую более достойную систему мечтает увидеть любой, чья цель - благоденствие человечества?

Но не это цель коллективистов.

Капитализм обеспечил самое высокое качество жизни, когда-либо существовавшее на Земле. Это - неоспоримый факт. Из примеров последнего времени достаточно сравнить между собой Западный и Восточный Берлин. Однако громче всех обличают именно те, кто декларирует искоренение бедности в качестве своей главной цели. Нет, благополучие человечества - не их цель.

Положение экономически отсталых народов признано серьезной мировой проблемой. Большинство из них прозябают в бедности. Некоторые, подобно Бразилии, национализуют или просто отбирают собственность иностранных инвесторов. Другие, подобно Конго, захватывают иностранцев в рабство, не делая исключений ни для женщин, ни для детей. После этого все они умоляют за границу о финансовой и технической помощи. Лишь альтруистические доктрины позволяют им действовать подобным образом совершенно безнаказанно.

Если бы среди этих народов можно было насадить капиталистическую систему, объяснив им, что такое право собственности, их проблемы исчезли бы. Люди, обладающие соответствующими возможностями, направили бы инвестиции в разработку природных ресурсов, рассчитывая

на последующие доходы. Они привели бы с собой специалистов, принесли стране деньги и распространили на нее влияние цивилизации, а также обеспечили рабочие места, в чем особенно нуждаются экономически отсталые народы. Все были бы в выигрыше, и никому не пришлось бы нести расходы или приносить жертвы.

Но, согласно воззрениям альтруистов, это было бы «эгоистично», а значит, подобный выход - зло. Вместо этого они предпочитают снижать заработки собственных граждан посредством налогов, направляя последние на латание экономических дыр за рубежом, наблюдая за тем, как их собственная экономика растет медленнее год от года.

В следующий раз, когда вам придется отказать себе в чем-то необходимом, чего вы не можете себе позволить, или отказаться от мелкого излишества, которое способно превратить нудное дело в удовольствие, - спросите себя, сколько ваших денег было потрачено на строительство рассыпающейся на глазах дороги в Камбодже за счет налогоплательщика.

Чтобы покончить с этим, придется осознать: альтруизм - доктрина, в основе которой лежит не любовь, а ненависть к человеку.

Коллективисты рассматривают жертвы не как временную меру, необходимую для достижения некоей значительной цели. Самопожертвование ценно для них само по себе, как образ жизни. Они бы с радостью лишили людей независимости, успехов, процветания и счастья.

Обратите внимание на бессмысленную, истерическую ненависть, с которой они встречают любое утверждение о возможности обойтись без жертв, о том, что общество, не требующее самопожертвования, возможно, и именно в нем реально достижимо благоденствие человечества.

Если бы капитализма не существовало, каждый честный гуманитарий должен был бы приложить все свои усилия, чтобы придумать его. Но когда мы видим тех, кто пытается отрицать его существование, извращать его сущность и даже уничтожить его последние островки, - будьте уверены: какими бы ни были их мотивы, любовь к человечеству не имеет к ним отношения.

Дикий хаос

Из нынешних событий в Алжире должен быть извлечен важный политический урок.

Президент Кеннеди вел настоящую идеологическую войну против идеологии. Он неоднократно утверждал, что политическая философия бесполезна, и истинная мудрость состоит в умении действовать в соответствии с требованиями момента.

31 июля он объявил группе бразильских студентов: не существует правил или принципов, позволяющих «управлять средствами достижения прогресса», все политические системы достаточно хороши, включая социализм, - разумеется, пока он обеспечивает людям «свободу выбора».

31 августа, всего месяц спустя, история, подобно хорошей пьесе, дала ему вполне убедительный ответ. Алжирцы маршировали по улицам города, отчаянно протестуя против угрозы новой гражданской войны, крича: «Мы хотим мира! Мы хотим правительство!»

Что же им делать, чтобы добиться желаемого?

В годы гражданской войны этих людей объединяла не политическая философия, а исключительно национальная принадлежность. Они боролись не за какую бы то ни было программу, но лишь против французского господства. Однако, завоевав независимость, они раскололись на бунтующие племена и вооруженные «провинции», воюющие друг против друга.

The New York Times (2 сентября 1962 года) описывает ситуацию в Алжире как «жестокую схватку за власть между теми, кто желает править страной». Однако куда эти люди могут завести страну? В отсутствие политических принципов руководство страной сводится лишь к организации охранных подразделений и дальнейшему правлению с помощью грубой силы.

Народ Алжира и племенные вожди, представляющие большинство, боровшееся против Франции, оказались во власти хорошо организованного меньшинства, появившегося на сцене лишь после победы. Это меньшинство, возглавляемое Бенем Беллой, получило вооружение от Советской России.

Большинство в отсутствие идеологии - беспомощная толпа, которую кто угодно может завести куда угодно.

Теперь давайте попытаемся понять значение совета, данного Кеннеди,

для Алжира и всего мира. Провозглашенное им не являлось политической философией США - но лишь принципом права большинства. Согласно этой доктрине, большинство может делать то, что ему угодно, поскольку все, сделанное по воле большинства, правильно, а его воля - превыше всего.

Это означает, что большинство может отказать в правах меньшинству, или распоряжаться жизнью, свободой и собственностью индивидуума - по крайней мере, до тех пор, пока тот не соберет вокруг себя свое собственное, преданное ему большинство. И каким-то непонятным образом из этого должна вырасти политическая свобода - странно, не правда ли?

Однако одного желания недостаточно, чтобы они осуществились, ни для личности, ни для нации. Политическая свобода требует куда большего: глубоких знаний в области политической теории и способов воплощения ее в практику.

Для того, чтобы достигнуть политической свободы, требуются столетия интеллектуальных и философских трудов. За нее боролись многие столетия - от Аристотеля до Джона Локка и Отцов-основателей.

Созданная ими система базировалась отнюдь не на безграничных правах большинства, а, напротив, на идее неотъемлемости прав личности, которые невозможно отнять ни путем голосования большинства, ни в результате заговора меньшинства. Индивидууму не приходится полагаться на милость соседей или руководителей: разработанная с применением научного подхода конституционная система сдержек и противовесов оберегает его и от тех, и от других.

Это было великое американское достижение - и если бы нашими лидерами двигало настоящее беспокойство по поводу благосостояния других народов, именно этому им следовало бы научить мир.

Вместо этого мы вводим в заблуждение невежественные и полудикие народы, доказывая им, что в знании политики нет никакой необходимости, что выбор нашей системы или любой другой - лишь вопрос их собственных субъективных предпочтений, и что они с тем же успехом могут предпочесть любую доисторическую форму племенной тирании, бандитского беспредела, устроить любую массовую бойню - с нашей санкции и с нашей поддержкой.

Может быть, именно поэтому мы поддерживаем толпу алжирских рабочих, марширующих по улицам, выкрикивая свои требования: «Работы, а не крови!» - не зная, какие знания или иные средства помогут им добиться желаемого.

В 1917 году российские крестьяне точно так же требовали: «Земли и свободы!» Однако вместо этого они получили Ленина и Сталина.

В 1933 году немцы требовали: «Пространства для жизни!» Но вместо этого получили Гитлера.

В 1793 году французы надсаживались, крича: «Свобода, равенство, братство!» И получили - Наполеона.

В 1776 году американцы провозгласили своей целью права человека - и, ведомые политическими философами, добились желаемого.

Ни одна революция, даже самая справедливая, ни одно движение, даже самое популярное, не добились успеха без поддержки политической философии: лишь она может задавать направление и ставить цели.

Соединенные Штаты - великолепный пример страны, созданной специалистами по политической теории, - отказались от собственной философии и теперь разваливаются на части. Как нация, мы раскалываемся на воюющие племена, которые - лишь в силу цивилизованной традиции, впрочем, ослабевающей на глазах, - сегодня именуются «группами экономического давления». В качестве оппозиции растущей идеологии государственности у нас имеются лишь жалкие группы так называемых «консерваторов», защищающих не политические принципы, но лишь выступающих в качестве вечной оппозиции «либералам».

С печалью глядя на то, как Алжир охватывает хаос, один из лидеров этой страны сказал: «Раньше мы смеялись над конголезцами. Теперь пришла наша очередь».

А через некоторое время подойдет и наша.

13. Не мешайте!

Айн Рэнд

Сегодня, когда «экономический рост» страны под угрозой и нынешняя президентская администрация обещает «стимулировать» его, а именно добиться всеобщего благосостояния, еще больше регулируя экономику и тем самым растрачивая произведенный национальный продукт, мне хочется спросить: многие ли знают, как возникло выражение «laissez-faire»?^[22]

В XVII столетии Франция была абсолютной монархией. Ее государственное устройство характеризовали как «абсолютизм, ограниченный хаосом». Король имел полную власть над жизнью, работой и имуществом любого подданного, и лишь благодаря тому, что чиновники брали взятки, французы могли выгадать себе хотя бы жалкую толику неофициальной свободы.

Людвиг XIV был наипримернейшим деспотом - претенциозной посредственностью с грандиозными амбициями. Его правление принято считать одной из самых блестящих страниц французской истории: он дал стране «национальную миссию» в форме длительных и победоносных войн; он превратил Францию в великую державу и культурную столицу Европы. Но «национальные миссии» стоят денег. Финансовая политика его правительства повлекла за собой хронический экономический кризис. Чтобы избавиться от него, прибегли к старинному проверенному средству - непрерывному повышению налогов. Таким образом, из страны высасывали все соки.

Кольбер, главный советник Людовика XIV, был одним из первых этатистов Нового времени. Он полагал, что процветания страны можно достичь при помощи правительственных циркуляров, а единственный способ увеличить доходы казны от налогообложения - «экономический рост». Исходя из этого, Кольбер посвятил себя «повышению общего уровня благосостояния путем поощрения промышленности». Это поощрение состояло в скрупулезной регламентации и бесчисленных чиновничьих запретах, душивших предпринимательскую деятельность. Результаты были самые плачевные.

Кольбер не был врагом предпринимателей; во всяком случае, он относился к ним не хуже, чем наша нынешняя администрация. Напротив, он прилагал все усилия, чтобы раскормить на убой этих жертвенных

животных, - и как-то раз (этому было суждено войти в историю), созвав фабрикантов, попросил у них совета - чем он может помочь промышленности. Тогда один из фабрикантов, некто Лежандр, ответил: «Laissez-nous faire!» («Не мешайте нам!»)

Судя по всему, французские предприниматели XVII столетия были куда отважнее, чем их американские коллеги XX века, да и в экономике разбирались лучше. Они знали: «помощь» бизнесу со стороны властей не менее пагубна, чем гонения, и единственное, что власть в силах сделать для экономического процветания нации, - это решиться на бездействие.

Говорить, что истины XVII века сегодня уже не соответствуют действительности, поскольку тогда путешествовали на лошадях, а теперь - в реактивном самолете, равносильно утверждению, что мы, в отличие от наших предков, не нуждаемся в пище, так как носим пиджаки и джинсы, а не парики и кринолины. Из-за недальновидного увлечения конкретными деталями (а может быть, из-за неумения вычленять и провидеть принципы, отличая существенное от несущественного) люди не замечают, что экономический кризис нашего времени - самый древний и самый застарелый в истории.

Сосредоточимся на главном. В прединдустриальную эпоху государственное регулирование не смогло привести ни к чему, кроме паралича экономики, массового голода и разрухи. Что произойдет, если навязать такое регулирование высокоиндустриализированной экономике? Что легче регламентировать - работу на ручных ткацких станках и в примитивных кузницах или работу сталелитейных домен, авиационных заводов и концернов по производству электроники? Кто скорее согласится работать под принуждением - стадо забитых людей, занятых неквалифицированным ручным трудом, или бессчетные мириады творческих личностей, залог возникновения и дальнейшего существования индустриальной цивилизации? И если государственное регулирование не может принудить к работе даже первых, какова же слепота современных этатистов, надеющихся подчинить вторых?

Эпистемологический метод этатистов состоит в том, чтобы бесконечно спорить о частных, специфических, вырванных из контекста, сиюминутных вопросах, никогда не допуская их обобщения, не упоминая об исходных принципах или конечных последствиях и тем самым обрекая своих последователей на своеобразное расщепление рассудка. Этот словесный туман они нагоняют, чтобы утаить два основополагающих факта: 1) производство и благосостояние - плоды человеческого разума; и 2) государственная власть принуждает посредством физической силы.

Стоит признать истинность этих двух положений, как сам собой напрашивается неизбежный вывод: нельзя насильно принудить разум к мышлению. Человеческий мозг не будет работать под дулом револьвера.

Вот в чем суть. Из нее и надо исходить, а все остальное по сравнению с ней - лишь мелкие подробности.

Конкретные экономические особенности разных стран так же несхожи между собой, как все множество существовавших и ныне существующих на Земле культур и социумов. Тем не менее вся история человечества - это, несмотря на пестроту внешних форм, наглядное проявление одного и того же основополагающего принципа: уровень экономического процветания, достижений и развития народа прямо пропорционален уровню политической свободы и, более того, обусловлен им. Примером служат Древняя Греция, Возрождение, XIX век.

В наше время разница между Западной и Восточной Германией так красноречиво доказывает эффективность свободной экономики по сравнению с подконтрольной государству, что прочие аргументы излишни. Невозможно воспринимать всерьез ни одного теоретика, который замалчивает существование этого контраста между двумя типами экономики, оставляя вытекающие из него проблемы неразрешенными, его причины - невыясненными, а преподанные им уроки - неувоенными.

А теперь рассмотрим судьбу Англии, этого «мирного социалистического эксперимента», страны, которая совершила самоубийство способом демократического голосования. Там обошлось без насилия, без кровопролития, без террора, просто постепенно удушали страну «демократически» навязанным государственным регулированием. Но вслушайтесь в нынешние сетования на «утечку мозгов», на то, что лучшие и способнейшие, в особенности ученые и инженеры, покидают Англию и ищут приюта в тех уголках мира, где еще остается малая толика свободы.

Не забывайте, что Берлинскую стену воздвигли, чтобы пресечь «утечку мозгов» из Восточной Германии; вспомните, что спустя сорок пять лет тотального регулирования экономики Советская Россия, располагающая чуть ли не самыми плодородными землями в мире, не может прокормить свое население и вынуждена импортировать пшеницу из полукапиталистической Америки; прочтите книгу Вернера Келлера «Восток минус Запад равняется нулю» ($East\ Minus\ West = Zero$), где приведены красноречивые (и неопровержимые) доказательства немогущности советской экономики, - и *только после этого* решайте, что лучше, свобода или регулирование.

Неважно, на какие цели человек намеревается использовать свое богатство; сперва его нужно произвести. В том, что касается экономики, нет никаких отличий между мотивами Кольбера и президента Джонсона. Цель обоих - повысить благосостояние нации. Для ее экономической производительности совершенно неважно, становятся ли деньги, вымогаемые при помощи налогового ведомства, незаслуженным подарком Людовику XIV или незаслуженным подарком «обездоленным». Если вас заковали, неважно, зачем это сделали - в «высоких» целях или в низких, во благо бедных или богатых, из-за чьей-то «нужды» или чьей-то «алчности». Тот, кто закован, производить не может.

Конечная судьба всех закованных в цепи экономических систем одинакова, какими бы гипотетическими доводами ни оправдывали их порабощение.

Рассмотрим некоторые из оправданий.

Создание «потребительского спроса»? Интересно подсчитать, сколько домохозяек, живущих на социальное пособие, сумеют обеспечить тот же «спрос», который создавался благодаря капризам мадам де Ментенон и ее многочисленных соратниц.

«Справедливое» распределение богатства? Привилегированные фавориты Людовика XIV не обладали таким несправедливым преимуществом над простым народом, как наши «околополитические аристократы», уже состоявшиеся и еще не развернувшиеся продолжатели Билли Сол-Эстеса и Бобби Бейкера^[23].

«Национальные интересы»? Если есть некий «национальный интерес», на алтарь которого надо приносить в жертву права и интересы отдельных граждан, то лучшим его блюстителем был как раз Людовик XIV. Его мотовство часто не было «эгоистичным»; он и впрямь превратил Францию в мировую державу, одновременно разрушив ее экономику. (Это значит, что он завоевал «престиж» в кругах других тоталитарных правителей - ценой благосостояния, будущего и даже гибели собственных подданных.)

Забота о нашем «культурном» или «духовном» прогрессе? Сомнительно, чтобы субсидируемый государством театр когда-либо сравнился по уровню с тем созвездием гениев (Корнель, Расин, Мольер), которое в качестве «меценатов» поддерживали Людовик XIV и его двор. Но никто никогда не сможет счесть, сколько гениев умирает при таких режимах, даже не родившись, или гибнет, не желая учиться искусству лизоблюдства, которое обязательно при общении с любым «меценатом» от политической власти. (Почитайте «Сирано де Бержерака».)

Дело в том, что факты не зависят от мотивов. Первостепенная

предпосылка производительной способности и благосостояния нации - это свобода. Под контролем и принуждением люди не могут - и не желают - производить.

В сегодняшних экономических проблемах нет ничего нового или мистического. Подобно Кольберу, президент Джонсон обращается к различным экономическим слоям населения за советом, спрашивая, чем он может им помочь. Если он не хочет остаться в истории таким же, как Кольбер, он должен бы прислушаться к голосу современного Лежандра (если таковой найдется), который даст ему все тот же бессмертный лаконичный совет: «Не мешайте!»

1962 г .

14. Анатомия компромисса

Айн Рэнд

Главный симптом интеллектуальной и моральной деградации человека или целой культуры - сужение картины мира и уменьшение числа поставленных целей, концентрация лишь на том, что необходимо в текущий момент времени. В подобном случае из процесса человеческого мышления - или списка проблем, волнующих общество, - постепенно исключается все, что носит абстрактный характер. Основным признаком деградации сознания - неспособность думать и действовать на основе принципов.

Принцип - это «фундаментальная, основная истина общего характера, на которой базируются прочие истины». Иными словами, принцип - абстракция, определяющая контекст для самой разнообразной конкретики. Именно благодаря принципам человек в состоянии ставить перед собой долгосрочные цели и оценивать альтернативные возможности в любой конкретный момент времени. Именно принципы помогают человеку планировать будущее и претворять планы в жизнь.

Современное состояние нашей культуры можно оценить по тому, до какой степени принципы перестали быть составляющей публичных дискуссий. Сегодняшняя культурная атмосфера доведена до уровня отталкивающей в своем ничтожестве семейной ссоры, участники которой скандалят из-за банальных житейских мелочей, забывая о своих главных жизненных ценностях и предавая собственное будущее ради сомнительных сиюминутных преимуществ.

Дабы сделать эту картину еще более гротескной, представьте себе, что эта ссора проходит в атмосфере уверенности каждого в собственной правоте, выражающейся в весьма воинственных утверждениях, что человек должен искать и находить компромиссы по любому вопросу (за исключением, разумеется, самого вопроса о необходимости компромиссов), при этом спорщики в панике апеллируют к «практической пользе».

Однако нет ничего менее практичного, нежели так называемый «практичный человек». Его взгляды на житейские проблемы можно проиллюстрировать следующим образом: если вы собираетесь ехать из Нью-Йорка в Лос-Анджелес, будет «непрактичным» и «идеалистичным» сверяться с картой, чтобы выбрать наиболее удобную дорогу; вы будете на

месте гораздо быстрее, если поедете наугад, поворачивая, где вздумается, при желании срезая часть пути, выбирая любую дорогу в первом попавшемся направлении и не сверяясь ни с чем, кроме собственного настроения и текущей погоды.

На самом деле таким способом вы, разумеется, никогда не доберетесь до места. Однако, отлично понимая это в применении к путешествию, многие люди оказываются далеко не такими понятливыми, когда речь заходит об их собственной жизни, их собственной стране.

Существует лишь одна наука, способная породить столь масштабную слепоту, - наука, целью которой всегда было дарить людям зрение: это философия. Современная философия, по своей сути, - это хорошо организованная атака на человеческое сознание в упорной попытке обесценить смысл, абстракции, обобщения и любое применение знаний. Десятилетия назад люди выходили из стен университетов с беспомощностью дикарей, не имея ни малейшего понятия о сущности, функциях и практическом применении принципов. Эти люди в целом ряде случаев оставались слепы, постоянно сталкиваясь с ошеломляющей массой непостижимых (для них) повседневных проблем сложной промышленной цивилизации. Они вели поиски вслепую, боролись, проигрывали, сдавались и гибли, так и не поняв, каким образом они сумели уничтожить самих себя.

Именно поэтому для любого, кто не желает продолжить сей печальный процесс, чрезвычайно важно запомнить несколько правил, поясняющих, как принципы работают на практике и соотносятся с целями:

в любом конфликте между двумя людьми (или двумя группами), следующими общим базовым принципам, победа достанется наиболее упорным;

при сотрудничестве двух человек (или двух групп), придерживающихся различных базовых принципов, в выигрыше окажется самый злой - или наименее разумный;

когда различия в базовых принципах определены четко и открыто, это помогает придерживаться разумного подхода. Когда различия определены недостаточно четко, когда они скрыты или не поняты участниками, это играет на руку неразумной стороне.

1. Если два человека (или две группы), придерживающиеся одинаковых базовых принципов, тем не менее сходятся в споре по какому-либо вопросу, - это означает, что одна из сторон непоследовательна. Поскольку базовые принципы определяют конечную цель любого долговременного процесса или действия, обладатель более ясного

представления об этой цели будет более последовательно, а значит, верно выбирать методы их достижения. При этом противоречия в позиции оппонента обеспечат ему психологические и сущностные преимущества.

Психологически наименее последовательный участник спора будет поддерживать и продвигать те же идеи, что и его противник, но в ослабленном, выхолащенном виде. Этим он позволит противнику победить, поддержит и ускорит его победу. К тому же он создаст у участников дискуссии впечатление о своем оппоненте как о человеке великой честности и мужества, при этом дискредитировав самого себя аурой трусости и малодушия.

С сущностной точки зрения любой шаг в направлении к общей цели влечет за собой последующие, более решительные шаги в том же направлении (если по ходу дела от этой цели никто не отказывается, и базовые принципы остаются прежними). Это усиливает позиции последовательного участника дискуссии, доводя его оппонента в итоге до полного бессилия.

Конфликт будет развиваться подобным образом вне зависимости от того, будут ли разделяемые его участниками базовые принципы истинными или ложными, верными или нет, рациональными или иррациональными.

Для примера рассмотрим конфликт между республиканцами и демократами (а внутри каждой из этих партий - между либеральным и консервативным крылом). Поскольку обе партии называют альтруизм своим главным моральным принципом, каждая провозглашает социальное государство и смешанную экономику своей основной целью. При этом любая форма государственного контроля над экономикой (неважно, в чьих интересах) влечет за собой введение все новых форм контроля, которые призваны на миг облегчить страдания, причиненные предыдущими попытками государственного регулирования. Поскольку демократы более последовательно настаивают на росте государственного влияния, республиканцы понемногу были низведены до состояния беспомощного «и-мы-канья», бессмысленного копирования программ, инициированных демократами, и позорных утверждений вроде того, что они планируют достичь «тех же целей», что и демократы, но иными способами.

Однако именно поставленные ими цели (альтруизм - коллективизм - государственничество) никуда не годятся. И даже если ни одна из сторон не будет осознанно стремиться к этому, логика развития событий на основе общих для обеих партий базовых принципов будет уводить их дальше и дальше влево. Когда «консерваторов» выбросят из игры, конфликт

продолжится между либералами и теми, кто считает себя социалистами. После победы социалистов конфликт вместе с последними продолжат коммунисты. Ну, а когда победят коммунисты, общая цель, подсказанная альтруизмом, - глобальное жертвоприношение, - будет, наконец, достигнута.

Этот процесс возможно остановить лишь в самом начале - изменив базовые принципы.

Подобные процессы идут во всех странах мира. И, глядя на это, люди бездумные начинают шептаться о некоей загадочной оккультной силе, называемой «исторической необходимостью», которая непостижимым образом, непостижимыми средствами, приговорила человечество к гибели в бездне коммунизма. В реальности же никакой фатальной «исторической необходимости» не существует: «таинственная» сила, управляющая ходом вещей, - это мощь человеческих принципов, которая является тайной лишь для «практичных» современных дикарей, обученных отметать принципы как «слабость».

Однако - хотя с этим можно поспорить - поскольку защитники смешанной экономики также защищают свободу, хотя бы отчасти, почему иррациональная часть их позиции должна одержать верх? Эта мысль приводит нас к следующему заключению.

2. При сотрудничестве двух человек (или двух групп), придерживающихся различных базовых принципов, в выигрыше окажется самый злой - или наименее разумный.

Разумное (принципы, условия, идея, политика, действие) всегда находятся в согласии с реальностью. Неразумное же не принимает во внимание факты, старается обойти их. Сотрудничество - это объединение усилий, совместные действия. Разумному (хорошему) нечего взять от неразумного (дурного), помимо доли ошибок и преступлений. Неразумному есть что взять у разумного: часть его достижений и ценностей. Промышленникам, чтобы преуспеть, не нужна помощь грабителей, а вот существование грабителя при отсутствии в мире промышленников немыслимо. Какое сотрудничество возможно между ними и к чему оно приведет?

Если индивидуумом движут противоречивые замыслы, его пороки будут преуменьшать, стеснять, побеждать и в итоге разрушать его достоинства. Что можно сказать о нравственности честного человека, который время от времени ворует? Точно так же в группе людей, преследующей противоречивые цели, дурные принципы в конечном итоге одержат верх над установками более достойными. Каков политический

статус государства, правительство которого время от времени попирает права граждан?

Рассмотрим пример из области бизнес-партнерства. Если один партнер честен, а второй - жулик, то последний ни в коей мере не будет способствовать успеху бизнеса. Однако репутация честного партнера разоружит потенциальных жертв и обеспечит бесчестному широкие возможности для жульничества, которых он не имел бы, действуя в одиночку.

Теперь рассмотрим возможности сотрудничества частично свободных стран с коммунистическими диктатурами в системе ООН. Всякий, узнавший эту структуру поближе, не найдет для нее ни единого доброго слова, так что никакая критика в данном случае не будет слишком суровой. Эта организация, якобы призванная защищать мир, свободу и права человека, терпит в своих рядах Советскую Россию - самого жестокого агрессора, самую кровавую диктатуру, самого массового убийцу и поработителя в истории. К этому факту нечего прибавить, и ничто не может извинить данный факт. Это столь гротескное зло и оскорбление логики, морали и цивилизации, что никакие дальнейшие дискуссии невозможны - разве что касающиеся возможных последствий данного факта.

Психологически ООН внесла значительный вклад в серое болото деморализации - цинизма, ожесточения, безнадежности, страха и непонятной вины - поглощающее западный мир. При этом коммунистический мир получил от имени западного мира моральную санкцию, штамп цивилизованной респектабельности, помощь Запада для обмана своих жертв, престижный статус равного партнера. Таким образом, нам де-факто было заявлено, что разница между правами человека и массовыми убийствами - это всего лишь разница политических позиций.

Коммунистические страны заявляют, что их цель - завоевание мира. Сотрудничество со (сравнительно) свободными странами обеспечивает их материальными, финансовыми, научными и интеллектуальными ресурсами. Свободным же странам нечего взять у коммунистов. Таким образом, единственная возможная форма общей политики или компромисса между этими двумя сторонами - это политика владельцев собственности, которые вновь и вновь идут на уступки вооруженному грабителю в обмен на обещание не грабить их.

ООН отдала под власть Советской России куда большую часть планеты и ее населения, нежели сама Россия могла бы надеяться завоевать с помощью вооруженной силы. Сравнение курса лечения, предложенного

Катанге, с тем, что был использован в Венгрии, дает нам достойный пример политики ООН. Учреждение, созданное для того, чтобы использовать общую мощь государств мира для обуздания агрессии, на деле использует объединенную мощь всего мира, заставляя сдаваться на милость агрессора одну беспомощную страну за другой.

Кто, кроме упертых дикарей, мог ожидать иных результатов от подобного «эксперимента в области сотрудничества»? Чего бы вы ожидали от комитета по борьбе с преступностью, включившего в совет директоров известнейших местных гангстеров?

Подобное могло произойти лишь при полном отказе от основных принципов.

3. Когда различия в базовых принципах определены четко и открыто, это помогает придерживаться разумного подхода. Когда различия определены недостаточно четко, когда они скрыты или не поняты участниками, это играет на руку неразумной стороне.

Чтобы победить, разумная сторона в любом конфликте должна добиться того, чтобы быть понятой. Ей нечего скрывать, реальность - ее союзник. Неразумной же стороне приходится запутывать, обманывать, маскировать и прятать свои цели. Мрак, туман и слепота - не союзники логики, но единственные орудия непоследовательности.

Чтобы разрушать, не требуется ни мыслей, ни знаний, ни упорства. Мощная мысль, огромные познания и неотступное упорство требуются лишь для того, чтобы достигать и создавать. Любая ошибка, уклонение от цели, противоречие способствуют разрушению; созиданию могут помочь лишь разум и логика. Негатив строится на отсутствии, на частице «не» - невежестве, неспособности, неразумности. Позитив требует наличия, существования тех или иных свойств - знания, эффективности, мысли.

Расползание зла - признак вакуума. Когда бы зло ни победило, это происходит лишь по одной причине - из-за морального поражения тех, кто не понимал: в области базовых принципов компромиссов не бывает.

«В любом компромиссе между едой и ядом выиграть может только смерть»^[24].

15. Расправляет ли Атлант плечи?

Айн Рэнд

В соответствии с заголовком этой статьи речь пойдет об отношении событий, описанных в моем романе «Атлант расправил плечи», к подлинным событиям, происходящим в современном мире.

Или, если сформулировать тему вопросом, который мне часто задают: «"Атлант расправил плечи" - это пророческий или исторический роман?»

Кажется, вторая часть вопроса отвечает на первую: если люди верят, что «Атлант» - *исторический* роман, значит, его пророчество успешно.

Подлинное положение вещей лучше всего сформулировать так: хотя политическая линия в романе не является ни центральной темой, ни главным смыслом, мое к ней отношение - в те годы, когда я писала книгу, - заключалось в коротком правиле, которое я сама установила для себя: *«Назначение этой книги - в том, чтобы она не дала сбыться содержащемуся в ней пророчеству»*.

Книга вышла в свет в 1957 году. С тех пор я получила множество писем и услышала множество комментариев, в основном сводящихся к следующему: «Когда я впервые прочел "Атланта", мне показалось, что вы преувеличиваете, но потом, читая газеты, я вдруг осознал, что сегодня в мире происходит именно то, что описано в вашей книге».

И это действительно так. Только в еще большей степени.

Современное состояние мира, политические события, идеи дня сегодняшнего настолько иррациональны, что ни я, ни любой другой писатель никогда бы не стали изображать подобное в художественной литературе: им бы просто никто не поверил. Писателю такого бы не простили - только политик способен вообразить, что у подобных идей есть шанс.

Политическая линия в «Атланте» не является основной темой, но следует из нее. Основная же задача этого романа такова: раскрыть *роль разума в жизни человеческой* и представить логически связанный с нею нравственный кодекс - разумный эгоизм.

В книге показано, что происходит с миром, когда люди мысли - творцы и изобретатели - объявляют забастовку и гибнут в попытке протестовать против альтруистско-коллективистского общества, в котором живут.

Вот два ключевых абзаца из романа «Атлант расправил плечи», в

которых передан в краткой форме его смысл. Первый - заявление Джона Голта:

«Существует лишь один клан людей, не бастовавших ни разу в человеческой истории. Все другие сословия и категории бросали работу, когда хотели, и предъявляли миру требования, заявляя о своей незаменимости... Все, кроме тех, кто нес мир на плечах, не давая ему погибнуть, единственным вознаграждением же им было страдание, но они никогда не отворачивались от рода человеческого. Ну вот, теперь наступила их очередь. Пусть мир, наконец, узнает, что эти люди представляют собой, чем заняты, и что происходит, когда они отказываются работать. Это забастовка людей разума, мисс Таггерт. Это бастует разум»^[25].

Второй абзац - в котором объясняется заглавие романа - таков:

«- Мистер Риарден, - голос Франсиско звучал спокойно и серьезно. - Скажите, если бы вы увидели Атланта, гиганта, удерживающего на своих плечах мир, если бы увидели, что по его напряженной груди струится кровь, колени подгибаются, руки дрожат, из последних сил тщаь удерживать этот мир в небесах, и чем больше его усилие, тем тяжелее мир давит на его плечи, что бы вы велели ему сделать?

- Я... не знаю. Что... он может поделать? А ты бы что ему сказал?

- Расправь плечи»^[26].

В романе изображен конфликт двух фундаментальных противоречий, двух противоположных школ философии или двух противоположных мировоззрений. Для краткости я далее буду называть их «ось разума - индивидуализма - капитализма» и «ось мистицизма - альтруизма - коллективизма». В романе показано, что основной конфликт нашей эпохи не просто политический или экономический, а в первую очередь моральный и философский; что основная философия нашего времени - быстро распространяющийся бунт против разума; что так называемое перераспределение богатства - всего лишь поверхностное проявление оси мистицизма - альтруизма - коллективизма; что подлинная природа и основное, конечное значение этой оси - *античеловеческое, антиразумное, антижизненное*.

Вы считаете, что я преувеличиваю?

Во время - и после - работы над романом «Атлант расправил плечи» у меня был документ, который формально следовало бы назвать «Исследовательским или документальным досье», но для себя я называла его «Досье ужасов». Я приведу вам несколько примеров оттуда.

Вот пример современной идеологии - выдержка из материалов семинара выпускников и преподавателей Университета Уэсли, он проходил под названием «Недоверие к разуму» в июне 1959 года.

«Возможно, в будущем разум перестанет быть важным. Возможно, в трудные времена люди будут обращаться за руководством не к человеческой мысли, а к человеческой способности к страданию. Не университеты с их мыслителями, а места и люди в беде, заключенные приютов и концентрационных лагерей, беспомощные жертвы бюрократии и войн - вот кто будет освещать людям путь, преобразуя опыт своих страданий во что-то творческое. Возможно, мы вступаем в новую эру. Нашими героями могут стать не великаны интеллекта наподобие Исаака Ньютона или Альберта Эйнштейна, а жертвы вроде Анны Франк, которые показывают нам чудо более великое, чем разум. Они будут учить нас терпеть, создавать добро в центре зла и хранить любовь перед лицом смерти. Однако, если и произойдет такое, у университетов также останется свое место. Даже интеллектual может быть примером творческого страдания».

Вы думаете, это редкое исключение, нелепый пример? 4 января 1963 года в *Time* вышла следующая заметка:

«"Наилучшая деятельность для общества" - а не просто ум и оценки - должны быть критерием для зачисления студентов в лучшие колледжи, говорит глава школы Хаверфорд, расположенной неподалеку от Филадельфии, Лесли Северингос. На страницах *Journal of the Association Counsellors* он предупреждает всех против "очень умных, напористых, обладающих высокими личными устремлениями, но при этом безразличных к обществу и безжалостных эгоистов". Из-за того, что такие самовлюбленные, хотя и интеллектуально одаренные студенты могут "мало что предложить окружающим, сейчас или потом", колледжи должны обращать внимание на другие хорошие черты. "Кто сказал, что определением превосходства являются мозги и мотивированная деятельность? Разве забота об обществе не имеет огромного значения в оценке качеств человека? Разве не замечательно найти кандидата, который считает, что «человек не может жить сам по себе»? Как насчет лидерских качеств? Умения дружить? Способности распространять идеи? Можем ли мы сбрасывать со счетов духовные порывы? И почему мы должны отказываться от сотрудничества с людьми, обладающими ценными качествами, пусть даже придется пожертвовать некоторыми успехами в обучении? Разве не должны мы быть благородными и великодушными?" Ничего этого нет в требованиях приема студентов в колледжи, сетует

Северингос. "Колледжи должны сами убедиться в потенциале молодых людей подобного типа"».

Задумайтесь о смысле подобных высказываний. Если ваш муж, жена или ребенок окажутся тяжело больными, какую пользу вам принесут «забота об обществе» и «великодушие» врача, если этот врач в студенческие годы пожертвовал «успехами в обучении»? Если нашей стране будет угрожать ядерная катастрофа, будут ли наши жизни зависеть от ума и целеустремленности наших ученых или от их «духовных порывов» и «способности к дружбе»?

Я бы не вложила подобных пассажей в уста героя даже самой гротескной сатирической пьесы, я бы сочла это чрезмерно абсурдным, однако это говорится, слушается и всерьез обсуждается в нашем так называемом цивилизованном обществе.

Может быть, вы считаете, что подобные теории не будут иметь практического результата? Тогда вот цитата из *Rochester Times Union* от 18 февраля 1860 года, из статьи под заголовком «Истощаются ли наши таланты?»

«Стало ли в нашей великой стране меньше талантливых людей?

На данном этапе истории, в момент "смертельного противостояния" России и США, может ли наша страна пасть из-за недостатка интеллекта?

Доктор Гарри Лайонел Шапиро, руководитель антропологического отдела Американского музея естественной истории в Нью-Йорке, говорит: "Существует растущее беспокойство, пока не выраженное точно... что компетентных людей становится все меньше".

Он говорит, что "особенно обеспокоены" этим во врачебной среде. Исследования показывают, что сегодняшние студенты-медики, судя по оценкам, учатся хуже, чем десять лет назад.

Некоторые возлагают вину за это на личную и финансовую привлекательность других профессий в нашу космическую эру - профессий из области инженерии и технологий.

Но, говорит доктор Шапиро, "кажется, это всеобщие жалобы".

Антрополог выступал на конференции авторов научно-популярной литературы в Ардсли-на-Гудзоне. Те же самые люди на протяжении двух недель выслушали выступления еще 25 ученых, и все они - инженеры, физики, метеорологи и многие, многие другие - жаловались на то же самое.

Этим ученым, каждый из которых является выдающимся представителем своего направления, кажется, что имеет место гораздо более серьезная проблема, чем недостаток средств.

Доктор Уильям Бейкер, вице-президент по исследовательской части

Bell Telephone Laboratories в Мюррей-Хилл, штат Нью-Джерси, один из известнейших ученых страны, сказал, что необходимы новые исследования, но их проведение не зависит от материального обеспечения.

"Все зависит от идей, - сказал он. - Их нужно не так много, но они должны быть действительно новыми".

Доктор Бейкер отметил, что Национальный институт здравоохранения постоянно увеличивает суммы грантов, однако уровень исследований остается одним и тем же, "если не снижается".

Юджин Коун, директор по связям с общественностью Американского физического общества, сказал о том, что в физике "у нас ничего близкого к первоклассным специалистам".

Сидни Ингрэм, директор по связям с общественностью Engineering Manpower Commission, отметил, что ситуация в настоящее время "совершенно уникальна для истории западной цивилизации".

Эта заметка в газете не имела широкого резонанса. Она отражает первые симптомы беспокойства по поводу ситуации, которая пока, вероятно, скрыта от широкой публики. Но та же самая ситуация в Великобритании стала настолько явной, что скрывать ее более стало невозможно, и ей посвящают первые страницы крупнейших изданий. В Британии придумали для нее название: «утечка мозгов».

Разрешите, кстати, напомнить слова Джона Голта, сказанные бастующим: «Я намеренно и сознательно осуществил то, что ранее, на протяжении всей истории человечества делалось скрытно и неосознанно». И далее он перечисляет разнообразные пути исчезновения выдающихся людей, которые *психологически* боролись с тиранией, не соглашаясь работать в любом обществе, построенном на мистицизме - альтруизме - коллективизме. Также можете вспомнить описание, которое Дагни дала Голту еще до встречи с ним: «Этот человек лишает наш мир своего интеллекта».

Нет, я вовсе не хочу обвинить британцев в плагиате. Напротив, и это крайне важно, никакого плагиата *не было*; несомненно, большинство из них никогда не открывали роман «Атлант расправил плечи». Важно то, что они столкнулись с тем же явлением и не побоялись дать ему название.

Прочитую статью из *The New York Times* от 11 февраля 1964 года:

«Партия лейбористов обратилась к правительству с просьбой исследовать эмиграцию британских ученых в Соединенные Штаты - проблему, которую здесь называют "утечкой мозгов". Эта акция лейбористов... стала ответом на действия профессора Йэна Буша и его исследовательской команды, покинувших Бирмингемский университет и

перешедших на работу в Фонд экспериментальной биологии Уорчестера в Шрусбери, штат Массачусетс.

35-летний профессор Буш возглавлял в Бирмингеме кафедру физиологии. Его группа из девяти ученых вела исследования в области медикаментозного лечения психических заболеваний.

Сегодня стало также известно о том, что известнейший физик, профессор Морис Прайс, и знаменитый исследователь онкологических заболеваний, доктор Леонард Вайсс, собираются переехать для работы в Соединенные Штаты...

Том Дальелл, представитель лейбористов по вопросам науки, обратился к премьер-министру сэру Алеку Дуглас-Хоуму с запросом о создании королевской комиссии "для всеобъемлющего рассмотрения проблемы обучения, найма и сохранения научных специалистов на службе Британского государства..."

Сэр Джордж Пикеринг, президент Британской медицинской ассоциации, назвал решение профессора Буша "трагическим". Он говорил о нем, как о "самом лучшем ученике, который у меня когда-либо был, и одним из самых одаренных людей, с которым я когда-либо встречался"».

Еще из *The New York Times*, от 12 февраля:

«Шумиха вокруг потери Британией научных талантов сегодня еще более усилилась в связи с сообщением о том, что выдающийся физик-теоретик уезжает в Соединенные Штаты.

Доктор Джон Энтони Попл, заведующий отделом основ физики Национальной физической лаборатории, заявил, что в ближайшем месяце покинет страну, чтобы занять пост в Университете Карнеги в Питтсбурге.

Заголовки всех сегодняшних газет кричат об этом отъезде, тринадцатом, о котором стало известно с минувших выходных. Один из заголовков таков: "Еще один мозг утек"».

The New York Times, 13 февраля:

«Сегодня стало известно о предстоящем отъезде из страны еще по меньшей мере пятерых британских ученых, и нация с нарастающим беспокойством пытается найти причины такого массового исхода».

В статье упомянуты имена двоих из эмигрирующих ученых: доктора Рэя Гиллери, 34-летнего младшего профессора анатомии из Лондонского университетского колледжа, и доктора Эрика Шутера, биохимика из того же учебного заведения.

The New York Times, 16 февраля:

«На фоне шумихи по поводу эмиграции из Британии все новых и новых ученых, страна вновь пытается докопаться до причин этого исхода и

требует средств спасения от этого бедствия...

"Утечка мозгов", как называют здесь это явление, для Британии не новость. На протяжении десятилетий иностранные университеты и другие учебные и научные заведения, особенно американские, переманивали к себе талантливых британских ученых.

Согласно данным исследования, обнародованным Ассоциацией преподавателей университетов, за последний учебный год из Британии уехало 160 старших университетских преподавателей, из которых около 60 перебрались в Соединенные Штаты...

Британские ученые, только что получившие докторские степени, постоянно уезжают из страны в количестве не менее 140 в год, о чем в прошлом году сообщило в своем докладе Королевское общество. Это примерно 12% от их общего числа...

Чаще всего навсегда покидающие страну исследователи объясняют свой поступок тем, что средства, выделяемые в США на оборудование и заработную плату сотрудников, не идут ни в какое сравнение с тем, что они имеют дома.

Некоторые честно признаются, что их привлекает зарплата, в два-три раза превосходящая британскую, а также то, что, как им кажется, в США в целом более внимательно и заинтересованно относятся к научным исследованиям и достижениям.

Другие жалуются на нехватку ставок в университетах, на бюрократические препоны, которые необходимо преодолеть в Британии для получения исследовательских грантов, и на то, что они называют скупой и властной рукой Казначейства, распоряжающегося этими грантами».

Какие интеллектуальные аргументы использовали те, кто стремился удержать ученых на родине, и какие реальные средства, препятствующие эмиграции, были предложены? Квентин Хогг, министр образования и науки, «воззвал к патриотическим чувствам ученых. "Британцем быть лучше, чем кем угодно другим", - заявил он». В одной из более ранних статей (31 октября 1963 года) *The New York Times* упоминает о «докладе, представленном комиссией во главе с сэром Берком Трендом, секретарем кабинета, который призывает реформировать структуру гражданской науки в Великобритании и наделить *большими полномочиями* министра по науке. (Курсив мой. - А.Р.)».

Не обошлось, конечно, и без явного и неявного возмущения, направленного против американского богатства и крупного бизнеса, которые британцам представляются основной причиной бегства их

научных талантов.

А теперь я хочу привлечь ваше внимание к двум существенным фактам: к возрасту и к специальности ученых, упомянутых по именам в этих статьях. Большая их часть - люди от 30 до 40; среди них больше всего специалистов в области теоретической медицины.

Государственная медицина - давно существующая часть политической системы Британии. На какое же будущее могут рассчитывать одаренные молодые люди при государственной медицине? Можете сделать собственные выводы о причинах «утечки мозгов», о будущем благополучия тех, кто остался в государстве всеобщего благополучия, и о роли разума в человеческом существовании.

В следующий раз, услышав или прочитав сообщения об успехах государственной медицины в Великобритании или другом европейском государстве всеобщего благополучия, - вспомните, что источником качества работы, знаний и возможностей этих врачей являются лаборатории теоретической медицины, а источник этот пересыхает. *Вот* реальная цена, которую страна платит за государственную медицину - цена, которая не отражена в бюджетных таблицах государственных экономистов, но которая очень скоро проявит себя в жизни граждан этой страны.

В настоящее время мы отстаем от Великобритании на пути в коллективистскую пропасть - но отстаем не слишком. В последние годы наши газеты передают пугающие репортажи по поводу ситуации с приемом студентов в медицинские учебные заведения. Когда-то желающих поступить туда было существенно больше, чем имелось мест, и только самые способные ученики, с наивысшими оценками и достижениями, могли быть приняты. Сегодня количество абитуриентов падает, и, согласно некоторым сообщениям, скоро будет *ниже*, чем количество мест в наших медицинских школах.

Задумайтесь о распространении государственной медицины по всему миру, вспомните о нашей программе бесплатного обслуживания пенсионеров, вспомните забастовку канадских врачей в Саскачеване и недавнюю забастовку бельгийских медиков. Задумайтесь о том, что во всех случаях подавляющее большинство врачей выступают против государственной медицины, а моральный каннибализм тоталитарных чиновников позволяет последним загонять медицинских работников в рабство под дулом пистолета. Особенно красноречивы события в Бельгии, где тысячи врачей бросились прочь из страны, где так называемое «гуманное» правительство прибегло к жестким, почти нацистским,

военизированным мерам по *призыву врачей в армию* ради того, чтобы заставить их вернуться к практике.

Задумайтесь над этим - а потом вспомните слова доктора Хендрикса, хирурга, присоединившегося к забастовке против государственной медицины в романе «Атлант расправил плечи»:

«Я искренне поражаюсь самоуверенности, с которой люди утверждали свое право поработать меня, контролировать мою работу, насиловать мою волю, мою совесть, подавлять мой разум... однако на что после этого они могли рассчитывать, ложась на операционный стол под мой скальпель?»^[27]

Этот вопрос стоило бы задать альтруистам-поработителям в Бельгии.

Когда вы в следующий раз станете свидетелем обсуждения программы бесплатной медицины, задумайтесь о будущем - особенно о будущем ваших детей, которые придется жить во времена, когда лучшие умы больше не будут выбирать медицинское поприще.

Рагнар Даннескьолд, пират из романа, говорил, что сражается с идеей, что

«нужда - священный идол, требующий человеческих жертвоприношений, нужда одних - нож гильотины, нависшей над другими... уровень наших способностей превратился в степень нависшей над нами опасности. Успех кладет наши головы на плаху, а поражение дает кому-то право дернуть за веревку...»^[28]

Вот квинтэссенция альтруистической морали: чем выше достижения человека, и чем более общество нуждается в нем, тем хуже отношение, которое он получает, и тем ближе подходит он к статусу жертвенного животного.

Бизнесмены - те, кто обеспечивает нас средствами к существованию, работой, облегчающими труд приспособлениями, современными удобствами, постоянно повышающимся стандартом жизни - это как раз те люди, в которых общество нуждается постоянно и сильно. Они и стали первыми жертвами, ненавистными, проклинаемыми, оскорбляемыми и нещадно эксплуатируемыми козлами отпущения приверженцев оси мистицизма - альтруизма - коллективизма. Врачи следуют за ними; это происходит как раз потому, что их работа так важна и так отчаянно необходима людям, что они оказались мишенями для нападков альтруистов в мировом масштабе.

А по поводу современного положения предпринимателей позвольте упомянуть вот о чем. После завершения работы над романом «Атлант расправил плечи» я отправила его гранки эксперту по железнодорожному

транспорту для технической редакции. Первое, о чем он спросил меня, прочитав роман: «А вы в курсе, что все законы и постановления, изобретенные вами, уже существуют в нашем законодательстве?» - «Да, - ответила я. - Я в курсе».

И я хочу, чтобы мои читатели об *этом* знали.

В своем романе я говорила на эти темы, пользуясь абстрактной терминологией, передающей *сущность* правительственного контроля и тоталитарного законодательства любой эпохи и любой страны. Но принципы, лежащие в основе каждого закона и постановления, упомянутого в «Атланте» - например «Закона о равных возможностях» или «Директивы 10-289», - можно обнаружить, причем в более жесткой форме, и в наших *антимонопольных законах*.

В этом собрании необъективных, неясных, лишенных юридической основы постановлений вы можете найти все варианты наказаний для способных за их способности и успешных за их успех, все варианты принесения творческого, деятельного гения в жертву потребностям завистливой посредственности. Вы можете найти такие требования: насильственное разделение крупных компаний или «развод» компаний с их дочерними фирмами (как в «Законо о равных возможностях»); обязанность стабильных успешных предприятий делиться своей материальной базой, созданной за годы, с любой новоиспеченной компанией в своей отрасли; принудительное лицензирование или прямая конфискация патентов; и, в довершение всего, возложение на тех, кто стал жертвой этих законодательных актов, обязанности *обучать* своих конкурентов практическому использованию тех самых патентов.

Между нашим сегодняшним положением и уровнем общественной дезинтеграции, показанным в романе «Атлант расправил плечи», стоит лишь один факт: сторонники тоталитарного управления пока не решаются применять антимонопольные законы в их полную силу. Но эта сила заложена в них, и все мы можем видеть, как с каждым годом ширится их применение на практике.

Однако вам может показаться, что «План объединения железных дорог» и «План объединения сталелитейных заводов», о которых я упоминала ближе к концу «Атланта», не имеют никаких аналогов в реальной жизни. Я и сама так думала. Я выдумала их - как дальнейшее развитие, диктуемое логикой событий романа, - чтобы показать последние стадии краха общества. Эти две программы были двумя типичными коллективистскими изобретениями, призванными помогать самым слабым участникам отрасли за счет самых сильных, которые обязаны

«объединять» со всеми свои ресурсы. Мне казалось, что эти программы несколько опережают наше время.

Я ошибалась.

Прочитую из новостей от 17 марта 1964 года:

«Федеральное правительство предложило трем телекомпаниям рассмотреть предварительный план передачи некоторых своих программ уже существующим или вновь возникающим телекомпаниям, которые могут находиться в невыгодной конкурентной ситуации...

Также Государственный комитет по коммуникациям вынес на обсуждение предложение, с принятием которого некоторые радиостанции, сегодня принадлежащие к одной сети, будут вынуждены перейти в альтернативную сеть.

Предложения, направленные на то, чтобы успешные телекомпании помогали тем, которые успеха не имеют, встретили жесткое сопротивление со стороны Columbia Broadcasting System...

За предложениями ГKK стоит идея поддержки уже существующих и поощрения запуска в эфир новых радиостанций, работающих на ультравысоких частотах, путем обеспечения их программной продукцией, которая способна привлечь аудиторию. Большинство рекламодателей обычно предпочитают работать с более популярными радиостанциями метрового диапазона...

Если учесть все эти противоречивые предложения, то весь объем сетевого программирования должен быть поделен между двумя метровыми и одной дециметровой станциями.

Предполагается, что эти предложения вносятся для того, чтобы исправить "конкурентное неравенство".

А теперь предлагаю обратить внимание на сегодняшнюю ситуацию в сфере труда.

В романе «Атлант расправил плечи» я показала, что в период крайне напряженной транспортной ситуации, возникшей из-за нехватки энергии, дорог и топлива, железнодорожникам было предписано запускать более короткие составы с меньшей скоростью передвижения. Сегодня, когда железные дороги разрушаются и большинство из них находится на грани разорения, железнодорожные профсоюзы требуют сохранения числа рабочих мест (то есть занятости бесполезным, никому не нужным трудом), устаревших систем труда и правил платежей.

Комментарии прессы относительно этой проблемы неоднозначны. Но одна редакционная статья заслуживает упоминания: это материал от 16 августа 1963 года из газеты *Star Herald*, издающейся в Кэмпдене, Нью-

Джерси, который прислал мне один из моих читателей.

«Влиятельным американским бизнесменам, делающим большие деньги, так и не пришло в голову, что процветание может быть бесчеловечным. Они не сумели понять, что у людей могут быть иные приоритеты, кроме прибыли...

Амбиции и стремление получить прибыль - неплохие качества. Но они должны корректироваться заботой об обществе и его членах. В свете человеческих нужд собственные запросы необходимо сдерживать...

Такие мысли волнуют нас, когда мы размышляем о застое в железнодорожной отрасли. Управляющие железных дорог настаивают на уничтожении десятков тысяч рабочих мест, которые помогают кормить семьи, которые дают людям чувство собственного достоинства... Прежде чем голосовать за такой болезненный прогресс, представьте на месте кого-то из жертв, приносимых на алтарь прогресса, вашего мужа, брата или отца. На наш взгляд, гораздо лучше было бы национализировать железные дороги и предотвратить очередную гуманитарную катастрофу на пути, ведущем лишь в одну сторону - к прибыли за человеческий счет».

«Гуманные» настроения такого рода направлены не против прибыли, а против достижений; они направлены не против богатых, а против *знающих*. Неужели вы считаете, что единственными жертвами мистико-альтруистско-коллективистской модели оказываются лишь немногочисленные выдающиеся люди, находящиеся на самом верху социальной пирамиды, отдельные финансовые и интеллектуальные гении?

А вот старая вырезка из моего «Досье ужасов», заметка, вышедшая не один год назад:

«Британию недавно взволновала история молодого шахтера, который лишился своей работы ради того, чтобы предотвратить забастовку 2000 шахтеров в Донкастере.

31-летний Алан Балмер поссорился со своими товарищами по работе из-за того, что выполнил недельную норму на три часа раньше срока, и вместо того, чтобы в эти оставшиеся часы ничего не делать, продолжил работать.

В минувшее воскресенье более 2000 шахтеров собрались на митинг, протестуя против перевыполнения нормы Аланом. Они требовали, чтобы его на три месяца перевели в более низшую категорию с уменьшением заработной платы с \$36 до \$25 в неделю.

Чтобы положить конец кризису, Балмер уволился с предприятия, сказав, что всегда считал, что "работать нужно полный день за полную зарплату". Руководство государственного предприятия, где он работал,

заявило, что пусть с этим разбираются профсоюзы».

Спросите себя: что станет с этим молодым рабочим в будущем? Как долго удастся ему сохранять свою честность и убеждения, если он знает, что из-за них ему грозит *наказание*, а не награда? Будет ли он продолжать развивать свои способности, если из-за них его *лишают заработка*? Вот так нация теряет своих лучших представителей.

Помните ту сцену в «Атланте», где Хэнк Риарден наконец решается присоединиться к забастовке? Последней соломинкой, окончательно сделавшей ситуацию ясной для него, стало утверждение Джеймса Таггерта о том, что он, Риарден, всегда найдет возможность «что-нибудь сделать», даже столкнувшись с самыми иррациональными и невероятными требованиями. Сравните это со следующими словами Майкла Квилла, председателя Объединения транспортных профсоюзов, сказанными по поводу угрозы забастовки городских транспортников, и опубликованными в газете 28 декабря 1959 года: «Многие думают, что это мы переполнили чашу. Но на самом деле всякий раз, когда мы к ней приближались, там уже что-то было».

В заключительной части романа «Атлант расправил плечи» я описываю ситуацию с рабочей силой в стране следующим образом:

«"Дайте нам людей!" - это требование все настойчивее поступало в Объединенный комитет со всех концов охваченной безработицей страны, и ни просители, ни члены комитета не осмеливались добавлять опасное слово, которое подразумевалось в этом требовании: "Дайте нам способных людей!" Люди годами ждали в очередях работы уборщиков, смазчиков, подсобников, помощников официанта; на должности администраторов, управляющих, директоров, инженеров не претендовал никто»^[29].

В редакционной статье в *Barron's* от 29 июля 1963 года замечено:

«Растущая нехватка квалифицированной рабочей силы включает, как недавно заметил доктор Артур Бернс, критикуя официальную статистику по безработице, "возрастающую нехватку специалистов по естественным наукам, учителей, инженеров, врачей, медсестер, машинисток, стенографистов, авто-и телемехаников, портных и домашней прислуги"».

Помните историю о катастрофе с урожаем в Миннесоте, описанную в романе «Атлант расправил плечи»? Огромный урожай пшеницы пропал вдоль дорог, вокруг переполненных силосных ям и элеваторов, из-за нехватки железнодорожных вагонов, которые по распоряжению правительства были направлены для перевозки сои.

Следующий фрагмент - из статьи в *Chicago Sun Times* от 2 ноября 1962 года:

«В четверг состоялась встреча сельскохозяйственных чиновников и продавцов зерна Иллинойса, где они совместными усилиями пытались разрешить проблему нехватки железнодорожных вагонов, которая чревата потерей обильного урожая зерновых на Среднем Западе...

Фермеры и торговцы сошлись на том, что нехватка вагонов стала "критической", но как минимум в ближайшие две недели облегчения ситуации не предвидится.

Работники элеваторов показывали фотографии кукурузы, сваленной на земле рядом с элеваторами, забитыми кукурузой, которую не на чем вывозить...

Нехватку вагонов объясняют тем, что урожай трех важных культур - кукурузы, сои и сорго - в этом году был убран практически одновременно. Кроме того, большая часть транспорта была занята перевозками государственного зерна».

В моем романе Рагнар Даннескьолд говорит об образе Робин Гуда, как о воплощении зла, который он всегда мечтал вытравить из человеческих умов:

«Он стал символом идеи, провозгласившей, что нужда, а не достижение - источник прав, что мы должны не производить, а хотеть, и что заработанное нам не принадлежит, а принадлежит - незаслуженное»^[30].

Я не знаю и не узнаю никогда, был ли мой персонаж - Рагнар - источником вдохновения для автора статьи, ниспровергающей Робин Гуда, которая была опубликована в прошлом году в британском журнале *Justice of the Peace and Local Government Review*, посвященного юриспруденции и политике. Поводом для статьи послужило возрождение Фестиваля Робин Гуда.

«Если не забывать о том, что этого легендарного героя преимущественно воспевают за то, что он грабил богатых с особой целью отдавать их богатство бедным, - за ту самую деятельность, которую сейчас берет на себя государство всеобщего благополучия, - то могут возникнуть определенные сомнения в том, не противоречит ли такое мероприятие, как Фестиваль Робин Гуда, политике государства».

А теперь мы добрались до произведения, превосходящего все, что написано мной в «Атланте». Я признаю, что никогда бы не смогла придумать ничего подобного, и что, какой бы низкой ни была моя оценка альтруистско-коллективистского менталитета - а она действительно *очень* низка, - я ни за что бы не поверила, что такое возможно. Но это не выдумка. Это *газетный репортаж*, появившийся 23 марта 1964 года на первой странице *The New York Times*.

«Каждому американскому гражданину должен быть гарантирован адекватный доход вне зависимости от того, работает он или нет, заявляет сегодня состоящая из 32 членов группа единомышленников, называющая себя Особым комитетом тройной революции...

В декларации, направленной членами Комитета президенту Джонсону, эти три революции перечисляются; вот они: "революция компьютерной техники", "революция вооружений" и "революция прав человека".

"Фундаментальная проблема, которую ставит перед нами кибернетическая революция, - заявляет Комитет, - заключается в том, что она подрывает всеобщий механизм, с помощью которого поддерживались *потребительские права граждан*."

До настоящего времени, - сказано далее в декларации Комитета, - экономические ресурсы распределялись на основании вклада в производство, где *машины и люди конкурировали за рабочие места в определенном смысле на равных условиях*. С развитием компьютерных систем машинам, обладающим потенциально неограниченной производительностью, для функционирования практически не будет требоваться вмешательство человека.

Традиционное восприятие дохода как результата трудовой деятельности в качестве единственного значимого механизма распределения эффективного спроса - то есть механизма *обеспечения потребительского права* - сегодня служит главным тормозом практически неограниченных возможностей компьютеризованной системы производства".

Комитет заявляет, что эта устоявшаяся причинно-следственная связь должна быть разрушена; чтобы это произошло, общество должно взять на себя "безоговорочное обязательство" обеспечить и защищать через государственные структуры, наделенные соответствующими полномочиями, "*право каждого человека и каждой семьи на адекватный доход*" (Весь курсив мой - А.Р.)».

Обеспечить - за чей счет? Ответа нет.

Вероятно, вы подумали, что подобная декларация была составлена группой провинциальных фантазеров, оторванных от реальности и каких-либо экономических знаний. Или же авторы - банда смутьянов, а их цель - разжечь агрессию в низших слоях населения, которые потом можно натравить на любое предприятие или контору, где имеется компьютер, то есть инструмент, лишаящий их «потребительского права».

Но на самом деле все обстоит совсем не так.

Данная декларация была составлена группой граждан, в которую

вошли университетские преподаватели, экономисты, педагоги, писатели и прочие «интеллектуалы». Страшнее всего - как симптом сегодняшнего состояния нашей культуры - то, что эта новость заняла первые страницы прессы, и что вроде бы цивилизованные люди готовы рассматривать ее в рамках цивилизованной дискуссии.

Какова же культурная атмосфера нашего времени? Судите сами, подходит ли ей следующее описание. Я снова процитирую роман «Атлант расправил плечи», абзац, где идет речь о волне бедствий и катастроф:

«Газеты об этом не упоминали. Передовые статьи продолжали твердить о самоотречении как пути к будущему прогрессу, самопожертвовании как моральном императиве, алчности как о враге, любви как долге, эти избитые фразы были тошнотворно сладкими, как запах эфира в больнице. Слухи распространялись по стране испуганными шепотками, но люди читали газеты и вели себя так, будто верили тому, что читают. Все соперничали друг с другом в том, кто будет самым бездумно-молчаливым, каждый притворялся, будто не знает того, о чем ему известно, и старался поверить в то, что неназванное не существует. Казалось, что начинал извергаться вулкан, однако люди у подножья горы не обращали внимания на внезапные трещины, черный дым, кипящие струи и продолжали верить, что единственная опасность для них - признать реальность этих признаков»^[31].

Я говорю сегодня обо всем этом не ради похвальбы и не ради того, чтобы у вас создалось впечатление, что я обладаю неким мистическим пророческим даром; в действительности моя цель ровно противоположна: я хочу показать вам, что в этом даре нет *ничего* мистического. Вопреки господствующим сегодня в так называемой ученой среде взглядам, история - это *не* хаос, который невозможно познать, где нет законов, а есть лишь слепой случай и прихоть; тенденции исторического развития *можно* предсказать и скорректировать; а человек - *не* беспомощное, слепое, обреченное создание, влекомое к гибели таинственными силами.

Ход истории определяется лишь одной силой, той же самой, которая определяет и ход жизни каждого из нас: это сила человеческого разума - *сила идей*. Если вам известны убеждения человека, вы можете спрогнозировать его действия. Если вы разобрались, какая философия доминирует в обществе, вы можете предугадать его дальнейшее развитие. Но убеждения и философия - предмет свободного выбора человека.

Нет никакой фатальной, predetermined исторической необходимости. «Атлант расправил плечи» - это не прорицание о нашем неизбежном уничтожении, а манифест нашей воли избежать этого.

Мы оказались там, где оказались, благодаря философии мистицизма - альтруизма - коллективизма, и она влечет нас дальше, к финалу, подобному тому, что описан в «Атланте». Спасти нас и повести не к позорной гибели, а к Атлантиде, образ которой становится виден на последних двух страницах моего романа, может только философия разума - индивидуализма - капитализма.

Так как люди обладают свободой воли, никто не может абсолютно точно предсказать ни исход *идеологического* конфликта, ни его продолжительность. Пока слишком рано пытаться угадать, какой выбор сделает наша страна. Я могу сказать лишь, что если назначение книги «Атлант расправил плечи» было отчасти в том, чтобы не дать сбыться описанному в ней, то можно разглядеть немало знаков, свидетельствующих о том, что мы движемся в противоположном направлении.

Постскриптум. Спустя более чем год после того, как была написана эта статья, произошло событие, достойное быть упомянутым здесь.

В последней главе «Атланта», где описано падение коллективистского правления, есть такой абзац:

«Самолет парил над вершинами небоскребов, когда город внезапно исчез, словно земля разверзлась и поглотила его. Они не сразу поняли, что несчастье достигло электростанций - и огни Нью-Йорка погасли»^[32].

9 ноября 1965 года потухли огни Нью-Йорка и всего Восточного побережья. Ситуация была не совсем такой, какую описала я в своем романе, но очень многие читатели разглядели в этом событии символический смысл. Вот выдержки из некоторых писем и телеграмм, которые я получила в последующие несколько дней.

Телеграмма из Остина, штат Техас, с несколькими подписями: «А нам казалось, вы говорили, что роман не является пророчеством».

Телеграмма из Мэриона, штат Висконсин: «Это Джон Голт».

Из письма, пришедшего из Индианаполиса: «Но здесь не было даже паники, согласитесь, мисс Рэнд? Только все та же древняя как мир безответственность и некомпетентность. Мы только хмыкаем, слыша о железнодорожных катастрофах (и т.д.), но это сбывшееся пророчество заставляет поежиться».

Письмо из шотландского города Данди: «Когда мы увидели по телевидению погрузившийся во тьму Нью-Йорк, - черные ущелья улиц и тусклые огоньки автомобильных фар, пытающиеся найти выход, - я не мог не вспомнить ваш роман "Атлант расправил плечи"».

Из Мемфиса, штат Теннесси (открытка, которую переслал мне

читатель, получивший ее от своей матери): «Мне нужно тебе об этом рассказать: вчера, когда на Северо-Востоке погас свет, мне позвонила [подруга] и спросила, не там ли ты сейчас. Я ответила, нет, а она сказала: "Ну ладно, простите за беспокойство, я просто хотела спросить у него, не расправил ли Атлант плечи!"»

И последнее письмо из Чикаго: «Мы так хотели услышать единственное разумное объяснение отключения энергии 9 ноября 1965 года - "Вы слушаете Джона Голта"».

16. Лоббисты

Айн Рэнд

Внешняя политика США настолько причудлива, что многие полагают, будто за ней кроется какая-то разумная причина. Степень алогичности создает ей своеобразную защиту: подобно технике «большой лжи», она заставляет людей полагать, будто столь очевидно неразумные действия на самом деле не могут быть столь неразумными, каковыми кажутся. А значит - кто-то должен понимать, что происходит на самом деле, пусть даже мы не понимаем этого.

Тошнотворные банальности и противоречивые утверждения, приводимые в защиту программы помощи зарубежным странам, делятся на две противоречивые категории: идеалистическую и практическую, в основе которых, соответственно, - сентиментальность и страх.

«Идеалистические» аргументы сплошь состоят из апелляций к альтруизму и все время уходят от сути дела в туман абстракций и смутных рассуждений о наших обязательствах перед развивающимися странами во всем мире, где люди голодают и непременно погибнут без нашей самоотверженной помощи.

«Практические» аргументы апеллируют к страху и напускают туман иного рода, пытаясь объяснить, как наши собственные интересы велят нам довести самих себя до банкротства, покупая доброе отношение развивающихся стран, которые в ином случае станут для нас серьезной угрозой.

Бесполезно объяснять защитникам нашей внешней политики, что эти аргументы противоречат друг другу. Либо развивающиеся страны настолько слабы, что погибнут без нашей помощи и в этом случае не смогут представлять для нас угрозы, либо они достаточно сильны для того, чтобы с чьей-либо помощью суметь превратиться в угрозу для нас, - но в этом случае нам не следует истощать свою экономику, содействуя росту столь серьезных потенциальных врагов.

Бессмысленно обсуждать противоречия между этими двумя утверждениями, поскольку ни одно из них не соответствует истине. Их защитники глухи к фактам, логике, - а также ко все увеличивающемуся числу фактов, свидетельствующих, что после двух десятилетий глобального альтруизма наша внешняя политика достигла целей, строго противоположных заявленным. Разрушая нашу экономику, она в то же

время уменьшает наше влияние на международной арене, низводя до состояния бессильного неудачника, на счету которого - сплошные компромиссы, отступления, оборонительные действия и предательства. Вместо того, чтобы нести миру прогресс, она ввергает страны в кровавый хаос племенных войн и отдает один беспомощный народ за другим на закланье коммунистическому режиму.

Когда общество настаивает на том, чтобы следовать самоубийственным курсом, вы можете быть уверены, что это происходит под знаком исключительно рациональных целей и лозунгов. Однако остается вопрос: что скрывается за подобной рациональностью?

Обратите внимания: у нашей хаотичной программы международной помощи отсутствует какая бы то ни было постоянная направленность. И хотя в долгосрочной перспективе она играет на руку Советской России, даже последняя не выигрывает от нее непосредственно. От нашей внешней политики никто не выигрывает напрямую, зато есть один постоянный проигравший: Соединенные Штаты.

Видя подобную картину, многие перестают пытаться понять происходящее. Другие воображают, что с помощью некоего могущественного заговора кто-то пытается разрушить Америку, и в ее недрах скрывается какой-то злой и фантастически могущественный гигант.

Правда, однако, гораздо печальнее: рационализация ничего не скрывает - под плотной шапкой тумана нет ничего, кроме гнездовья суетливо разбегающихся тараканов.

Вот свидетельство, приведенное в статье, опубликованной в редакционном разделе *The New York Times* 15 июля 1962 года под заголовком «Роль зарубежных лобби»:

«"Недипломатические корпуса" зарубежных агентов, - утверждает статья, - в последние годы расцвели пышным цветом в Вашингтоне...

Они занимаются лоббированием в Конгрессе с целью обеспечить - или предотвратить - прохождение тех или иных законов, интересующих их зарубежных клиентов, пытаются давить на администрацию президента с целью изменения определенных политических или экономических курсов или формировать общественное мнение с помощью одного миллиона соответствующих методов и техник. Этот легион специальных агентов стал весьма эфемерным прикрытием для действий в Вашингтоне - как и в любом другом уголке планеты».

«Лоббирование» - это попытки повлиять на принятие законов, используя частное влияние на законодателей. Это - порождение смешанной экономики, управления с помощью групп влияния. Методы лоббистов

разнятся - от использования обычных социальных связей, дружбы, не распространяющейся дальше коктейлей или ланчей, - и вплоть до подношений, угроз, взяток и шантажа.

Все лоббисты, -неважно, служат они зарубежным или местным интересам, - в соответствии с законами, принятыми в последние три десятилетия, обязаны регистрироваться в соответствующих государственных службах. При этом число зарегистрированных лоббистов растет столь высокими темпами, и количество тех, кто обслуживает зарубежные интересы, настолько явно превышает число местных лоббистов, что соответствующие регистрирующие инстанции начали бить тревогу. Сенатский комитет по внешним связям уже объявил, что готовит расследование деятельности зарубежных лоббистов.

Статья в *The New York Times* так описывает лоббирование иностранных интересов:

«"Теория, стоящая за тем, что происходит, гласит: за определенный гонорар, выплаченный до или после операции, - при сотнях тысяч долларов, вложенных в рекламу, известность и сопутствующие расходы, - можно обеспечить *принятие Конгрессом США законов, в которых заинтересовано зарубежное правительство, и которые отвечают политическим или экономическим интересам той или иной из зарубежных стран; можно добиться позитивного отношения со стороны Администрации президента, и позитивного имиджа в глазах американской общественности, что, в свою очередь, гарантирует политические и экономические преимущества*" (курсив мой - А.Р.).

Кто же эти лоббисты? Люди, обладающие связями - доступом к влиятельным политическим фигурам в Вашингтоне. Это американцы, нанятые, чтобы обслуживать зарубежные интересы. В статье упоминается, что большинство из них - "вашингтонские юристы" или "сотрудники нью-йоркских компаний по связям с общественностью"».

Россия - одна из стран, интересы которых обслуживают зарегистрированные лоббисты в Вашингтоне. Однако она, как и другие страны, лишь извлекает выгоду из сложившейся ситуации. Успех ее подрывной деятельности в этой стране - результат, а не причина нашего саморазрушения; Россия побеждает в соответствии со сложившимися обстоятельствами. Причина гораздо глубже.

Проблема лоббирования недавно привлекла к себе внимание из-за борьбы, устроенной иностранными лоббистами ради получения квот на сахар от американского правительства.

«Их попытки (утверждается в статье) были сосредоточены на члене

палаты Гарольде Кули, демократе из Северной Каролины, председателе Комитета по сельскому хозяйству, который, по крайней мере, до текущего года обладал практически единоличной властью в распределении квот. При этом критерии, которыми руководствовался мистер Кули при распределении квот, всегда были весьма расплывчатыми, так что было невозможно определить, в какой мере повлияли на него ухищрения лоббистов. Однако, предлагая подобные услуги зарубежным правительствам и ассоциациям производителей сахара, эти представители лобби де-факто торговали своей - реальной или надуманной - дружбой с мистером Кули».

В этом и заключается суть лоббизма, а также нашей помощи зарубежным странам и смешанной экономики в целом.

Проблема не в том, что «критерии, которыми руководствовался мистер Кули при распределении квот, всегда были весьма расплывчатыми», а в том, что с самого начала было непонятно, какими критериями он должен руководствоваться в соответствии с тем самым законодательством, которое наделило его подобными полномочиями. В подобных случаях критерии определить невозможно; в этом - главная проблема необъективного законодательства, равно как и попыток законодательного регулирования экономики.

Пока идеи «общественного интереса» (а равно и «социального», «национального» или «международного» интересов) считаются достойными того, чтобы руководствоваться ими при разработке законодательства, лоббисты и группы влияния будут существовать. Поскольку в природе нет такого существа, как «общественность», которая в реальности представляет собой группу индивидуумов, мысль о том, что «общественные интересы» должны вытеснять частные интересы и права отдельной личности, на практике значит лишь одно: интересы и права одной группы индивидуумов ставятся выше, нежели интересы и права другой группы.

В этом случае любой человек или группа людей непременно вступят в смертельную схватку за право именоваться «общественностью». Государственной политике придется колебаться, подобно сумасшедшему маятнику, склоняясь от одной группы к другой, кому-то демонстрируя немилость, а кого-то, напротив, приближая к себе. В подобных условиях столь фантастическая профессия, как лоббист (иными словами - человек, продающий «влияние»), способна превратиться в полноценную профессию, занимающую у профессионалов в этой области все рабочие дни напролет. Если бы паразитизма, фаворитизма, коррупции и жадности к

чужим деньгам никогда не существовало, смешанная экономика непременно породила бы их.

Поскольку не существует рационального оправдания необходимости жертвовать интересами одних людей во имя других, нет и объективных критериев того, как подобные жертвы должны осуществляться на практике. Все законодательные акты, принятые во имя «общественных интересов» (как и любая раздача денег, отнятых силой у одних, чтобы другие могли получить их, не заработав), в конечном итоге утверждают необходимость наделить кого-либо из государственных служащих неопределенной и неопределимой, не подчиняющейся объективным законам деспотической властью.

Главная беда заключается не в том, что подобная власть может быть несправедливой, - а в том, что она в принципе не способна быть справедливой. Даже мудрейший и честнейший человек на планете не в состоянии найти способ справедливо, беспристрастно и разумно применять несправедливые, небеспристрастные и неразумные правила игры. Лучшее, что может сделать честный чиновник, - не брать взятку за свое субъективное решение, однако это не сделает его решение ни более справедливым, ни менее пагубным.

Человек с твердыми убеждениями невосприимчив к постороннему влиянию. Однако сегодня твердых убеждений не существует, их место занимает личное влияние. Когда сознание плутает в туманном лабиринте необъективного, где нет ни выходов, ни решений, человек готов ухватиться за любой довод, кажущийся хотя бы отчасти убедительным и относительно правдоподобным. Испытывая неуверенность, он готов идти за кем угодно. Такой человек - настоящий подарок для социальных манипуляторов, продажных пропагандистов, лоббистов.

Когда же все аргументы оказываются равно неубедительными, решающими становятся субъективные, эмоциональные, «человеческие» моменты. Осаждаемый со всех сторон законодатель может, сознательно или подсознательно, решить, что тот дружелюбный человек, который улыбнулся ему во время коктейля на прошлой неделе, достоин всяческого доверия, поскольку не способен обмануть, и на его мнение можно спокойно положиться. Именно такими аргументами будут руководствоваться чиновники, имеющие право распоряжаться вашими деньгами, силами и будущим.

Несмотря на то, что в настоящее время случаи коррупции среди законодателей и чиновников, безусловно, встречаются, в сегодняшней ситуации они не являются главным мотивирующим фактором.

Примечательно, что во всех подобных случаях, ставших достоянием широкой общественности, размер полученных взяток оказывался до смешного мал. Люди, имеющие право распоряжаться миллионами долларов, продавали свою благосклонность за тысячедолларовый ковер, шубу или холодильник.

На самом деле они, по-видимому, не считают это взяточничеством или предательством общественных интересов. Они просто не считают существенным, какое именно решение будет ими принято, - ведь они принимают его вне всякой логики, в отсутствие каких бы то ни было критериев, на волне массового разбазаривания никому не принадлежащих ценностей. Люди, отказывающиеся продавать свою страну за миллион долларов, с легкостью продают ее за улыбку и поездку на отдых во Флориду. Перефразируя Джона Голта: «Вашу страну разрушают с помощью улыбок и мелкой разменной монеты».

Широкая общественность находится в состоянии беспомощной озадаченности. «Интеллектуалы» не дают себе труда пристально взглянуть в нашу внешнюю политику. Они чувствуют свою вину; они ощущают, что это их собственная, порядком изношенная идеология, которую они не смеют изменить, привела к последствиям, которые они не отваживаются признать. И чем дольше они отказываются смотреть правде в глаза, тем сильнее их стремление схватиться за очередную соломинку, за очередной набор доводов, с перекошенными яростью лицами защищая их от нападок. Они прикрываются старой дерюгой альтруизма, которая и дальше позволяет им избегать ответственности, осеняя их порядком прокисшим духом моральной добродетели. Остальное довершает пустой цинизм обанкротившейся культуры, общества без ценностей, принципов, убеждений и интеллектуальных стандартов: он распространяет вокруг себя вакуум, который можно заполнить чем угодно.

Движущая сила, заставляющая величайшую страну мира истекать кровью, уже давно кроется не в альтруистической горячности или священной войне коллективистов. Она - в маленьких юристах и специалистах по связям с общественностью, с бездушностью автоматов накидывающих на общество духовные путы.

Все они - лоббисты, получающие деньги за защиту иностранных интересов, люди, которые в иных обстоятельствах не дерзнули бы и мечтать о деньгах, получаемых ими сегодня, - единственные, получающие несомненную выгоду от всеобщих жертв. Такие типы в любые моменты истории вертятся вокруг любых альтруистических движений. Доходы от американских жертв получают не развивающиеся страны, не массы

бедняков, не голодные детишки из деревень, скрытых в джунглях, - а люди, которые слишком ничтожны, чтобы стать основателями подобных движений, и достаточно незаметны, чтобы в конце концов обратить их к своей выгоде.

Альтруистические и коллективистские доктрины не стремятся к воплощению какого-либо «высокого идеала», да и не способны его воплотить. Их завершение выглядит обычно следующим образом:

«...одна из местных железных дорог в Северной Дакоте обанкротилась, повергнув весь регион в депрессию, местный банкир покончил с собой, убив перед этим жену и детей; в Теннесси был отменен товарный поезд, из-за чего местный завод внезапно остался без транспорта, сын владельца этого завода бросил колледж и теперь ждал в тюрьме смертной казни за убийство, совершенное вместе с шайкой бандитов; в Канзасе была закрыта небольшая станция, и начальник ее, собиравшийся стать ученым, бросил все и стал мойщиком посуды, чтобы он, Джеймс Таггерт, мог сидеть в отдельной комнате бара и платить за виски, льющееся в горло Оррена Бойля; за то, что официант вытирал ему губкой пиджак, когда Оррен пролил виски на грудь, за ковер, прожженный сигарами бывшего сводника из Чили, который не трудился тянуться к находящейся всего в трех футах пепельнице»^[33].

17. «Экстремизм», или Искусство подмены понятий

Айн Рэнд

Среди многочисленных симптомов нынешнего морального банкротства самым заметным за последнее время оказалось поведение так называемых «умеренных» на съезде республиканцев. Это была попытка возвести подмену понятий в ранг инструмента национальной политики, попытка вытащить соответствующие методы из сточной канавы «желтой» прессы и поставить их на твердую основу с предложением включить в политическую платформу партии. *«Умеренные» потребовали искоренения «экстремизма», не дав никакого определения этому понятию.*

Не обращая внимания на неоднократные призывы пояснить, что же они имеют в виду под «экстремизмом», они продолжают оперировать конкретными примерами, подменяя пояснения руганью и не желая касаться общих понятий и принципов, которыми руководствуются. Они вываливают кучу обвинений на некие группы граждан, отказываясь раскрывать критерии, на основании которых эти группы были выбраны. Все, что может различить общественность, - это череда оскаленных физиономий и хор истеричных, брызжущих злобой голосов, которые при всем этом призывают «не давать хода ненависти» и требуют «терпимости».

Когда люди настолько рьяно набрасываются на что-либо и при этом отказываются дать определение тому, на что набрасываются, когда они отчаянно бьются за какую-то невразумительную, невнятную для окружающих цель, можно с уверенностью сказать: они не желают, чтобы их истинная цель была понята обществом, - ведь тогда всем их устремлениям придет конец. Значит, нужно попробовать разобраться, что за цели на самом деле скрывает вся эта невнятица.

Для начала обратите внимание на абсолютную неравноценность объектов ненависти «умеренных»: коммунистическая партия, ку-клукс-клан и Общество Джона Берча. Если попытаться вычленить некий общий принцип, на основании которого можно объединить эти три группировки, то из этой попытки ничего не выйдет; обозначить их все одним понятием можно разве что как «политические группировки». Само собой, «умеренные» имели в виду вовсе не это.

В ответ на это «умеренные» воскликнули бы, что общее для них всех -

то, что все эти объединения являются «злом». Хорошо, но какого рода злом? Коммунисты повинны в уничтожении миллионов людей на всех континентах. Куклуксклановцы повинны в убийствах невинных, осужденных толпой линчевателей. А в чем виновато Общество Джона Берча? От «умеренных» можно добиться лишь такого ответа на этот вопрос: «Они обвиняли генерала Эйзенхауэра в принадлежности к компартии».

Такое обвинение в самом худшем случае можно отнести лишь к категории *клеветы*. Давайте оставим в стороне тот факт, что это обвинение, которому хронически подвергается любой государственный деятель со стороны общественного мнения. Давайте примем за истину, что клевета - это *действительно* серьезное правонарушение, и зададим лишь один вопрос: относится ли клевета к той же категории зла, что и деяния коммунистической партии или ку-клукс-клана?

Считаем ли мы массовые убийства, суд Линча и клевету равным злом?

Если вы услышите от кого-то, что он одинаково против бубонной чумы, обливания людей кислотой и придирок тещи, вам будет понятно, что на самом деле этого человека возмущает лишь его теща, и именно от нее он мечтает избавиться. Это пример из той же области, что и поставленный нами выше вопрос.

Человек, искренне выступающий против коммунистической партии и ку-клукс-клана, ни за что не опустится до того, чтобы приравнять их преступления к деятельности пустячного сборища оболваненных граждан, самая страшная вина которых состоит разве что в необдуманном распространении непроверенной и клеветнической информации.

Более того: ни республиканцы, ни демократы, ни электорат в целом не рассматривает коммунистическую партию как одну из конкурентных сил на предвыборной арене; практически все поголовно сегодня выступают против коммунистов, не нуждаясь в официальной поддержке своего мнения. Куклукс-клан - это не *республиканская* проблема, поскольку его членами исторически были демократы; для республиканцев аннулировать их голоса было бы все равно что аннулировать голоса Таммани-холла^[34], которые они аннулировать никак не вправе.

Таким образом, единственной проблемой для съезда республиканцев остается Общество Джона Берча. И действительно, именно оно и *было* реальной проблемой, - однако в более глубоком смысле, чем при первом поверхностном взгляде.

Действительной проблемой было не это Общество как таковое: оно

явилось чем-то вроде искусственной и позорной соломенной куклы, которую «умеренные» использовали для того, чтобы уничтожить более сильных и гораздо более важных противников.

Обратите внимание на то, что все делегаты республиканского съезда по-видимому понимали, что подразумевается под «экстремизмом», однако никто из них не выразил этого в точных терминах. Предметом обсуждений были исключительно некие «комплексные вопросы»; все слова, что там говорились, как будто создавали некий общий объем того, что никто не рискнул бы разложить на составляющие. В результате создавалось впечатление борьбы между жизнью и смертью, картину которой никак невозможно поймать в фокус.

Та же атмосфера превалирует теперь и в общественном мнении по данному вопросу. Люди спорят об «экстремизме» так, как будто знают значение этого слова, в то время как каждый из высказывающихся говорит о своем, используя этот термин в меру личного понимания, которое не совпадает с пониманием любого другого человека. И не забывайте о том, что *это* - важная часть проблемы.

Да, подавляющее большинство людей не *знают* определения понятия «экстремизм». Они просто ощущают, что на них воздействует что-то, по причинам, которые они никак не могут уяснить.

Чтобы понять, *что* именно произошло и *как* это случилось, давайте обратимся к похожим ситуациям.

Один из наиболее значительных случаев - несомненно, появление в 1930-е годы в нашем политическом словаре понятия «*изоляционизм*». Это был унижительный термин, предполагающий нечто дурное, но также не имевший ясного определения. У понятия имелось два значения - одно подложное, другое истинное; и оба оказались опорочены.

Приблизительная формулировка первого выглядела так: «Изоляционизм - это позиция человека, которого беспокоит лишь происходящее у него в стране и совершенно не беспокоит остальной мир». А на самом деле термином «изоляционизм» стали обозначать «патриотизм и национальные интересы родины».

Что именно подразумевается под «*беспокойством о мире*»? Поскольку никто не хотел или не мог заявлять, что состояние мира никак эту страну не *беспокоит*, термин «изоляционизм» стал соломенной куклой, при помощи которой в обществе создавалось неверное представление о тех, кого волновали интересы своего государства. Понятие патриотизма было подменено термином «изоляционизм» и исчезло из лексикона политических дискуссий.

Вряд ли возможно сосчитать точное число выдающихся патриотов, которые были облиты грязью, лишены слова и попросту устранены с политического горизонта с помощью этого ярлыка. Затем возник постепенный, неуловимый процесс оформления его истинного предназначения: понятие «беспокойства» превратилось в «*бескорыстное* беспокойство». Конечным результатом стал взгляд на внешнюю политику, который продолжает оказывать разрушительное воздействие на США и по сей день: самоубийственная точка зрения, согласно которой наша внешняя политика должна направляться не собственными государственными интересами, а интересами и беспокойством о благополучии мирового сообщества, то есть всех, кроме нас самих.

Конец 1940-х добавил к нашему культурному наследию очередной новоиспеченный термин - «*маккартизм*». Как и предыдущий, этот термин был унизителен, подразумевал какое-то коварное зло и не имел четкого определения. Считалось, что он означает «несправедливые обвинения, преследования и моральное уничтожение невинных жертв». На самом же деле «маккартизм» означал «антикоммунизм».

Никто не доказал, что сам сенатор Маккарти был повинен в подобных деяниях; однако произведенного от его имени термина хватило, чтобы запугать общественность и отбить у нее охоту к дискуссиям. Любые бескомпромиссные выступления против коммунизма и коммунистов стали называться - и называются до сих пор - «маккартизмом». Вследствие этого противодействие коммунистическому проникновению и его разоблачение практически исчезло с нашей интеллектуальной сцены. (Надо сказать, я не принадлежу к числу поклонников сенатора Маккарти, но пресловутый «маккартизм» тут совершенно *ни при чем*.)

А теперь вернемся к «*экстремизму*». Фиктивное значение этого термина - «нетерпимость, ненависть, расизм, фанатизм, маниакальные теории, подстрекательство к насилию». Подлинное значение понятия «экстремизм» - «защита интересов капитализма».

Задумайтесь о методе, используемом во всех трех случаях. Он заключается в создании искусственного, излишнего и бесполезного (с разумной точки зрения) термина, который должен подменить собой и стереть из обращения какое-либо верное понятие. Такой термин имеет лишь видимость «понятия», а на деле представляет собой «комплекс» разрозненных, нелепых, противоречащих друг другу составных частей, собранных в кучу без всякого порядка и логики; а любой из (приблизленно) определятельных признаков этого «комплекса» оказывается совершенно не обязательным. Именно в этом и заключается уловка.

Позвольте вам напомнить, что смысл определения понятия в том, чтобы отграничить все то, что к нему относится, от всего остального массива сущего. Таким образом, понятие всегда должно обладать такими обязательными характеристиками, которые и отличают его от всего остального.

Пока люди пользуются речью, они будут пользоваться ею именно *так*, как они делают это сейчас. Другого способа коммуникации не существует. И если человек принимает понятие, определяемое необязательными характеристиками, его разум неизбежно будет заменять ими *обязательные* характеристики объекта.

Например, «беспокойство (или отсутствие беспокойства) о мире» - это *не* обязательная характеристика любой теории международных отношений. Если человек становится свидетелем применения к группе граждан термина «изоляционисты», он должен заметить, что обязательная характеристика, выделяющая их из массы прочих людей, - это *патриотизм*; как следствие, он придет к выводу, что «изоляционизм» - это то же самое, что и «патриотизм», и что патриотизм - это плохо. Именно таким образом происходит автоматическая подмена значений.

Если человек слышит термин «маккартизм», он думает о том, что самая известная черта, отличающая сенатора Маккарти от прочих политиков, - *антикоммунистическая* позиция, и отсюда он делает вывод, что антикоммунизм есть зло.

Если же он сталкивается с понятием «экстремизм», а в качестве примера ему предлагают безобидное Общество Джона Берча, он сочтет, что наиболее очевидная определяющая характеристика этого Общества, а значит, «экстремистов» в целом, - «*консерватизм*»; следовательно, «консерватизм» - это плохо, это зло того же порядка, что и коммунистическая партия, и ку-клукс-клан. («Консерватизм» вообще-то, тоже расплывчатый и невнятно определенный термин, но мы используем его в данном случае как синоним «прокапитализма».)

Такова функция подложных ярлыков в современном мире, и таков процесс, в ходе которого они разрушают коммуникативные связи в обществе, делая разумное обсуждение политических вопросов невозможным.

Создание «*антипонятий*», призванных разрушать понятия, - результат применение того же инструмента, с помощью которого появились «антигерой» для уничтожения героев и «антироман» для уничтожения романа.

«Антипонятия» нужны для того, чтобы вытеснить из обихода

соответствующие подлинные понятия, не порождая при этом дискуссий в обществе; для этого общественное мнение загружается всякого рода невнятицей и заумью, и разум любого индивидуума, принимающего «антипонятия», деградирует, теряя способность к ясному мышлению и логическому обоснованию. Ведь разум - не что иное, как понятия, которыми он оперирует; чем точнее понятия, тем выше интеллект.

(Я обращаюсь с призывом обратить на это особое внимание к двум категориям людей, которые способствуют распространению «антипонятий»: высоколобым отшельникам-философам, которые считают, что любое определение - не более чем плод произвольно сложившегося общественного взгляда или договоренности, и, следовательно, не может быть верных и неверных определений; и гражданам, исповедующим «практический» подход ко всему, которые убеждены, что столь абстрактная наука, как гносеология, не может никак влиять на политические события в мире.)

Среди всех «антипонятий», загрязняющих нашу культурную среду, «антипонятие» «экстремизма» обладает самыми высокими и широкими амбициями; оно выходит далеко за рамки политической сферы. Давайте теперь рассмотрим его подробнее.

Во-первых, «экстремизм» - это термин, который, взятый сам по себе, не имеет никакого значения. Понятие «экстремального» указывает на отношение, измерение, степень. В словаре даются следующие определения: «Экстремальный, *прил.* - 1. обладающий свойствами или возможностями, в наибольшей степени отличными от стандартных или средних; 2. выраженный в крайней или необыкновенной степени».

Очевидно, что первый вопрос, который напрашивается при столкновении с этим определением: степени чего?

Ответить «Всего!» и объявить все экстремальное злом по определению - рассматривать как зло чистую *степень* выраженности свойства, независимо от его *природы*, - нелепо (пусть Аристотель якобы и утверждал обратное). Размеры и степени как таковые не имеют никакой ценностной окраски - они приобретают ее лишь в контексте природы того, что измеряется.

Разве крайняя степень здоровья и крайняя степень болезни одинаково нежелательны? А крайняя степень ума и крайняя степень глупости - обе одинаково удаленные от «стандартных или средних» - одинаково презираемы? Разве экстремальная искренность и экстремальная лживость одинаково аморальны? А человек выдающейся добродетели и человек выдающейся порочности одинаково вредны для общества?

Продолжать приводить примеры подобных нелепостей можно до бесконечности, особенно из области морали, где только *экстремальная* (то есть непоколебимая, бескомпромиссная) степень добродетели может считаться добродетелью истинной. (Можно ли назвать нравственным человека, обладающего «умеренной» честностью?)

Однако «не утруждайте себя изучением глупости - спросите себя лишь о том, к чему она может привести». К чему должно было привести в политике «антипонятие» «экстремизма»?

Фундаментальный и критически важный конфликт современной политической арены - это *капитализм против социализма*, или свобода против тоталитаризма. На протяжении десятилетий этот конфликт замалчивался, подавлялся, обходился и маскировался туманными невнятными терминами «консерватизм» и «либерализм», которые потеряли свое первоначальное значение.

Цель «либералов», как следует из документов последних десятилетий, - затащить страну в контролируемое государством благополучие при помощи определенных мер, постепенно расширяя сферу государственного регулирования, действуя так, чтобы это расширение не оформлялось в концепцию, его направления не становились очевидными, а главные задачи не назывались вслух. Таким образом, государственный контроль одерживал бы победу не путем голосования или насильственного насаждения, а в процессе медленного разложения, исподволь.

«Либеральная» программа требовала уничтожения понятия «*капитализм*» - причем не просто прекратить дальнейшее существование, а представить все так, будто капитализма никогда и не было. Подлинная природа, принципы и история капитализма должны были быть подменены, искажены, подвергнуты извращенному истолкованию и таким образом исключены из рассмотрения обществом, потому что социализм не побеждал и не мог победить в открытой дискуссии, на честной арене борьбы идей, ни логически, ни экономически, ни морально, ни исторически. Социализм мог одержать победу исключительно закулисно, благодаря моральной пассивности своих оппонентов.

Эта методика отвлечения внимания и тайного продвижения какое-то время работала. Однако «невозможно дурачить всех и постоянно». Сегодня потрепанные ярлыки «консерватизма» и «либерализма» отваливаются, а под ними всем становится видно противостояние капитализма и социализма.

Сторонники государственного регулирования нуждаются в новом прикрытии. И в настоящий момент мы наблюдаем за их отчаянной

последней попыткой использовать два «антипонятия» - «экстремисты» и «умеренные».

Для внедрения «антипонятия» необходима соломенная кукла (чучело, козел отпущения), которая будет служить примером его *подложного* значения. На эту роль «либералы» избрали Общество Джона Берча.

Это Общество оказалось в центре внимания несколько лет назад в результате усилий «либеральной» прессы, которая раздула вокруг него шумиху, совершенно не сопоставимую с его реальной значимостью. У Общества не было ясно определенной политической философии (оно выступало не *за* капитализм, а просто *против* коммунизма), настоящей политической программы или интеллектуального влияния; для него был характерен вялый, глуповатый, «доморощенный» вариант протеста; оно никак не могло выступать в роли активного пропагандиста и защитника идей прокапитализма или даже «консерватизма». Именно по *этим* причинам «либералы» и избрали его для осуществления своих замыслов.

Намеченный план действий был таков: сначала - полное бойкотирование всей серьезной, авторитетной, интеллектуальной пропаганды капитализма и растущего объема литературы по данной теме, исторической и современной, как будто всего этого нет и никогда не было; затем - выдвижение Общества Джона Берча в качестве единственного представителя «правых» сил; и, наконец, создание «подложного» образа всего «правого» крыла, которое в глазах общественности стало отождествляться исключительно с Обществом Джона Берча.

О том, что намерения «либералов» были именно такими, свидетельствует сказанное в телеинтервью 15 сентября 1963 года губернатором Рокфеллером, который позднее возглавил наступление на «экстремизм» на съезде республиканской партии. Отвечая на вопрос, кого он считает «ультраправыми», он сказал:

«Прекрасная иллюстрация - то, что случилось на съезде молодых республиканцев в Сан-Франциско несколько месяцев назад, где был избран человек, молодой республиканец, платформа которого включала отмену подоходного налога, выход США из ООН, *не знаю, включал ли он в свою программу отставку Эрла Уоррена, но это входит в тот же набор принципов, что и обвинение генерала Эйзенхауэра в тайных симпатиях коммунистам*».

О каком наборе принципов идет речь?

Первые два из приведенных пунктов программы - законные положения «правых», опирающиеся на вполне справедливые причины; третий - пример типичной глупости последователей Берча, а четвертый -

пример безответственности одного конкретного последователя Берча. А в целом это наглядный пример искусства подмены понятий.

А теперь предлагаю разобраться со смыслами, которые входят в понятие «правые» в составе понятия «экстремизм». В обществе принято считать «правых» и «левых» защитниками, соответственно, капитализма и социализма. Но если мы попытаемся привязать *расизм* и *насилие* к «крайне правым», станет ясно, что сделать это очень трудно, практически невозможно, поскольку в этих двух грехах даже наше соломенное пугало, Общество Джона Берча, не повинно; и гораздо естественнее установить их связь с демократической партией (через ку-клукс-клан). Это делается для того, чтобы воскресить довоенную концепцию, согласно которой нам противостоят две «экстремальные», но вместе с тем противоположные друг другу, политические силы - фашизм и коммунизм.

Политическое происхождение этой идеи слишком позорно для того, чтобы «умеренные» решились открыто о нем упоминать. Муссолини пришел к власти, заявив, что другой альтернативы у Италии нет. Гитлер пришел к власти, заявив, что другой альтернативы у Германии нет. Документально подтверждено, что на выборах 1933 года в Германии лидеры коммунистов заставляли членов своей партии голосовать за нацистов, объясняя, что побороться с ними за власть они еще смогут потом, но вначале им нужно совместными усилиями уничтожить общего врага: капитализм и его парламентскую форму правления.

Совершенно очевидно, в чем цель фальшивого противопоставления фашизма коммунизму: оно представляет как противоположности два варианта одной и той же политической системы; оно уничтожает саму возможность рассмотрения капитализма; оно превращает выбор между свободой и диктатурой в выбор между двумя разновидностями диктатуры, таким образом, устанавливая диктатуру как свершившийся факт и предоставляя выбор лишь между диктаторами. Согласно сторонникам этой фальшивой альтернативы, выбор необходимо сделать между диктатурой богатых (фашизм) и диктатурой бедных (коммунизм).

Конец этой лжи пришел в 1940-е годы, по окончании Второй мировой войны. Она сделала очевидным, слишком очевидным, тот факт, что фашизм и коммунизм - не две противоположности, а две соперничающие банды, претендующие на захват одной и той же территории; что это два варианта тоталитаризма, основанные на коллективистском принципе, согласно которому человек является бесправным рабом государственной системы; что оба эти варианта и в теории, и на практике, и в речах своих лидеров оказываются социалистическими; что при любой из этих систем

бедные оказываются порабощенными, а богатые проводят экспроприацию в пользу правящей верхушки; что фашизм - это продукт не «правой», а «левой» политики; что главное противоречие - не «между богатыми и бедными», а между личностью и государством, иными словами, между правами человека и тоталитарной системой, то есть между капитализмом и социализмом.

Подмена понятий произошла из-за того, что «фашистам» в этой стране вроде бы не удалось достичь успеха, и в течение более чем десятилетия они прятались по углам, крайне редко решаясь на открытые выступления и выходя на поверхность лишь в виде редких «утечек» из канализационных стоков настоящих левых. «Либералы» просто не сообразили вовремя, что эту идею можно реанимировать. Однако совершенно очевидно, чьим законным интересам могла эта идея послужить.

Если диктатура неизбежна, и фашизм и коммунизм - две «крайности» на противоположных концах нашего пути, какой же выбор будет самым безопасным? Конечно же, середина! Безопасно неопределенная, неконкретная, «умеренная» середина смешанной экономики, с «умеренным» вмешательством правительства и особыми привилегиями для богатых, а также с «умеренной» степенью помощи бедным; с «умеренным» соблюдением человеческих прав и «умеренным» силовым воздействием; с «умеренным» количеством свободы и «умеренной» степенью рабства; с «умеренным» количеством справедливости и «умеренным» количеством несправедливости; с «умеренной» степенью безопасности и «умеренной» степенью террора; и с «умеренным» уровнем терпимости ко всем, кроме тех самых «экстремистов», которые защищают принципы, постоянство, объективность и мораль, и которые отказываются идти на компромисс.

Идея компромисса как высшей добродетели, стоящей над всеми прочими, - это моральный императив, моральная предпосылка смешанной экономики. Смешанная экономика - это взрывоопасная, неустойчивая смесь двух противоречащих друг другу элементов, которая не может оставаться стабильной, но в конце концов обязательно должна склониться либо к одному, либо к другому пути; это смесь свободы и контроля, то есть не фашизма и коммунизма, а капитализма и тоталитаризма (включая все его варианты). Те, кто желает поддержать неподдерживаемый, разрушительный *status quo*, в панике вопят о том, что его можно поддержать, уничтожив две «крайности» его основных составляющих; но эти две крайности на самом деле - капитализм или тотальная диктатура.

Диктатура подпитывается идеологическим хаосом запутанного, деморализованного, цинично прогибающегося и несопротивляющегося

народа. А капитализм требует бескомпромиссных идеалов. (Разрушение можно осуществлять слепо, случайно; но строительство требует точного следования особым принципам.) Сторонники государственного обеспечения благосостояния граждан надеются уничтожить капитализм подменой понятий и замалчиванием, а также «избежать» диктатуры путем «добровольных» уступок, с помощью политики договоров и компромиссов с растущей властью государства.

Это подводит нас к более глубокому пониманию термина «экстремизм». Очевидно, что бескомпромиссное следование (чему угодно) - подлинная цель, на уничтожение которой направлено это «антипонятие». Также очевидно, что компромисс несовместим с моралью. На моральном поле битвы компромисс - это подчинение злу.

Не может быть никакого компромисса в области основных принципов. Не может быть компромисса в вопросах морали. Не может быть компромисса во всем, что касается знаний, истины, разумных убеждений.

Если бескомпромиссная позиция получает название «экстремизма», то это направлено против верности ценностям и принципам, против твердых убеждений, против постоянства, стойкости, преданности, готовности защищать истину, - то есть *против всех честных людей*.

Именно против этого всегда использовалось и продолжает использоваться это «антипонятие».

И здесь нам становятся видны более глубокие корни, тот источник, что делает возможным распространение этого «антипонятия». Умственно парализованные, издерганные невротики, порожденные на свет распадом современной философии с ее культом неопределенности, ее эпистемиологическим иррационализмом и этическим субъективизмом, выходят из наших колледжей, раздавленные хроническим ужасом, и ищут спасения от абсолютизма реальности, с которой они не находят в себе сил иметь дела. Страх гонит их объединяться со скользкими политическими кукловодами и их прагматичными прихлебателями, которые стремятся сохранить мир безопасным для посредственности, подняв до статуса морального идеала гражданина смешанной экономической системы: слабого, жалкого, умеренного человечка, который никогда не испытывает высоких чувств, никогда не создает проблем, никогда ни о чем сильно не беспокоится, приспосабливается ко всему и не держится ни за что.

Наилучшим доказательством полного краха интеллектуального движения станет тот день, когда в качестве идеала будет нечего предложить, кроме призыва к «умеренности». Это окончательное подтверждение несостоятельности коллективизма. Твердая позиция,

отвага, преданность, моральный огонь сейчас принадлежат едва просыпающимся сторонникам подлинного капитализма.

И чтобы их остановить, потребуется больше, чем какое-то «антипонятие».

18. Уничтожение капитализма

Айн Рэнд

В статье «"Экстремизм", или Искусство подмены понятий» я рассматривала вопрос «антипонятий», то есть искусственно созданных, бессмысленных, неясных и бесполезных (с разумной точки зрения) терминов, назначение которых в том, чтобы подменить собой и уничтожить определенные осмысленные идеи, существующие в человеческом разуме.

Я говорила о том, что «либералы» выдумывают и распространяют «антипонятия» с целью загнать эту страну в тоталитаризм так, чтобы этого никто не заметил; и первая идея, подлежащая уничтожению, - это понятие «капитализма», которое, будучи утерянным, унесет с собой в небытие знание о том, что свободное общество было когда-то не только возможным, но и реально существовавшим.

Но на самом деле куда неприятнее (и в политическом смысле куда опаснее) врагов капитализма его так называемые защитники, среди которых также есть те, кто увлечен игрой в «антипонятия».

Наверное, каждому знакомо чувство смущения, возникающее в те моменты, когда мы вольно или невольно становимся свидетелями какого-то неуместного и некрасивого человеческого поведения, например кривлянья несмешного комедианта. Это безличный, практически метафизический стыд за представителя рода человеческого, который ведет себя несоответствующим этому званию образом.

Именно *так* я почувствовала себя, услышав ответ губернатора Ромни на похвальбу коммунистов, обещающих похоронить капитализм:

«Но одного они не понимают - а мы не в состоянии донести этот факт до мирового сообщества, - что американцы уже давным-давно похоронили капитализм, превратившись в исключительно потребительское общество».

Назначение такого заявления слишком очевидно. Наилучшим образом прокомментировал его Эрл Лайвли, ведущий рубрики Lively Comments в газете *Richardson Digest* (Ричардсон, штат Техас, 28 апреля 1965 года):

«Побоявшись остаться в одиночестве, хотя бы даже и на коленях, Ромни решил рассказать нам всем о том, что мы не знаем определения понятия капитализм, не понимаем наших собственных национальных экономических принципов, и лучше бы нам прекратить защищать такую непопулярную идею, как капитализм».

Господин Лайвли поразительно точен в своем определении замешанной здесь стратегии. Однако же господин Ромни вовсе не одинок. Ряд деятелей, которые кажутся куда более разумными людьми (в том числе и известные специалисты по свободному предпринимательству), ведут себя подобным же образом, руководствуясь теми же самыми психологическими мотивами.

Некоторые экономисты заявляют, что суть (и моральное оправдание) капитализма - это «оказание услуг другим людям, т.е. потребителям», что желания потребителей - непреложный закон, управляющий свободным рынком. (Вот пример того, что получается из определения по несущественным критериям, и именно поэтому полуправда хуже лжи: во всех подобных теориях упускается из виду тот факт, что капиталистическая экономика признает лишь один тип потребителя - который одновременно является и поставщиком; что только коммерсанты - то есть поставщики, которым есть что предложить, - признаются свободным рынком, а не «потребители» как таковые; что в капиталистической экономике, в соответствии с формальной логикой и практическим здравым смыслом, производство - это обязательное условие потребления.)

Есть бизнесмены, которые тратят огромные деньги на идеологическую пропаганду вроде бы капиталистических ценностей, пытаясь убедить общественность в том, что практически весь доход предприятий, за исключением очень малой доли, идет на зарплату наемным работникам, правительственные налоги и т.д. На плакатах, разъясняющих все это, эти доли дохода изображаются яркими цветными секторами, среди которых совершенно теряется крошечный ломтик, помеченный как «2,5% - прибыль».

В вестибюле Нью-Йоркской фондовой биржи расположен стенд с графиками и моделями, демонстрирующими достижения свободного предпринимательства, озаглавленный «Народный капитализм».

Поскольку подобные попытки никак не могут скрыть истинную природу капитализма и свести его к уровню идущего на бойню стада альтруистов, единственный достигнутый результат - создание у общественности впечатления, что капитализм скрывает какую-то страшную тайну, из-за которой его формальные защитники окружены аурой унизительной виноватости и лицемерия. Но фактически та самая тайна, которую они пытаются скрыть, - это сущность капитализма и его наивысшая добродетель, состоящая в том, что эта система основана на признании прав человека - праве на жизнь (и труд) ради собственного

блага, - а не на альтруистическом представлении о человеке как о жертвенном животном. Таким образом, именно главное *достоинство* капитализма - стараниями вышеупомянутых «защитников» - в обществе воспринимается как зло, а в качестве стандарта добра, который они всячески утверждают и поддерживают, выступает *альтруизм*.

Беда в том, что они никак не решаются признать, что капитализм и альтруизм - вещи несовместимые; из-за этого им остается только удивляться, почему, чем больше они пропагандируют капитализм, тем менее популярным он становится. Они винят в этом человеческую глупость (потому что люди отказываются верить в том, что успешный промышленник может быть образцом альтруистического самопожертвования) и человеческую жадность до чужого добра (потому что если людей долго убеждать в том, что богатство предпринимателя «морально» принадлежит им, они в это в конце концов поверят).

Ни одно «антипонятие», выдуманное либералами, не было внедрено настолько грубо и глубоко, как ярлык «потребительское общество». Он ясно и недвусмысленно оповещает о том, что статус «потребителя» не равен статусу «производителя», а превосходит его по значимости в обществе. Это предполагает построение социальной системы, нацеленной на оказание услуг новой аристократии, которая отличается от прочих граждан своей способностью «потреблять», а функции производства перекладывает на плечи касты подневольных работников, специально к этому приспособленных. Если воспринимать это всерьез, то в конечном итоге рисуется совершенно абсурдная картина, когда на лозунг коммунистов «Кто не работает, тот не ест» формальные защитники капитализма будут отвечать: «Нет, ест!» И если подобная мерзость обозначается как «*право на потребление*», то возникает вопрос: кто же идейный вдохновитель всего этого - Карл Маркс или губернатор Ромни?

Верно то, что мы больше не живем в капиталистической стране: она превратилась в государство со смешанной экономикой, то есть систему, сочетающей в себе признаки капитализма и тоталитаризма, свободы и контроля. Такая система ведет страну к гибели, к гражданской войне между группами влияния, которые стремятся разорить и пожрать друг друга. В этом смысле термин «потребительское общество» вполне уместен.

Так перед кем же друзья, приятели и даже просто знакомые капитализма так отчаянно пытаются оправдаться?

В качестве нагляднейшей иллюстрации психологических мотивов, морального смысла и интеллектуального метода, задействованных в производстве «антипонятий», я предлагаю вам заметку К. Л. Шульцбергера

под названием «Надо ли менять старые ярлыки?», опубликованную в июльском выпуске *The New York Times* 1964 года:

«Информационное агентство Соединенных Штатов (U.S.I.A.), докладывая о проведенных исследованиях, с грустью констатирует, что чем больше наши пропагандисты рекламируют преимущества «капитализма» и нападают на «социализм», тем меньше в мире нас любят... Путаница в терминологии плохо влияет на общественное мнение... По данным опросов, проводимых по всему миру, U.S.I.A. формулирует следующий итог: "Капитализм - это зло. США - ведущая капиталистическая страна. Таким образом, США - это зло". Сложно переоценить негативный эффект такого образа мышления. В Советском Союзе и коммунистическом Китае он стал основой для мнений и действий, грозящих вылиться в термоядерный катаклизм».

Что здесь имелось в виду под туманной формулировкой «стал основой для мнений и действий»? То, что капитализм - зло, придумано и беспрестанно повторяется коммунистами. Означает ли вышесказанное, что подобные мнения в коммунистических странах поддерживаются их же собственной идеологической пропагандой? И означает ли это, что для того, чтобы избежать ядерного конфликта, нужно признать эту пропаганду истиной?

Об этом в докладе ничего не сказано. U.S.I.A. просто продолжает:

«А в некоммунистическом мире это способствует отравлению атмосферы, в которой мы пытаемся осуществлять наши программы помощи и другие методы международного сотрудничества».

Это означает, что для нас опасность состоит в том, что те, кому мы предлагаем благотворительную помощь, могут отказаться принимать у нас деньги, - и чтобы добиться от них согласия на «сотрудничество», мы должны плюнуть сами себе в лицо и присоединиться к процессу наклеивания лживых ярлыков на ту систему, которая обеспечила нам владение тем богатством, которое мы теперь тратим на спасение их жизней.

«Понятие "капитализм" стало грязным словом для миллионов людей, вовсе не являющихся марксистами, но которые видят в "социализме" в целом благополучную систему. При обработке U.S.I.A. данных зарубежных опросов выяснилось, что для большинства людей "социализм" не означает государственной собственности, и вовсе не обязательно имеет отношение к коммунизму. Скорее, они считают его системой, которая обеспечивает благополучие простых граждан».

Если вы еще сомневаетесь в том, что философия прагматизма на

самом деле учит нас тому, что истина устанавливается путем опросов общественного мнения, вот вам пример этого, в ясной и предельно откровенной форме. Невзирая на тома теорий, века истории и кровавую реальность пяти континентов, «социализм» теперь не значит государственной собственности и не имеет отношения к коммунизму, потому что большинство опрошенных думают именно так. А что означает «система, которая обеспечивает благополучие простых граждан»? Как она его «обеспечивает»? За счет «непростых»? «Обеспечение» системой значит, что сами граждане эти блага не зарабатывают, потому что заработанное они обеспечивают себе сами, и система тут ни при чем. Так чьи права и заработанные блага оказываются запрещенными и экспроприированными - и ради кого? Единственный вариант социализма, при котором может происходить «обеспечение благополучия» системой без государственной собственности - это фашизм. Вы можете сами сделать выводы о политических симпатиях тех моральных каннибалов, которые участвовали в этом опросе.

«Большая часть зарубежных граждан очевидно не рассматривает "капитализм" как эффективную экономическую систему или защитника прав человека. Для них "капитализм" означает отсутствие внимания к бедным слоям населения, несправедливое распределение материальных благ и слишком большое влияние богатой прослойки».

Как можно сочетать защиту прав человека с государственным «вниманием к бедным слоям населения», распределением, опять же государством, материальных благ и «влияния»? Ответа нет.

«U.S.I.A. обнаружило, что впечатляющий процент британских, западногерманских, итальянских, японских, мексиканских и бразильских граждан хорошо относятся к "социализму" и испытывают сильную неприязнь к "капитализму"».

Давайте рассмотрим философские тенденции, интеллектуальный вклад и историю морали этих государств - *а также результаты, которые все это дало в политике*. Германия, Италия и Япония находились под властью фашистской диктатуры; их «вклад» в копилку мировой политической мудрости заключается в демонстрации ужаса, которую можно сравнить лишь с деятельностью их идеологических братьев в Советской России и красном Китае. В Британии, Мексике и Бразилии существуют смешанные экономические системы, которые на самом деле давно перешли к настоящему социализму - и к экономическому банкротству. И *это* страны, мнением которых мы интересуемся и чьей благосклонности якобы должны добиваться; это моральные авторитеты,

перед которыми мы должны оправдываться за нашу наиболее благородную политическую систему в мировой истории; это судьи, которых мы должны улещивать путем предательства нашей собственной системы, перечеркивая всю ее историю и забывая ее подлинное имя.

Есть ли какая-нибудь разумная причина, которая может привести нацию к такому предательству? Разумная - нет, если мы говорим о действительно нормальном разуме. Но...

«"Капитализм" за границей превратился в ругательное слово. Попытки избавить это понятие от негативной окраски, например, путем использования словосочетаний типа "народный капитализм" потерпели поражение... Но "социализм" - это круто. [Да-да, *круто*.] Даже в Британии и Западной Германии, где больше распространена частная собственность, большинство населения выражают симпатию к "социализму", в то же время отрицая коммунизм».

Если в этот момент вам в голову пришел термин «социальная метафизика», то вы совершенно правы, за исключением разве что того, что даже этот термин кажется слишком чистым, слишком невинным для того, чтобы объяснять с его помощью следующее:

«Лидеры слабых государств, отказавшихся от "капитализма", развивают в своих странах особые формы "социализма". Леопольд Сенгор, лидер Сенегала, говорит: "Социализм - это такое понимание общества, которое возвращает нас к нашим африканским корням". Джулиус Ньерере из Танзании настаивает на том, что "ни одна слабая страна не может позволить себе ничего, кроме социализма". Тунисский руководитель Хабиб Бургиба считает, что последователи пророка Мухаммеда "были социалистами еще до изобретения этого термина". А камбоджийский принц Нородом Сианук утверждает, что "наш социализм - это первое и главное практическое приложение принципов буддизма"».

Вышеизложенное - это абсолютная правда - вплоть до самого глубинного философского, психологического, политического и морального смысла. И именно *это* - самое лучшее обвинение, которое только разумный человек может предъявить социализму. Социализм - это регресс до уровня примитивного варварства. Но не в этом состоит смысл и цель отчета U.S.I.A. Оказывается, капиталистические Соединенные Штаты должны оправдываться за свои небоскребы, автомобили, водопровод и за своих улыбающихся, уверенных, не замученных, не ободренных живьем и не съеденных граждан перед мусульманами, буддистами и каннибалами (на этот раз настоящими *каннибалами*, в прямом смысле слова)!

Заметка заканчивается следующим образом:

«Исследование показывает, что иностранные граждане приписывают Соединенным Штатам "высокий уровень капиталистической эксплуатации и власти капитализма над обществом в целом, а также *откровенное отсутствие тех социальных мер, которые, по их мнению, являются основным признаком социализма*" [курсив U.S.I.A.].

Очевидно, что нет смысла пропагандировать нашу философию в терминах, которые попросту наиболее привлекательны для атак наших оппонентов...

Наша капиталистическая система развилась из устаревшей экономической доктрины, термины которой были впервые использованы Марксом и другими мыслителями XIX века. Может быть, U.S.I.A. имеет смысл провести другое исследование, найдя способы представить нашу социальную и политическую систему в более приемлемом для тех иностранных граждан, на чье мнение мы хотим влиять, ключе?»

Влиять - как? В каком направлении? И ради чего? Если ради их хорошего отношения мы будем придумывать иные термины для нашей политической философии, принимая те, которые удобны им, если мы разрушим последние остатки капитализма и назовем себя «Государством национал-социалистического благополучия», то кто на кого будет «влиять» и кто кого в итоге похоронит?

Эта статья раскрывает многое. Конечно, совершенно справедливо, что если американские пропагандисты будут защищать капитализм за рубежом теми же методами, которыми они пользуются дома, то результаты будут именно такими, как описано в исследовании U.S.I.A., если не хуже. В нашей стране именно «консерваторы» поддаются «либералам» и проигрывают бой, потому что не рискуют провозглашать и защищать подлинный смысл капитализма. За границей же «либералы» проигрывают коммунистам по тем же самым причинам: не существует способа защитить капитализм без того, чтобы защищать права человека, то есть без отрицания альтруизма.

Посмотрите на то, какое отвратительное безразличие к вопросу правды или лжи проявляют так называемые защитники капитализма. Они не придают никакого значения таким противоречиям, как симпатия к социализму, сочетающаяся с отрицанием коммунизма, или тому факту, что капитализм есть единственная альтернатива и единственное средство защиты против коммунизма. Они не придают никакого значения невежеству, нечестности, несправедливости, иррационализму критиков капитализма. С морально-философской точки зрения их ответ является непосредственным, некритическим принятием терминов противника,

поражением перед лицом невежества, нечестности, несправедливости и иррационализма. При том, что они знают, как коммунисты - те самые враги, с которыми они должны сражаться - стараются оболгать капитализм, они не разоблачают их ложь, не пытаются просветить мир, не защищают несправедливо оклеветанных и не восстанавливают справедливость, а закрывают на эту ложь глаза, скрывают правду, приносят невинных в жертву и фактически сами присоединяются к их уничтожению. Им кажется, что правда не имеет значения в свете того, что «мы не нравимся людям». Они восклицают: «Но ведь таким образом мы заставим людей полюбить жертву!» - после того, как сами поможем втоптать ее в грязь. А потом они удивляются, почему все, что они получают, - это презрение со стороны союзников, которых они предали, равно как и со стороны вечных врагов. Моральная трусость - это черта, которая не может ни привлекать, ни вдохновлять, ни приносить практическую пользу.

Посмотрите только на бесстыдство тех европейцев, которые - перед лицом невероятных жестокостей «вновь рожденных» наций - смеют болтать что-то об «отсутствии внимания к бедным слоям населения» и критиковать Соединенные Штаты за *это*. Какими бы ни были их мотивы, беспокойство о людских страданиях к ним явно не относится.

И самое главное: интеллектуальные лидеры сегодняшнего общества согласны на все, они согласны признать право буддизма и африканизма на их так отважно защищаемые традиции (вспомните о природе и истории этих самых традиций), но делают исключение. Есть одно государство - Соединенные Штаты Америки - которое для них неприемлемо, которое должно отказаться от *своих* традиций и просить у всех прощения, встав на колени и умоляя варваров пяти континентов избрать новое имя для своей системы, которое поможет снять всю его прошлую вину. Но в чем его вина? В том, что в один краткий момент человеческой истории оно смогло предложить миру видение человека, не являющегося в жизни жертвой.

Если вы понимаете *это*, то вы должны понимать, что бессмысленно спорить о политических банальностях или удивляться природе альтруизма, а также тому, почему царство альтруизма ведет мир к ширящемуся распространению ужаса. *Такова* натура альтруизма, *такова*, а вовсе не добросердечие, добрая воля или беспокойство о людских несчастьях. Ненависть к людям, а вовсе не желание им помочь, - ненависть к жизни, а вовсе не желание продлить ее, - ненависть к *успешной жизни* - и самое конечное, апокалипсическое зло: *ненависть к хорошему за то, что оно таково*.

Каждый успешный человек (успешный в любом человеческом смысле

- духовном или материальном) постоянно чувствует себя смущенным тем, чего он обычно не может определить, но что теперь ясно видно не на индивидуальном, но на мировом уровне. Люди ненавидят Соединенные Штаты Америки не за их недостатки, а за *их достоинства*, не за их слабости, а за *их достижения*, не за их ошибки, а за *их успехи* - за их великолепные, блестящие, дающие жизнь успехи.

«Им нужно не ваше богатство. Тут заговор против разума, а это значит против жизни и человека. Это заговор без руководителя и направления, и случайные люди настоящего времени, наживающиеся на страданиях той или другой страны, просто пена, несомая потоком из сломанной канализации столетий, из резервуара ненависти к разуму, логике, способности, достижениям, радости, который заполняли все скулящие антилюди, проповедовавшие превосходство "сердца" над разумом»^[35].

Когда большая часть мира лежит в руинах, когда голос философии стихает и последние остатки цивилизации исчезают, лишившись защиты, варварство и декадентство заключили бесчестный союз, где кровавые бандиты дерутся над останками, а циничные прагматики оставляют за собой руководящие посты, и, сами уже тонущие, пытаются утопить свой ужас в коктейльных бокалах европейских вечеринок, где выхолощенные мужчины и истеричные женщины с белыми губами решают судьбу мира, провозглашая, что социализм - это круто.

Вот каково лицо нашего времени. Пытаться победить его методами компромисса, уклонения, двусмысленностей и околичностей - не просто абсурдно, а преступно. В этой битве нельзя сражаться, каким-либо образом присоединяясь к врагу, беря у него займы его же лозунги или его же кровавое идеологическое оружие, не открывая миру истинную природу битвы или делая вид, что принадлежишь к толпе.

Эта битва - лишь для тех, кто понимает, почему важно не быть в этой толпе, почему, когда на карту поставлены моральные ценности, в первую очередь необходимо подорвать фундамент позиции врага и оборвать все его связи с этой основой. И если кому-то суждено быть неверно понятым, то пусть это происходит из-за его стойкости и непримиримости, а не из-за сходства, пусть даже самого отдаленного, хоть с какой-то стороной такого чудовищного зла.

Эта битва лишь для тех, кто - перефразируя слова героя книги «Атлант расправил плечи» - готов сказать:

«Капитализм - единственная в истории система, где богатство достигается не грабежом, а производством, не силой, а торговлей; единственная система, которая выступает за права человека на

собственные мысли, на работу, на жизнь, на счастье, на себя самого. Если это зло, по стандартам современного мира, если в этом причина того, что нас проклинаят, тогда мы - мы, лучшие из людей, - принимаем это и готовы быть прокляты миром. Мы готовы носить на лбу клеймо "Капитализм" с гордостью, как знак нашего благородства».

Вот чего требует от нас эта битва. Ничто меньшее не годится.

19. Консерватизм: некролог

Айн Рэнд

Как «консерваторы», так и «либералы» упирают на факт, против которого, кажется, никто не возражает: что мир стоит перед смертельным конфликтом, и за сохранение цивилизации нужно бороться.

Но какова же природа этого конфликта? Обе группировки отвечают: это конфликт между коммунизмом и... чем же? Ответа нет. Они говорят, что это конфликт между двумя жизненными стратегиями - коммунистической и... какой же? Опять ответа нет. Это конфликт между двумя идеологиями, говорят они. Так какова же *наша* идеология? Они молчат.

Правда, которую отказываются признать и те, и другие, состоит в том, что в политическом смысле сегодняшний мировой конфликт - это последняя стадия борьбы между *капитализмом* и тоталитаризмом.

Мы выступаем за *свободу*, говорят обе группировки, - и продолжают рассуждать о том, какие меры контроля и регуляции, какие ограничения, налоги и «жертвы» они введут, какие механизмы власти будут требовать, какие «социальные блага» будут выделять определенным группам населения, только вот не уточняют, у каких групп эти «блага» придется для этого отобрать. Никто из них не спешит признавать, что государственный контроль над экономикой - любая степень такого контроля, со стороны любой группы, ради любых целей - опирается на фундаментальный принцип *тоталитаризма*, принцип, согласно которому жизнь человека принадлежит государству. Смешанная экономика - это не более чем полусоциалистическая экономика, иными словами - это полупорабощенное общество, то есть - государство, раздираемое неразрешимыми противоречиями, находящееся в процессе постепенной дезинтеграции.

Свобода в политическом смысле - это свобода от государственных ограничений. Это *не* означает свободу от землевладельца или свободу от работодателя, или свободу от законов природы, которые не обеспечивают человеку автоматического процветания. Это лишь свобода от ограничительной власти государства - и ничего более.

Мировой конфликт, который мы имеем сегодня, - это конфликт личности и государства, тот же самый, что происходил на протяжении всей человеческой истории. Имена меняются, но суть - и результаты - остаются теми же, будь это конфликт человека и феодализма, человека и абсолютной

монархии, человека и коммунизма, или фашизма, или нацизма, или социализма, или государства всеобщего благосостояния.

Если вы выступаете за свободу, вы должны выступать за права личности; если вы выступаете за права личности, вы должны выступать за ее право на жизнь, на свободу, на достижение счастья; то есть вы должны выступать за политическую систему, которая гарантирует и защищает эти права - за политико-экономическую систему *капитализма*.

Индивидуальные права, свобода, справедливость, прогресс - вот философские ценности, теоретические цели и практические результаты капитализма. Ни одна другая система не в состоянии создать или поддерживать их; и ни одна другая система этого никогда не делала и делать не будет. Если вам нужно доказательство, подумайте о природе и функциях основных принципов капитализма; загляните в историю и в современное состояние европейских стран.

Противостояние осуществляется *не* между рабством ради «добра» и рабством во имя «зла»; *не* между диктатурой «добрых» и диктатурой «злых». Вопрос лишь в противостоянии свободы и диктатуры. Лишь *после* того, как люди избирают рабство и диктатуру, они могут начать обычную грызню между группировками, которая происходит в социалистических странах, и которая сегодня называется борьбой групп влияния, за то, чья группировка будет управлять, кто кого поработит, у кого и в чью пользу будет отобрана собственность, и кто будет принесен в жертву ради какой «благородной» цели. Все такие споры начинаются позже и фактически не имеют никаких последствий, так как результат всегда оказывается одним и тем же. Главный выбор - единственный, имеющий значение, - это выбор между свободой и диктатурой, *капитализмом* и *тоталитаризмом*.

Именно *этого* выбора пытаются сейчас избежать сегодняшние политические лидеры. «Либералы» пытаются установить тоталитарную систему методами грабежа - систему полусоциалистского, полуфашистского толка, - не предоставляя стране возможности понять, какой дорогой они движутся и к какой конечной цели. И хотя такая политика, несомненно, достойна всяческого осуждения, еще более его достойна политика «консерваторов», которые варварскими методами пытаются защитить *свободу*.

«Либералы» боятся называть свою программу ее истинным именем, защищают каждый шаг, политический прием и принцип тоталитаризма, но при этом изворачиваются и выдумывают всякие эвфемизмы типа «государства всеобщего благоденствия», «нового плана» и «новых горизонтов». Но они все же придерживаются формальной логики, если не

морали. Это логика мошенника, который не может позволить, чтобы его жертвы разгадали его истинные намерения. К тому же большинство тех, кто условно называется «либералами», боятся признаться даже себе самим, что на самом деле они защищают не что иное как тоталитаризм. Они не желают принять истинный смысл того, к чему стремятся; они хотят сохранить все преимущества и достижения капитализма, но при этом разрушить его принципы и установить тоталитарную систему без ее неизбежных отрицательных эффектов. Они не желают знать и принимать тот факт, что являются защитниками диктатуры и рабства. Поэтому они избегают рассуждений на эту тему, боясь обнаружить, что их цель - зло.

Что можно подумать о людях, которые боятся обнаружить, что их цель - добро? Какова моральная высота тех, кто боится признать, что они защищают свободу? Что можно сказать о честности тех, кто превосходит своих врагов во лжи? Разумны ли те, кто хотел бы хитростью заманить людей к свободе, обманом привести к справедливости, одурачить их, чтобы достичь общего прогресса, совершить мошенничество, чтобы обеспечить их права, и, проповедуя тоталитаризм, преодолеть его и дать гражданам возможность одним прекрасным утром проснуться в совершенном капиталистическом обществе?

Таковы «консерваторы» - по крайней мере большая часть тех, кто выступает от их имени.

Так что нет ничего удивительного в том, что они проигрывают выборы, или в том, что наша страна, запинаясь и тормозя, все же движется к диктатуре. Ничего удивительного в том, что любое дело, которое таким образом представляют и защищают, обречено. Ничего удивительного в том, что любая группировка, проводящая такую политику, фактически расписывается в собственном банкротстве, лишаясь любых шансов на моральное, интеллектуальное или политическое лидерство.

Смысл политической программы «либералов» сегодня абсолютно ясен. Но *что представляют собой «консерваторы»?* Что именно они пытаются «законсервировать»?

В целом понятно, что те, кто поддерживает «консерваторов», рассчитывают на то, что они сохраняют систему, которая прикрыта расплывчатым термином «американский образ жизни». Моральное преступление «консервативных» лидеров состоит в том, что они прячутся за этим прикрытием: им не хватает смелости признать, что *американский образ жизни* - это *капитализм*, что именно *эта* политико-экономическая система была рождена и установлена в Соединенных Штатах; что *это* - та самая система, которая за один короткий век достигла такого уровня

свободы, прогресса, процветания и человеческого счастья, которого за все века не могли достичь все остальные страны вместе взятые; и что именно *этой* системе они сейчас позволяют исчезнуть по молчаливому согласию.

Если «консерваторы» не выступают за капитализм, значит, они не выступают ни за что и представляют собой ничто; у них нет цели, нет направления движения, нет политических принципов, нет общественных идеалов, интеллектуальных ценностей и лидерства, которое они могли бы кому-то предложить.

Однако «консерваторы» не рискуют защищать или оправдывать капитализм. Они парализованы масштабным конфликтом между капитализмом и моральным кодексом, доминирующим в нашей культуре: альтруистической установкой. Согласно альтруистическим принципам, человек не имеет права на существование ради себя самого, и единственное оправдание его существования - это служение другим, а *самопожертвование* - это высшее моральное обязательство, добродетель и ценность. Капитализм и альтруизм несовместимы; это две философские противоположности; они не могут сочетаться в одном человеке или в одном обществе. Конфликт между капитализмом и альтруизмом подрывал американское общество с самого начала и теперь достиг своего пика.

Американская политическая система основана на ином моральном принципе, согласно которому каждый человек обладает неотчуждаемым правом на свою собственную жизнь, то есть право существовать ради себя самого, не принося ни себя в жертву другим, ни других в жертву себе; и должен общаться с другими людьми на принципах *торговли*, то есть добровольного выбора к обоюдной выгоде.

Но этот моральный принцип лишь подразумевается в американской политической системе: он не установлен явно, не определен, не сформулирован в виде полного философского этического кодекса. *Это* невыполненное задание остается роковой ошибкой в нашей культуре и разрушает Америку сегодня. Капитализм исчезает *в результате отсутствия моральной базы* и полноценной философской защиты.

Социальная система, соответствующая принципам альтруистической морали - с ее кодексом самопожертвования, - это социализм, в любом из своих вариантов: фашизм, нацизм, коммунизм. В любой из этих разновидностей человек рассматривается как жертвенное животное, которое можно уничтожить ради интересов, группы, рода, общества, государства. Советская Россия - конечный результат, финальный продукт, полное, окончательное выражение альтруистической морали на практике; она представляет собой единственный вариант применения такой морали

на практике.

Не решаясь выступить против альтруистической морали, «консерваторы» пытаются вообще обойти моральные вопросы. Это стоило им их уверенности, смелости и политической платформы. Посмотрите на их виноватую уклончивость, их вечное смущение, проявляющиеся в большинстве выступлений и текстов. Никто и ничто не может достичь успеха без *моральной* уверенности - без полного, разумного убеждения в моральной правоте собственного дела.

Если «консерваторы» чувствуют вину, неопределенность, моральную беспомощность в борьбе с «либералами», то сами «либералы» точно так же ощущают вину, неопределенность, моральную беспомощность в борьбе с коммунистами. Если у разных групп одни и те же моральные предпосылки, то побеждает наиболее упорная. Пока люди принимают альтруистическую мораль, они не могут остановить коммунистического наступления. Именно альтруистическая мораль - лучшее и *единственное* оружие Советской России.

Лицемерие американской позиции в международных вопросах, уклончивость, самоуничижительная застенчивость, извинения за свое богатство, силу, успех, за все огромные преимущества нашей системы, избегание любых упоминаний о «*капитализме*» - как будто это некий скелет в шкафу, - все это делает для престижа Советской России больше, чем собственная дешевая и прямолинейная пропаганда русских. Настроение *моральной вины* не пристало лидеру мирового освободительного похода и не может заставить мир следовать за нами.

Так за что же мы должны призывать сражаться? Все мы должны выступить в крестовый поход за свободу против рабства, то есть за капитализм против коммунизма. Но будет ли кто-то сражаться за социализм против коммунизма? Захочет ли кто-то умирать за систему, при которой он по собственной воле - или, скорее, по воле общества, - должен будет делать то, чего любой диктатор может добиться гораздо быстрее и полнее: жертвовать каждым ради каждого? Кто будет выступать против убийства - за привилегию покончить с жизнью самоубийством?

В последние годы «консерваторы» постепенно пришли к смутному пониманию слабости своей позиции, философского промаха, который они допустили и теперь должны исправить. Но методы, которые они пытаются использовать для этого, хуже, чем сам промах; эти методы дискредитируют и разрушают последние остатки их притязаний на *интеллектуальное* лидерство.

Сегодняшние «консерваторы» для оправдания капитализма

пользуются тремя взаимно связанными аргументами, которые лучше всего описать как оправдание с точки зрения *веры*, оправдание с точки зрения *традиции* и оправдание с точки зрения *морального несовершенства*.

Чувствуя необходимость в моральном фундаменте, многие «консерваторы» в качестве морального оправдания избирают *религию*; они утверждают, что Америка и капитализм стоят на вере в Господа. С политической точки зрения такое заявление противоречит основополагающим принципам американской государственности: в США религия является личным делом каждого гражданина, которое не может и не должно иметь никакого отношения к политике страны.

В интеллектуальном плане, полагаясь для защиты своего дела на *веру*, мы тем самым автоматически признаем, что с точки зрения рационального мышления наш противник превосходит нас, поскольку мы со своей стороны не можем противопоставить ему никаких разумных аргументов. «Консерваторы», провозглашающие, что их правота зиждется на вере, тем самым утверждают, что нет никаких рациональных аргументов в пользу американской общественной системы, никакого разумного оправдания свободы, справедливости, собственности, прав личности, а все это держится исключительно на мистическом откровении и может быть принято только *на веру*.

Рассмотрим приложения этой теории. В то время как коммунисты заявляют, что на их стороне разум и наука, «консерваторы» как будто соглашались с ними, а сами отходят на позиции мистицизма, веры, сверхъестественного, в иной мир, оставляя мир *этот* коммунистам. Такой победы иррациональная коммунистическая идеология никогда бы не могла одержать своими собственными силами.

Каковы же результаты? Во время первого визита Хрущева в Америку он заявил на банкете, где присутствовало телевидение, что угрожает *похоронить* нас потому, что «научно» доказано, что коммунизм является общественным строем будущего, которому суждено править всем миром. И что же ответил на это *наш* оратор? Мистер Генри Кабот Лодж ответил, что наша система основана на вере в Господа. Накануне визита Хрущева «консервативные» лидеры - в том числе сенаторы и члены Палаты представителей - высказывались против этого визита, и, однако же, единственное, что они предложили американскому народу, единственная, по их мнению, форма протеста, - это молиться и устраивать церковные службы в память жертв Хрущева. Того, что в качестве единственного оружия против представителей одной из великих мировых держав - которая заявляет, что борется за свободу, - предлагается *молитва*,

достаточно, чтобы дискредитировать Америку и капитализм в чьих угодно глазах как здесь, так и за рубежом.

Теперь второй аргумент: попытка оправдать капитализм с позиций *традиции*. Определенные группировки пытаются обратить слово «консервативный» в понятие, полностью противоположное тому, которое используется в Америке сегодня: вернуть ему изначальное значение, принятое в XIX веке, и внедрить его в массовое сознание. Эти группировки провозглашают, что быть «консерватором» означает поддерживать *status quo*, то, что уже имеется, то, что принято, чем бы это ни являлось, каким бы оно не было - добрым или злым, верным или ложным, достойным защиты или недостойным. Они утверждают, что мы должны защищать американскую политическую систему не потому, что она *правильна*, а потому, что ее избрали когда-то наши предки; не потому, что она *хороша*, а потому, что она *старинна*.

Америка была создана людьми, порвавшими со всеми политическими традициями и создавшими систему, еще не виданную в истории, положившись лишь на силу своего собственного интеллекта. Но теперь «неоконсерваторы» пытаются сказать нам, что Америка была продуктом «веры в открывшиеся истины» и некритического уважения к традициям прошлого (!).

Совершенно иррационально пользоваться «новизной» как ценностным стандартом, верить в то, что идея или политическая система хороша лишь потому, что она нова. Но еще более иррационально в качестве ценностного стандарта использовать «старину» и утверждать, что идея или политическая система хороша просто потому, что она старинна. «Либералы» постоянно утверждают, что они представляют будущее, что они - «новые», «прогрессивные», «смотрящие вперед»; а «консерваторов» они объявляют устаревшими последователями мертвого прошлого. «Консерваторы» молчаливо соглашались с этим, и таким образом помогают «либералам» осуществить одну из самых нелепых сегодняшних инверсий: коллективизм - древняя, застывшая, статичная общественная система - предлагается нам под именем *прогрессивной*, в то время как капитализм - единственную свободную, динамическую, творческую систему, когда-либо существовавшую в мире, - защищают во имя *стагнации*.

Воззвание к «традиции» как таковой может быть привлекательно лишь для того, кто уже сдался, или для того, кто никогда и не стремился достичь чего-то в жизни. Это воззвание, которое потакает самым худшим человеческим чертам и отрицает все лучшее: оно потакает страху, лени,

трусости, конформизму, неуверенности в себе и отрицает творчество, оригинальность, смелость, независимость, чувство собственного достоинства. Это воззвание должно быть отвратительно для любого человека, но особенно отвратительно оно кажется здесь, в Америке, в стране, которая была построена на том принципе, что человек должен прочно стоять на собственных ногах, жить по собственной совести и постоянно двигаться вперед как продуктивный, творческий творец нового.

Если согласиться с тем, что мы должны уважать «традицию» как таковую, уважать лишь потому, что это «традиция», значит, мы должны принять те ценности, которые избрали другие люди, *лишь* потому, что они их когда-то избрали, с обязательным уточнением: кто *мы* такие, чтобы их изменять? В таких доводах очевидно выступление против адекватной самооценки человека и страшное презрение к человеческой природе.

И это приводит нас к последнему - самому худшему - аргументу из тех трех, которыми оперирует ряд «консерваторов»: к попытке защитить капитализм на основе *человеческого несовершенства*.

Этот аргумент выглядит следующим образом: так как человек слаб, подвержен падениям, не всеведущ и первородно грешен, ни одному человеку нельзя доверить быть диктатором и управлять другими; таким образом, свободное общество - это подходящий способ существования для несовершенных существ. Пожалуйста, осознайте смысл этого аргумента: так как человек несовершенен, он *недостаточно хорош для диктатуры*; свобода - это все, чего он заслуживает; если бы человек был совершенен, он бы был достоин тоталитарного правления.

Диктатура, как утверждает эта теория, - результат *веры в человека* и его благородство; если мы считаем, что человек по природе несовершенен, то мы не должны наделять диктаторов властью. Это означает, что убеждение в человеческом несовершенстве защищает человеческую свободу, что поработать недостойных неправильно, а можно поработать лишь добродетельных. Более того: диктатура, согласно данной теории, и все прочие беды современного мира - это наказание человеку за то, что он полагается на свой интеллект и пытается улучшить свое земное существование, желая найти совершенную политическую систему и установить *рациональное* общество. Это значит, что главными оплотами капитализма являются смирение, пассивность, мрачное самоуничтожение и вера в Первородный Грех. Просто невозможно зайти дальше по пути исторического, политического и психологического невежества и подмены понятий! Такое ощущение, что мы действительно возвращаемся в мрачные времена Средневековья, - в расцвете индустриальной эры!

Циничные, ненавидящие человечество адвокаты данной теории насмеются над всеми идеалами, унижают все высокие порывы человека и издеваются над любыми попытками улучшить наше существование. «Невозможно изменить природу человека» - вот их постоянный ответ социалистам. Таким образом, они соглашались с тем, что социализм *есть* идеальная общественная система, но при этом говорят, что человек по своей природе ее недостоин; а после этого они призывают людей вставать на защиту капитализма, для чего любой присоединившийся к ним должен в первую очередь плюнуть сам себе в лицо. И кто же захочет сражаться и умирать за этот статус жалкого грешника? Если результатом таких теорий становится недоверие людей к «консерватизму», то удивляться вовсе нечему, и не нужно приписывать этот результат особому уму социалистов.

Вот каковы так называемые защитники капитализма - и вот каковы аргументы, с помощью которых они рассчитывают его защитить.

Совершенно очевидно, что при таком теоретическом оснащении и со своей нескончаемой летописью поражений, уступок, компромиссов и предательств сегодняшние «консерваторы» оказываются жалкими, бессильными и в культурном смысле нежизнеспособными. Им нечего нам предложить и они ни на что не способны. Они могут лишь помогать разрушать интеллектуальные стандарты, распылять мысль, дискредитировать капитализм и ускорять падение нашей страны в пропасть отчаяния и диктатуры.

Но тех из вас, кто хочет помешать этому, - особенно тех, кто молод и не готов сдаться, - я хочу предупредить: никто не мертв так, как мертворожденный. Ничто не сравнится в тщетности с движением без цели, с крестовым походом без идеалов, с битвой без боеприпасов. Дурной аргумент не просто неэффективен: он придает силу аргументам противника. Брошенная на середине битва - хуже, чем битва вообще не начатая, так как в итоге не просто заканчивается поражением, а облегчает и ускоряет победу противника.

В то время, когда мир разорван мощнейшим *идеологическим* конфликтом, не нужно присоединяться к тем, у кого нет идеологии - идей, философии, - которую он мог бы предложить вам. Не нужно вступать в сражение, не имея в руках ничего, кроме просроченных лозунгов, жалких банальностей и бессмысленных обобщений. Не стоит присоединяться к любой из так называемых «консервативных» групп, организаций и людей, которые оправдывают свои идеалы с точки зрения «веры», «традиции» или «человеческого несовершенства». Любой доморощенный мыслитель из любой деревни способен за пять минут разрушить эти аргументы и

заставить вас отступить. И что же произойдет с вами на поле мировой философской брани с таким оружием? Да вы даже не доберетесь до этого поля битвы: вас на нем и не услышат, поскольку вам нечего будет сказать.

Цивилизацию не спасти уловками и увертками. Мир, пропадающий без интеллектуального лидерства, не спасти пустопорожними лозунгами. Нельзя вылечить смертельно опасную болезнь, не принимая во внимание ее причины.

Так что, пока «консерваторы» будут продолжать не обращать внимания на то, что в действительности угрожает уничтожить капитализм, и умолять людей «вернуться назад», они не смогут избежать вопроса: а куда - назад? И ни одна из их уловок и уверток не сможет скрыть тот факт, что на самом деле ответ таков: назад - к более ранней стадии раковой опухоли, которая пожирает нас сегодня и которая уже почти достигла последней стадии развития. И эта раковая опухоль - альтруистическая мораль.

Пока «консерваторы» игнорируют вопрос альтруизма, все их мольбы и аргументы сводятся к одному: почему нельзя вернуться в XIX век, когда капитализм и альтруизм каким-то образом сосуществовали? Почему мы должны доходить до крайности и задумываться о хирургическом вмешательстве, если более ранние стадии рака были безболезненными?

Ответ в том, что реальные факты - в том числе историю и философию - никак нельзя обойти. Капитализм был разрушен альтруистической моралью. Капитализм основывается на правах личности, а не на жертвовании личностью ради «общественного блага» коллектива. Капитализм и альтруизм несовместимы. Существовать может либо то, либо другое. Уже слишком поздно для компромиссов, для банальностей и для аспирина. Нет иного способа спасти капитализм - или свободу, или цивилизацию, или Америку, - кроме интеллектуальной хирургической операции, то есть кроме уничтожения источника разрушения, кроме полного отказа от альтруистической морали.

Если вы хотите сражаться за дело капитализма, есть лишь один возможный аргумент, который вы должны взять на вооружение, единственный, который имеет смысл в моральном сражении: *оправдание с точки зрения самооценки*. Это означает, что вы должны обращаться к праву человека на существование - к неотчуждаемому праву личности на свою собственную жизнь.

Я процитирую из своей книги «Для нового интеллектуала» (For the New Intellectual):

«Сегодняшний мировой кризис - это кризис *морали*, и разрешить его

невозможно иным путем, кроме моральной революции - революции, которая должна разрешить и завершить достижения Американской Революции... Новый Мыслитель должен сражаться за капитализм, а не за «практические» цели, не за экономику, а за *мораль*, вступая в эту битву со справедливой гордостью. Именно этого заслуживает капитализм, и ничто другое не может его спасти».

Капитализм - это не система прошлого; это система будущего, если у человечества есть будущее. Те, кто хочет сражаться за него, должны перестать именоваться «консерваторами». «Консерватизм» всегда был названием, вносящим путаницу, неподходящим для Америки. Сегодня нам нечего «консервировать»: устоявшаяся политическая философия, интеллектуальная традиция и *status quo* - это *коллективизм*. Те, кто отказывается от основных принципов коллективизма, - это *радикалы* в истинном смысле этого слова: «радикальный» означает «фундаментальный». Сегодня борцы за капитализм должны быть не несостоятельными «консерваторами», а новыми радикалами, новыми интеллектуалами и, прежде всего, новыми, преданными борцами за мораль.

20. Новый фашизм: господство консенсуса

Айн Рэнд

Начну с одной очень непопулярной вещи, которая не соответствует сегодняшним интеллектуальным стандартам и тем самым оказывается «антиконсенсусной», - определю свои термины, чтобы вы понимали, о чем речь. Позвольте мне привести словарные определения трех политических терминов - социализм, фашизм и этатизм.

Социализм - теория или система общественной организации, наделяющая общество в целом правом собственности на средства производства, капитал, землю и т.п. и контролем над ними.

Фашизм - форма правления с сильной централизованной властью, не допускающей никакой критики или оппозиции и контролирующей в стране все сферы деятельности (промышленность, торговлю и т.д.)...

Этатизм - принцип или политика, позволяющая сосредоточить полный контроль над экономикой, политической жизнью и смежными сферами в руках государства за счет личной свободы^[36].

Очевидно, что «этатизм» - это более широкий, родовый термин, а два других - его разновидности. Очевидно также, что этатизм - господствующее политическое направление наших дней. Какая же из двух разновидностей определяет суть нынешнего этатизма?

Заметьте, и «социализм», и «фашизм» связаны с правами собственности. Право на собственность - это право пользоваться ею и распоряжаться. Обратите внимание, что две теории по-разному к этому подходят: социализм отрицает частную собственность вообще, наделяя «*правом собственности и контролем*» общество в целом, то есть государство; фашизм оставляет *право собственности* отдельным лицам, но передает правительству *контроль* над собственностью.

Собственность без контроля - абсурд, полная нелепость; это - «собственность» без права пользоваться или распоряжаться ею. Другими словами, граждане несут ответственность за владение собственностью, не имея никакой выгоды, а правительство получает всю выгоду, не неся никакой ответственности.

В этом отношении социализм честнее. Я говорю «честнее», а не «лучше», так как *на практике* между ним и фашизмом разницы нет. Оба исходят из коллективистско-этатистского принципа, оба отрицают права личности и подчиняют личность коллективу, оба отдают средства к

существованию и саму жизнь граждан во власть всемогущего государства, и различия между ними - только вопрос времени, степени и поверхностных деталей, например выбора лозунгов, которыми правители вводят в заблуждение своих поработанных подданных.

К какому из двух вариантов этатизма мы направляемся - к социализму или к фашизму?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо для начала спросить, какое идеологическое направление господствует в современной культуре.

Постыдный и пугающий ответ - сейчас нет никакого идеологического направления. Нет идеологии. Нет политических принципов, теорий, идеалов, нет философии. Нет ни направления, ни цели, ни компаса, ни взгляда в будущее, ни доминирующих интеллектуальных факторов. Есть ли какие-либо эмоциональные факторы, управляющие современной культурой? Есть. Один. *Страх*.

Страна без политической философии подобна кораблю, дрейфующему в океане, отданному на милость случайного ветра, волн или течения; кораблю, чьи пассажиры с криком: «Тонем!» - забиваются в свои каюты, боясь обнаружить, что капитанский мостик пуст.

Ясно, что такой корабль обречен, и уж лучше раскатать его посильнее, вдруг он сможет снова лечь на курс. Но чтобы это понять, надо быстро воспринимать факты, реальность, принципы действия, а кроме того - заглядывать вперед. Именно этого изо всех сил стараются избежать те, кто кричит: «Не раскачивайте!»

Невротик полагает, что реальные факты исчезнут, если он откажется их признать; точно так же невроз культуры подсказывает людям, что их насущная потребность в политических принципах и концепциях исчезнет, если они сумеют их забыть. Поскольку ни человек, ни нация не могут существовать без какой-нибудь идеологии, эта *антиидеология* стала официальной и открытой, она господствует в нашей обанкротившейся культуре.

У нее есть новое, очень уродливое имя. Она называется «властью консенсуса».

Представим себе, что демагог предложил нам такое кредо: правду должна заменить статистика, принципы - подсчет голосов, права - числа, мораль - опросы общественного мнения; критерием интересов страны должна быть практическая, сегодняшняя выгода, а критерием истинности или ложности той или иной идеи - число последователей; любое желание в какой бы то ни было области нужно принимать как правомерное требование, если его высказывает достаточное количество людей;

большинство может делать с меньшинством все что угодно; короче говоря, все подчиняется власти группы и власти толпы. Если бы какой-нибудь демагог все это предложил, он бы не имел успеха. Однако именно это содержится - и скрывается - в понятии «власть консенсуса».

Это понятие сейчас используется, но не как идеология, а как *антиидеология*; не как принцип, а как способ избавиться от принципов; не как довод, а как вербальный ритуал или магическая формула, призванная успокоить национальный невроз, как таблетка или наркотик для испуганных пассажиров судна, давая прочим возможность разгуляться вовсю.

Наше летаргическое презрение к словам политических и идеологических лидеров не дает людям осознать смысл, подтексты и последствия «власти консенсуса». Все вы нередко слышали это выражение и, подозреваю, выбрасывали из головы как ненужную политическую риторiku, не задумываясь о его истинном смысле. Именно об *этом* я и призываю вас задуматься.

Важную подсказку здесь дает статья Тома Уиккера в *New York Times* (от 11 октября 1965 года). Описывая то, что «Нельсон Рокфеллер называл "господствующей тенденцией в американской мысли"», Уиккер пишет:

«Эта господствующая тенденция - то, что политики-теоретики много лет проектировали как "национальный консенсус", а Уолтер Липпман удачно назвал "жизненным центром"...В основе этого консенсуса, почти по определению, лежит политическая умеренность. Речь идет о том, что консенсус, как правило, распространяется на все приемлемые политические взгляды, то есть на все идеи, которые прямо не угрожают большей части населения и не вызывают у нее явной неприязни. Следовательно, приемлемые политические идеи должны учитывать взгляды других; именно это и подразумевается под политической умеренностью».

Разберемся теперь, что это значит. «Консенсус, как правило, распространяется на все *приемлемые* политические взгляды...» Приемлемые - для кого? Для консенсуса. Поскольку правительство должно руководствоваться консенсусом, это означает, что политические взгляды надо поделить на «приемлемые» и «неприемлемые» для правительства. Что же будет критерием «приемлемости»? Уиккер называет этот критерий. Обратите внимание, что он не связан с разумом, это не вопрос истинности или ложности. Не связан он и с этикой, то есть с тем, справедливы или несправедливы эти взгляды. Этот критерий - *эмоциональный*: вызывают ли взгляды «неприязнь». У кого? У «большой части населения». Есть и

дополнительное условие: взгляды не должны «прямо угрожать» этой части.

А как быть с *малыми* частями населения? Приемлемы ли взгляды, угрожающие им? А как быть с *наименьшей* частью, с индивидуумом? Очевидно, индивидуум и меньшинства в расчет не берутся. Не имеет значения, что идея может быть в высшей степени неприятна человеку и нести серьезную угрозу его жизни, работе, будущему. Его не заметят или принесут в жертву всемогущему консенсусу, если нет группы, и *большой* группы, которая его поддержит.

Что же конкретно означает «прямая угроза» части населения? В условиях смешанной экономики любое действие правительства прямо угрожает кому-то и косвенно - всем. Любое государственное вмешательство в экономику в том и состоит, что одним предоставляется незаслуженное преимущество за счет других. Каким же критерием справедливости должно руководствоваться «правительство консенсуса»? Тем, насколько велика группа, поддерживающая потерпевших.

Перейдем к последней фразе Уиккера: «Следовательно, приемлемые политические идеи должны учитывать взгляды других; именно это и подразумевается под политической умеренностью». Что же здесь подразумевается под «взглядами других»? Кого именно? Поскольку это не взгляды индивидуумов и не взгляды меньшинств, можно сделать только один вывод: каждая «большая часть населения» должна учитывать взгляды других «больших частей». Но представьте себе, что группа социалистов хочет национализировать все заводы, а группа промышленников хочет удержать свою собственность. Как может каждая из этих групп «учитывать» взгляды другой? В чем проявится «умеренность»? Где эта «умеренность» в конфликте между группой людей, требующих государственных дотаций, и группой налогоплательщиков, которые могут найти для своих денег иное применение, или в конфликте между представителем меньшинства, скажем - негром в южных штатах, который считает, что у него есть неотъемлемое право на справедливое судебное разбирательство, и представителями большинства - расистами, уверенными, что «общее благо» общины позволяет им его линчевать? Какова «умеренная позиция» в конфликте между мной и коммунистом (или между нашими последователями), если я убеждена, что у меня есть неотъемлемое право на жизнь, свободу и счастье, а он убежден, что «общее благо» государства позволяет ему ограбить меня, поработить и убить?

Между *противоположными принципами* не может быть никакой «золотой середины», никакого компромисса. В области разума или нравственности нет места такому понятию, как «умеренность». Но именно

разум и нравственность - те категории, которые отменила идеология, именуемая «властью консенсуса».

Защитники ее ответят, что любая идея, не допускающая компромисса, это «экстремизм» или разновидность «экстремизма»; что любая бескомпромиссная позиция - это зло; что консенсус «распространяется» только на те идеи, которые допускают «умеренность», а «умеренность» - высшая добродетель, заменяющая разум и нравственность.

Вот вам ключ к пониманию сущности, лейтмотива, истинного смысла обсуждаемой доктрины. Это - культ *компромисса*. Смешанная экономика просто не может без него существовать. Доктрина «консенсуса» представляет собой попытку преобразить грубые факты такой экономики в идеологическую - или анти-идеологическую - систему и снабдить их хоть каким-то обоснованием.

Смешанная экономика смешивает свободу и регулирование без каких-либо принципов, правил или теорий. Поскольку регулирование предполагает и влечет за собой усиление контроля, смесь оказывается взрывоопасной, и в конечном счете приходится либо отказаться от регулирования, либо превратиться в диктатуру. У смешанной экономики нет принципов, которые бы определяли ее стратегии, задачи и законы или ограничивали власть правительства. Единственный принцип, который непременно должен оставаться неназванным и непризнанным, заключается в том, что ничьи интересы не защищены. Интересы выставлены на аукцион, и все что угодно отойдет тому, кто сможет удрать с добычей. Такая система или, точнее, антисистема делит страну на постоянно растущее число враждебных лагерей. Экономические группы воюют друг с другом за самосохранение, чередуя *защиту* и *нападение*, как и требует закон джунглей. В *политическом* плане смешанная экономика сохраняет видимость организованного общества с подобием закона и порядка, в *экономическом* же равнозначна хаосу, столетиями царившему в Китае, когда банды разбойников грабили страну, истощая ее производительные силы.

Смешанная экономика - это правление влиятельных групп, оказывающих давление на политику. Это безнравственная и узаконенная гражданская война особых интересов и лобби, стремящихся заполучить кратковременный контроль над законодательным аппаратом и урвать себе какую-нибудь привилегию за счет всех остальных, сделав это государственной властью, *то есть силой*. Там, где нет прав личности и каких бы то ни было моральных и правовых принципов, единственной надеждой смешанной экономики сохранить слабое подобие порядка,

обуздать беспощадные, безгранично алчные группировки, порожденные ею же самой, и помешать тому, чтобы узаконенное воровство превратилось в противозаконный грабеж, когда все грабят всех, становится *компромисс*, по всем вопросам, во всех сферах - материальной, духовной, интеллектуальной. Предполагается, что именно он не дает ни одной группировке зайти слишком далеко в своих требованиях и развалить всю подгнившую структуру. Если эта игра продолжится, ничто не сможет остаться прочным, непоколебимым, абсолютным, неприкосновенным; всё и все должны будут стать гибкими, податливыми, неопределенными, приблизительными. Чем же будут они руководствоваться в своих действиях? Выгодой текущего момента.

Опасность для смешанной экономики представляет только одно - любая ценность, добродетель или идея, не идущая на компромисс. Угрожает ей только непреклонный человек, непреклонная группа, непреклонное движение. Враждебна ей только честность.

Стоит ли говорить, кто всегда будет победителем, а кто - побежденным в такой игре?

Понятно, какое единство (консенсус) здесь требуется. Это - единство молчаливого согласия на то, что все покупается, все продается (или «участвует в деле»), а то, что продать нельзя, попадает в дебри эксплуатации, манипуляции, лоббирования, обмена, рекламы, взаимных уступок, вымогательства, взяточничества, предательства, то есть слепого случая, как на войне, где стремятся получить привилегию законно убивать законно обезоруженных жертв.

Заметим, стремление это наделяет всех игроков общим и основным свойством. Все заинтересованы в правительстве с безграничной властью, достаточно сильным, чтобы нынешние и будущие победители смогли получить все, что они хотят, и выйти при этом сухими из воды. Такое правительство не связано никакой политикой или идеологией; оно накапливает власть ради власти, то есть ради любой «большой» группы, которая на время к власти придет, чтобы навязать обществу нужные ей законы. Поэтому «компромисс» и «умеренность» применимы к чему угодно, кроме одного - любой попытки ограничить государственную власть.

Вспомните, какие потоки брани, проклятий, истеричной ненависти обрушивают «умеренные» на защитников свободы, то есть капитализма. Вспомните, что определения «экстремальный центрист» или «воинствующий центрист» используются всерьез и без колебаний. Вспомните необузданно злобную клеветническую кампанию против

сенатора Голдуотера, в которой звучали нотки паники, охватившей «умеренных», «центристов», «популистов», когда они испугались, что реальное прокапиталистическое движение положит конец их игре. Движения этого, между прочим, пока что нет, Голдуотер не защищал капитализма, а его бессмысленная, нефилософская, неинтеллектуальная кампания только помогла сторонникам «консенсуса» укрепить свои позиции. Но здесь важна сама паника; она позволяет оценить их хваленую «умеренность», их «демократичное» уважение к свободе выбора, их терпимость к несогласным.

В письме в *The New York Times* (от 23 июня 1964 года) один профессор-политолог, опасаящийся, что кандидатуру Голдуотера выставят на выборах, говорит:

«Настоящая опасность - в разногласиях, которые вызовет его кандидатура...Если ее выставят, результатом будет разрозненный и ожесточенный электорат...Чтобы действовать эффективно, американскому правительству требуется высокая степень консенсуса и согласие обеих партий по базовым вопросам».

Когда и кто счел этатизм основным принципом Америки? Кто решил, что его следует ставить выше дискуссии и расхождений во мнениях, чтобы самые главные вопросы никогда уже не поднимались? Не похоже ли это на однопартийное правительство?

Профессор не уточняет.

Автор другого письма в *The New York Times* (от 24 июня 1964 года), подписавшийся «Либеральный демократ», пошел немного дальше:

«Пусть американский народ сделает свой выбор в ноябре. Если подавляющее большинство проголосует за Линдона Джонсона и демократов, то Федеральное правительство сможет, не нуждаясь ни в каких предложениях, продолжать политику, которой ожидают от него миллионы негров, безработных, пожилых, больных и людей с иными проблемами и недугами, не говоря уже о наших международных обязательствах.

Если нация выберет Голдуотера, то возникнет вопрос, стоит ли дальше заботиться о такой нации. Вудро Вильсон однажды сказал, что можно быть слишком гордым, чтобы драться; сам он тогда был вынужден воевать. Давайте же раз и навсегда выясним этот вопрос, пока еще мы можем сражаться избирательными бюллетенями, а не пулями».

Имел ли в виду этот джентльмен, что, если мы не проголосуем так, как он хочет, он будет стрелять? Здесь я знаю не больше вашего.

Газета *The New York Times*, которая была открытым сторонником «власти консенсуса», любопытным образом прокомментировала победу

президента Джонсона. Редакционная статья от 8 ноября 1964 года гласит:

«Неважно, насколько грандиозной была победа на выборах - а она была грандиозной. Правительство не может просто плыть на гребне народной волны, в море банальных обобщений и восторженных обещаний...Теперь, когда оно получило широкую народную поддержку, у него есть и моральный, и политический долг не пытаться быть всем для всех, а приступить к жесткому, определенному, целенаправленному курсу действий».

Куда этот курс направлен? Если избирателям не предлагали ничего, кроме «банальных обобщений и восторженных обещаний», как можно называть результаты голосования «широкой народной поддержкой»? Что «поддерживал народ» - *неназванный* политический курс, политический карт-бланш? Если Джонсон одержал грандиозную победу, пытаюсь «быть всем для всех», чем же он должен быть сейчас и для кого, каких избирателей он должен разочаровать и предать и что останется от широкого общественного консенсуса?

С моральной и философской точки зрения эта статья в высшей степени неоднозначна и противоречива, но она становится понятной и последовательной в контексте нашей антиидеологии. Эта идеология не ждет от президента особой программы или политического курса. Он просит у избирателей только *карт-бланш на власть*. Дальнейшее зависит от игры влиятельных группировок, которую все должны понимать и поддерживать, но не упоминать. Чем будет президент и для кого, зависит от случайностей игры и от «больших частей населения». Его дело - удерживать власть и раздавать блага.

В 1930-е годы у «либералов» была программа широких социальных реформ и боевой дух. Они выступали за плановое общество, рассуждали об абстрактных принципах, выдвигали теории, преимущественно социалистического толка, и очень огорчались, если их обвиняли в том, что они увеличивают полномочия власти. Почти все они уверяли оппонентов, что правительственная власть - только временное средство для достижения «благородной цели», освобождения индивидуума от рабства материальных потребностей.

Сегодня в «либеральном» лагере никто уже не говорит о плановом обществе; долгосрочные проекты, теории, принципы, абстракции и «благородные цели» нынче не в моде. Современные «либералы» высмеивают политиков, которые мыслят такими масштабными категориями, как общество или экономика в целом. Сами они занимаются единичными, конкретными, ограниченными во времени проектами и

потребностями, не думая о цене, сопутствующих обстоятельствах и последствиях. Когда их просят определить свою позицию, они всегда определяют ее как «прагматическую», а не «идеалистическую». Они крайне враждебно относятся к политической философии; они бранят политические концепции, называя их «ярлыками», «этикетками», «мифами», «иллюзиями», и сопротивляются любой попытке «навесить ярлык» на них, то есть как-то определить их собственные взгляды. Они агрессивно противятся теориям, и, хотя еще можно еле-еле разглядеть на них мантию интеллектуальности, противятся они и разуму. Единственный остаток бывшего «идеализма» заключается в том, что они устало, цинично, ритуально повторяют потрепанные «гуманистические» лозунги, когда требуют обстоятельства.

Цинизм, неуверенность и страх стали отличительными чертами той культуры, которой эти «либералы» управляют до сих пор за неимением лучших кандидатов. Единственный компонент их идеологического инструментария, не покрывшийся ржавчиной, а наоборот, становящийся грубее и очевиднее с каждым годом, - страсть к авторитарной, даже тоталитарной государственной власти. Это не горение борца за идею и не страсть фанатика-миссионера, а, скорее, тусклый ответ в остекленевших глазах безумца. Оцепенелое отчаяние давно заглушило его воспоминания о цели, но он цепляется за свое тайное оружие, упорно веря, что «должен же быть какой-то закон» и все будет хорошо, как только кто-нибудь закон примет, а любую проблему можно решить волшебной властью грубой силы.

Таковы теперь интеллектуальное состояние и идеологическая направленность нашей культуры.

А сейчас я предлагаю вернуться к вопросу, поставленному мной в начале дискуссии. К какой из двух разновидностей этатизма мы движемся, к социализму или к фашизму?

Для ответа позвольте мне представить на ваше рассмотрение отрывок из редакционной статьи из *Washington Star* (за октябрь 1964 года). Эта красноречивая смесь правды и дезинформации - типичный образчик современной политической мысли:

«Социализм - это просто государственная собственность на средства производства. Ничего подобного не предлагал ни один кандидат в президенты, и не предлагает сейчас Линдон Джонсон. [Верно. - Здесь и далее - А.Р.]

Однако в американском законодательстве есть целый ряд актов, которые увеличивают либо государственное регулирование частного

бизнеса, либо государственную ответственность за благосостояние граждан. [Верно.] Именно они вызывают предостерегающие возгласы «Социализм!».

Помимо положения Конституции о федеральном регулировании торговли между штатами, такое «вторжение» правительства в область рыночных отношений начинается с антitrustовского законодательства. [Очень верно.] Именно ему мы обязаны тем, что еще существует капитализм свободной конкуренции, а картельного капитализма у нас нет. [Неверно.] Поскольку социализм, так или иначе, порождается картельным капитализмом [неверно], можно с уверенностью полагать, что правительственное вмешательство в сферу бизнеса фактически предотвратило социализм. [Хуже чем неверно.]

Что касается законодательства о социальном обеспечении, то оно - за много световых лет от контроля над человеком «от колыбели до гроба», свойственного современному социализму. [Не совсем верно.] Оно скорее похоже на простое человеческое участие к ближнему, чем на идеологическую программу». [Вторая половина этой фразы верна, это не идеологическая программа. Что до первой, простое участие обычно не выражается в виде пистолета, направленного на бумажник и сбережения ближнего.]

В статье не упомянуто, конечно, что система, при которой государство не национализировало средства производства, но захватывает полный контроль над экономикой, называется фашизмом.

Да, сторонники социального обеспечения - не социалисты, они никогда не стремились к социализации частной собственности, а хотели «сохранить» частную собственность с государственным контролем над ее использованием и переходом от владельца к владельцу. Но это и есть основная характеристика фашизма.

Перед нами еще один источник. Он не столь наивен, как предыдущий, его неправда изощреннее. Это фрагмент из письма в *The New York Times* (от 1 ноября 1964 года), написанного профессором-экономистом:

«Какой бы критерий ни взять, Соединенные Штаты сегодня теснее связаны с частным предпринимательством, чем, наверно, любая другая индустриальная держава, и даже отдаленно не напоминают социалистическую систему. В понимании ученых, занимающихся сравнительным исследованием экономических систем, социализм отождествляется с глобальной национализацией, доминированием государственного сектора, сильным кооперативным движением, уравнительным распределением доходов, тотальным социальным

обеспечением и центральным планированием.

В Соединенных Штатах не было национализации, мало того - все заботы правительства всегда были обращены к частному предпринимательству...

Распределение доходов в нашей стране - одно из самых несправедливых среди других развитых стран; всевозможные уклонения от уплаты налогов притупили умеренную прогрессивность нашей налоговой системы. Прошло 30 лет после «Нового курса», и социальное обеспечение в США находится на очень невысоком уровне, если сравнивать с всеобъемлющей системой социальной защиты и планами государственного жилищного строительства во многих европейских странах. Никакой полет фантазии не позволит представить проблему этой кампании как альтернативу между капитализмом и социализмом или между свободной и плановой экономикой. Вопрос - в выборе между двумя различными концепциями роли государства в рамках сугубо частного предпринимательства».

Роль государства в системе частного предпринимательства сродни роли полицейского, который защищает права личности (включая право на собственность), защищая людей от физического насилия. В условиях свободной экономики правительство не должно ни контролировать, ни регулировать, ни принуждать граждан, ни вмешиваться в их экономическую деятельность.

Мне неизвестно, каких политических взглядов придерживается автор данного письма; он может называть себя «либералом» или сторонником капитализма. Если верно последнее, я должна сказать, что его взгляды, разделяемые, кстати, многими «консерваторами», больше вредят идее капитализма, чем взгляды ее открытых противников.

Такие «консерваторы» рассматривают капитализм как систему, совместимую с государственным регулированием, что способствует самым опасным недоразумениям. Чистого капитализма при полном государственном невмешательстве еще нигде не было; толике (ненужного) правительственного контроля позволили разбавить исходную американскую систему (скорее по ошибке, чем по теоретическому замыслу) - и все же такой контроль был незначительной помехой, смешанная экономика в XIX веке была преимущественно свободной, и эта беспрецедентная свобода привела к беспрецедентному прогрессу. Как наглядно показала история двух предшествующих столетий, принципы, теория и реальная практика капитализма основаны на свободном, нерегулируемом рынке. Ни один защитник капитализма не позволит себе

обойти точное значение термина «laissez-faire», а также точное значение термина «смешанная экономика», в котором явственно видны два противоположных элемента, входящих в эту смесь, - экономическая свобода, то есть капитализм, и правительственный контроль, то есть этатизм.

На протяжении многих лет нам упорно навязывали марксистскую концепцию, согласно которой все правительства - орудия классовых экономических интересов и капитализм - не свободная экономика, а система правительственного контроля на службе привилегированного класса. Эту концепцию внедряли, чтобы деформировать экономику, переписать историю и стереть из памяти саму возможность свободной страны, где экономику не контролируют. Поскольку система, допускающая номинальную частную собственность под тотальным правительственным контролем, это не капитализм, а *фашизм*, то забвение свободной экономики предоставит нам выбор между фашизмом и социализмом (или коммунизмом). Все этатисты мира, самых разных видов и мастей, изо всех сил стараются убедить нас, что другой альтернативы нет. (Их общая цель - уничтожить свободу, а потом уж они смогут бороться друг с другом за власть.)

Таким образом, взгляды профессора экономики и многих «консерваторов» льют воду на мельницу пагубной левой пропаганды, которая приравнивает капитализм к фашизму.

Но в логике событий есть горькая справедливость. Эта пропаганда привела к результату, быть может, выгодному для коммунистов, но прямо обратному ожиданиям «либералов», апологетов «государства всеобщего благоденствия» и социалистов, которые разделяют вину за ее распространение. Левая пропаганда не дискредитировала капитализм, но обелила и замаскировала фашизм.

Мало кто готов у нас поддерживать, защищать или хотя бы понимать капитализм; и все же еще меньше тех, кто готов отказаться от его преимуществ. Если нам скажут, что капитализм совместим с конкретным регулированием, которое служит нашим конкретным интересам (идет ли речь о правительственных подачках, или о прожиточном минимуме, или о поддержке цен, или о субсидиях, или об антимонопольных законах, или о цензуре на порнофильмы), мы поддержим эти программы, убеждая себя, что получим всего лишь «модифицированный» капитализм. По вине невежества, замешательства, увиливания, нравственной трусости и умственного банкротства страна, питающая к фашизму истинное отвращение, незаметными шажками движется не к социализму или еще

какому-либо альтруистическому идеалу, но к неприкрытому, жестокому, хищническому, жадному до власти строю, который де-факто и есть фашизм.

Нет, мы еще не достигли этой стадии, но совершенно очевидно, что мы давно уже не «система сугубо частного предпринимательства». Сейчас мы представляем собой распадающуюся, больную, опасно нестабильную смешанную экономику, беспорядочную смесь социалистических схем, коммунистических влияний, фашистского контроля и тающих остатков капитализма, который все еще платит по всем счетам; и весь этот клубок катится к фашистскому государству.

Посмотрим на теперешнее правительство. Я думаю, меня не обвинят в пристрастности, если я скажу, что президент Джонсон - не философ. Конечно, он не фашист, не социалист и не сторонник капитализма. Идеологически он - никто. На основании его биографии и единодушия его сторонников можно сказать, что само понятие *идеологии* к нему неприменимо. Он - политик, что очень опасно, но весьма характерно для сегодняшней ситуации. Он - почти литературное, архетипическое воплощение идеального лидера в стране со смешанной экономикой: правитель, любящий власть ради власти, прекрасно манипулирующий влиятельными группировками, срамливающий их между собой, раздающий улыбки, хмурые взгляды, милости, особенно милости *неожиданные*, и не глядящий дальше следующих выборов.

Ни президент Джонсон, ни какая-либо из влиятельных группировок не будут поддерживать социализацию промышленности. Как и его предшественники в Белом доме, Джонсон понимает, что предприниматели - дойные коровы смешанной экономики, и не хочет их уничтожать. Наоборот, он хочет, чтобы они процветали и финансировали его программы социального обеспечения (которые нужны для победы на следующих выборах), а сами ели у него из рук, что им, кстати сказать, очень нравится. Лобби бизнесменов несомненно получит причитающуюся ему долю влияния и признания, равно как и лобби трудови́ков, или фермеров, или любой другой «большой части населения», но на тех условиях, какие поставит президент. Особенно преуспеет он в воспитании и поддержке того типа предпринимателей, который я называю «аристократией по протекции». Это не социалистическая модель, а модель, типичная для фашизма.

Политический, интеллектуальный и *моральный* аспекты политики Джонсона по отношению к предпринимателям выразительно обобщены в одной статье, опубликованной в *New York Times* (от 4 января 1965 года):

«Старательно "ухаживая" за деловыми кругами, мистер Джонсон показал, что он - отъявленный кейнсианец. В отличие от президента Рузвельта, который наслаждался борьбой с предпринимателями, пока Вторая мировая война не вынудила его пойти на перемирие, и президента Кеннеди, который тоже вызывал враждебность у деловых кругов, президент Джонсон долго и упорно стремился к тому, чтобы бизнесмены пополнили ряды его сторонников и поддержали его проекты.

Кампания по сближению с предпринимателями может вызвать неудовольствие у многих кейнсианцев, и тем не менее это Кейнс чистой воды. Ведь именно лорд Кейнс, которого американские бизнесмены поначалу считали макиавеллистом и вообще фигурой опасной, предложил несколько мер, нормализующих отношения между президентом и деловыми кругами.

Свои взгляды он изложил в письме к президенту Рузвельту, на которого снова напали предприниматели из-за экономического спада, произошедшего годом раньше (1937).

Лорд Кейнс, всегда искавший пути, на которых можно преобразить капитализм ради его спасения, признал, что доверие деловых кругов очень важно, и постарался убедить в этом Рузвельта.

Он объяснял президенту, что бизнесмены - не политики и относиться к ним нужно соответственно. "Они гораздо мягче политиков, - писал он, - их можно в одно и то же время очаровать и напугать перспективой известности, их легко убедить стать «патриотами». Они смущены, ошеломлены, напуганы, но изо всех сил стараются бодро выглядеть. Они тщеславны, но совсем не уверены в себе и трогательно отзывчивы на доброе слово..." Лорд Кейнс был уверен, что Рузвельт сможет их приручить и подчинить, если будет следовать простым кейнсианским правилам.

"Вы сможете делать с ними все что угодно, - продолжал он, - если будете обращаться даже с самыми крупными из них не как с волками и тиграми, а как с домашними животными, хотя и плохо воспитанными и не выдрессированными так, как Вам бы хотелось".

Президент Рузвельт не откликнулся на совет Кейнса, равно как и президент Кеннеди. А президент Джонсон, по всей видимости, принял его к сведению... Ласковыми словами и одобрительными похлопываниями по плечу ему удалось приручить деловые круги. Надо думать, Джонсон согласен с лордом Кейнсом в том, что вражда с предпринимателями ни к чему не приведет. Как писал Кейнс, "если Вы доведете их до угрюмого, упрямого, запуганного состояния, свойственного домашним животным, с

которыми неправильно обращаются, рынок не поможет нести бремя нации, и в конце концов общественное мнение склонится на *их* сторону"».

Мнение, согласно которому предприниматели сродни «домашним животным», несущим «бремя нации» и «приручаемым» президентом, совершенно несовместимо с идеологией капитализма. Неприменимо оно и к социализму, поскольку в социалистическом государстве нет предпринимателей. Зато оно выражает самую суть фашистской экономики, то есть отношений между миром бизнеса и правительством в фашистском государстве.

В какие бы слова это ни обряжать, именно таков истинный смысл любой разновидности «преобразованного» («модифицированного», «модернизированного», «гуманизированного») капитализма. Согласно этим доктринам «гуманизация» состоит в превращении определенных (самых полезных) членов общества во вьючных животных.

Формулу обмана и укрощения жертвенных животных повторяют сегодня все чаще и настойчивее; а гласит она, что предприниматели должны смотреть на правительство не как на врага, но как на «партнера». Понятие «партнерства» между частной группой и должностными лицами, между миром бизнеса и правительством, между производством и принуждением - лингвистическая ложь («антиконцепт»), типичная для фашистской идеологии, которая считает силу сущностью и высшим судьей любых человеческих отношений.

«"Партнерство" - это неприличный эвфемизм, обозначающий "правительственный контроль". Не бывает партнерства между вооруженными бюрократами и беззащитными частными лицами, у которых нет иного выбора, кроме подчинения. Какие могут быть шансы в конфликте с "партнером", *любое* слово которого - закон? Возможно, он выслушает вас (если ваша группа поддержки достаточно представительна), но потом обратит свою благосклонность на кого-нибудь другого и пожертвует вашими интересами. За ним - последнее слово и законное "право" заставить вас подчиниться под дулом пистолета, так как ваша собственность, работа, будущее, сама ваша жизнь находятся в его власти. В *этом* ли смысл "партнерства"?»^[37]

Однако и среди бизнесменов, и в любой другой профессиональной группе находятся люди, которым такая перспектива нравится. Они страшатся конкуренции свободного рынка и с радостью приветствуют всемогущего «партнера», который лишит их более способного конкурента всех преимуществ; они хотят делать карьеру не по заслугам, а по протекции, жить не по праву, а по милости. Такие бизнесмены

ответственны за то, что у нас принимают антимонопольные законы и до сих пор их поддерживают.

Немало бизнесменов-республиканцев на последних выборах переметнулось на сторону президента Джонсона. Вот несколько любопытных наблюдений из опроса, проведенного *New York Times* (от 16 сентября 1964 года):

«Результаты опросов в пяти городах на промышленном Северо-Востоке и Среднем Западе обнаруживают разительные расхождения в политических взглядах между представителями крупных корпораций и мелкими и средними предпринимателями...Среди бизнесменов, собирающихся впервые в жизни проголосовать за демократа, большинство работает в крупных корпорациях...Наибольшую поддержку президенту Джонсону выражают 40-50-летние бизнесмены...Многие бизнесмены этого возраста говорят, что не видят, чтобы улучшилось отношение к Джонсону более молодых коллег. Опросы 30-летних подтвердили это наблюдение...Сами молодые сотрудники компаний с гордостью говорят о том, что их поколение первым пресекло и повернуло вспять тенденцию к либерализации молодежи...Разногласия между мелкими и крупными предпринимателями проявились особенно явно в вопросе о дефиците бюджета. Представители гигантских корпораций гораздо более склонны согласиться с тем, что дефицит бюджета иногда необходим и даже желателен. Типичный же представитель мелкого бизнеса относится к дефицитному расходованию с особым презрением».

Эти данные позволяют нам понять, чьи интересы учитывает смешанная экономика и что она делает с начинающими и молодыми бизнесменами.

Важный аспект предрасположенности к социализму состоит в желании стереть границу между заработанным и незаработанным и, следовательно, не видеть разницы между такими бизнесменами, как Хэнк Риарден и Оррен Бойль. Для ограниченной, близорукой, примитивной социалистической ментальности, которая требует «перераспределения богатств», не думая об их происхождении, враги - это все богачи, независимо от того, как они разбогатели. Стареющие, седеющие «либералы», которые были «идеалистами» в 30-х годах, цепляются за иллюзию, будто мы движемся к какому-то социалистическому государству, враждебному к богатым и благосклонному к бедным, отчаянно стараясь не видеть, *каких* богачей мы искореняем и *какие* остаются и процветают в системе, которую они же сами и создали. Над ними жестоко пошутили - их «идеалы» вымостили дорогу не к социализму,

а к фашизму. Все их усилия помогли не беспомощно и безмозгло добродетельному «маленькому человеку», герою их убогого воображения и изношенной фантазии, а худшему представителю хищных богачей, разбогатевшему благодаря политическим привилегиям, который всегда рад нажиться на коллективном «благородном начинании». При капитализме у такого богача никаких шансов нет.

Любая форма этатизма - социализм, коммунизм, фашизм - уничтожает создателя капиталов, Хэнка Риардена, а паразиты, Оррены Бойли, становятся привилегированной «элитой» и получают максимальную прибыль при этатизме, в особенности при фашизме. (Когда речь идет о социализме, это Джеймсы Таггерты; когда речь идет о коммунизме - Флойды Феррисы.) То же самое относится к их психологическим двойникам среди бедноты и промежуточных слоев населения.

Особая форма экономической организации, проявляющаяся все более явственно в нашей стране как следствие господства влиятельных группировок, это одна из худших разновидностей этатизма - *гильдейский социализм*. Он лишает будущего талантливую молодежь, замораживая людей в профессиональных кастах под гнетом суровых правил. Это открытое воплощение главной идеи большинства этатистов (хотя они предпочитают в ней не признаваться): поддерживать и защищать посредственность от более способных конкурентов, сковывать более талантливых, низводить их до среднего уровня. Такая теория не слишком популярна среди социалистов (хотя у нее есть сторонники); самый известный пример ее широкого воплощения в жизнь - фашистская Италия.

В 1930-х годах некоторые проницательные люди говорили, что «Новый курс» Рузвельта представляет собой разновидность гильдейского социализма и больше всего похож на режим Муссолини. Тогда на эти слова не обратили внимания. Сегодня симптомы очевидны.

Говорили и о том, что если фашизм когда-нибудь придет в Соединенные Штаты, то придет он под маской социализма. Советую прочитать или перечитать «У нас это невозможно» Синклера Льюиса, обратив особое внимание на характер, образ жизни и идеологию фашистского лидера Берзелиуса Уиндрипа.

А теперь позвольте мне перечислить (и опровергнуть) несколько стандартных возражений, с помощью которых сегодняшние «либералы» пытаются отмежеваться от фашизма и замаскировать истинную природу поддерживаемой ими системы.

«Фашизм требует однопартийной системы». А к чему приводит на практике «власть консенсуса»? «Цель фашизма - завоевать весь мир». А

чего хотят глобально ориентированные, двухпартийные лидеры ООН? И если они достигнут своего, какие позиции они думают занять во властной структуре «единого мира»?

«Фашизм проповедует расизм». Не всегда. Германия при Гитлере стала расистской, Италия при Муссолини - не стала.

«Фашизм - против государства всеобщего благосостояния». Проверьте ваши исходные послышки и почитайте учебники истории. Идею такого государства предложил Бисмарк, политический предок Гитлера. Именно он попробовал купить лояльность одних групп населения с помощью денег, полученных от других групп. Позвольте напомнить, что полное название нацистской партии - «Национал-социалистическая рабочая партия Германии».

Позвольте также привести несколько отрывков из политической программы этой партии, принятой в Мюнхене 24 февраля 1920 года:

«Мы требуем, чтобы правительство взяло на себя обязательство прежде всего прочего обеспечить гражданам возможность устроиться на работу и зарабатывать на жизнь.

Нельзя допускать, чтобы действия индивидуума вступали в противоречие с интересами общества. Деятельность индивидуума должна ограничиваться интересами общества и служить всеобщему благу. В связи с этим мы требуем... положить *конец власти материальных интересов*.

Мы требуем участия в прибылях на крупных предприятиях.

Мы требуем значительного расширения программ по уходу за пожилыми людьми.

Мы требуем... максимально возможного учета интересов мелких предпринимателей при закупках для центральных, земельных и муниципальных властей. Чтобы дать возможность каждому способному и трудолюбивому [гражданину] получить высшее образование и добиться руководящей должности, правительство должно всесторонне расширить нашу систему государственного образования... Мы требуем, чтобы талантливые дети из бедных семей могли получать образование за государственный счет. <...>

Правительство должно усовершенствовать систему здравоохранения, взять под защиту матерей и детей, запретить детский труд... максимально поддерживать все организации, нацеленные на физическое развитие молодежи. [Мы] боремся с меркантильным духом внутри и снаружи и убеждены в том, что успешное возрождение нашего народа возможно только изнутри и только на основе принципа: *общее благо прежде личного блага*»^[38].

Есть, правда, одно отличие того фашизма, к которому мы движемся, от того, который разрушил Европу: наш фашизм - не воинствующий. Это не организованное движение крикливых демагогов, кровавых головорезов, третьесортных интеллектуалов и малолетних преступников. У нас он - усталый, изношенный, циничный и напоминает не бушующую стихию, а скорее тихое истощение тела в летаргическом сне, гибель от внутреннего разложения.

Было ли это неизбежно? Нет, не было. Можно ли еще это предотвратить? Да, можно.

Если вы сомневаетесь в том, что философия способна задавать направления и формировать судьбы человеческих сообществ, посмотрите на нашу смешанную экономику, буквальное воплощение *прагматизма*, прямое порождение этой доктрины и тех, кто вырос под ее влиянием. Прагматизм утверждает, что нет объективной реальности и вечной истины, абсолютных принципов, осмысленных абстракций и устойчивых концепций. Все можно произвольно менять, объективность состоит из коллективной субъективности, истина - то, что люди хотят считать истиной; и то, что мы хотим видеть в реальности, реально существует, если только *консенсус* так решит.

Хотите избежать окончательной катастрофы? Распознайте и отвергните именно этот тип мышления, каждую из его посылок в отдельности и все их вместе. Тогда вы осознаете связь философии с политикой и с вашей повседневной жизнью. Тогда вы поймете и заучите, что ни одно общество не может быть лучше своих философских истоков. И тогда, перефразируя Джона Голта, вы будете готовы не *вернуться* к капитализму, а *открыть* его.

1965 г .

21. Крах консенсуса

Айн Рэнд

Два года назад, 18 апреля 1965 года, я выступала на форуме с докладом, которому дала такое название: «Новый фашизм: управление на основе консенсуса». Я говорила тогда: «Ключом к сути, основанию, мотиву и подлинному значению доктрины "консенсусного правления" является культ компромисса. Компромисс - это изначальное условие, необходимость, основание для смешанной экономики. Доктрина "консенсуса" - это попытка перевести в термины идеологической - или антиидеологической - системы нелицеприятные факты смешанной экономики и придать им подобие оправдания». Нелицеприятные факты смешанной экономики - это правление группировок, то есть борьба за власть между различными партиями влияния, борьба, в которой отсутствуют какие-либо моральные или политические принципы, программа, направление, смысл или масштабная цель; группировок, которые объединяет лишь твердое убеждение в праве сильного на власть и которые в конечном итоге создают фашистское государство.

В сентябре 1965 года в *The Objectivist Newsletter* я писала:

«Вопреки фанатичной уверенности своих защитников компромисс не удовлетворяет, а, наоборот, приводит к *отсутствию удовлетворения* всех; он ведет не к всеобщему удовольствию, а к всеобщему разочарованию; те, кто пытаются быть всем для всех, на деле оказываются ничем ни для кого».

Просто удивительно наблюдать, как быстро этот принцип стал эффективным - в эру отказа от принципов.

Где нынче консенсус президента Джонсона? И где, в политическом смысле, сам президент Джонсон? Падение - всего за два года, во времена кажущегося благополучия, не испытывая влияния какого-либо национального бедствия - падение с высот популярности до состояния должника своей собственной партии на выборах 1966 года должно заставить остановиться и призадуматься любого, кого волнует современная политика.

Если бы вообще существовал какой-то способ заставить компромисс работать, то президент Джонсон - как раз тот человек, который смог бы это сделать. Он был специалистом по манипулированию группами влияния - в той игре, которая заключается в раздаче обещаний и заведении друзей, и последующем сохранении вторых, но не выполнении первых. Его

мастерство манипулятора было одной из характеристик, которые ответственные за его общественный имидж преподносили нам как достижение на пике его популярности. Если уж он не мог с этим справиться, то любому другому это было тем более не под силу.

История Джонсона должна была подтолкнуть людей к тому, чтобы проверить в первую очередь именно практический эффект компромисса. И я уверена, что очень многие действительно захотели этого. Многие, но только не республиканцы - по крайней мере не все. Не те, кто сейчас продвигает вперед, туда, где потерпел поражение настоящий профессионал, неуверенных, мягких личностей вроде Ромни.

И с чем же остались поборники компромисса после того, как система консенсуса рухнула? Ни с чем, кроме очевидного для всех зрелища моральной и интеллектуальной несостоятельности смешанной экономики, бессистемного развала ее обнажившегося механизма и скрежетом ее шестеренок среди мертвой тишины, воцарившейся в нашем обществе, - звуком непродуманных, возникших под влиянием момента требований групп влияния, которые уже даже не пытаются прикрываться какими-либо политическими идеалами или моральными оправданиями.

Доктрина консенсуса оказалась маскировкой, пусть сомнительной и полупрозрачной, но все-таки маскировкой, назначением которой было придать видимость теоретического статуса практике обычной грызни за власть. Сегодня даже эта полупрозрачная маскировка отброшена, и антиидеология действует в открытую, беззастенчивее, чем когда-либо.

Политическая идеология - это свод принципов, направленных на установление и поддержание определенной социальной системы; это программа долгосрочных действий, где принципы служат объединению и взаимодействию отдельных шагов в общем направлении. Только с помощью принципов люди могут строить планы на будущее и соответствующим образом выбирать нужные действия.

Антиидеология состоит из попыток свести человеческий разум к уровню сиюминутных потребностей, без обращения к прошлому или будущему, без контекста и памяти - в первую очередь без памяти, для того, чтобы невозможно было выявить противоречия, а во всех ошибках и катастрофах обвинить их же жертв.

В антиидеологической практике принципы существуют в неявном виде и служат опорой для подавления противника, но никогда не признаются открыто и изменяются как угодно под воздействием требований момента. Угодно кому? Правящей группировке. Таким образом, человеческие моральные критерии становятся не «моим

пониманием добра - или правды - или справедливости», а «моей группировки, правой или неправой».

Возьмем, к примеру, войну во Вьетнаме. Здесь неправильно все (но не по тем причинам, о которых громче всего кричали), начиная с самого обозначения понятия. «Холодная война» - это термин, сам себе противоречащий. Для американских солдат, погибающих на поле битвы, она не слишком «холодна», точно так же, как и для их семей и для каждого из нас.

«Холодная война» - типично гегелианский термин. Он зиждется на предпосылке о том, что А - это не-А, что вещи не есть то, чем они являются, пока мы не придумаем им названия; или же с практической точки зрения вещи есть то, чем называют их наши лидеры, а если они не называют их никак, значит, мы не можем узнать, чем эти вещи являются. Такая эпистемология не слишком хорошо работает даже в отношении невежественных толп русских крестьян. То, что она применяется к американским гражданам, - это, вероятно, наиболее позорный симптом нашего культурного распада.

Если человек погибает от рук солдат противника в ходе военных действий, это война, самая настоящая, и ничего более - какую бы температуру мы этому явлению ни приписывали.

Но подумайте, какие преимущества гегелианская терминология дает лидерам смешанной экономики. Когда страна находится в состоянии войны, она должна использовать все свои ресурсы для того, чтобы сражаться и победить как можно скорее. Она не может в одно и то же время сражаться и не сражаться. Она не может посылать своих солдат на смерть в качестве пушечного мяса, не позволяя им победить. Когда страна находится в состоянии войны, ее лидеры не могут болтать о «культурном обмене» и о «построении мостов» с противником, как делают наши лидеры, - *торговых* мостов для укрепления экономики противника и предоставления ей возможности производить самолеты и пушки, которые уничтожают наших солдат.

Страна в состоянии войны часто старается дискредитировать противника, распространяя истории о его жестокости - практика, к которой свободная, цивилизованная страна не может и не должна прибегать. Цивилизованная страна со свободной прессой может позволить фактам говорить самим за себя. Но каково морально-интеллектуальное состояние государства, которое распространяет слухи и истории о жестокости о *самой себе* и игнорирует или замалчивает доказанные факты, свидетельствующие о жестокостях врага? Каково морально-

интеллектуальное состояние государства, которое позволяет своим гражданам устраивать парады с вражескими - вьетконговскими - флагами? Или собирать деньги для противника в университетских кампусах? Почему такое возможно? Потому что мы утверждаем, что мы не находимся в состоянии войны - а лишь холодной войны.

В военное время мораль страны имеет первостепенное значение. Во время Второй мировой войны британский Лорд Гав-Гав вполне обоснованно считался предателем - за то, что преступным образом пытался разрушить мораль британских солдат, распространяя по радио жуткие истории о непобедимости нацистской Германии. Сегодня, во время холодной войны, работу Лорда Гав-Гава исполняют наши собственные общественные деятели. Тошнотворные страшные истории об «эскалации», о нашем страхе войны были бы поводом для стыда, если бы им предавались лидеры какого-нибудь Монако или Люксембурга. Но когда этим занимаются лидеры самой могущественной державы мира, «стыд» - неподходящее слово для их характеристики.

Если государство понимает, что оно не может вступить в войну с другим государством, *оно не вступает с ним в войну*. Если государство действительно слабо, оно не кидается в бой с криком: «Пожалуйста, не воспринимайте меня всерьез, я не буду заходить слишком далеко!» Оно не оповещает всех о своем страхе в качестве доказательства своего стремления к миру.

Лишь в одном смысле этот отвратительный феномен может быть классифицирован как не-война: Соединенные Штаты ничего от этого не выигрывают. Войны - это второе из самых больших зол, которые могут случиться с человеческим обществом. (Первое - это диктатура, порабощение государством своих же собственных граждан, что и является причиной для войн.) Когда нация вступает в войну, это делается ради чего-то, у нее есть за что сражаться, а единственная действительно оправданная причина для войны - это самооборона. Если хотите увидеть самое последнее, экстремальное проявление альтруизма в международном масштабе, посмотрите на войну во Вьетнаме - войну, в которой американские солдаты гибнут вообще без всякой причины.

Именно в *этом* - самое страшное зло вьетнамской войны, в том, что *она не служит никаким американским национальным интересам*, что это чистый пример слепой, бессмысленной, альтруистической, жертвенной бойни.

Никому из нас не известно, *зачем* мы вступили в войну, *как* мы оказались замешаны в этом и *что* может нас теперь спасти. Как бы ни

пытались наши общественные деятели объяснить нам ситуацию, они лишь еще больше запутывают дело. Они одновременно утверждают, что мы сражаемся за интересы Соединенных Штатов и что у Соединенных Штатов нет никаких «личных» интересов в этой войне. Они говорят нам, что коммунизм - это наш враг, и при этом они атакуют, осуждают любых антикоммунистов в этой стране. Они говорят нам, что необходимо сдерживать распространение коммунизма в Азии - но почему-то не в Африке. Они говорят нам, что необходимо противостоять коммунистической агрессии во Вьетнаме - но почему-то не в Европе. Они заявляют, что мы должны защищать свободу Южного Вьетнама, - но почему-то мы не должны делать этого в Восточной Германии, Польше, Венгрии, Латвии, Чехословакии, Югославии, Катанге и других странах. Они убеждают нас в том, что Северный Вьетнам угрожает нашей национальной безопасности - но ей при этом почему-то не угрожает Куба. Они говорят, что мы должны защищать право Южного Вьетнама на «демократические» выборы и на то, чтобы его народ сам выбрал, кого ему угодно - пусть даже коммунистов, то есть мы сражаемся не за какие-либо политические идеалы, принципы или справедливость, но за безграничную власть большинства, а цель, за которую сражаются американские солдаты, должна быть определена чьим-то чужим голосованием. Кроме того, нам говорят, что мы должны убедить Южный Вьетнам включить коммунистов в состав коалиционного правительства; а ведь именно таким путем мы отдали коммунистам Китай, правда, об этом нынче никто не упоминает. Они говорят нам, что мы должны защищать право Южного Вьетнама на «национальное самоопределение», но что любой, кто поддерживает национальный суверенитет Соединенных Штатов, - изоляционист, что национализм - это зло, что наш дом - это вся Земля и что мы должны быть готовы умереть за любую ее часть, за исключением североамериканского материка.

И разве удивительно, что больше никто не верит в то, что говорят наши общественные лидеры - ни у нас, ни за рубежом? Наши антиидеологи начинают уже об этом беспокоиться. Но - в свойственном им стиле - они не говорят, что кто-то лжет, они называют это «кризисом доверия».

В каких же терминах обсуждается у нас война во Вьетнаме? Здесь нет никаких заявленных целей, никаких интеллектуальных проблем. Есть лишь две противоположные стороны, которые отличаются друг от друга не какими-то конкретными идеологическими концепциями, а лишь *образами*, более подходящими для примитивной эпистемологии варваров: это «ястребы» и «голуби». Однако при этом «ястребы» воркуют, оправдываясь,

а «голуби» отчаянно лают на противника.

Те же группировки, которые во время Второй мировой войны придумали термин «изоляционист» для определения каждого, кто считал, что международные дела других государств не должны входить в сферу ответственности Соединенных Штатов, - те же самые группировки теперь кричат о том, что Соединенные Штаты не имеют никакого права вмешиваться в международные дела Вьетнама.

Никто не ставил такой цели, которая бы при ее достижении должна была бы положить конец войне во Вьетнаме, - за исключением президента Джонсона, который предложил в качестве платы за мир миллиард долларов; *не* миллиард долларов, который должен был бы быть выплачен *нам*, а миллиард долларов, который должен был быть выплачен *нами* на экономическое развитие Вьетнама; то есть мы сражаемся за привилегию превратить всех американских налогоплательщиков в рабов, которые часть своего времени трудятся на благо вьетнамских господ. Однако демонстрация такой иррациональности не стала монополией одних лишь Соединенных Штатов: Северный Вьетнам отказался от этого предложения.

Нет, у проблемы войны во Вьетнаме нет никакого приемлемого решения: это война, в которую мы вообще не должны были вступать. Продолжать ее бессмысленно, а выход из нее сейчас станет очередным актом примирения в нашей длинной и постыдной истории. Конечным результатом политики примирения оказывается мировая война, как уже было продемонстрировано на примере Второй мировой войны; в сегодняшнем контексте это может означать ядерную мировую войну.

То, что мы позволили загнать себя в подобную ловушку, - результат 50 лет самоубийственной внешней политики. Никто не может изменить последствия, не меняя причины; если бы такие катастрофы могли бы быть разрешены «прагматически», то есть одномоментно, тогда бы государству вообще не была бы нужна внешняя политика. И *это* обоснование того, почему нам нужна политика, основанная на долгосрочных принципах, то есть на *идеологии*. Но сегодняшние антиидеологи не решаются провести такую ревизию нашей внешней политики, начиная с самых ее основ. Чем хуже оказываются ее результаты, тем громче наши политические лидеры провозглашают ее *двухпартийность*.

Верным решением было бы избрать таких членов правительства - если это возможно, - которые начали бы проводить совершенно иную внешнюю политику, защищающую американские права и национальные интересы, и отказались бы от всякой помощи другим государствам и любых форм международного самопожертвования. При такой политике мы смогли бы

тут же уйти из Вьетнама, и наш уход был бы правильно понят всеми без исключения. Но таких государственных деятелей на данный момент у нас не существует. В сегодняшних условиях единственной альтернативой остается продолжать эту войну и выиграть ее как можно скорее. Должны появиться новые государственные деятели с новой внешней политикой, прежде чем старые загонят нас в очередную холодную войну, точно так же, как с помощью холодной войны в Корее нас загнали во Вьетнам.

Ввязываться в подобные безответственные авантюры нашим лидерам дает возможность институт призыва на военную службу.

Вопрос о призыве сегодня, вероятно, самый важный из обсуждаемых сегодня. Но понятия, которые используются при его обсуждении, - всего лишь печальное проявление нашего антиидеологического «мейнстрима».

Из всех тоталитарных нарушений прав личности при смешанной экономической системе призыв на военную службу, наверное, самое страшное. Это надругательство над правами. Военный призыв отрицает фундаментальное право человека - право на жизнь - и устанавливает основной принцип тоталитаризма, согласно которому жизнь человека принадлежит государству, и государство может потребовать пожертвовать ею в войне. Если принимается этот принцип, все остальное - лишь вопрос времени.

Если государство может заставить человека рисковать жизнью или здоровьем в войне, которую объявило по собственной прихоти, цели которой он не может не то что одобрить, но даже понять, если для того, чтобы послать его на нечеловеческую муку, не требуется его согласия, тогда, в принципе, в этом государстве отрицаются все права, и его правительство не является защитником граждан. Что же в таком случае оно защищает?

В хаосе, созданном сегодня антиидеологическими группировками, наиболее аморальным противоречием оказывается противоречие так называемых «консерваторов», которые представляют себя защитниками прав личности, а особенно прав *собственности*, но при этом поддерживают и защищают военный призыв. Какими адскими увертками они надеются оправдать утверждение, согласно которому существо, не имеющее права на жизнь, при этом имеет право на банковский счет? Чуть более высокий - но не слишком - круг ада следует отдать тем «либералам», которые заявляют, что человек имеет «право» на экономическую безопасность, жилье, медицинское обслуживание, образование и отдых, но не имеет права на жизнь; то есть что человек имеет право на *средства к существованию*, но не на само *существование*.

Все стороны пользуются для оправдания призыва заявлением о том, что «права порождают обязанности». Обязанности по отношению к кому? И кто их устанавливает? С идеологической точки зрения такое утверждение даже хуже, чем само зло, которое им пытаются прикрыть: оно предполагает, что права - это подарок от государства, и при этом человек должен отдавать государству что-то (собственную жизнь) взамен. С логической точки зрения это противоречие: если единственная достойная функция государства - это защита человеческих прав, то оно не может в обмен на эту защиту требовать право распоряжаться его жизнью.

Единственная «обязанность», имеющая отношение к правам личности, - это обязанность, устанавливаемая не государством, а самой природой (то есть законом равенства): это *взаимность*, что в данном контексте обозначает обязанность уважать права других, если вы хотите, чтобы ваши права также признавались и защищались.

С политической же точки зрения военный призыв просто неконституционен. Никакие логические обоснования ни со стороны Верховного суда, ни со стороны отдельных граждан не могут изменить того факта, что военная служба по призыву является «принудительным трудом».

Добровольная служба в армии - это единственный пристойный, моральный - и практичный - способ защищать свободное государство. Пойдет ли человек защищать свою страну, если на нее нападут? Конечно, если он ценит свои же собственные права и свободы. Свободное (или даже полусвободное) государство никогда не будет испытывать недостатка в добровольцах перед лицом иностранной агрессии. Многие высшие военачальники признают, что добровольческая армия - армия людей, которые знают, за что и почему они сражаются, - это самая лучшая, наиболее эффективная армия, а армия, набранная по призыву, - наименее эффективная.

Часто задают вопрос: «Но что, если страна не сможет набрать достаточного количества добровольцев?» Даже в данном случае это не дает остальному населению права распоряжаться жизнями молодых граждан. Но на самом деле недостаток в добровольцах может возникнуть по двум причинам. 1. Либо если страна деморализована коррумпированным, авторитарным правительством, которое граждане не желают защищать. Но в таком случае, даже будучи призванными на военную службу, они не будут сражаться долго. В качестве примера можно вспомнить самый настоящий распад, произошедший с армией царской России в ходе Первой мировой войны. 2. Либо если правительство приняло решение начать

военные действия по причинам, отличным от самообороны, ради чего-то, что не близко и не понятно гражданам, которые, естественно, в этом случае в подавляющем большинстве не захотят добровольно сражаться. Таким образом, армия, состоящая из добровольцев, - один из лучших инструментов сохранения мира, причем она эффективно противостоит не только иностранному вторжению, но и любой военизированной идеологии или милитаристским планам собственного правительства.

Немногие пошли бы добровольно сражаться в таких войнах, как корейская или вьетнамская. Если бы в их распоряжении не было военного призыва, рулевые нашей внешней политики не могли бы ввязываться в подобные предприятия. Вот вам одна из наиболее убедительных практических причин для запрета армейского призыва.

А вот и другая. Эпоха огромных, многолюдных армий отошла в прошлое. Современная война - это война *технологий*; для участия в ней необходимы серьезно образованные, научно грамотные люди, а не толпы пассивных, не думающих, запуганных солдат; для нее необходима интеллектуальная мощь, а не физическая сила, способность мыслить, а не слепое исполнение приказов. Человека можно заставить умереть, но его невозможно заставить думать. Вспомните: наиболее высокотехнологичные рода войск нашей армии - ВМФ, ВВС - не набирают в свои ряды призывников и полностью комплектуются контрактными служащими. Таким образом, призывниками пополняются лишь наименее эффективные и - в сегодняшних условиях - наименее значимые части наших вооруженных сил: пехотные. Принимая все это во внимание, нельзя не усомниться в том, что главной целью тех, кто выступает в защиту призыва и доказывает его необходимость, действительно является безопасность государства.

Мы сейчас говорим *не* о практическом аспекте оборонных сил страны; не об этом больше всего пекутся защитники института призыва. Может быть, кем-то из них и движут обыденные, традиционные идеи и страхи, но в национальном масштабе определяющими оказываются более глубокие мотивы.

Если всеми принимается, пусть даже молчаливо, некий порочный принцип, можно не сомневаться, что уже очень скоро его будут провозглашать открыто: группы влияния в совершенстве овладели искусством обращать логические построения в практическую выгоду для себя. Например, во время Второй мировой войны попытка ввести всеобщую трудовую повинность - то есть принудительный труд всего гражданского населения, где только государство имеет право решать, кто и

какую работу будет выполнять, - опиралась именно на существование института армейского призыва. «Если люди могут быть призваны в армию, чтобы, возможно, погибнуть за свою страну, - заявляли сторонники такой программы, - то почему страна не может призывать своих граждан работать на нее?» В конгресс на рассмотрение дважды поступали законопроекты, включавшие такое предложение, но, к счастью, оба они не прошли. Второй из этих законопроектов отличался любопытным штрихом: он предполагал, что труд по призыву должен оплачиваться в соответствии с установленной профсоюзами шкалой ставок заработной платы, менять которую было нежелательно. Однако, чтобы быть «честными» по отношению к призванным в армию, работникам трудового призыва нужно было выдавать на руки суммы, эквивалентные армейскому жалованью, а остаток заработной платы правительство забирало бы себе (!).

И как вы думаете, какая политическая группировка могла выступить с такими предложениями? Оба законопроекта были предложены республиканцами - и не прошли благодаря профсоюзам, которые были единственной значимой экономической группой, вставшей между нами и тоталитарным государством.

А теперь давайте обратимся к терминологии, которая используется в обсуждении проблемы армейского призыва сегодня. Основной довод в пользу сохранения этого института - вовсе не военный, а финансовый (!). Многие готовы согласиться с тем, что можно было бы отменить воинскую обязанность, но контрактная армия - это очень дорого.

На сегодняшний день военнослужащие являются одной из наиболее низкооплачиваемых групп населения: плата, положенная солдату-призывнику, в деньгах или эквивалентном обеспечении (в том числе в виде проживания и питания) составляет *один доллар* в час. Чтобы привлечь добровольцев в армию, необходимо предложить им более высокую оплату и лучшие условия, чтобы тем самым вывести военную карьеру на уровень стандартов гражданского рынка труда.

Никем пока не был проведен точный подсчет расходов на содержание контрактной армии, но по приблизительным оценкам это обошлось бы в сумму около четырех миллиардов долларов в год.

Запомните эту цифру. И вспомните ее, когда будете читать в газетах о государственном бюджете нашей страны, а заодно подумайте и четко представьте себе, что на эту сумму можно приобрести.

Возраст от 15 до 25 лет - это годы, оказывающие критическое влияние на дальнейшую жизнь человека. Именно в этот период у него окончательно складывается собственное видение мира, других людей, общества, в

котором он живет; строятся сознательные убеждения, определяются моральные ценности; он выбирает жизненные цели, планирует будущее, культивирует или отбрасывает амбиции. Именно эти годы делают его полностью сформировавшейся личностью. И именно *эти* годы наше якобы гуманное общество заставляет его провести в постоянном ужасе - ужасе от сознания того, что он не может ничего планировать и ни на что рассчитывать, что любая дорога, которую он изберет, может быть в любой момент перекрыта непредсказуемой силой, что любая картина будущего искажается серыми тенями армейских казарм, за которыми, возможно, скрывается самое жуткое - гибель за неизвестные идеалы в каких-то чужих джунглях.

Давление такого рода оказывает сильнейшее разрушительное воздействие на психику молодого человека, если он осознает ситуацию, - и даже более страшное, если не осознает.

Первое, от чего ему в любом случае придется отказаться, - это разум: разум не может функционировать в условиях, где он не имеет силы. Если молодой человек приходит к выводу, что его существование лишено надежды, что его жизнь находится в руках какого-то вселенского непостижимого зла, если у него возникает отчаянное, мрачное чувство обиды на обманувшее его старшее поколение и злейшая ненависть ко всему человечеству, - если он пытается спастись от этого нечеловеческого психологического давления, присоединившись к какому-нибудь модному нынче сообществу типа битников, не вините его. Братья, вы сами этого хотели!

Вот что можно приобрести за те четыре миллиарда долларов - *вот* от чего они могут спасти его и любого другого молодого человека в стране и тех, кто их любит. Вспомните, в какие трубы вылетают сегодня наши деньги: согласно государственному бюджету на 1968 финансовый год мы должны потратить 4,5 млрд на помощь иностранным государствам и сопутствующие проекты, 5,3 млрд на космические программы, 11,3 млрд на всего лишь одну из многочисленных отраслей социального обеспечения; и при этом мы заявляем, что не можем позволить себе потратить четыре миллиарда на спасение нашего юношества от агонии калечащей и ожесточающей его психологической пытки.

Но, само собой, подлинный мотив, стоящий за этим преступлением против общества, не финансовый; вопрос о затратах - это не более чем рациональное оправдание. Подлинный мотив можно уловить в следующем утверждении, сделанном генерал-лейтенантом Льюисом Херши, начальником системы срочной военной службы, 24 июня 1966 года: «Меня

не беспокоит неопределенность, связанная с поддержанием в наших гражданах убеждения, что они должны что-то своей стране. Существует слишком, слишком много людей, считающих, что необходимо в полной мере признавать индивидуализм, даже если групповые права катятся к чертям».

Тот же самый мотив вполне ясно прозвучал в предложении, изначально высказанном министром обороны Робертом Макнамарой, которое теперь усиленно муссируется в прессе.

18 мая 1966 года Макнамара сделал следующее заявление: «На сегодняшний день наша система срочной военной службы охватывает лишь малую часть годных к ней молодых людей. Мне кажется, мы могли бы попытаться исправить это несоответствие, обратившись ко всем молодым людям Соединенных Штатов с просьбой отдать два года службе отечеству - либо в каком-то из родов войск, либо в Корпусе мира или на какой-то другой добровольной созидательной работе дома или за границей».

На «созидательной» работе - созидая что и для кого?

По всей видимости, посадка риса или копание канав где-нибудь в Азии, Африке и Южной Америке считается службой Соединенным Штатам, а подготовка к продуктивной карьере - нет. Обучение наших собственных безграмотных сограждан в сельском захолустье или в городских трущобах считается, а поступление в колледж - нет. Учить умственно отсталых детей плести корзины - это служба родине, а получение ученой степени - нет.

Вам теперь понятен неназываемый принцип? В Соединенных Штатах сегодня не считается ценным развитие молодого человека в продуктивную, целеустремленную, *независимую* личность; а ценно превращение граждан в жалких жертвенных животных.

Это, заявляю я, абсолютно аморально.

Если на земле и существует государство, для которого этот принцип приемлем, то это никак *не* Соединенные Штаты. Это даже не Советская Россия, где разрушают разум своих молодых граждан, но все-таки не в такой мерзкой, полностью лишенной смысла манере.

Предложения, подобные тому, что высказал Макнамара, демонстрируют неприкрытую сущность *альтруизма* в его самой чистой и законченной форме. Это не желание жертвовать людьми ради предполагаемого блага государства - это желание жертвовать ими *ради жертвы как таковой*. Это желание сломать дух человека - разрушить его разум, его стремления, его самооценку, уверенность в себе, его *самого* в

тот самый период, когда у него происходит процесс обретения и установления всего вышеперечисленного.

Пробный шар мистера Макнамары вначале казался не слишком удачным. Сразу же послышались протестующие и негодующие возгласы, и правительство, испугавшись, поспешило выдать опровержение. «Администрация президента Джонсона, - писала *The New York Times* 20 мая 1966 года, - сегодня поспешила заявить, что у нее нет никаких планов призывать молодых американцев на обязательную гражданскую службу или делать эту службу альтернативой армейской». В том же новостном обзоре было сказано, что «чиновники, которым пришлось истолковывать его [Макнамары] заявление, делают особый акцент на том, что он предлагал обратиться к молодым людям с "просьбой", а не с "требованием" послужить отечеству». Что ж, а я бы хотела сделать особый акцент на том, что, если правительство намерено «просить», а не «требовать», оно не поручает выразить эту просьбу министру обороны, а он не делает этого в контексте рассуждений о воинской обязанности.

Предложение заняться «добровольной службой» с риском для собственной жизни - это *шантаж*, жертвой которого оказывается вся американская молодежь; шантаж, загоняющий ее в откровенное рабство.

После такого первичного предложения, которое, несомненно, было сделано в качестве предварительного шага, чтобы «подготовить» жертвенных животных, тоталитарно-альтруистические группировки начали активно продвигать идею «добровольной» общественной службы.

14 сентября 1966 года Джеймс Рестон, журналист *The New York Times*, процитировал в газете слова президента Джонсона:

«Я надеюсь дожить до того дня, когда в Америке добровольная служба обществу, нации и мира станет таким же обычным делом, как среднее образование; когда жизнь человека не будет считаться полноценной, если он будет служить только себе».

Намерения очевидны. Когда страна не нуждается в призывниках для военных целей, когда нет необходимости посылать все доступные человеческие ресурсы на ее защиту, тоталитарные силы не желают отказываться от использования такого удобного и мощного инструмента и от того неназываемого принципа (и прецедента), торжеству которого служит этот инструмент, - в первую очередь именно от принципа, от идеи о том, что жизнь каждого человека принадлежит государству.

Вот в чем настоящая - вернее, единственная реально существующая - проблема, и не существует иного способа разрешить ее или добиться отмены обязательной военной службы, кроме как через провозглашение и

защиту права каждого самостоятельно распоряжаться собственной жизнью. А это право нельзя защищать, не имея полноценной, устойчивой морально-политической идеологии. Однако сегодня антиидеологи любой партийной принадлежности, устраивая между собой бурные, но абсолютно бесполезные дискуссии по данному вопросу, вспоминают о чем угодно, только не об этом главном условии.

Теоретически «консерваторы», предполагаемые защитники свободы и капитализма, должны выступать против воинской обязанности. Однако это не так; они, напротив, поддерживают институт призыва. В начале предвыборной кампании 1964 года Барри Голдуотер туманно намекнул на то, что он выступает за отмену воинской обязанности, заронив в людские сердца зерно надежды; увы, он тут же оставил эту тему и посвятил свою кампанию разгрому Бобби Бейкера. Кто же превратил призыв в один из важнейших вопросов, волнующих общество, кто вынес его на всеобщее обсуждение, требуя отмены воинской обязанности? Крайние *левые* - противники войны во Вьетнаме и прочие пацифисты.

Не отходя от линии антиидеологических методов прочих групп, эти деятели, симпатизирующие России, Китаю и Северному Вьетнаму, громогласно требуют отмены призыва во имя защиты своих «прав личности»: да-да, *прав личности*, хотите верьте, хотите нет. Они отстаивают свое право выбирать, в какой войне они будут сражаться, при этом симпатизируя государствам, где личность лишена права выбирать и выражать даже собственные мысли. А еще хуже то, что это единственная группа, которая вообще упоминает о правах личности (если верить газетным репортажам).

Но я бы выбрала из всей этой антиидеологической кучи мусора один небольшой инцидент, который в моральном смысле кажется мне самым отвратительным. Цитирую *The New York Times* от 6 февраля 1967 года:

«Сегодня лидеры 15 студенческих организаций, среди которых представители как крайних политических течений, так и центра, высказались за отмену призыва на военную службу и в поддержку добровольной службы в гуманитарных проектах. По итогам двухдневной конференции, посвященной призыву и государственной службе и проходившей в отеле Shoreham (Вашингтон), студенческие лидеры обнародовали резолюцию, в которой сказано: "Нынешняя система срочной службы, несправедливая по своей сути, несовместима с традиционными американскими принципами свободы личности в демократическом обществе, и, исходя из этого, она должна исчезнуть. В нашем обществе у молодых людей существует настоятельная потребность принять участие в

борьбе с такими общественными недостатками, как невежество, нищета, расовые предрассудки и войны". Среди подписавших резолюцию - ведущие члены левых "Студентов за демократическое общество", правых "Молодых американцев за свободу" и умеренного "Молодежного и студенческого отделения Национальной ассоциации за прогресс цветного населения"...

Хотя по конкретным рекомендациям единого мнения достичь не удалось, мистер Чикеринг [спонсор конференции] сказал, что верит в то, что большинство студенческих вожakov поддержали его предложение о создании системы добровольной общественной службы. Согласно его проекту... студентов в кампусах по всей стране попросят заполнить бланки, отражающие их готовность присоединиться к системе альтернативной гуманитарной службы».

(Обратите внимание на формулировку «традиционные американские принципы свободы личности в демократическом обществе» - вместо «права личности на жизнь». Что такое «свобода личности в демократическом обществе»? Что такое «демократическое общество»? «Свобода личности» - термин, не входящий в число основных политических принципов, и не может быть определен, защищен или применен на практике в отрыве от основополагающего принципа прав личности. А термин «демократическое общество» *традиционно* означает безграничную власть большинства. Вот вам пример применения метода, которым пользуются современные антиидеологи для того, чтобы извратить идею прав. Кроме того, заметьте, что вышеупомянутый документ был подписан в том числе и лидерами «консервативных» «Молодых американцев за свободу».)

Здесь никого не выпороли: люди сами согласились на экзекуцию и выпороли сами себя.

В политическом смысле выдвинутое предложение гораздо хуже, чем призыв на военную службу. Призыв по крайней мере можно оправдать тем, что человек идет служить своей стране в момент, когда ей грозит опасность, а политические следствия этого института размыты долгой исторической традицией, связанной с патриотизмом. Но если молодые люди согласны поверить в то, что потратить важнейшие годы, формирующие их личность и их будущее, на выращивание риса и вынос больничных уток - их долг перед обществом, значит, они обречены в психологическом плане, равно как и их страна.

В той же газетной статье приведены некоторые шокирующие статистические данные касательно настроений студентов колледжей в

целом. Там цитируется опрос, проведенный Национальной студенческой ассоциацией в двадцати трех кампусах в разных штатах. Если верить этому опросу, «около 75% сказали, что положительно отнеслись бы к такому изменению законодательства, которое позволило бы работать в Корпусе мира, Учительском корпусе или в организации Добровольцев на службе Америки в качестве альтернативы военной службе. Однако примерно 90% согласились с тем, что правительство имеет право призывать граждан на обязательную службу, причем 68% считают, что призыв должен осуществляться не только в периоды объявленной угрозы нации, но и в мирное время».

Это исчерпывающий пример того, что я называю «ответственностью жертвы». А еще пример того, что человека можно поработить политически, лишь разоружив его *идеологически*. Когда он лишается этого идеологического оружия, он становится жертвой, которая сама руководит собственной казнью.

Такова трясина противоречий, поглощающая две наиболее острые проблемы настоящего времени: Вьетнам и воинскую обязанность. Но все это верно и для всех прочих проблем и псевдопроблем, сегодня забивающих все пути общественной коммуникации. А в довершение всего антиидеологи, ответственные за такое положение дел, жалуются на недостаточную активность общества.

Но эта недостаточная активность на самом деле всего лишь не слишком удачная психологическая маскировка, под которой скрываются замешательство, отвращение и разочарование.

Страна в целом ощущает горькую неудовлетворенность существующим статус-кво, больше не верит затертым лозунгам тоталитарного благополучия и отчаянно пытается нащупать альтернативу, иными словами, вразумительную программу и направление движения. О том, насколько настоятельна потребность в этом, можно судить хотя бы по тому, как единственная удачная речь смогла сделать человека, никогда раньше не имевшего отношения к государственной службе, губернатором Калифорнии. Сторонники тоталитарного правления из обеих партий, занятые в данный момент придумыванием ярлыков для губернатора Рейгана, крайне обеспокоены тем, как не позволить ни себе, ни кому-нибудь другому извлечь настоящий урок из его победы: урок о том, что страна стосковалась по голосу, в котором звучала бы уверенность, ясность и твердые моральные принципы, - те самые выдающиеся черты, которые сделали его речь настолько великолепной и которые никогда не будут доступны ищущим консенсус антиидеологам.

Сейчас губернатор Рейган производит впечатление политической фигуры, имеющей некий потенциал, но я не знакома с ним и не могу делать какие-либо прогнозы относительно его будущего. В любом случае непросто избежать определенной доли скепсиса: мы так часто оказывались разочарованы! Но как бы ни развивались события в дальнейшем, оправдает Рейган наши надежды или нет, он уже помог людям осознать один непреложный факт: человеческую потребность в ясных идеях, стремление к ним и отклик на них - факт, который станет трагическим, если интеллектуальные лидеры нашего государства продолжат закрывать на него глаза.

После выборов 1966 года ряд комментаторов начал вести разговоры об «уклоне вправо» нашей страны. Но на самом деле страна в целом (не считая разве что Калифорнии) вовсе не пыталась сблизиться с правым флангом; она просто стремилась удалиться от левого (если понимать под «правым» капитализм, а под «левым» тоталитаризм). В отсутствие крепкой, устойчивой *идеологической* программы и лидерства самый отчаянный народный протест обречен захлебнуться и иссякнуть в тупиках того самого тоталитаризма, против которого он был направлен. Бороться *против* - бесперспективно, если не представлять очень четко, за что ты борешься. Исключительно негативное движение, инициатива, основанная на чистом отрицании, не может одержать победу, что неоднократно было доказано в истории: такая инициатива никуда не ведет.

Доктрина консенсуса добилась результатов, прямо противоположных заявленным целям: вместо создания союза или прихода к согласию она искалечила и развалила государство до такой степени, что стало невозможным любое общение, не говоря уже о согласии. Государство должно стремиться не к превращению в искусственный монолит, а к искоренению противоречий и непоследовательности в своей политике. Политика же может быть внутренне непротиворечивой и интеллектуально последовательной только тогда, когда она опирается на фундаментальные принципы, а не балансирует в поисках компромисса между общественными группировками; когда высшая власть принадлежит идеям, а не партиям.

Определение идей и целей не относится к сфере деятельности политиков и не является чем-то, что устанавливается в процессе выборов: выборы - это не более чем следствие. Эта задача остается в компетенции мыслителей. А необходимость ее решения сейчас острее, чем когда-либо.

Постскриптум. Время от времени я получаю письма от молодых людей, которые спрашивают у меня персонального совета по поводу

проблем, связанных с призывом. С моральной точки зрения никто не может давать советы в любом вопросе, где отсутствует возможность добровольного выбора и принятия решений: «Мораль заканчивается там, где начинается стрельба». Что касается доступных практических альтернатив, самый лучший вариант - обратиться к профессиональному юристу.

Тем не менее в этом вопросе все же есть один моральный аспект, требующий прояснения. У некоторых молодых людей формируется неверное мнение о том, что раз военный призыв - это нарушение их прав, то, следовательно, подчинение закону о призыве выдает моральную санкцию на такое нарушение. Это серьезная ошибка. Вынужденное подчинение закону никак не может быть воспринято как санкция на нарушение человеческих прав. Все мы вынуждены подчиняться разнообразным законам, которые попирают наши права, но пока мы боремся за отмену таких законов, наше подчинение им не создает санкцию. С несправедливыми законами нужно бороться идеологическим путем; им нельзя противостоять или пытаться изменить их путем простого неповиновения и жалкого мученичества. Цитируя редакционную статью из апрельского номера *Persuasion* 1967 года: «Невозможно остановить танк, бросившись перед ним на дорогу...»

22. Выгодное дело: студенческие волнения

Айн Рэнд

Так называемые студенческие волнения, которым положил начало и задавал тон Калифорнийский университет в Беркли, имели весьма важное значение, но не такое, какое приписывали им большинство комментаторов. А природа этого неправильного понимания не менее важна, чем само явление.

События в Беркли начались осенью 1964 года с протеста студентов против предписания администрации университета, в котором был установлен запрет на политическую деятельность, в частности на вербовку сторонников, сбор средств и создание студенческих организаций для проведения политических мероприятий за пределами университетского городка - внутри территории, примыкающей к кампусу и принадлежащей университету. Заявив, что их права были нарушены, небольшая группа «бунтовщиков» объединила вокруг себя тысячи студентов самых разных политических взглядов, в том числе и многих «консерваторов», и нарекла свою организацию «Движением за свободу слова» (Free Speech Movement, F.S.M.). «Движение» стало устраивать сидячие забастовки в здании администрации, нападать на полицейских, захватывать полицейские автомобили, чтобы использовать их в качестве трибуны.

Дух, стиль и тактика этого бунта лучше всего иллюстрируется одним эпизодом. Администрация университета организовала встречу, на которую пришло 18 000 студентов и преподавателей для того, чтобы выслушать обращение президента университета Кларка Керра; было особо объявлено, что никому из студенческих деятелей не будет разрешено выступать. Керр попытался положить волнениям конец, согласившись на капитуляцию: он обещал выполнить почти все требования бунтовщиков, и казалось, что большая часть аудитории на его стороне. После этого Марио Савио, лидер бунтовщиков, завладел микрофоном, пытаясь склонить чашу весов на свою сторону, игнорируя установленные правила и тот факт, что уже было объявлено о завершении собрания. Когда его - совершенно законным и порядочным образом - стащили со сцены, лидеры F.S.M. радостно заявили, что, уже почти проиграв битву, они спасли положение, спровоцировав администрацию на применение «силы» (таким образом открыто признав, что их публично провозглашенные цели вовсе не были истинными).

За этим последовала широкомасштабная кампания в прессе. Внезапно

и как будто бы независимо друг от друга появилось огромное количество статей, исследований, обзоров, странным образом выражавших одно и то же: F.S.M. описывалась как общенациональное движение, что не подкреплялось никакими фактами; подлинные события подменялись какими-то общими местами; бунтовщикам придавался статус выразителей идей всей американской молодежи, при этом выражалось восхищение их «идеализмом» и «преданностью» своим политическим убеждениям, их деятельность объявлялась симптомом «пробуждения» студентов колледжей от «политической апатии». Одним словом, пресса проделала огромную работу, разрекламировав движение.

Тем временем в Беркли разгорелась нешуточная трехсторонняя война между администрацией университета, попечительским советом и сотрудниками. В прессе эта война освещалась настолько схематично, что распознать ее истинный смысл было практически невозможно. Можно было догадаться лишь о том, что попечительский совет вроде бы требовал «жестких» мер по отношению к бунтовщикам, что основная часть сотрудников и научных работников была на стороне взбунтовавшихся студентов, а администрация попала в ловушку собственной «умеренности», пытаясь всех помирить.

Борьба привела к тому, что ректор университета был отправлен в отставку (как того требовали бунтовщики), президент Керр был временно отстранен от должности, но впоследствии вернулся на свой пост, а F.S.M. практически прекратила свою деятельность после того, как администрация выполнила почти все их требования. (В том числе право на выступления в поддержку противоправных действий и на неограниченную свободу слова *на территории университета.*)

К удивлению тех, кто наивно полагал, что этим все и закончится, волнения не прекратились: чем больше требований удовлетворялось, тем больше выдвигалось новых. Администрация продолжала пытаться убажить F.S.M., а F.S.M. продолжала свои провокации. Неограниченная свобода слова приняла форму «Движения за непристойные выражения», которое состояло из студентов, выходивших на демонстрации с плакатами, на которых были написаны бранные слова, и делавших неприличные объявления по университетской радиосети (что было лишь вскользь отмечено прессой, снисходительно назвавшей все это не более чем «подростковыми шалостями»).

Но все это было, очевидно, слишком даже для тех, кто симпатизировал бунтовщикам, - F.S.M. начала терять своих сторонников и постепенно развалилась. Марио Савио покинул университет, заявив, что «не может

примириться с антидемократическими действиями администрации» (курсив мой - А.Р.), и куда-то уехал, якобы планируя заняться организацией общенационального студенческого движения.

Я привела факты в том виде, как они были изложены прессой. Но кое-что стало возможно узнать и от добровольных информаторов, например из писем в редакции различных изданий.

Подробный отчет о происходящем был приведен в письме в *The New York Times* (31 марта 1965 года) Александра Грендона, биофизика из лаборатории Доннера Калифорнийского университета:

«F.S.M. всегда применяло давление для достижения победы. При однопартийной "демократии", такой как в коммунистических странах или на белом Юге, политических противников принято убеждать наказанием. Для упрямой администрации университета (и для более чем 20 000 студентов, не пожелавших принимать участие в конфликте) таким наказанием стало "принуждение всего университета к аварийному торможению" путем грубой силы.

Капитулировать перед таким извращением демократии - значит учить студентов тому, что такие методы правильны. Президент Керр капитулировал дважды...

Керр согласился с тем, что университет не будет контролировать "выступления в поддержку противоправных действий"; это кажется абстракцией, пока не столкнешься с конкретными примерами: в университетской аудитории какой-то самозванный анархист учил всех желающих тому, как избежать призыва в армию; известный член коммунистической партии использовал университетские помещения и оборудование для яростных нападок на наше правительство за его действия во Вьетнаме, наряду с созданием нелегальных фондов в поддержку Вьетконга; в университетском кампусе велась открытая пропаганда употребления марихуаны, сопровождаемая инструкциями о том, где ее можно купить.

Даже такое абстрактное понятие, как "непристойность", гораздо проще понять, если слышал, как один оратор, используя университетское оборудование, в грубых выражениях рассказывает о том, как занимался групповым или однополым сексом, и рекомендует всем остальным последовать его примеру, а другой предлагает, чтобы студенты в кампусе обладали такой же сексуальной свободой, как собаки...

"Переговоры" - а на самом деле капитуляция - Кларка Керра по поводу каждого намеренного нарушения установленного порядка способствуют не либерализации, а воцарению полного беззакония в университете».

Дэвид Лэндс, профессор истории из Гарварда, в своем письме в *The New York Times* (29 декабря 1964 года) сделал любопытное наблюдение. Утверждая, что волнения в Беркли представляют собой чрезвычайно серьезный выпад против академических свобод в Америке, он пишет:

«В заключение мне хотелось бы отметить негативные последствия происходящего для всего Калифорнийского университета. Я лично знаком с пятью или шестью сотрудниками, которые уволились оттуда не потому, что не симпатизируют "свободе слова" или "политическим акциям", а потому, что, как сказал один из них: "Кому охота преподавать в Сайгонском университете?"»

Наиболее точный отчет и серьезная оценка происходящему были даны в статье в *Columbia University Forum* (весна 1965 года) под названием «Что осталось в Беркли?» (*What's Left In Berkeley?*), которую написал профессор истории Калифорнийского университета Уильям Петерсен. Он замечает:

«Первое, что должен знать каждый насчет "Движения за свободу слова", - это то, что оно не имело к настоящей свободе слова практически никакого отношения... Но если оно боролось не за свободу слова, тогда за что же? В первую очередь, как бы нелепо это ни звучало, - за власть...

Тот факт, что лишь нескольким сотням из более чем 27 000 студентов удалось добиться таких успехов, стал следствием не просто отваги и ораторских способностей. Эта маленькая группа не смогла бы вовлечь такое количество студентов в свое движение, если бы не поддержка, как выяснилось, еще из трех источников: различных лиц за пределами университета, университетской администрации и научных сотрудников.

Все, кто был свидетелем высокоэффективной, почти военной организации программы агитаторов, вполне мог поверить в то, что в противостояние в Беркли был внесен серьезный кадровый и денежный вклад... Вокруг университета будто бы из ниоткуда появилось не меньше дюжины "комитетов в поддержку" того или иного требования.

Курс, взятый университетской администрацией, вряд ли мог бы быть более на руку взбунтовавшимся студентам, даже если бы специально был нацелен на это. Устанавливать сомнительные правила, а потом защищать их с абсолютно нелогичных позиций - уже плохо; но еще хуже, что все санкции, вводимые университетом против студентов, в конце концов исчезали... Подчинение нормам развивается тогда, когда оно должным образом вознаграждается, а неподчинение наказывается. То, что приходится напоминать профессиональным деятелям образования о таких аксиомах, доказывает, насколько глубоко лежат корни кризиса в Беркли.

Но самой главной причиной того, что экстремистам удалось склонить

на свою сторону такое количество последователей, - это отношение к ситуации сотрудников университета. Наверное, полнее всего их пораженческие настроения выразились в резолюции ученого совета от 8 декабря, когда сотрудники университета объявили о том, что они не только поддерживают все требования радикалов, но и готовы отстаивать их перед попечительским советом, если это будет необходимо. Принятие этой резолюции подавляющим большинством голосов - 824 против 115 - заткнуло рот всем организациям, не поддерживавшим F.S.M.

"Движение за свободу слова" напоминает коммунистические организации 30-х годов, но у них есть ряд существенных отличий. Главная черта - использование законных средств с целью манипулирования широкими массами - у них общая. Однако в данном случае ядро движения - это не дисциплинированная партия коммунистов, а объединение разнокалиберных радикальных группировок».

Профессор Петерсен перечисляет здесь различные группировки социалистического, троцкистского, коммунистического и прочего толка. А далее заключает:

«Лидеры Беркли, подобно радикалам из латиноамериканских или азиатских университетов, не становятся менее радикальными оттого, что не принадлежат ни к какой официальной политической партии, где существует определенная внутрипартийная дисциплина. Они выделяются не своей партийной принадлежностью, а своими действиями, своей лексикой, своим образом мышления. На мой взгляд, лучше всего было бы именовать их "кастровцами". В Беркли провокационные методы применялись не против диктатуры, а против либеральной, не имеющей единого мнения и колеблющейся администрации университета, и в этом случае оказались удивительно эффективными. Каждая провокация и каждая одержанная победа вели к следующим».

Петерсен заканчивает свою статью на предостерегающей ноте:

«По моему диагнозу... пациент [университет] не только не излечился, но болен еще сильнее, чем ранее. Лихорадка на время спала, но инфекция распространяется и становится еще более живучей и опасной».

Теперь давайте рассмотрим идеологию бунтовщиков на основании того, что стало известно из репортажей в прессе. Общий тон этих репортажей лучше всего выражает заголовок в *The New York Times* от 15 марта 1965 года: «Новые левые студенты: Движение выявило серьезных лидеров, стремящихся к переменам».

К каким переменам? В статье, занимающей почти всю полосу, на этот вопрос не дается никакого конкретного ответа. Просто «к переменам».

Некоторые из тех активистов, «которые уподобляют свое движение "революции", хотя, чтобы их называли радикалами. Однако большинство предпочитает, чтобы их звали "организаторами"».

Кого же они организуют? «Угнетенных». С какой целью? Неясно. Они просто «организаторы».

«Очень многие недолюбливают любые ярлыки, но при этом не против, чтобы их называли циниками... Подавляющее большинство тех, кому мы задавали вопросы, сказали, что они скептически относятся к коммунизму, равно как и к любым другим формам политического контроля... "Вы можете называть нас антикоммунистами, - сказал один из них, - а также антиморалистами и антивсем, чем угодно».

Однако есть и исключения. Студентка Калифорнийского университета, одна из руководителей волнений в Беркли, якобы выразилась таким образом:

«В настоящее время социалистические страны, даже со всеми их проблемами, ближе, чем кто угодно еще, подошли к тому типу общества, который, как я думаю, должен существовать во всем мире. В Советском Союзе такое общество уже существует».

Другой студент из Нью-Йорка поддерживает это высказывание. «Советский Союз и весь социалистический блок на верном пути», - говорит он.

Ввиду того что большинство молодых активистов выступало именно за гражданские права и что калифорнийские бунтовщики тоже вначале прикрывались именно этим (попытавшись, правда, безрезультатно, объявить всех тех, кто был с ними не согласен, сторонниками «расизма»), очень любопытно читать в газете следующее:

«Среди активистов редко можно услышать разговоры о расовой интеграции. Некоторые из них считают, что все это - дело прошлое. Они заявляют, что интеграция будет почти так же плоха, как и сегрегация, если ее результатом будет возникновение всем довольного общества без расовых конфликтов, опирающегося на средний класс».

Главная тема и главная идеология активистов - это *антиидеология*. Они отчаянно сопротивляются любым «ярлыкам», определениям и теориям; они провозглашают первостепенную значимость конкретного момента и преданность действию - субъективно и эмоционально мотивированному действию. Их настрой пронизывает красной нитью все журналистские репортажи.

В статье в *The New York Times Magazine* (14 февраля 1965 года) заявлено:

«Бунтовщики из Беркли не производят впечатления политических в том смысле, какими были участники студенческих волнений тридцатых годов. Они со слишком большим недоверием относятся к любым "взрослым" институтам, чтобы принять всем сердцем даже ту идеологию, которая провозглашает своей целью разрушение системы. Анархистские настроения прослеживаются у них так же явно, как и симпатии к марксизму. "Это некая форма политического экзистенциализма, - говорит Пол Джейкобс, исследователь из университетского Центра изучения права и общества, один из тех, кто поддержал F.S.M. - Все старые ярлыки сорваны..."

С гордостью объявляющие о своей нетерпимости сторонники F.S.M. исповедуют подход, согласно которому только абсолютная преданность какому-то делу может освободить жизнь на такой огромной "фабрике знаний", как Беркли, от пустоты и отсутствия смысла».

The Saturday Evening Post (8 мая 1965 года), обсуждая разнообразные молодежные группировки левого толка, цитирует лидера организации «Студенты за демократическое общество»:

«"Мы начинаем с отречения от старого сектантского левого фланга и его традиционных ссор и с презрения к американскому обществу, которое считаем полностью развращенным. Для нас интересны прямое действие и конкретные проблемы. Мы не проводим бесконечные часы, обсуждая сущность Советской России или то, является ли Югославия упадническим государством". [А также]: "В сидячих забастовках мы впервые увидели шанс на непосредственное участие в имеющей смысл социальной революции"».

В часы, свободные от участия в пикетах [говорится в той же самой статье], члены P.L. [«Прогрессивных рабочих»] околачиваются в экспериментальных театрах и кофейнях на Манхэттене. Их литературные вкусы больше склоняются к Сартру, чем к Марксу».

С любопытным единодушием в обзоре журнала *Newsweek* (12 марта 1965 года) приводятся слова другого молодого человека: «"Эти студенты не читают Маркса, - сказал один из лидеров "Движения за студенческую свободу" из Беркли. - Они читают Камю"».

«Если они - бунтовщики, - говорится далее в обзоре, - то это бунтовщики без идеологии, без долгосрочной революционной программы. Они заняты конкретными делами, а не философскими умозаключениями, и вряд ли способны сформулировать или последовательно выступить за какую-либо систематизированную политическую теорию, неважно, правую или левую».

«Сегодняшние студенты стараются выразить себя не через мысли, а через действия», - категорично заявлено в статье, а дальше приводятся слова представителей старшего поколения, симпатизирующих студенческим активистам.

«"Сейчас, как и в 30-е, - говорит редактор *New York Post* Джеймс Векслер, - мы видим группы активистов, которые хотят чего-то добиться в жизни. - Но не идеологически. Мы привыкли собираться и обсуждать марксизм, а сегодня студенты выступают за гражданские права и мир, действуя"».

Ричард Ансворт, капеллан из Дартмута, высказался так:

«В современном университете "принято сначала делать, а потом раздумывать о своих действиях, а не сначала решать, а потом думать, как это было еще несколько лет назад"».

Пол Гудман, которого журнал называет писателем, деятелем образования и «одним из героев современного студенчества», восторженно высказывается о волнениях в Беркли и их лидерах, потому что:

«Лидеры этого движения, говорит он, "не были хладнокровны, они шли на риск, они были готовы оказаться в тупике, они не знали, ждет ли их успех или поражение. Они больше не хотят быть хладнокровными мыслителями, они хотят быть первыми"». (Курсив мой. То же самое можно сказать и о любом пьяном водителе. - А.Р.)

Слова «быть первыми» повторяются снова и снова. Очевидно, для начала они хотели стать первыми в университетах. В *The New York Times Magazine* приводятся слова одного из лидеров F.S.M.:

«Мы считаем, что любой университет состоит из преподавателей, студентов, книг и идей. В буквальном смысле администрация нужна лишь для того, чтобы обеспечивать чистоту дорожек. Она должна обслуживать преподавателей и студентов».

Кульминацией этой темы стала статья в *The New York Times* от 29 марта 1965 года под заголовком «Студенты колледжей принимают "Билль о правах"».

«Группа студентов из восточных колледжей в эти выходные объявила здесь [в Филадельфии], что функции администрации колледжей должны сводиться лишь к обслуживанию быта студентов и научных работников.

"Современный колледж или университет, - сказали они, - должен управляться студентами и преподавателями; администрация должна лишь обеспечивать функционирование и безопасность, во всем поддерживая преподавательский и студенческий состав"».

Этот манифест был принят на собрании, которое состоялось в

Пенсильванском университете, где присутствовало 200 молодых людей...

«...из 39 колледжей Филадельфии, Нью-Йорка и окрестностей, из Гарварда, Йеля, Калифорнийского университета в Беркли, а также из учебных заведений Среднего Запада.

Главной темой этой встречи стало то, что колледжи и университеты становятся в последнее время лишь придатками "финансового, индустриального и военного истеблишмента" и что студенты и преподаватели "проданы с потрохами" администрацией.

Среди положений манифеста - требования свободы устройства митингов любыми организациями, уничтожение платного образования, контроль исполнения законов со стороны студентов и преподавателей, закрытие военных кафедр, отмена клятв верности, контроль студентами и преподавателями содержания учебных программ...»

Порядок принятия этого манифеста совершенно великолепен: «Около 200 студентов прибыли на собрание, к его концу, когда был принят "Студенческий билль о правах", осталось 45». И что там говорилось о «демократических процедурах» и праве активистов волнений на звание голоса поколения?

Какое же значение придается студенческим волнениям прессой и теми, кого она цитирует? Для сегодняшней культуры не слишком характерна моральная отвага, но ни в одном из последних событий в такой неприкрытой, мерзкой степени не проявилась нравственная трусость. Большинство комментаторов не просто не имеет своего независимого взгляда на происходящее, не просто подпевает бунтовщикам, но и из всего того, против чего они выступили, решается поддержать и принять лишь самую поверхностную, самую малозначимую и, следовательно, самую безопасную жалобу: на то, что университеты становятся «слишком большими».

Как будто все разом объелись мухоморов, «раздутость» университетов внезапно приобрела в глазах общественного мнения масштаб национальной проблемы и была провозглашена причиной «недовольства» студентов, мотивы которых восторженно принимались как юношеский «идеализм». Ведь нападать на «раздутость» всегда безопасно. А поскольку бессмысленная проблема *размера* уже давно служит способом откеститься от реальных проблем, к списку, в котором уже присутствовали «большой бизнес», «большие профсоюзы», «большое правительство» и т.д., присоединилось очередное понятие - «большой университет».

Более взыскательной аудитории социалистский журнал *The New*

Leader (21 декабря 1964 года) предложил анализ с марксистско-фрейдистской точки зрения, назвав причиной волнений в первую очередь «отчуждение» (цитируя Савио: «Неким образом люди оказались отрезаны от чего-то») и «бунт поколения». («На глубинном, природном уровне смысл студенческого политического протеста сводится к сексуальному протесту против контроля университетской администрации, руководящей *in loco parentis*».)

Но приз за наилучшее выражение морально-интеллектуальной сущности современной культуры по праву принадлежит калифорнийскому губернатору Брауну. Не забывайте о том, что Калифорнийский университет - это государственное учебное заведение, что его попечители назначаются губернатором и что сам Браун, таким образом, был конечной мишенью мятежа и всех связанных с ним акций, начиная от применения насилия и заканчивая непристойными выражениями.

«Безопасно ли наше общество для студентов, имеющих собственные идеи? (Говорил губернатор Браун на университетском банкете. - А. Р.) Нет. Студенты стали другими, но структура университета и его отношение к студентам не соответствуют изменившимся нынешним условиям.

Поэтому часть студентов чувствует, что они имеют право на выход за рамки закона для того, чтобы ускорить перемены. Но, поступая таким образом, они проявляют высшую степень *идеологического лицемерия*. (Курсив мой. - А.Р.) С одной стороны, они ссылаются на Конституцию Соединенных Штатов, требуя права на политическую активность. Но с другой стороны, они отрекаются от цивилизованных методов ведения дискуссии в пользу прямого действия.

Поступая так, они столь же неправы, как и университет. Перед нами, таким образом, встает серьезная проблема: необходимость перемен».

Отметьте тот факт, что губернатор Браун считается большой фигурой и серьезным противником для калифорнийских республиканцев. А еще то, что «согласно опросу общественного мнения в Калифорнии 74% населения не поддерживают студентов, поднявших мятеж в Беркли». А теперь обратите внимание на то, что губернатор Браун не рискнул осудить движение под предводительством 45 студентов и счел необходимым дополнить термин «лицемерие» определением «идеалистическое», создав, таким образом, одно из самых странных словосочетаний в современном словаре.

Еще хотелось бы отметить, что во всей массе комментариев, аналитических материалов и интерпретаций (включая и внушительный обзор в *Newsweek*, где была приведена статистика по всем вообразимым

аспектам жизни в колледжах) не обнаруживается ни единого слова о *содержании* современного образования, о *природе* идей, которые прививаются молодежи в современных университетах. Были подняты и рассмотрены все возможные вопросы, кроме того, как *учат думать студентов*. Совершенно очевидно, что это никто не решился обсуждать.

И именно об этом я предлагаю поговорить.

Если бы какой-нибудь драматург обладал возможностью превращать философские идеи в живых, реальных персонажей и попробовал бы создать человеческое воплощение современной философии, он получил бы «активистов» волнений в Беркли.

Эти «активисты» настолько полно, буквально, честно и ошеломляюще представляют собой производную современной философии, что впору воскликнуть, обращаясь к администрации и преподавательскому коллективу университета: «Братья, вы сами этого хотели!»

Человечество не должно ожидать, что можно остаться целым и невредимым после десятилетий воздействия интеллектуальных продуктов распада, например, таких как: «Разумом не постичь истинной природы вещей; реальность непознаваема; определенность невозможна; любое знание - не более чем вероятность; истина - то, что практически полезно; мысль - это суеверие; логика - это общественное удобство; этика - вопрос подчинения субъекта произвольно принятому постулату». Под их воздействием происходят мутации, продуктом которых и становятся те искаленные юные создания, которые вопят о том, что они не знают ничего, но хотят управлять всем.

Если бы наш драматург писал киносценарий, он имел бы полное право озаглавить его «Марио Савио, сын Иммануила Канта».

Если не брать в расчет редчайшие и не признаваемые академической средой исключения, философское «течение», которое затопляет сегодня каждую аудиторию, каждую учебную программу и каждый мозг, - это агностицизм, неприкрытый иррационализм и этический субъективизм. Мы живем в эпоху кульминации длительного процесса разрушения, мы достигли конца дороги, проложенной Кантом.

С тех самых пор, как Кант разлучил разум с реальностью, его интеллектуальные воспитанники продолжали усердно расширять эту пропасть. Во имя разума прагматизм провозгласил сиюминутный взгляд на вещи самым вдохновляющим, игнорирование контекста - правилом гносеологии, выгоду - принципом морали, а коллективный субъективизм - заменой метафизики. Логический позитивизм пошел еще дальше и, все так же во имя разума, поднял психогносеологию мелких крючкотворов, не

помнящих родства, до статуса научной системы, объявив, что знание состоит из манипуляций с языком. Приняв это всерьез, лингвистический анализ провозгласил, что задачей философии является не нахождение общих для всего бытия законов, а объяснение людям, что они имеют в виду, когда что-то говорят, потому что сами они никак не могут этого знать (это последнее к тому моменту действительно стало правдой - в философских кругах). Это стало последним выстрелом философии, которая далее оборвала канаты и улетела прочь, подобно воздушному шару, потеряв всякую видимость связи с реальностью и всякое отношение к проблемам человеческого существования.

Неважно, насколько старательно приверженцы таких теорий избегают любых упоминаний об отношении теории к практике; неважно, с какой застенчивостью они пытаются представлять философию салонной или школьной игрой; факт остается фактом: молодежь поступает в колледжи с целью приобретения *теоретических* знаний, которые направляли бы их *практические* действия. Учителя философии уклоняются от вопросов о приложении их идей к реальной жизни, отделяясь заявлениями типа «Реальность - бессмысленный термин», или утверждениями, что философия нужна лишь для того, чтобы развлекаться построением произвольных «моделей», или советами проверять каждую теорию методом «здравого смысла», - как будто забыв о тех бесконечных часах, что они потратили на попытки отказать этому понятию в праве на существование.

В результате студент выходит из современного университета, усвоив за несколько лет обучения следующие догмы: бытие - это неизведанные и недоступные для изучения джунгли; страх и неопределенность - естественные и постоянные состояния человека; скептицизм - признак зрелости; цинизм - признак реалистичного взгляда на мир... И самое главное: важнейший отличительный признак человека разумного - это отрицание разума.

Когда ученые мужи задумываются о практическом воплощении своих теорий, они сходятся в первую очередь в том, что неуверенность и скептицизм - это социально значимые черты, которые должны быть истоком терпимости к многообразию, гибкости, общественной «приспособляемости» и готовности к компромиссу. Некоторые доходят даже до того, что открыто заявляют, что ясность мысли - это признак диктаторской ментальности, а хронические *сомнения* - отсутствие твердых убеждений, нехватка абсолютных ценностей - это гарантия мирного, «демократического» общества.

Они ошибаются.

Считается, что кантовская дихотомия породила две линии кантианцев; все они принимают его основные постулаты, но избирают для себя противоположные стороны: одни выбирают разум и отвергают реальность, а другие выбирают реальность и отвергают разум. Первые оставляют мир на растерзание вторым.

Собрал же все то, что пытались сделать рационализаторы Канта, унаследовал безжизненные руины софистики, казуистики, стерильности и безграничной банальности, к которым они свели философию, экзистенциализм.

Экзистенциализм в принципе заключается в указании на современную философию и заявлении «Если *это* разум, то пошел он к черту!».

Невзирая на то, что прагматики-позитивисты-аналитики уничтожили мышление, экзистенциалисты считали их его защитниками, представляли их миру как пример рациональности, а сами вслед за этим полностью отвергли разум, объявив о его несостоятельности, протестуя против его «провала», призывая вернуться к реальности, к проблемам человеческого существования, к ценностям, к действию - к субъективным ценностям и бездумному действию. Во имя реальности они провозгласили моральное превосходство «инстинктивного», порывов, ощущений и когнитивные способности желудка, мышц, почек, сердца и крови. Это был бунт безголовых тел.

Но битва еще не окончена. Кафедры философии современных университетов стали полем сражения, которое фактически оказывается не более чем семейной ссорой между прагматиками и экзистенциалистами. А их последователи стали активистами студенческого мятежа.

Если эти активисты избрали политику «сначала делать, а потом раздумывать о своих действиях», разве это не прагматизм научил их тому, что истину следует определять по ее последствиям? Если они «вряд ли способны сформулировать или последовательно выступить за какую-либо систематизированную политическую теорию общества» и тем не менее вопят с сознанием собственной правоты, что намерены достичь своих социальных целей при помощи насилия, разве не логический позитивизм научил их тому, что этические положения не имеют когнитивного смысла, а являются лишь отображением чьих-либо чувств или эквивалентом эмоционального семяизвержения? Если они варварски слепы ко всему, кроме данного момента, разве не логический позитивизм внушил им то, что ничто другое не может считаться доподлинно существующим? И если лингвистический анализ занят демонстрацией того, что «кот на ковре» не

означает, что «ковер» - это признак «кота», а также того, что «кот» равен «на ковре», что удивительного в том, что студенты штурмовали кампус Беркли с плакатами, гласящими: «Драться сейчас, думать потом!»? (Этот лозунг приводит профессор Петерсен в *Columbia University Forum*.)

14 июня CBS показало запутанный, бессвязный, малопонятный - и именно поэтому настоящий и значимый - документальный фильм под названием «История Беркли» (The Berkley Story). В любом безумии есть свой метод - и для тех, кто знаком с современной философией, этот фильм был похож на демонстрацию отразившихся в случайных зеркалах искаженных образов и смутного эха кровавой бани, происходящей в академических пыточных камерах разума.

«У нашего поколения нет идеологии», - заявляет первый мальчишка, у которого берут интервью, с таким вызовом и ненавистью, с какими раньше выкрикивали «Долой Уолл-стрит!». Это явно свидетельствует о том, что его сегодняшней враг - это *мысль*. У старшего поколения, презрительно поясняет он, имеется «маленькая хорошенькая пилюлька» на любой случай, но эти пилюльки больше не помогают, и «их сердца оказываются разбиты». «Мы не верим в пилюли», - говорит он.

«Мы поняли, что не существует никаких абсолютных правил», - говорит девушка, поспешно и как будто оправдываясь, словно вызубренную аксиому, и продолжает неразборчиво объяснять, помогая себе жестами, что «мы сами придумываем для себя правила», и то, что правильно для нее, вовсе не обязательно должно быть правильным для остальных.

Девушка описывает свое обучение как «слова, слова, слова, бумажки, бумажки, бумажки» и тихонько, с оттенком настоящего отчаяния, рассказывает, что иногда она останавливалась и думала: «А что я здесь делаю? Я же ничему не учусь».

Напористая девица, которая говорит цветисто, но никогда не заканчивает фраз и ничего не утверждает, осуждает общество в целом, пытаясь сказать, что поскольку человек - это продукт общества, значит, общество плохо выполняет свою работу. Посередине предложения она вдруг замолкает и, как будто между делом, вставляет ремарку: «Что бы из меня ни вышло, я все равно продукт», - после чего продолжает излагать свою мысль. Она произносит это с наивной убежденностью вдумчивого ребенка, признающего очевидный факт природы. Это не поза: бедняжка действительно искренне в этом уверена.

Беспомощное непонимание, появляющееся на лице комментатора Гарри Ризонера, когда он пытается подвести итог тому, что только что

было показано, - красноречивое свидетельство того, почему пресса оказалась неспособна адекватно отразить студенческие волнения. «Сейчас - немедленно - любую ситуацию нужно разрешать *сейчас же*», - скептически говорит он, поясняя настроения бунтовщиков, не выражая ни восхищения, ни осуждения, отчасти удивленным, отчасти беспомощным тоном человека, который не может поверить в то, что видит перед собой дикарей, носящихся по территории одного из крупнейших университетов Америки.

Таковы продукты современной философии. Это студенты, которые слишком умны, чтобы не видеть логических последствий тех теорий, которым их учили, но ни умны, ни независимы настолько, чтобы видеть эти теории насквозь и отречься от них.

Поэтому они выкрикивают свой вызов «системе», не понимая, что они - самые что ни на есть верные и послушные ее ученики, что их бунт - это бунт против ее интеллектуальной «элиты», которая проглотила все затертые идеи «либералов» 1930-х годов, в том числе и крылатые фразы об альтруизме, преданности «угнетенным» и такому удобному делу, как «борьба с нищетой». Восстание под лозунгами, не содержащими ничего, кроме банальностей, - не слишком убедительное и не слишком вдохновляющее зрелище.

Как в любом другом общественно-политическом движении, здесь можно обнаружить переплетение целого ряда мотивов: к нему примкнули и юные интеллектуалы-крючкотворы, нашедшие золотую жилу в современной философии, обожающие споры ради споров и разбивающие оппонентов в пух и прах парадоксами, которые всегда готовы у них для такого случая; и актеры, которым нравится представлять себя героями и бросать всем вызов просто из любви к процессу; и нигилисты, которые, движимые крайней злостью, стремятся лишь к разрушению ради разрушения; и те, у кого никогда не было собственного мнения и которые всегда ищут толпу, к которой можно «примкнуть»; а также обыкновенные хулиганы, от которых никуда не деться, которые всегда тут как тут при любых массовых событиях. Чего бы мы еще ни обнаружили в этой свалке мотиваций, на всем движении большими буквами написано «*невроз*», потому что невозможно дойти до отрицания разума из-за какой-нибудь невинной ошибки в познании. Теории современной философии могут быть лишь щитом, механизмом защиты, попыткой придать неврозу смысл, а могут отчасти являться и его причиной, но бесспорным остается одно: современная философия уничтожила в этих студентах все лучшее и взлелеяла все худшее.

Молодежь ищет всеобъемлющую картину мира, то есть философию, она ищет смысл, цель, идеалы, - и большая ее часть принимает то, что есть в наличии. Именно в юности большинство людей пытается найти философские решения и установить собственные принципы на всю оставшуюся жизнь. Некоторые так и не доходят до этого этапа, некоторые не прекращают поиски никогда; но разум большинства открыт философии лишь на протяжении нескольких кратких лет. Именно это большинство и оказывается вечными, хотя и не невинными жертвами современной философии.

Эти люди не являются независимыми мыслителями или изобретателями новых идей; они неспособны адекватно реагировать на современные софизмы. Поэтому кто-то из них после одного или двух не поддающихся перевариванию блюд сдается, решив, что мышление - это пустая трата времени, и превращается к 25 годам в сонного циника или отупевшего конформиста. Другие принимают то, что им говорят, причем принимают слепо и *буквально*, - это нынешние активисты. И какое бы сплетение мотивов ни управляло ими в настоящий момент, любой учитель современной философии в их присутствии должен испытывать суеверный страх, если, конечно, он еще способен осознавать, что это он, воспользовавшись их шатким и хрупким стремлением к идеалам, превратил их в отвратительных мелких монстров.

А что же случается в современных университетах с лучшими умами, с теми студентами, интеллектуальный уровень которых выше среднего и которые по-настоящему стремятся к знаниям? Они вынуждены терпеть медленную пытку.

Гносеологические стандарты и методики преподавания любых дисциплин, как естественных, так и гуманитарных, формируются под влиянием, прямым или косвенным, философии. В результате мы имеем хаос субъективных прихотей, на основании которых формируются критерии логики, общения, представления, доказательства, выводы, оказывающиеся совершенно разными в разных школах и у разных преподавателей. Я не имею в виду различия во взглядах или в содержании учебных курсов, я говорю об отсутствии *базовых принципов познания* и вытекающей отсюда неразберихе в приемах мышления, которые должен усвоить мозг студента. Это все равно что читать каждый курс на своем языке, требуя, что каждый думал исключительно на нем, но даже не предоставляя словаря. Результат - интеллектуальный распад.

Кроме того, противодействие «построению системы», то есть интеграции знаний, приводит к следующему: то, что сообщают студентам

на занятиях по одному предмету, противоречит тому, что им сообщают другие преподаватели на других предметах, каждый предмет повисает в пустоте, и студенты вынуждены принимать все, что узнают от преподавателя, в отрыве от контекста, а любые вопросы о том, каким же образом собрать все знания в единую картину, отклоняются, высмеиваются и объявляются несущественными.

Добавим: произвольно подобранное, бессмысленное, бессистемное содержание большинства учебных планов, отсутствие любой иерархической структуры знания, любого порядка, последовательности или логического основания; случайный набор предметов, посвященных вырванным из контекста частностям и ни с чем не связанным исследованиям; всеобъемлющую невразумительность; самоуверенную иррациональность; и, как следствие, необходимость вызубривать, вместо того чтобы узнавать, пересказывать, вместо того чтобы понимать, удерживать в голове какофонию непонятных терминов на время, необходимое для сдачи очередного экзамена.

И еще отметим профессоров, которые отказываются отвечать на вопросы; профессоров, заменяющих ответы отговорками и насмешками; профессоров, превращающих свои занятия в посиделки на основании того, что «мы здесь для того, чтобы поразмыслить над этим вместе»; профессоров, которые *читают* лекции, но не придерживаются никаких концепций, не выражают никаких взглядов и бросают студентов в лабиринт противоречий, не дав никакой путеводной нити; профессоров, которые *придерживаются* какой-то концепции и приглашают студентов высказывать свое мнение, а затем наказывают вольнодумцев низкими отметками (особенно в курсах, связанных с политикой).

И наконец, укажем на моральную трусость большинства представителей администрации университетов, политику постоянного морального нейтралитета, всеобщего компромисса и уклонения любой ценой от всех конфликтных ситуаций. В результате студенты понимают, что любая совершенная в учебной аудитории несправедливость останется безнаказанной, что протестовать бессмысленно, а искать защиты не у кого.

Да, несомненно, существуют и исключения: среди университетских сотрудников *есть* компетентные преподаватели, блестящие умы и мыслящие личности, но они захлебываются в безбрежном «потоке» иррациональности и в конце концов теряют всякую надежду на лучшее.

Более того, большинство представителей как профессуры, так и администрации индивидуально куда более квалифицированы и разумны, чем в коллективной деятельности. Большая их часть сознает и частным

образом сожалеет о порочности современного мира образования. Но каждый из них ощущает личное бессилие перед масштабом проблемы. Поэтому они винят во всем какую-то безымянную, бесформенную, почти мистическую силу, которую называют «системой», причем очень многие из них воспринимают ее как *политическую* систему, более конкретно - капитализм. Они не осознают, что существует лишь одна отрасль человеческого знания, которая дает человеку инструменты для решения крупномасштабных проблем, которая обладает властью объединять и сплавливать воедино все виды человеческой деятельности, и эта отрасль знания - *философия*, которую они в используют как инструмент дезинтеграции и разрушения.

Как влияет все это на лучшие умы среди студенчества? Подавляющее их большинство терпят обучение в колледжах, стиснув зубы, словно дожидаящиеся окончания тюремного срока заключенные. Психологические травмы, которые они получают в процессе, трудно переоценить. Тем не менее они изо всех сил борются за сохранение способности мыслить, смутно осознавая, что вся эта пытка предназначена именно для уничтожения этой способности. Чувства, которые они испытывают по отношению к своему учебному заведению, могут меняться от недоверия и раздражения до презрения и ненависти, смешиваясь с ощущением крайнего утомления и мучительной скуки.

В различной степени эти чувства разделяются всем студенческим сообществом. Именно *поэтому* бунтовщики из Беркли смогли привлечь на свою сторону тысячи студентов, которые вначале даже не понимали сущности того, к чему они присоединяются, и которые пошли на попятный, как только истинные цели «революционеров» стали очевидными. Этими студентами двигало крайнее, невыносимое разочарование, потребность в протесте - не вполне понятно, против чего, - и инстинктивное стремление хоть как-нибудь навредить университету.

Разговаривая с небольшой группой интеллектуально продвинутых студентов одного из лучших университетов Нью-Йорка, которые идеологически были против бунтовщиков, я спрашивала у них, стали бы они защищать администрацию, если бы беспорядки начались у них в кампусе. Все они отрицательно качали головами и слабо, мудро и горько улыбались.

Причина того, почему никто из взрослых и обладающих определенной властью людей - ни администрация Беркли, ни общественные комментаторы, ни журналисты, ни губернатор Браун - не смог занять твердую позицию и дать разумный отпор бунтовщикам, заключается в

философском бессилии старшего поколения. Если принимать положения современной философии, логика была на стороне зачинщиков беспорядков. Чтобы адекватно ответить на их провокации, требовалось *полное* переосмысление своей философской позиции, вплоть до самых основ, на которое, конечно же, не решился никто из этих взрослых людей.

Отсюда демонстрация грубой силы, бандитские методы и воинствующая иррациональность, принесенные в университетский кампус и встреченные там расплывчатыми, неопределенными, извиняющимися уступками, общими словами и уклончивыми банальностями так называемых защитников академического права и порядка.

В цивилизованном обществе заявление студента о том, что он отказывается от рационального мышления и намерен действовать за пределами норм рассудка, посчиталось бы достаточным основанием для немедленного отчисления, а тем более в том случае, если бы за этим последовало участие в массовых беспорядках и насилии на территории университета. Однако современные университеты давно потеряли моральное право негативно реагировать на первое и, таким образом, стали бессильны против второго.

Студенческие волнения - красноречивая демонстрация того факта, что, когда человек отказывается от разума, он открывает дверь физическому насилию как единственной альтернативе.

Эти волнения, кроме того, являются одним из самых убедительных возражений тем интеллектуалам, которые заявляют, что скептицизм и хроническое сомнение могут привести к общественной гармонии.

«Когда люди принижают свои добродетели до относительных, зло обретает силу абсолюта, когда добродетельные отказываются от верности неуклонной цели, ее принимают негодяи. И вы получаете постыдное зрелище раболепствующего, торгующегося, вероломного добра и самодовольного, бескомпромиссного зла»^[39].

Кому выгодны эти беспорядки? Ответ кроется в природе и целях их вожаков.

Если рядовых сторонников студенческого движения можно считать жертвами - хотя бы некоторых из них, - то этого никак нельзя сказать о его лидерах. Кто же они, эти лидеры? Всевозможные группировки тоталитарно-коллективистской направленности, которые кружат, словно стервятники, над останками капитализма, в надежде поживиться чем-нибудь на его костях и, насколько возможно, ускорить его окончательное разложение. Их программа минимум - просто «устраивать беспорядки»: подрывать, смущать, деморализовывать, ломать. Их программа максимум -

прийти к власти.

Для таких лидеров поднявшиеся на бунт студенты - не более чем пушечное мясо, функции которого - высовывать из толпы свои безголовые шеи, устраивать потасовки на территории университетов, отправляться по тюрьмам, губить свою карьеру и свое будущее, а со временем, если лидеры преуспеют, выйти с оружием на улицы и проститься со своими «неабсолютными» жизнями, вымостив собой путь к абсолютной диктатуре тому, кто окажется самым кровожадным из кучки головорезов, грызущихся за власть. Юные глупцы, отказывающиеся заглянуть за рамки конкретного «сейчас», никак не могут знать, чьим долгосрочным целям они служат.

В этом замешаны и коммунисты, но, в отличие от прочих, они являются лишь манипуляторами, а не источником студенческих волнений, что в очередной раз доказывает: если они побеждают, это происходит опосредованно - как у микробов, благоденствующих на ранах распадающегося тела. Не они создавали условия, при которых началось разрушение американских университетов, не они собрали толпы обозленных, не видящих цели, невротичных подростков, - но они прекрасно осведомлены о том, как проникать в организм через язвы, которых их оппоненты предпочитают не замечать. Это профессионалы идеологии, и для них не представляет труда занять интеллектуальный вакуум и загнать в угол трусливых защитников «антиидеологии» при помощи их же собственных противоречий.

Для пестрой левацкой верхушки студенческие беспорядки - это пробный шар, своего рода измерение культурной температуры общества. Это проверка пределов, до которых они могут безнаказанно дойти, и сил противника, с которыми им придется столкнуться.

Для остальных же граждан это предварительный просмотр на малом экране - в микрокосмосе научного мира - событий, которые могут ожидать в будущем всю страну, если сегодняшние культурные тенденции сохранятся без изменений.

То, что происходит в университетах, зеркально отображается в масштабах всего государства. Современная философия на практике породила смешанную экономическую модель с ее моральным нигилизмом, сиюминутным прагматизмом, безыдейной идеологией и поистине постыдным изобретением «консенсусного правления».

Правление групп влияния - это всего лишь прелюдия, подготовка общества к правлению толпы. Когда страна уже смирилась с уничтожением моральных принципов, прав личности, объективности, правосудия, разума и покорилась власти легализованной грубой силы,

исключения понятия «легализации» тоже остается недолго ждать. Кто будет противиться этому и во имя чего?

Когда нравственность подменяется цифрами и ни один гражданин не может требовать соблюдения своих прав, зато любая партия может требовать всего, чего ей вздумается; когда единственная политика, которой можно ждать от властей, - это политика *компромисса*, а их единственная цель - сохранение имеющейся «стабильности» любой ценой, победителем становится тот, чьи требования оказываются наиболее несправедливыми и иррациональными; сама система способствует этому. Если бы в мире не существовало коммунистов или каких-нибудь других политических бандитов, такая система создала бы их сама.

Чем более чиновник предан политике компромисса, тем менее он способен чему-либо противостоять: в случае любой опасности его «инстинктивная» реакция и принцип действия - уступить, благодаря чему он становится легкой добычей.

Приняв в расчет эти соображения, мы увидим, что крайнюю степень простодушия и поверхностности проявили комментаторы, которые выражали удивление тем, что активисты студенческого движения избрали в качестве начального плацдарма для своих действий именно Беркли, а в качестве первой мишени - президента Керра, *вопреки* его репутации «либерала» и известного специалиста по урегулированию конфликтов. «Странно, но некоторые из менее опытных студенческих ораторов... пытались представить господина Керра нетерпимым и жестким администратором, - говорится в редакционной статье в *The New York Times* от 11 марта 1965 года. - Само собой, это выглядело совершенно нелепо, принимая во внимание то, как долго и отважно он боролся за университетские свободы и права студентов в непростой обстановке постоянного давления со стороны правых, которые всегда были крайне влиятельны в Калифорнии». Другие комментаторы рисуют мистера Керра невинной жертвой, оказавшейся между двух огней в схватке «консерваторов» попечительского совета и «либералов» преподавательского состава. Но ведь фактически и логически средний путь и не может вести ни к какому другому конечному пункту; так что совершенно ясно, что бунтовщики избрали Кларка Керра своей первой мишенью не *вопреки*, а *благодаря* его репутации.

А теперь попробуйте представить, что будет, если методику беспорядков в Беркли применить в национальном масштабе. Как бы фанатично ни верили адепты компромисса в то, что только с его помощью можно удовлетворить всех, на самом деле все происходит наоборот;

компромисс приводит не к всеобщему счастью, а к всеобщему разочарованию; те, кто пытается стать всем для всех, оказывается никем ни для кого. Более того: если неправомерные требования оказались удовлетворены хотя бы частично, это придает требующим смелости идти дальше; если же справедливые требования остались хотя бы частично неудовлетворенными, пострадавший теряет решимость и желание бороться. Если целеустремленная, дисциплинированная партия сторонников тоталитарного правления решится бросить свои силы на ветхие развалины смешанной экономики, смело и открыто проповедуя принципы коллективизма, которые по молчаливому согласию уже давно приняты страной, то кто окажет ей сопротивление? Подавленное, деморализованное, озлобленное большинство продолжит пребывать в летаргическом безразличии, с которым оно встречает все происходящее в обществе. А многие встанут под знамена этой партии, вначале просто ради того, чтобы вырваться из бессмысленного круга разочарований, самовыразиться через протест - неважно, какого сорта, - удовлетворить подсознательную жажду любого действия, которое способно пробить брешь в удушающей безнадежности *статус-кво*.

Найдется ли хоть кто-то, кто ощутит нравственный подъем и готовность сражаться за «консенсус»? Был ли кто-нибудь готов до победного конца сражаться за правительство Керенского в России, или Веймарской республики в Германии, или Национальное правительство в Китае?

Но как бы ни была деморализована и философски разоружена страна, для того, чтобы ее можно было заставить сменить частичную свободу на полноценную диктатуру, общество должно достичь определенной критической точки. В этом и состоял главный идеологический замысел лидеров студенческого восстания: *подготовить страну к признанию силы как метода разрешения политических противоречий*.

Взгляните на то, какие идеологические прецеденты стремились создать бунтовщики из Беркли: все они так или иначе были связаны с аннулированием прав и пропагандой насильственных действий. Все эти идеи выражались совершенно открыто, однако на их сущность не обратили должного внимания, и по большей части никакой реакции на них со стороны общественности не последовало.

Главной проблемой стала попытка заставить страну признать *массовое гражданское неповиновение* приемлемым и действенным инструментом политической деятельности. Эта попытка была далеко не первой, подобное многократно происходило в связи с движением за гражданские права. Но

ситуации в прошлом существенно отличались от сегодняшней: негры действительно были жертвами легализованной несправедливости, и таким образом нарушение правопорядка было не столь категорически явным. Люди воспринимали его как метод борьбы за равноправие, а не как выступление против закона.

Гражданское неповиновение может быть в некоторых случаях оправданно - когда гражданин не соблюдает закон с целью довести дело до суда и создать прецедент. Подобные действия подразумевают уважительное отношение к правопорядку, а протест направлен исключительно на конкретный закон, несправедливость которого гражданин ищет возможность доказать. То же самое верно и в случае участия в деле группы граждан, если они берут на себя всю ответственность и весь риск и их действия никак не могут повлиять на других людей.

Но в цивилизованном обществе не может быть оправдан такой тип массового гражданского неповиновения, когда затрагиваются права других лиц, независимо от того, что является конечной целью нарушителей закона: благо или зло. Ничьи права не могут быть обеспечены за счет нарушения прав других. Массовое неповиновение - это подрыв самого понятия права: это вызов, который толпа бросает законности как таковой.

Насильственный захват чужой собственности или перекрытие государственных путей сообщения - настолько откровенное нарушение прав, что попытка оправдать подобные акции равносильна отрицанию морали. Гражданин не имеет права устраивать сидячую забастовку в доме или на рабочем месте человека, с которым он не согласен, и он не получает такого права, присоединившись к какой-нибудь группировке или партии. Гражданские права никак не связаны с количеством людей, и недопустимо как с точки зрения закона, так и с точки зрения нравственности, чтобы какая-то деятельность была запрещена отдельному гражданину, но разрешена толпе.

Толпа превосходит отдельного человека лишь в одном отношении - в обычной грубой физической силе. Смысл построения цивилизованного общества как раз и состоит в том, чтобы препятствовать разрешению социальных проблем путем применения физического насилия. Сторонники массовых актов неповиновения признают, что их цель - запугать противника. Общество, которое спокойно смотрит на устрашение как метод ведения дискуссии - *физическое* устрашение одних людей группой других, - не имеет морального права на существование как социальная структура, и его крах неизбежен и уже близок.

В политическом смысле акты массового гражданского неповиновения могут быть приемлемы лишь в качестве вступления к гражданской войне - в качестве заявления о полном крахе государственной политической системы. А наилучшей иллюстрацией сегодняшнего интеллектуального хаоса может послужить заявление одного «консервативного» калифорнийского чиновника, который поспешил сообщить, что осуждает беспорядки в Беркли, но признает гражданское неповиновение как достойную американскую традицию.

Если сущность актов гражданского неповиновения в контексте движения за гражданские права оказывается несколько размытой и в связи с этим отношение к ним государства не таким однозначным, то в случае сидячей забастовки на территории университета она становится вопиюще явной. Если университеты - которым положено быть оплотом разума, знаний, образования и цивилизации - можно заставить уступить грубой силе, то участь всей страны кажется предрешенной.

Чтобы людям было проще согласиться с применением силы, бунтовщики из Беркли придумали различать *силу* и *насилие*: сила, поясняют они, является приемлемой формой общественной деятельности, в то время как насилие - нет. Различие между этими понятиями они определяют таким образом: принуждение путем *прямого* физического взаимодействия - это «насилие», оно недопустимо; любая другая форма нарушения прав - это всего лишь «сила», которая представляет собой законный мирный метод коммуникации с противником.

К примеру, если бунтовщики занимают административное здание - это применение «силы»; а если полиция вытаскивает их оттуда - это «насилие». Когда Савио завладел микрофоном, которым не имел права воспользоваться, он применил «силу»; а когда полицейский попытался оттащить его от стойки, это был акт «насилия» с его стороны.

Попробуем представить, что будет, если люди начнут руководствоваться таким разграничением понятий при определении норм общественного поведения. Если однажды вечером вы приходите домой, обнаруживаете там незнакомца и отважно вышвыриваете его вон, то его действия представляют собой лишь мирный акт «силы», а вы будете обвинены в применении «насилия» и понесете за это наказание. Теоретический смысл этой исключительной нелепости в установлении моральной инверсии: в том, чтобы *инициативу* в применении силы считать моральной, а *сопротивление* силе - аморальным, то есть аннулировать *право на самозащиту*. Непосредственный же практический смысл заключается в поддержке деятельности политических проходимцев самого

низкого пошиба - провокаторов, которые совершают акты насилия, а потом перекладывают вину на своих жертв.

Чтобы оправдать это жульническое разграничение, бунтовщики из Беркли попытались взамен отменить другое, вполне законное: между *идеями* и *действиями*. Они заявили, что свобода слова равнозначна свободе действия и что между ними нельзя провести четкой границы.

Например, если у них есть право защищать любые политические взгляды, заявляют они, они также имеют право устраивать на территории университета любые мероприятия, даже те, что являются противозаконными. Как выразился профессор Петерсен, они требовали права «на использование университета как убежища, откуда они могли бы совершать незаконные налеты на объекты за пределами его территории».

Разница между обменом идеями и обменом ударами очевидна. Граница между свободой слова и свободой действия определяется запретом на применение физической силы. Такая проблема может возникнуть лишь в том случае, если этот запрет аннулируется; однако, если аннулировать этот запрет, политическая свобода в любом виде станет абсолютно невозможной.

На первый взгляд может показаться, что «пакет требований» бунтовщиков должен послужить основой для дальнейшего расширения рамок свободы; однако фактически и логически результат оказывается прямо противоположным - злая шутка для тех неразумных юнцов, которые присоединились к движению ради «свободы слова». Если приравнять свободу выражения идей к свободе совершения преступлений, то очень скоро станет очевидно, что организованное общество не может существовать при таких условиях, и, следовательно, высказывать идеи будет трудно, а некоторые из них окажутся под полным запретом, аналогично преступным действиям.

На этот мотив указывают выдвинутое бунтовщиками требование неограниченной свободы слова на территории университета и ставшее его следствием «Движение за непристойные выражения».

Не может существовать такой вещи, как право на неограниченную свободу слова (или действия) *на территории, находящейся в чьей-то чуждой собственности*. Тот факт, что университет в Беркли является собственностью государства, лишь осложняет дело, но ничего, по сути, не меняет. Собственниками государственного университета являются избиратели и налогоплательщики данного государства. Университетская администрация, назначенная (прямо или непрямо) избранным государственным чиновником, теоретически является представителем

владельцев и должна действовать соответствующим образом, раз уж государственные университеты у нас существуют. (Должны ли они существовать - это уже другой вопрос.)

В любом предприятии или организации, состоящей более чем из одного человека, правила и приемлемые методы работы устанавливаются владельцем (или владельцами); остальные участники, если они с установленными правилами не согласны, имеют право идти на все четыре стороны и искать там правила, которые им подходят больше. Здесь нет места таким вещам, как поступки по собственной прихоти, как самовольное распоряжение данным предприятием (в частности, его территорией) во вред прочим его участникам.

Студенты, обучающиеся в университете, имеют право рассчитывать на то, что не будут выслушивать непристойности, за которые владелец бара среднего пошиба выбросил бы хулиганов на улицу. Правом определять, какие выражения можно употреблять на данной территории, обладает администрация университета - точно так же, как владелец бара в помещении своего предприятия.

Метод, который использовали калифорнийские активисты, характерен для сторонников тоталитаризма и заключается в том, чтобы, воспользовавшись преимуществами свободного общества, попытаться подорвать его же основы, продемонстрировав их мнимую «недействительность» - в данном случае «недействительность» права на свободу слова. Но то, что им удалось продемонстрировать на самом деле, максимально удалено от поставленной ими цели: они показали, что *ни одно право не может быть применено без учета права собственности*.

Лишь на базе прав собственности могут быть определена сфера применения любых личных прав в любой социальной ситуации. Без учета прав собственности невозможно разобраться и избежать хаоса в мире постоянно сталкивающихся интересов, взглядов, требований, стремлений и прихотей.

Администрация Беркли не могла адекватно отреагировать на действия бунтовщиков иначе, чем обратившись к правам собственности. Вполне понятно, почему ни современные «либералы», ни «консерваторы» не стали этого делать. Активисты студенческого движения воспользовались для достижения своих целей не противоречиями свободного общества, а противоречиями смешанной экономики.

А вот вопрос о том, какой политики следует придерживаться администрации государственного университета, не имеет ответа. У множества противоречий, связанных с понятием «общественной

собственности», нет решений, особенно если эта собственность непосредственно связана с распространением идей. Именно это стало одной из причин, почему бунтовщики выбрали в качестве стартовой площадки для своего движения именно государственный университет.

Можно было бы устроить показательный процесс, связанный с тем, что государственный университет не имеет права запрещать пропаганду или распространение сведений о любых политических взглядах, например о коммунизме, поскольку часть владельцев-налогоплательщиков могут оказаться коммунистами. Но с тем же успехом можно было бы устроить показательный процесс, связанный с тем, что государственный университет не имеет права разрешать пропаганду или распространение сведений о любых политических взглядах, которые (как, например, коммунизм) представляют прямую угрозу собственности, свободе и жизни большинства владельцев-налогоплательщиков. В области идей неприменима власть большинства; личные убеждения не поддаются решению голосованием; однако ни отдельного человека, ни меньшинство, ни большинство нельзя заставлять поддерживать тех, кто хочет их уничтожения.

С одной стороны, государственное учреждение не имеет права запрещать высказывать какие-либо идеи. С другой стороны, государственное учреждение не имеет права предоставлять убежище, помощь или финансовую поддержку врагам государства (как это делали, например, сборщики средств в помощь Вьетконгу).

Источник этих противоречий лежит не в сущности прав личности, а в их нарушении институтом «общественной собственности», придуманным коллективистами.

Тем не менее решать эти вопросы следует в сфере конституционного права, а не на территории университетского городка. У бунтовщиков, как у студентов, нет в государственном университете каких-то особых прав по сравнению с университетом частным. Как налогоплательщики они также не обладают какими-то особыми правами по сравнению с миллионами других налогоплательщиков Калифорнии. Если они не согласны с политикой, проводимой попечительским советом, они не могут воздействовать на ситуацию никаким другим путем, кроме голосования на следующих выборах - если смогут набрать достаточное количество сторонников. Шанс на это весьма призрачен - и это хороший аргумент *против* «общественной собственности» любого вида. Но в любом случае это не тот вопрос, который решается насилием.

Важно здесь то, что бунтовщики - которые, мягко говоря, никак не

относятся к защитникам частной собственности, - отказываются считаться с той стороной власти большинства, которая имеет отношение к общественной собственности. Именно против *этого* они выступают, когда говорят о том, что университеты стали придатками, обслуживающими «финансовую, индустриальную и военную элиту». Они пытаются аннулировать права именно этих конкретных групп налогоплательщиков (право иметь голос в управлении государственными университетами).

Если кому-то нужно доказательство того, что защитники общественной собственности стремятся не к «демократическому» управлению этой собственностью по решению большинства, а к управлению диктаторскому, - вот вам одно из вполне красноречивых доказательств.

Бунтовщики попытались применить новую вариацию на старую тему, которая уже долгие годы была в арсенале всех сторонников тоталитарно-коллективного правления: стереть различия между личными и правительственными действиями, приписав гражданам специфические нарушения, конституционно запрещенные для правительства, и таким образом уничтожив индивидуальные права, одновременно освобождая правительство от всяких ограничений. Наиболее часто встречающийся пример использования такого метода - обвинение частных лиц в «цензуре» (понятие, применимое только в отношении государства) и, таким образом, лишение их права на несогласие.

Новая вариация, придуманная бунтовщиками, состояла в протесте против так называемой двойной ответственности. Выглядело это так: если студенты совершают незаконные действия, они должны понести наказание согласно решению суда и не могут, таким образом, быть наказанными за те же проступки администрацией университета.

«Двойная ответственность» - понятие, применимое исключительно к государству, причем исключительно к *одной* ветви государственной власти - к правосудию, и только к определенным ее действиям: оно означает, что один человек не может быть дважды осужден за одно и то же преступление.

Приравнивать личные суждения и действия (или, как в данном случае, суждения и действия государственного чиновника) к судебному решению - более чем абсурдно. Это вопиющая попытка аннулировать право на моральные суждения и моральные действия. Это заявление о том, что нарушитель закона не должен нести *гражданской* ответственности за свое преступление.

Если такой подход применить полноценно, то люди не будут иметь

права ни оценивать поступки других, ни действовать в соответствии со своими взглядами и ценностями. Они должны будут дожидаться, пока суд признает их виновными или невиновными, и даже в том случае, если вина будет доказана в суде, никто не будет иметь права изменить свое поведение по отношению к преступнику, и его наказание будет исключительно прерогативой государства.

К примеру, если банковский служащий будет признан виновным в хищении денег и отбудет назначенное ему судом наказание, банк не будет иметь права отказать ему в возвращении на ту же должность, потому что такой отказ означал бы «двойную ответственность».

Или другой пример: государственный служащий не будет иметь права следить за законностью действий своих подчиненных или устанавливать правила, а будет вынужден ждать, пока суд не признает, что кто-либо из них действительно нарушил закон, а затем принять нарушителя обратно на работу после отбытия наказания за злоупотребление служебным положением, взяточничество или государственную измену.

Идея морали как монополии государства (и конкретно одной ветви власти или части правительственной структуры) настолько откровенно является составляющей идеологии диктатуры, что приверженность ей бунтовщиков просто шокирует.

Требование бунтовщиков отдать управление университетами в руки студентов и преподавателей - это явное, открытое выступление против того же, против чего остальные их требования направлены скрытым образом: против частной собственности. Из всего разнообразия вариантов тоталитарно-коллективистских систем та, которую они выбрали в качестве своей цели, является наименее действенной с политико-экономической точки зрения; наименее устойчивой - с интеллектуальной; наиболее позорной - с моральной. Речь идет о *гильдейском социализме*.

Гильдейский социализм - это система, не позволяющая гражданину проявлять индивидуальные способности с помощью объединения людей в группы согласно направлению их профессиональной деятельности и передаче всей работы в полное ведение группы, с тем чтобы группа устанавливала правила, стандарты и методы выполнения работы, а также конкретных ее исполнителей.

Гильдейский социализм - это ментальность дикарей, поднятая до уровня общественной теории. Точно так же, как племя дикарей захватывает кусок территории джунглей и объявляет его своим на том основании, что оно здесь находится, гильдейский социализм устанавливает монополию - только уже не на лес или источник воды, а на завод или

университет, руководствуясь не способностями, достижениями или даже «общественным долгом» человека, а исключительно фактом его нахождения в данном месте.

Подобно тому как у дикарей отсутствуют понятия причин и следствий, прошлого и будущего, а также понятие силы за исключением мускульной силы своего племени, так и гильдейские социалисты, обнаружив себя в центре индустриального общества, рассматривают его институты как явления природы и не видят причин, по которым какая-то группа не может захватить их.

Если существует какое-либо доказательство некомпетентности человека, то таким доказательством является застойное мышление рабочего (или профессора), который, выполняя какую-то мелкую рутинную работу в составе огромного предприятия, не заботится о том, чтобы заглянуть за пределы рычагов своего станка (или кафедры в лекционной аудитории), не желает знать, как его станок (или аудитория) очутились здесь или что дает ему возможность работать, и при этом объявляет руководство предприятия бесполезными паразитами. Управленческая работа - организация и интеграция человеческих усилий в осмысленную, масштабную, долговременную деятельность - это в сфере действия то же самое, что способность к концептуальному мышлению в сфере познания.

Можно считать, что самый прямой способ признать собственную посредственность - это готовность отдать свой труд в абсолютную власть группы, особенно группы *коллег по роду деятельности*. Из всех форм тирании эта - самая страшная; она направлена против единственного сугубо человеческого качества - разума и против единственного врага - новатора. По определению новатор - это человек, который покушается на традиционные методы своей профессии. Отдать профессиональную монополию любой группе - значит принести в жертву человеческие способности и уничтожить прогресс; защищать подобную монополию - значит признать, что тебе нечего принести в жертву.

Гильдейский социализм - это правление посредственности во имя посредственности. Его корни - в интеллектуальном коллапсе общества; его последствия - кошмар стагнации; его историческим примером может служить цеховая система Средневековья (или, в нашу эпоху, итальянское фашистское государство Муссолини).

Требование бунтовщиков предоставить управление университетами и выбор учебных программ студентам (и преподавателям) - совершенная нелепость. Если невежественный юнец приходит в образовательное

учреждение ради того, чтобы получить знания в определенной области, то как может он сам определять, что ему требуется и чему его нужно учить? (В процессе обучения он может судить лишь о том, понятно или непонятно излагает материал преподаватель, логична ли его подача или противоречива; он не может сам выбирать содержание и методику курса, не обладая знанием предмета.) Совершенно очевидно, что студент, который требует права управлять университетом (или решать, кто будет им управлять), не обладает необходимыми для этого знаниями о концепции знания; его требование противоречит само себе и автоматически свидетельствует о его непригодности для данной деятельности. То же самое верно - только в этом случае груз морального прегрешения куда тяжелее - и в отношении профессора, который научил студента выдвигать такие требования и который поддерживает их.

Хотели бы вы лечиться в больнице, где методы лечения выбираются путем голосования среди врачей и пациентов?

Но в этом примере абсурдность просто более очевидна, чем в стандартном коллективистском требовании отдать рабочим власть над предприятиями, которые были созданы людьми, чьих достижений им никогда не понять и никогда не повторить. Основные философско-моральные предпосылки и принципы здесь совершенно идентичны: отказ от мышления уничтожает смысл реальности, что, в свою очередь, уничтожает смысл достижений, что уничтожает смысл различия между *заработанным* и *незаработанным*. Тогда непрофессионалы могут захватывать руководство заводами, невежды - руководство университетами, громилы - руководство научными лабораториями, - и в человеческом обществе не останется ничего, кроме власти произвола и кулака.

Гильдейский социализм - это более жестокая (но ничем не отличающаяся по сути), чем большинство прочих, тоталитарно-коллективистская теория, потому что именно он представляет другую, обычно остающуюся без внимания, сторону альтруизма: это голос не тех, кто дает, а тех, кто получает. В то время как большинство теоретиков альтруизма провозглашают в качестве оправдания «общественное благо», защищают служение «обществу» и ничего не говорят об истинной природе тех, кому именно приносятся жертвы, сторонники гильдейского социализма откровенно заявляют о том, что это они сами являются получателями благ, и предъявляют свои требования обществу, которое должно им служить. Они заявляют, что, если они хотят получить монополию на определенную профессию, прочие граждане лишаются

права заниматься ею. Если они хотят получить университет, общество должно им его предоставить.

Если же, с точки зрения альтруистов, «эгоизм» означает принесение других в жертву себе, то мне бы очень хотелось, чтобы они привели мне более отвратительный пример этого, чем слова одного юного коллективиста из Беркли, который заявил: «Мы считаем, что любой университет состоит из преподавателей, студентов, книг и идей. В буквальном смысле администрация нужна лишь для того, чтобы обеспечивать чистоту дорожек. Она должна обслуживать преподавателей и студентов».

О чем же забыл в своем представлении об университете этот юноша? Кто платит зарплату преподавателям? Кто обеспечивает средствами к существованию студентов? Кто издает учебники? Кто строит учебные корпуса, библиотеки, общежития - и, кстати, дорожки?

Кто - помимо администрации университета - играет роль безгласной, бесправной «прислуги» и подметальщика дорожек для преподавателей и студентов? Нет, это не только те гениальные производители, которые создали материальные средства, благодаря которым существуют университеты, не только «акулы большого бизнеса», не только «финансовая, промышленная и военная элита», но и каждый налогоплательщик штата Калифорния. Это каждый человек, который трудится, чтобы жить, роскошно или скромно, каждый гражданин, который обеспечивает себе средства к существованию.

Посмотрите на сложность, иносказания, хитрости, извращения и интеллектуальную акробатику, исполняемую этими заявленными адвокатами стихийных чувств, и на идеологическую твердость тех активистов, которые заявляют, что у них нет никакой идеологии.

Первый раунд студенческих волнений прошел не слишком удачно. Несмотря на бесплатную рекламу в прессе, отношение к ним публики представляло собой смесь непонимания, безразличия и антагонизма. Безразличия - из-за уклончивой размытости журналистских репортажей, которые не приносили никакой пользы: люди не понимали, к чему это все, и не видели, о чем им стоит беспокоиться. Антагонизма - потому что американское общество до сих пор испытывает огромное уважение к университетам (к тому, чем они могли бы быть и должны бы быть, но на самом деле больше не являются) и потому что наполовину хвалебные, наполовину снисходительные банальности комментаторов насчет «юношеского идеализма» не смогли обелить того факта, что в университетских стенах стала применяться грубая физическая сила. Из-за

этого у людей возникло смутное ощущение беспокойности, чувство неопределенного, опасливого осуждения.

Попытка бунтовщиков захватить другие кампусы также оказалась не слишком результативной. Этой весной еще слышались некие позорные заявления со стороны университетских руководителей, но никакой явной общественной симпатии заметно не было.

Часть университетского руководства продемонстрировала немногочисленные примеры адекватного отношения к происходящему - примеры твердости, благородства и бескомпромиссной жесткости, особенно в Колумбийском университете. Стоит также отметить обращение доктора Менга, президента Колледжа Хантера. Заявив, что нарушение прав окружающих «недопустимо» в научном сообществе и что каждый студент или преподаватель, виновный в этом, заслуживает «моментального отлучения от университета», он сказал: «Вчерашняя башня из слоновой кости сегодня стала лисьей норой. Ленивые теоретики оказались очень занятыми организацией пикетов, демонстраций, митингов и забастовок того или иного рода».

Но несмотря на то, что студенческие волнения не вызвали большой симпатии в обществе, наиболее угрожающим в этой ситуации можно считать то, что против них не возникло никакой *идеологической оппозиции*, что идеи бунтовщиков не вызвали никакого ответа и отпора, что та критика, которой они подверглись, была, за редким исключением, невразумительно-поверхностной.

Отчасти этот бунт достиг целей, поставленных его лидерами: он показал, что они зашли немного дальше, чем нужно, слишком рано показали зубы и тем самым отвратили от себя многих потенциальных сторонников, даже из числа «либералов», но при этом дорога впереди свободна, и на ней не наблюдается никаких интеллектуальных баррикад.

Битва еще не окончена. Те же активисты, которые объявляли о своей исключительной приверженности конкретному моменту, неоднократно говорили и о долгосрочных целях студенческого восстания. Остатки «Движения за свободу слова» в Беркли переформировались в «Союз свободного студенчества», который издает какой-то воинственный шум, готовясь к очередному наступлению. Как бы ни были абсурдны их идеи, они направляют свои удары на наиболее важные философско-политические аспекты нашего времени. Это нельзя игнорировать или пытаться решить путем компромисса. Когда в дело вступает насилие, компромисс оказывается красной тряпкой для быка. Когда атакован разум, здравого смысла недостаточно.

Ни отдельный человек, ни народ в целом не могут существовать без какой-либо философии. У человека имеется свобода воли, он может мыслить, а может и не мыслить; если он выбирает последнее, он соглашается на все, что ему предлагают. Свободная воля народа - это его мыслители; остальная часть общества принимает то, что они предлагают; они устанавливают условия, ценности, направление движения и его цель.

В отсутствие интеллектуальной оппозиции идеи бунтовщиков постепенно будут поглощены культурой. Сегодняшние нелепости, против которых никто не возражает, превратятся в общепринятые лозунги завтра. Они будут приниматься постепенно, по частям, по прецеденту, по общему смыслу, по недопониманию, по умолчанию, благодаря постоянному давлению с одной стороны и постоянным уступкам с другой - пока не придет день, когда они будут провозглашены официальной идеологией государства. Студенческие активисты - не более чем наемники, которым было дано задание установить идеологические «буйки», отмечающие путь для полномасштабного наступления тоталитарно-коллективистских сил на останки американского капитализма; частью этого задания было установление идеологического контроля над американскими университетами.

Если коллективисты победят, самая страшная историческая ирония будет заключаться в следующем: то, что казалось громкой, отчаянной, воинствующей уверенностью, на самом деле окажется истерическим блефом. Подъем коллективизма - это не марш победителей, а слепое нашествие неудачников. Коллективизм уже проиграл сражение за человеческий разум; его сторонникам это известно; их последний шанс в том, что никто больше об этом пока не знает. Если его сторонники хотят воспользоваться плодами десятилетий философской коррупции, тем лабиринтом философских крысиных нор, которые они так долго выцарапывали, выгрызали и выскребали, они должны решиться на это сейчас или никогда.

Как культурно-интеллектуальная сила коллективизм окончил свое существование в период Второй мировой войны. Мы все еще продолжаем катиться в том же направлении, но лишь по закону инерции и благодаря импульсу разрушения. То социальное движение, которое было запущено громоздкими диалектическими сооружениями Гегеля и Маркса и закончилось толпой морально нечистоплотных юнцов, топающих ногами и вопящих: «Хочу это *сейчас!*», пришло к концу.

По всему миру, захватывая одну беспомощную нацию за другой, коллективизм неуклонно теряет два элемента, которые составляют ключ к

будущему: разум человечества и его молодежь. В доказательство первого посмотрите на утечку мозгов из Великобритании. В доказательство второго подумайте о том факте, что в подавляющем большинстве американских университетов политические взгляды сотрудников куда более «либеральны», чем взгляды студентов. (То же самое верно и в отношении молодежи страны в целом - по сравнению с более старшим поколением в возрасте от 35 до 50 лет, которое выросло во времена «Нового курса» и в руках которого в настоящий момент находится руководство страной.) Это один из тех фактов, на которое студенческие активисты предпочли закрыть глаза.

Я не хочу сказать, что антиколлективисты представляют среди студентов колледжей *количественное* большинство. В любой группе, любом обществе, в любое время большинство всегда составляют пассивные сторонники статус-кво. Но не пассивное большинство определяет путь нации. А кто же? Все, кому есть до этого дело, если только у них хватает интеллектуального оружия для победы на идейном поле битвы, которое принадлежит именно им, тем, кому *есть* дело. Те, кому нет, - не более чем социальный балласт.

То, что «не-либералы» среди студентов колледжей (и среди молодежи мира) могут в настоящее время считаться лишь «антиколлективистами», - это опасная тенденция и важная проблема в современной ситуации. Это молодежь, которая не готова сдаться, которая хочет сражаться против трясины зла, но понятия не имеет о том, что такое добро. Они отказываются от тошнотворных, избитых лозунгов коллективизма (вместе со всеми его культурными проявлениями, включая культ разочарования и развращенности, всем известные танцы, песни и прочие сценические действия, неизменно сопровождающиеся дерганьем и стонами, поклонение антигероям, поиск вдохновения во вскрытом мозге психического больного и руководства к действию - в поступках бессловесного дикаря). Но они до сих пор не нашли своего направления, своей устойчивой философии, своих разумных ценностей, своих долгосрочных перспектив. Если они этого не сделают, их непоследовательное стремление к лучшему будущему не сможет противостоять последнему удару коллективистов.

В исторической перспективе наша страна сейчас представляет собой интеллектуальную пустыню, и будущее будут определять те, кто рискнет вырваться за рамки статус-кво. Направление нашего движения будет зависеть от того, окажутся ли эти смельчаки борцами за новое Возрождение или падальщиками, роющимися в останках вчерашних битв. Борцов за возрождение пока не видно, а падальщики уже тут как тут.

Именно поэтому, но в гораздо более глубоком смысле, чем способны осознать юные зомби из университетских кампусов, «Сейчас, сейчас, сейчас!» - это последний лозунг и клич бородатых оборванцев, которые когда-то были армией, поднятой на битву обещанием построения *научно спланированного общества*.

Пресса дала две наиболее точные характеристики студенческого бунта: «политический экзистенциализм» и «кастровское движение». И та и другая подразумевают интеллектуальное банкротство: первая свидетельствует об отказе от рационального мышления, а вторая - о состоянии истерической паники, которая полагается на кулаки как на единственное средство.

Готовясь к публикации своего исследования (22 марта 1965 года), *Newsweek* провел несколько опросов среди студентов различных колледжей, один из которых был посвящен тому, кого они считают своими героями. Редакторы *Newsweek* информировали меня о том, что мое имя оказалось среди результатов этого опроса, и послали ко мне журналиста для интервью, посвященного тому, что я думаю о состоянии современных университетов. По причинам, лучше известным им самим, они решили не публиковать из этого интервью ничего. Я же (только кратко) говорила о том же самом, о чем говорю в этой статье, за исключением тех заключительных замечаний, которые вы прочтете ниже и которые я хотела бы адресовать тем студентам, которые избрали меня своей героиней.

Молодежь постоянно спрашивает, что они могут сделать для борьбы с сегодняшними разрушительными тенденциями; они стремятся к какому-то действию и теряют свои надежды в темных тупиках, особенно раз в четыре года, во время выборов. Тем, кто не понимает, что это битва идеологическая, лучше вообще не лезть в это дело, потому что у них нет никаких шансов. Те же, кто это понимает, должны осознать, что студенческие волнения дали им шанс приобрести необходимые навыки для будущей мировой битвы, в которую они вступят, покинув университетские стены; и не только научиться чему-то, но и выиграть первые раунды этого более масштабного сражения.

Если молодые люди ищут для себя важного дела, они имеют возможность бороться с бунтовщиками, бороться *идеологически*, на *морально-интеллектуальном* фронте, путем раскрытия сути требований бунтовщиков. Прежде всего эта битва состоит в том, чтобы дать стране *идеологические ответы* - это то самое поле, с которого старшие поколения дезертировали под огнем противника.

Нельзя победить идеи ничем, кроме лучших идей. Битва заключается

не в том, чтобы противостоять, а в том, чтобы разоблачать; не в поношении чужих идей, а в их развенчании; не в уклонении, а в смелом провозглашении полновесной, устойчивой и радикальной альтернативы.

Это не означает, что разумная часть студенчества должна вступать в дискуссии с бунтовщиками или пытаться обратить их в свою веру: невозможно переспорить самоуверенных иррационалов. Смысл идеологической битвы в том, чтобы просветить огромное, беспомощное, запутавшееся большинство университетского сообщества - и страны в целом - или, точнее говоря, умы тех представителей большинства, которые все-таки хотят найти ответы, или тех, кто, не слыша ничего, кроме коллективистских софизмов на протяжении многих лет, с отвращением замкнулся в себе и сложил оружие.

Первая из целей подобной битвы - это отобрать у кучки битников титул «голоса американской молодежи», которым с такой готовностью наделяет их пресса. Первый шаг - это добиться того, чтобы быть услышанными и на территории университетов, и за их пределами. Есть много цивилизованных путей для этого: митинги протеста, общественные петиции, речи, агитационные материалы, письма в прессу. Это гораздо более важное дело, чем пикетирование штаб-квартиры ООН.

Но чтобы быть услышанными, нужно иметь что сказать. А для этого нужно полностью представлять себе существующее положение вещей вплоть до самых фундаментальных философских начал. Нельзя победить ядерную бомбу пугачом. А лидеры, стоящие за студенческим движением, - настоящие специалисты по ведению «ядерной» идеологической войны.

Но они представляют опасность лишь для тех, кто смотрит на проблемы поверхностно и надеется одолеть идеи с помощью веры, чувств и сбора средств. Вы сами удивитесь, насколько поспешно идеологи коллективизма отступают, столкнувшись с уверенным, интеллектуальным противодействием. Их дело основывается на обращении к человеческой неуверенности, невежеству, нечестности, трусости, разочарованию. Встаньте на те позиции, куда они боятся сунуться: обращайтесь к человеческому разуму.

Коллективизм потерял два вида необходимого оружия, с помощью которого ему удалось подняться к вершинам мировой власти и которое сделало возможными все его победы: интеллектуальность и идеализм, или, иными словами, разум и мораль. Он потерял их именно на вершине успеха, поскольку его претензии на обладание ими оказались ложью: подлинная реальность социал-коммунофашистских государств показала всем жестокую иррациональность коллективистской системы и антигуманность

альтруизма как морального кодекса.

Тем не менее именно разум и мораль остаются единственным оружием, которое определяет ход истории. Коллективисты его потеряли, потому что у них нет права им владеть. Поднимите его - у вас такое право есть.

Июль-сентябрь, 1965 г.

23. Отчуждение

Натаниэль Бранден

Страшусь неведомых путей,
Страшусь и Бога, и людей.
Как остаться мне собой
В мире, созданном не мной?^[40]

В работах современных психологов и социологов эти строки из стихотворения А. Э. Хаусмана можно встретить все чаще и чаще - цитата красноречиво суммирует ощущение жизни и психологическую нагрузку, которую несет на себе современный человек.

Практически в любой книге, посвященной сегодняшнему социуму, мы находим одно и то же послание: современный человек поражен чувством тревоги, современный человек страдает от «кризиса самоидентификации», современный человек *отчужден*. «"Кто я?", "Куда я иду?", "Мой ли это мир?" - вот главные вопросы, которые задает себе человек в современном массовом обществе», - пишет социолог и психоаналитик Гендрик Рюйтенбеек в работе «Личность и толпа - изучение американского индивидуума» (The Individual and the Crowd - A Study of Identity in America).

Понятие *отчуждения*, в его первоначальном психиатрическом смысле, означает умственное расстройство, причем весьма серьезное: зачастую полную невменяемость, особенно с юридической точки зрения. С ним связан полный распад рационального мышления и самоопределения личности, когда пациентом управляют силы, которые он не может осознать и контролировать и которые кажутся ему непреодолимыми и чуждыми, так что он испытывает отчуждение от себя самого.

За много веков до этого средневековые богословы с беспокойством говорили об отчуждении человека от Господа - о слишком сильном увлечении чувственным миром, из-за которого человек теряет самого себя и отдаляется от праведного духовного состояния.

Современный мир познакомил с концепцией отчуждения (вне ее психиатрического значения) философ Гегель. Он утверждал, что история человечества - это история человеческого самоотчуждения: человек не

видит собственной истинной сущности, он теряется в «мертвом мире» социальных структур и собственности, который сам же и создал, он становится отчужден от вселенского бытия, частью которого является, - а человеческий прогресс заключается в движении к целому, по мере того как он преодолевает границы личного восприятия.

Термин «отчуждение» был подхвачен Карлом Марксом, который использовал его в более узком, не столь космическом смысле. Он применял его преимущественно к рабочему классу. Отчуждение рабочего, утверждал он, неизбежно при развитии разделения труда, специализации, обмена и частной собственности. Рабочий должен продавать свои услуги, таким образом, он начинает видеть себя как «предмет торговли», он становится отчужден от продукта собственного труда, и его работа больше не является отражением его способностей, его внутреннего «я». Рабочий, будучи живым, подчиняется тому, что «мертво» (то есть капиталу и механизмам). Вследствие этого, говорит Маркс, возникает духовное обеднение и неполноценность: рабочий отчуждается от себя самого, от природы и других людей; он отныне существует лишь как одушевленный *предмет*, а не как человеческая личность.

Со времен Маркса идея отчуждения все чаще и чаще использовалась психологами, социологами и философами, вбирая в себя большое разнообразие сфер применения и значений. Но начиная от Гегеля и Маркса и далее, можно заметить некое общее нежелание тех, кто пользуется этим термином, дать ему точное определение; кажется, что мы должны *ощущать* его смысл, а не понимать концептуально. В двухтомном сборнике сочинений под названием «Отчуждение» (Alienation) редактор, Джеральд Сайкс, особенно порицает тех, кто слишком рьяно стремится к определению термина: желание поскорее дать определение, заявляет он, свидетельствует о том, что этот желающий страдает «острой формой отчуждения».

Некоторые авторы - преимущественно фрейдистской или юнгианской ориентации - утверждают, что сложность современного индустриального общества вынуждает человека быть «сверхцивилизованным», терять связь с глубинными истоками своей сущности, становиться чуждым своей «инстинктивной природе». Другие - преимущественно последователи экзистенциализма и дзен-буддизма - жалуются на то, что наше технологическое общество заставляет человека вести слишком интеллектуальную жизнь, подчиняться абстракциям и таким образом отчуждает его от настоящего мира, который в своей «цельности» может постигаться лишь через эмоции. Есть и третье направление - это

преимущественно представители воинствующей посредственности, - которое обращает особое внимание на отчуждение творческой личности; его последователи утверждают, что с окончанием эпохи меценатов, когда художник вынужден полагаться лишь на самого себя, чтобы выжить в условиях рынка, которым управляют «обыватели», - он обречен на поражение в битве за сохранение собственной духовной целостности и не в состоянии справиться с материальными искушениями.

Большинство этих авторов заявляют, что проблема отчуждения - и поиска человеком своей сущности - не нова, а представляла собой источник тревоги для людей всех эпох и культур. Однако они настаивают на том, что сегодня в западном мире - и прежде всего в Америке - эта проблема достигла самой крайней степени остроты. Она превратилась в кризис.

Что же обусловило этот кризис? Что отчуждает человека и лишает его человеческой сущности? Большинство тех, кто пишет об отчуждении, не дает конкретного ответа на этот вопрос, однако из их бесконечных уничижительных сентенций о «бесчеловечных проявлениях индустриализма», «разрушающей душу коммерциализации», «сухой рациональности технократической культуры», «вульгарном западном рационализме» и так далее нетрудно сделать вывод о том, кого они считают преступником, на кого они возлагают главную ответственность. Это *капитализм*.

В этом нет ничего удивительного. С момента своего зарождения капитализм сделался козлом отпущения для едва ли ни каждого подлинного или мнимого греха человечества. Как отмечает выдающийся экономист Людвиг фон Мизес:

«Самая непопулярная вещь сегодня - это свободная рыночная экономика, то есть капитализм. Все, что сегодняшнему обществу кажется неудовлетворительным, приписывается его влиянию. Атеисты обвиняют капитализм в сохранении христианства. В то же время в папских энцикликах капитализм представляется источником распространения безверия и грехов современного общества, а протестантские церкви и секты так же свирепо обрушиваются на капиталистический культ наживы. Пацифисты считают все войны следствием капиталистического империализма. При этом непоколебимые немецкие и итальянские милитаристы приписывают капитализму «буржуазный» пацифизм, противный человеческой натуре и объективным законам исторического развития. Проповедники возлагают на капитализм ответственность за распад семей и поощрение разврата. А «прогрессивные» деятели считают,

что благодаря капитализму сохраняются якобы устаревшие правила и запреты в сексуальной сфере. Практически все уверены, что бедность - результат капитализма. С другой стороны, многие с осуждением говорят о том, что капитализм, потворствуя желаниям тех людей, кто жаждет большего комфорта и лучшей жизни, пропагандирует грубый материализм. Все эти противоречивые обвинения в адрес капитализма выглядят полностью взаимоисключающими. Однако факт остается фактом: сегодня мало найдется таких, кто не предъявляет капитализму никаких претензий»^[41].

Бесспорно, сегодня очень многие страдают от постоянного чувства внутренней опустошенности, духовного обнищания и потери индивидуальности. Бесспорно, что многие испытывают отчуждение - *от чего-нибудь* - даже если они сами не могут сказать, от чего именно, - от самих себя, от других людей или от космоса. И очень важно, что в этом можно обвинить капитализм. Не потому, что это обвинение справедливо, а потому, что, анализируя доводы в пользу этого обвинения, можно очень многое узнать о природе и сути ощущения отчуждения и потери индивидуальности человеком, и одновременно о психологических мотивах, которые лежат в основе ненависти к капиталистическому строю.

Те, кто пишет об отчуждении, как я уже говорил, не являются интеллектуально гомогенной группой. Они различны во многих отношениях: в своих взглядах на то, из чего конкретно складывается проблема отчуждения, в том, какие аспекты современной индустриальной цивилизации и свободной рыночной экономики кажутся им наиболее отвратительными, в том, насколько открыто они говорят о преступном характере капитализма, а также в деталях политических склонностей. Некоторые из этих авторов - социалисты, некоторые - фашисты, некоторые - поклонники Средневековья или сторонники государства всеобщего благоденствия, а кое-кто вообще презирает всякую политику. Часть из них верит, что проблема отчуждения по большей части или полностью решается путем принятия новой системы общественного строя; прочие считают, что эта проблема по своей сути метафизична и найти ее полностью удовлетворительное решение невозможно.

Однако, к счастью для целей этого исследования, есть один современный автор, который сумел собрать в своих трудах практически все основные ошибки, допущенные теми, кто разрабатывал это поле, - это психолог и социолог Эрих Фромм. Поэтому давайте рассмотрим взгляд Фромма на человека и его теорию отчуждения несколько подробнее.

Человек, заявляет Эрих Фромм, - это «причуда Вселенной».

Эта тема - наиболее важная и центральная во всех его произведениях: человек принципиально отличается от всех прочих видов животных, он «обособлен» и «отчужден» от природы, он поражен чувством «изоляции» и «заброшенности» - в процессе эволюции он расстался с безмятежным спокойствием, свойственным прочим организмам, он лишился «дочеловеческой гармонии» с природой, которой наслаждается любой зверь, птица или червяк. *Источник* его проклятия - в том, что он обладает разумом.

«Самосознание, разум и воображение, - пишет Фромм в "Человеке для самого себя"^[42], - разрушили "гармонию", свойственную животному существованию. Их появление превратило человека в аномалию, в причуду Вселенной». Человек не может жить так, как живет животное: он не обладает возможностями для того, чтобы автоматически и не задумываясь, приспособливаться к среде. Животное слепо «следует образцу, заданному родом», его поведение предопределено биологически и стереотипно, оно «или приспособливается, или гибнет», но оно не должно *решать* проблему выживания, *оно не сознает проблему жизни и смерти*. Человек - должен и сознает; в этом его трагедия. «Разум, счастливый дар человека - и его проклятие...»

В книге «Искусство любить»^[43] он пишет так:

«Что действительно существенно в жизни человека, так это то, что он вышел из животного царства, из сферы инстинктивной адаптации, переступил пределы природы. И все же, однажды оторвавшись от нее, он не может вернуться к ней; однажды он был изгнан из рая - состояния первоначального единства с природой - и ангел с огненным мечом преградит ему путь, если б он захотел вернуться».

По словам Фромма, то, что человеческая способность мыслить лишает его «рая», отчуждает и обособляет его от природы, ясно проявляется в «экзистенциальных дихотомиях», с которыми разум заставляет его сталкиваться, - в «противоречиях», заложенных в самой жизни. Что же это за трагические «дихотомии»? Центральными и основными Фромм считает три. Человеческий разум позволяет его носителю «предвидеть свой собственный конец: смерть», но при этом его «тело заставляет его хотеть жить». В природе человека кроется неисчислимое множество возможностей, однако «короткая протяженность жизни человека не допускает полной их реализации даже при самых благоприятных обстоятельствах». Человек «одинок, когда ему предстоит что-то оценить или принять какие-то решения самостоятельно, силой своего разума», и в

то же время «он не может перенести одиночества, обособленности от ближних».

Эти «противоречия», говорит Фромм, составляют дилемму «человеческой ситуации» - противоречия, с которыми человек вынужден бороться, но которые он никогда не сможет разрешить или отменить *и которые отчуждают человека от себя самого, от других людей и от природы.*

Если логика вышеизложенного кажется вам не слишком ясной, поверьте, что причина этого - не в краткости моего изложения. Она кроется в полной произвольности манеры изложения идей Фромма; он пишет не как ученый, а как жрец, который не обязан предъявлять кому-то какие-то доказательства или обоснования.

Совершенно понятно, что человек обладает фундаментальным отличием от всех прочих живых существ благодаря наличию у него способности мыслить. Верно, что для человека выживание - и проблема, требующая решения при помощи разума. Верно, что ни один человек не способен прожить столько, чтобы исчерпать все возможности, которые у него есть. Верно и то, что каждый человек одинок, отделен от других и уникален. Как и то, что мышление требует независимости. Все это факты, составляющие триумф человеческого бытия. Почему же именно их Фромм наделяет рангом ужасающего космического парадокса и видит в них свидетельство монументальной трагедии человека?

Да, *есть* люди, которых возмущает, что ответственность за свою жизнь несут они сами и что задача их разума - выяснить, как справиться с ней. Немало подобных людей - людей, предпочитающих животное существование, - можно (или можно было) обнаружить спящими на скамейках в любом общественном парке; их принято называть бродягами. *Есть* люди, для которых думать - ненормально и ненатурально. Их немало в сумасшедших домах - там они называются идиотами. *Есть* люди, которые постоянно переживают близость смерти; люди, которые обижаются на то, что никак не удастся быть одновременно пианистом-виртуозом, воротилой бизнеса, строителем железных дорог, игроком в бейсбол и аквалангистом-профессионалом; люди, для которых их бытие как отдельных, независимых существ, кажется невыносимой мукой. Таких много в приемных у психотерапевтов; их обычно называют невротиками. Но зачем Фромму понадобилось представлять бродяг, идиотов и невротиков как символ человечества, как общий образ человека и почему он решил, что именно *их* состояние - это то, с чего должен начинать каждый, то, откуда он должен с усилием стремиться вверх?

Фромм нам этого никак не объясняет. Нигде в его работах невозможно обнаружить логической связи между фактами, которые он рассматривает, и выводами, которые он делает.

Если мы *не* хотим считать его выводы случайными - или даже, скажем прямо, мистическими откровениями, - то мы должны думать, что он не утруждает себя обоснованием своей позиции потому, что считает эти выводы самодостаточными, неопровержимо подтверждающимися теми фактами, что он приводит, легко доступными наблюдению и анализу каждого. Но если, по его мнению, каждому очевидно, через самостоятельный анализ, что факты, которые он приводит, представляют собой мучительную проблему для человека, самый лучший ответ, который можно на это дать: «Говори за себя, брат!»

Разум, настаивает Фромм, и самосознание, которое возможно благодаря разуму, превращает «отчужденное, разобщенное с другими существование» человека в «невыносимую тюрьму» - и человек «стал бы безумным, если бы не мог освободиться из этой тюрьмы, покинуть ее, объединившись в той или иной форме с людьми, с окружающим миром».

Следующий абзац - типичный пример того, что Фромм считает объяснением:

«Переживание отделенности рождает тревогу, оно является источником всякой тревоги. Быть отделенным значит быть отторгнутым, не имея никакой возможности употребить свои человеческие силы. Быть отделенным значит быть беспомощным, неспособным активно владеть миром - вещами и людьми, это значит, что мир может наступать на меня, а я при этом неспособен противостоять ему. Таким образом, отделенность - это источник напряженной тревоги. Кроме того, она рождает стыд и чувство вины. Это переживание вины и стыда в связи с отделенностью выражено в библейском рассказе об Адаме и Еве. После того, как Адам и Ева вкусили от древа познания добра и зла, после того, как они ослушались... после того, как они стали людьми, высвободившись из первоначальной животной гармонии с природой, т.е. после их рождения в качестве человеческих существ, - они увидели, что "они нагие, и устыдились". Должны ли мы предположить, что миф, такой древний и простой, как этот, несет в себе стыдливую мораль, свойственную девятнадцатому веку, и что самая главная вещь, которую эта история желает нам сообщить, состоит в том, что они пришли в смущение, увидев, что их половые органы открыты посторонним взглядам? Едва ли это так. Понимая эту историю в викторианском духе, мы утратим главную ее мысль, которая, как нам кажется, состоит в следующем: после того, как

мужчина и женщина начали осознавать самих себя и друг друга, они осознали свою отдельность и свое различие из-за принадлежности к разным полам. Но как только они поняли свою отдельность, они стали чужими друг другу, потому что еще не научились любить друг друга (что вполне понятно хотя бы из того, что Адам защищал себя, обвиняя Еву, вместо того, чтобы пытаться защитить ее). *Осознание человеческой отдельности без воссоединения в любви - это источник стыда и в то же время это источник вины и тревоги».*

Все общественные системы, все культуры, все религиозные и философские учения, весь прогресс, утверждает Фромм, движутся человеческой потребностью избежать ужасающего чувства беспомощности и одиночества, к которому он приговорен своим разумом.

«Необходимость вновь и вновь разрешать противоречия своего существования, находить все более высокие формы единства с природой, своими собратьями и самим собой - вот источник всех душевных сил, движущих человеком...»

В «Человеке для себя» Фромм утверждает, что только с помощью «разума, плодотворности и любви» человек может справиться с проблемой своей «отделенности» и достичь «нового единства» с окружающим миром. Претензии Фромма на роль адвоката *разума* звучат по меньшей мере неискренне. Он говорит о разуме и любви как о «только двух различных формах понимания мира». Как будто это не является окончательным доказательством его мистицизма, в «Искусстве любить» он продолжает рассуждать о «парадоксальной логике» восточных религий, которые, одобрительно сообщает он, не стеснены аристотелевским законом противоречия и которые учат нас тому, что «человек может познать реальность лишь в противоречиях». (Гегель и Маркс, совершенно справедливо отмечает он, также принадлежат к этой «парадоксальной» эпистемологической линии.) Его рассуждения о том, что он подразумевает под «плодотворностью», вряд ли можно считать более удовлетворительными.

В «Искусстве любить», написанном через несколько лет после «Человека для себя», он заявляет, что разум и плодотворный труд, хотя и являются определенно важными, дают лишь частичные, и сами по себе крайне неудовлетворительные решения: «единство», которое достигается с их помощью, - «не межличностно», а «желание межличностного слияния - наиболее мощное стремление в человеке». Фромм делает здесь необъяснимый поворот. То, что вначале представлялось проблемой, существующей между человеком и природой, теперь должно быть

разрешено с помощью человеческой «общности». Впрочем, ничего удивительного; когда читаешь Фромма, именно таких заявлений и ждешь: они кажутся неизбежными. Любовь и только любовь, говорит он нам с поразительной оригинальностью, может избавить человека от ужаса, «любовь - это единственный здоровый и исчерпывающий ответ на проблему человеческого существования».

Только через позитивное «отношение» себя к окружающим, только через чувство «заботы и ответственности» за них, в то же время сохраняя индивидуальность, добавляет Фромм, человек может создать новые узы, новое единство, которое освободит его от одиночества отчуждения.

А сейчас настала пора окончательно вытащить кота из мешка. Ранее мы рассматривали взгляд Фромма на отчуждение как *метафизическую* проблему; понять ее смысл и реальное содержание в полном объеме можно, если обратиться к его *общественно-политическому* анализу отчуждения. В этом контексте становится сразу понятно, какого рода «узы», какого рода «единство» и какого рода «любовь» имеет в виду Фромм.

Каждому обществу как системе отношений между людьми может быть дана оценка согласно тому, насколько ему удастся удовлетворять основные психологические потребности человека, говорит Фромм, то есть, объясняет он, какие возможности для любви, общности и осознания собственной индивидуальности оно предлагает человеку.

Капитализм, заявляет Фромм, в этом отношении крайне плох: он не только не приближается к разрешению проблемы человеческого отчуждения, но и во многих отношениях неизмеримо усугубляет ее. Освобождая человека от средневековых норм и догм, разрывая цепи религиозной, экономической и социальной тирании, разрушая «стабильность» феодального порядка, капитализм и индивидуализм обрушивают на человека доселе невиданную свободу, которая «неизбежно вызывает глубочайшее ощущение незащищенности, бессилия, сомнения, одиночества и тревоги».

Попробуйте поскрести коллективиста, и, скорее всего, вы обнаружите поклонника Средневековья. Фромм - не исключение. Подобно многим социалистам, он идеализирует Средние века. Он поверхностно признает недостатки данной исторической эпохи. Но в сравнении с капитализмом, который пришел ей на смену, он превозносит ее добродетели.

«Средневековое общество в отличие от современного характеризовалось отсутствием личной свободы...Но хотя человек не был свободен в современном смысле, он не был при этом ни одинок, ни

изолирован. Занимая определенное, неизменное и бесспорное место в социальном мире с самого момента рождения, человек был закреплён в какой-то структурированной общности; его жизнь была с самого начала наполнена смыслом, что не оставляло места сомнениям, они и не возникали. Личность отождествлялась с ее ролью в обществе; это был крестьянин, ремесленник или рыцарь, но не индивид, который по своему выбору занимается тем или иным делом. Социальный строй рассматривался как естественный порядок, и, будучи определенной частью этого порядка, человек ощущал уверенность, чувство принадлежности к нему. Конкуренция была сравнительно невелика. При рождении человек попадал в определенное экономическое положение, которое гарантировало ему определенный, освященный традицией жизненный уровень, хотя и влекло за собой экономические обязательства по отношению к вышестоящим в социальной иерархии. Однако в пределах своей социальной сферы индивид имел достаточную свободу выражения собственной личности в труде и эмоциональной жизни. Хотя в то время не существовало индивидуализма в современном смысле неограниченного выбора жизненных путей (эта свобода выбора в значительной мере абстрактна), зато было достаточно много проявлений *конкретного индивидуализма в реальной жизни*».

Среди тех, кто пишет об отчуждении, такой взгляд на Средневековье не является необычным. Но в случае Фромма вышеприведенный пассаж кажется особенно шокирующим и оскорбительным из-за того, что автор постоянно утверждает о своей любви к свободе и о ценности человеческой жизни.

Тотальный контроль в любой сфере существования, безжалостное подавление интеллектуальной свободы, парализующие ограничения любой индивидуальной инициативы и независимости - вот основные характеристики Средневековья. Но все это Фромм отмечает в сторону - заодно с голодом, эпидемиями, изнурительным трудом от рассвета до заката, удушающим бытом, суеверным ужасом, припадками массовой истерии, охватывающей целые города, кошмарной жестокостью в обращении людей друг с другом, применением дозволенных законом пыток, считающихся нормой, - все это он отбрасывает, настолько очаровывает его образ мира, где людям не нужно ничего изобретать и ни с кем соревноваться, а требуется лишь покоряться и подчиняться.

Нигде у Фромма не сказано, в чем же именно заключается «конкретный индивидуализм» средневекового человека. Страшно любопытно было бы знать, что он об этом думает.

С крахом средневековой системы и возникновением общества свободной торговли, утверждает Фромм, человек был вынужден взвалить на свои плечи полную ответственность за собственное выживание: ему пришлось производить и торговать, думать и судить, у него не стало авторитетов, которые направляли бы его, и ничего, кроме собственных способностей, чтобы обеспечивать существование. Он больше не мог обладать ощущением самоидентичности, *унаследованным* от того класса, к которому он принадлежал по праву рождения: теперь он должен был *обрести* его сам. Это поставило перед человеком ошеломляющую психологическую проблему, обострив его врожденное чувство отдельности и одиночества.

«Капиталистический способ производства, - замечает Фромм, - и в самом деле благоприятствует политической свободе, тогда как в любом централизованно планируемом общественном устройстве существует опасность строгой политической регламентации и в конечном счете диктатуры». Капитализм, далее признает он, доказал, что является системой, в высшей степени удачной для производства товаров и для вознесения материальных стандартов человеческого существования на ранее невообразимую высоту. Но «здоровое общество» должно быть способно предложить человеку нечто большее, чем политическую свободу и материальное благополучие. Капитализм, настаивает Фромм, разрушителен для человеческого духа. Он приводит ряд обоснований этого обвинения, которые на многое проливают свет.

Так же, как Маркс, Фромм недоволен унижительным положением рабочего, который вынужден *продавать* свой *труд*. Капитализм заставляет рабочего чувствовать себя не человеком, а ресурсом, объектом купли-продажи. Более того, поскольку каждый рабочий является лишь малым винтиком в сложном и долгом процессе производства, не создавая, к примеру, самостоятельно целый автомобиль (чтобы затем на нем же уехать домой), а производя лишь какую-то мелкую деталь (при том, что готовое изделие потом будет продано кому-то очень далекому и совершенно неизвестному), он испытывает отчуждение от своего же труда - в отличие от средневекового ремесленника, чей труд мог выражать «все богатство» его личности.

То, что специализация и меновые отношения, возникающие при разделении труда, делают возможным такой уровень производительности, к которому иначе невозможно было даже приблизиться, - это элементарное начало экономики. В докапиталистическую эпоху, когда экономическое благосостояние человека ограничивалось теми вещами, которые он сам мог

изготовить с помощью собственных примитивных инструментов, на изготовление или приобретение самого необходимого тратилось невероятное количество труда, и общие стандарты жизни были крайне низкими: человеческое существование представляло собой нескончаемую изнурительную борьбу с неизбежным голодом. Примерно половина рожденных детей не доживала и до десяти лет. Но развитие капиталистической системы заработной платы, появление машин и возможности продавать свой труд, подарило жизнь (не говоря уже о постоянно растущем уровне материального благосостояния) миллионам тех, у кого не было шанса выжить в докапиталистическом обществе. Однако для Фромма и тех, кто разделяет его точку зрения, подобные соображения, несомненно, слишком «материалистичны». Получив возможность наслаждаться невиданным материальным благополучием, человек, по всей видимости, становится жертвой отчуждения; в то время как, прозябая в застойном положении средневекового холопа или ремесленника, он испытывал полное духовное удовлетворение.

Фромм открыто осуждает «анонимность социальных сил, присущую структуре капиталистического способа производства». Законы рынка, спроса и предложения, экономических причин и следствий зловеще безличны: они не контролируются ничьими индивидуальными *желаниями*. Определяет ли рабочий, сколько ему должны платить? Нет. Даже наниматель не определяет этого. Все зависит от того самого безликого монстра - рынка. Он устанавливает размер оплаты труда, руководствуясь принципами, которых не способен понять рабочий. Что касается капиталиста, то его положение немногим лучше: он тоже беспомощен. «Отдельный капиталист расширяет свое предприятие прежде всего не потому, что он этого хочет, а потому, что вынужден это делать, поскольку... отсрочка в дальнейшем расширении производства означала бы регресс». Если он не захочет увеличивать объемы производства, он выйдет из игры. Как при такой системе, - спрашивает Фромм, - человек может *не* испытывать отчуждения?

Посмотрим, против чего выступает Фромм. При капитализме заработная плата работника определяется *объективно* - по закону спроса и предложения. Рынок - отражая свободные суждения всех его участников, всех продавцов и покупателей, работодателей и претендентов на рабочие места - устанавливает общий ценовой уровень товаров и услуг. Тот, кто назначает цену за свой труд или предлагает ее за труд других, должен учитывать этот контекст; если человек требует за свой труд больше, чем диктует рынок, он останется без работы; если работодатель предлагает ему

меньше, чем диктует рынок, он будет искать - и найдет - другое рабочее место. Тот же принцип действует и для капиталиста, который выставляет на продажу свои товары. Если цена и качество его товара сравнимы или предпочтительнее того, что предлагают другие в том же сегменте рынка, он сможет с ними конкурировать; если предложения других окажутся лучше, чем у него, если на рынке будут товары более высокого качества и/или по более низкой цене, он будет вынужден заняться улучшением, развитием, поднятием до уровня других продавцов, а противном случае он лишится своих потребителей. Стандарт, определяющий успех или неудачу производителя, - это *объективная* стоимость его продукции, определяемая в контексте рынка (и имеющихся у них знаний) теми, кому он эту продукцию предлагает. Это единственный рациональный и справедливый принцип товарного обмена. Но именно *это* Фромм считает злом.

Он восстает против *объективности*. Как - хочет знать он - человек может не чувствовать себя отчужденным в системе, где его желания не всемогущи, где нельзя владеть тем, чего не заработал, где рост вознаграждается, а застой наказывается?

Из вышеизложенного ясно, что главный спор, который ведет Фромм, - это спор с *реальностью*, поскольку природа противопоставляет человеку те же самые условия, которые отражены и в рыночной экономике: природа также заставляет человека подчиняться причинно-следственным закономерностям, и в природе постоянный рост также является условием успешной жизни.

Среди авторов, пишущих об отчуждении, были такие, которые это поняли и не стали утруждать себя атакой на капитализм: они сразу стали проклинать саму природу. Они заявили, что человеческая жизнь по своей сути неумолимо *трагична*: так как реальность - это «тирания», так как противоречивые желания не могут быть удовлетворены, так как объективность - «тюрьма», время - «сеть», из которой не вырваться никому, и т.д. На таких заявлениях специализируется преимущественно экзистенциализм.

Как *потребитель* капиталистической экономики человек подвергается еще большему отчуждающему давлению, убеждает нас Фромм. Его буквально заваливает бесчисленным множеством продуктов, среди которых он должен что-то выбирать. Его сбивают с толку и промывают мозги назойливой рекламой, неотвязно убеждая покупать только тот или иной товар. Это сокрушительное многообразие вариантов выбора угрожает его здравомыслию. Более того, его «обрабатывают», заставляя потреблять ради самого потребления, стремиться постоянно повышать свой уровень

жизни только для того, чтобы «система» продолжала работать. Автоматические стиральные машинки, автоматические камеры и автоматические открывалки делают взаимодействие человека с природой все более и более отдаленным. Он все дальше и дальше погружается в кошмар *искусственного* мира.

Крепостные при феодализме не сталкиваются с такими проблемами.

Это, конечно, справедливо: спящий на земляном полу средневековый крестьянин - не говоря уже о пещерном человеке - был гораздо *ближе* к природе в некомфортном, негигиеничном смысле этого слова.

Среди общественных комментаторов вышеизложенная критика капитализма стала очень популярна. И что удивительно, практически все эти критики, так же, как и сам Фромм, относятся к разряду тех авторов, которые при этом громче всех кричат о том, что человеку требуется больше *свободного времени*. А ведь назначение всех «удобств» и «приспособлений», которые они так ругают, именно в том, чтобы освободить человеку время. Таким образом, они вроде бы выступают за то, чтобы у человека было больше возможностей для отдыха, но вместе с тем проклинают те способы, которые дают ему эти возможности.

Что касается претензии - в той же степени распространенной - что многообразие вариантов выбора угрожает умственному равновесию человека в капиталистическом обществе, то неплохо бы помнить тот факт, что *страх* выбора и принятия решений как раз является одним из основных симптомов душевного расстройства. Так к *чьему* же умственному состоянию, по мнению этих критиков капитализма, должно быть приспособлено общество?

Развитие сложного, высокоиндустриального общества требует крайней степени квантификации и абстрагирования человеческого метода мышления - такое наблюдение делает Фромм, и это, наряду со всем прочим, также отделяет человека от окружающего мира: он теряет способность отношения к вещам в «их конкретности и уникальности».

Можно отчасти согласиться с Фроммом: индустриальное технологичное общество требует наиболее полного развития и постоянной тренировки способности к *концептуальному* мышлению, то есть исключительно *человеческого* метода познания. *Сенсорно-перцептивный* уровень сознания - животный уровень - оказывается здесь недостаточным.

Те, кто утверждает, что концептуальный уровень мышления отчуждает человека от реального мира, просто признают, что их идеи не имеют ничего общего с реальностью или что они не понимают отношений, связывающих идеи с реальностью. Но следует помнить о том, что

способность к абстрагированию и концептуализации дает человеку - если, конечно, он разумен, - возможность гораздо более высоких «отношений» с окружающим миром, чем любым другим видам живого. Она не «отчуждает» человека от природы, она делает его хозяином окружающего мира: животное *слепо* подчиняется природе; человек подчиняется ей *сознательно* и таким образом приобретает власть над ней.

Наконец, говорит Фромм, в наибольшей степени отчуждающими являются те отношения, которые существуют между людьми при капитализме.

«А каково отношение современного человека к своему ближнему? Оно представляет собой отношение двух абстракций, двух использующих друг друга живых машин. Работодатель использует тех, кого он нанимает, торговец использует своих покупателей...В наши дни в человеческих отношениях незаметно особой любви или ненависти. В них скорее присутствует внешнее дружелюбие и более чем показная вежливость, однако за этой поверхностью скрываются холодность и безразличие... Отчуждение между человеком и человеком ведет к утрате всеобщих и социальных уз, характерных как для средневекового общества, так и для большинства других докапиталистических обществ».

Фромм утверждает, что в докапиталистическом обществе между людьми существовали отношения доброй воли, уважения и благородной солидарности, признания ценности личности каждого человека, а при рыночной экономике все это куда-то исчезло. Это хуже, чем ложь. Это утверждение нелепо с исторической точки зрения и постыдно с моральной.

Прекрасно известно, что в Средние века отношения между людьми характеризовались взаимной подозрительностью, жестокостью и ненавистью: каждый смотрел на своего соседа как на потенциального врага, и ничто не было так дешево, как человеческая жизнь. Так неизбежно происходит в *любом* обществе, где над людьми властвует закон физической силы. Положив конец рабству и крепостничеству, капитализм ввел в общество человеколюбие, которое было невозможно при более ранних системах. При капитализме человеческая жизнь стала цениться так высоко, как никогда не ценилась в прошлом. Капитализм - это политэкономическое выражение права каждого человека на жизнь, свободу и счастье.

В книге А. Рэнд «Источник» есть строки, посвященные этому: «Цивилизация - это движение к первостепенному праву личности. Вся жизнь дикаря проходит на глазах общества, она управляется племенными законами. Цивилизация - процесс освобождения человека от людей»^[44].

При капиталистическом строе каждый свободен *выбирать* свои «общественные связи», то есть выбирать, с кем ему общаться. Человек не заперт в темнице семьи, племени, касты, класса или района проживания. Он может выбирать, кого он будет ценить, с кем будет дружить, с кем вести дела и в какие отношения он будет вступать. Это предполагает и влечет за собой ответственность человека за построение независимой системы ценностей. Также это предполагает и влечет за собой тот факт, что человек должен *заслужить* те социальные связи, которых он желает. Но это, очевидно, проклятие для Фромма.

«Любовь, - говорит он нам, - это единственный здоровый и удовлетворительный ответ на проблему человеческого существования». При этом он утверждает, что любовь и капитализм *враждебны* друг другу. «*Принцип*, лежащий в основе капиталистического общества, и *принцип* любви несовместимы». Принцип капитализма, говорит Фромм, это принцип «этики честности», *торговли*, обмена ценностями без применения насилия или обмана; люди взаимодействуют друг с другом исключительно на основе взаимной выгоды; они заняты лишь в тех сделках, от которых ожидают прибыли, вознаграждения или успеха. «Можно даже сказать, что развитие этики честности - это специфический вклад капиталистического общества в сферу этики».

Но подходить с мыслью о личной выгоде к вопросам любви, это, утверждает он, противоречит самой сути любви. Любить кого-то - это значит заботиться о нем и чувствовать за него ответственность; в любви характер или личные качества партнера не рассматриваются как «удобства», от которых можно ожидать получения удовольствия для себя. «Идеальная» любовь - это любовь «бескорыстная», то есть любовь к человеческому существу не за то, кем оно является, а просто за то, что оно *есть*, - любовь безотносительно любых ценностей, стандартов или суждений. «В сущности все человеческие существа одинаковы. Мы все часть Единства, мы - единство. А раз так, то не должно быть никакой разницы, кого любить».

Другими словами, не должно быть никакой разницы, представляет ли собой тот, кого мы любим, нечто достойное, или является полным ничтожеством, гениален он или туп, герой или негодяй. «Все мы часть Единства». Кажется, нет необходимости отмечать, кто получает выгоду, а кто проигрывает при таком видении любви.

Мечта быть любимым «бескорыстно», безотносительно к объективным качествам личности, - это одно из «самых сокровенных стремлений» человека, настаивает Фромм; если же любовь возникает из-за

каких-то *достоинств*, «из-за того, что человек ее заслуживает», она порождает сомнения и неуверенность, потому что за достоинства нужно бороться и потому что такая любовь может прекратиться, если эти достоинства предмета любви вдруг перестанут существовать. «Далее, "заслуженная" любовь всегда оставляет горькое чувство, что ты любим не сам по себе, что ты любим *только* потому, что приятен...»

Для Фромма типично открывать читателю то, что по сути дела (но не в глазах Фромма) является страшным оскорблением человеческой натуры, при этом не приводя никаких доводов в пользу своих обвинений. Он считает, что каждый человек от природы настолько низко ценит сам себя, что жаждет любви, которая не была бы никак связана с его действиями, достижениями или чертами характера, любви, которую не требуется заслужить, а которая дается как безвозмездный дар.

Что означает быть любимым «самим по себе»? Если подумать логически, это может означать лишь: быть любимым за те ценные качества, которые имеются в вашем характере и индивидуальности. Один человек не может сказать другому ничего более приятного, чем: «Мое счастье заключено в тебе, потому что ты именно такой, какой есть». Но, согласно Фромму, такая любовь оставляет «горькое чувство».

Он заявляет, что именно капиталистическая культура начала оперировать такими понятиями, как «заслуженный» и «незаслуженный», заработанный и незаработанный, и таким образом губить ростки подлинной любви. Подлинная любовь, говорит нам Фромм, должна происходить исключительно от богатства души любящего и быть демонстрацией его «сил». Что это за «силы», Фромм нам, конечно, так и не поясняет. «Любовь - это акт веры...» Подлинная любовь не должна задаваться какими-либо вопросами о положительных качествах или характере своего объекта; она не должна желать получения радости от этих качеств, потому что, если это будет так, это будет уже не подлинная любовь, а капиталистический эгоизм.

Но, спрашивает Фромм, «как можно действовать в рамках существующего социального уклада и в то же время любить?» Он не утверждает, что любить при капитализме *невозможно*, он говорит лишь о том, что это исключительно трудно. Комментируя теорию любви Фромма в своей работе «Кто такая Айн Рэнд?» (Who Is Ayn Rand?), я писал так:

«Любить - значит *ценить*; любовь, собственно, - это следствие и выражение восхищения, "эмоциональная цена, которую один человек платит за радость, которую он испытывает благодаря каким-то качествам другого человека" ("Атлант расправил плечи"). Любовь - это не милостыня,

а моральное обязательство.

Если любовь не подразумевает восхищения, если она не подразумевает признания моральных качеств, которыми обладает объект любви, то каково же значение или смысл этой любви и почему Фромм или кто-то еще может считать ее желанной? На этот вопрос возможен лишь один ответ, и он не слишком приятен: когда любовь не соотносится с ценностями, тогда "любовь" становится не обязательством, а незаполненным чеком, обещанием, что тому, кого "любят" подобным образом, будут прощать все, что его никогда не бросят и что о нем всегда будут заботиться».

Такое видение любви, конечно же, свойственно не одному лишь Фромму: это центральный компонент мистико-альтруистической традиции, которой придерживаются многие как среди психологов, социологов и философов, так и среди религиозных деятелей. Вероятно, наиболее простым и в то же время выразительным ответом на такое видение любви может служить фраза, которую произносит в «Атланте» Джон Голт: «Мораль, которая проповедует веру, что моральные ценности выше материальных, мораль, которая учит презирать шлюху, отдающую свое тело без разбора всем мужчинам, эта самая мораль требует, чтобы вы отдавали свою душу для любви всем и каждому»^[45].

Тот, кто разделяет любовь и ценности (и личную систему этих ценностей), признается в стремлении к незаслуженному. Идеализацию такого стремления Фромм неоднократно объявляет достойной моральной целью.

Лежащий в основе этого мотив мечты о заботе, о разделении ответственности, связанной с независимостью, становится вполне явным из социополитического «решения» проблемы отчуждения, предложенного Фроммом.

Фромм заявляет, что для того, чтобы каждый мог справиться с чувством одиночества и отчуждения, мог любить и достиг бы полноты ощущения своей индивидуальности, необходимо построение новой общественной системы.

Частная собственность на средства производства должна быть отменена. Стремление к обогащению должно оказаться под запретом. Промышленность должна подвергнуться децентрализации. Общество следует разделить на самоуправляемые промышленные гильдии; предприятиями должны владеть и управлять те, кто на них трудится.

Почему - согласно социальной философии Фромма - уборщик на заводе не может иметь таких же прав участвовать в управлении

предприятием, как тот, кто его создавал? Ведь личность уборщика требует самовыражения в такой же степени, как и личность любого другого человека!

При капитализме, говорит Фромм, человек поглощен и оказывается заложником сложнейшей индустриальной машины, всемогущих сил и законов которой он не может ни понять, ни контролировать. При децентрализованной «демократической» системе, которую предлагает построить он, - своего рода смеси гильдейского социализма и синдикализма - промышленные предприятия будут разделены на части, функции которых будут легко понятны каждому, так что ничья способность к абстрактному мышлению не будет подвержена никаким «отчуждающим» воздействиям.

При такой системе, объясняет он, каждому будет предоставлены минимальные средства к существованию, независимо от того, хочет ли он трудиться. Необходимо, чтобы человек развивался здоровым и счастливым. Однако, чтобы не поощрять паразитизм, Фромм предлагает ограничить такую помощь двухлетним сроком. Кто будет ее обеспечивать, захотят ли они этим заниматься и что будет, если все-таки не захотят, Фромм, как всегда, предпочитает не обсуждать.

На взгляд Фромма, пока человек занят проблемой выживания, он неизбежно забывает о духовных потребностях - тех самых, которые на самом деле имеют *главное* значение. Естественно, что индивидуальность рабочего подвергается обеднению, если он каждый день вынужден думать лишь о том, как заработать на пропитание. Естественно, что бизнесмену не до развития своих творческих способностей, если он одержим навязчивой идеей увеличения объемов производства. Артист не в силах сохранить чистоту души, постоянно подвергаясь соблазнам Голливуда и Мэдисон-авеню. Потребитель не в состоянии культивировать индивидуальный вкус и предпочтения, потому что живет в мире стандартизированных удобств, порождаемых массовым производством.

Если хотите разобраться в том, какое отношение имеет эпистемология к политике, обратите внимание на то, чего добивается Фромм с помощью той самой «парадоксальной логики», о которой он отзывается так одобрительно. Если, согласно ей, «человек может постичь реальность лишь через противоречия», то Фромм не должно волновать несоответствие между его претензией на роль защитника разума и энтузиазмом по отношению к восточному мистицизму, - точно так же, как и несоответствие между претензией на роль защитника индивидуальности и выступлениями в поддержку политического коллективизма. Пренебрежительное

отношение к закону противоречия позволяет ему объявлять, что истинный индивидуализм возможен лишь в коллективизированном обществе, что истинная свобода возможна лишь при изъятии производства у частных лиц и передаче его под полный контроль группы, что человек перестанет быть объектом «использования» другими людьми только тогда, когда откажется от личной выгоды и сделает целью своего существования *общественное благо* ^[46].

Фромм дает своей предполагаемой системе название «гуманистический коммунитарный социализм». При этом строе, утверждает он, человек достигнет «новой гармонии с природой» взамен той, которую он утратил, - человек будет наслаждаться покоем и полнотой самореализации животного, чье состояние для Фромма кажется достойным зависти.

Хотя Фромм нередко бывает более чем изворотлив в представлении сих взглядов, он тем не менее крайне *откровенен*. Именно это и необычно в нем. Большинство авторов той же ориентации посвящают многие и многие страницы своих произведений прикрытию своего положительного отношения к тем идеям и противоречиям, которые он пропагандирует совершенно открыто. За редким исключением, подобную прямоту можно обнаружить лишь у экзистенциалистов и дзен-буддистов, с которыми Фромм многое объединяет.

Помимо своей откровенности, Фромм весьма представлен в культурном отношении, и это нужно признавать. Темы, которые теперь постоянно муссируются в литературе, посвященной отчуждению, - и вообще в сегодняшних общественных дискуссиях, - это именно те темы, которые вытащил на всеобщее обозрение Фромм: «неестественность» логического мышления, «ограничение» индивидуальности непротиворечивой, объективной реальностью, тяжесть вынужденного *выбора*, «трагедия» неспособности поесть чей-то пирог и одновременно владеть им, пугающая личная ответственность, *общественный* характер проблемы достижения самоидентификации; а также «любовь» как всемогущий ответ и социализм как политическое выражение этого ответа.

Явная абсурдность или невразумительность большинства дискуссий об отчуждении должны заставлять любого подозревать, что вся проблема совершенно иллюзорна. Но это было бы ошибкой. Несмотря на то что предлагаемые объяснения действительно оказываются мнимыми, сама проблема отчуждения реальна. Очень многие знакомы с тем болезненным эмоциональным состоянием, которое описывают авторы работ об отчуждении. Очень многие действительно лишены чувства

самоидентичности. Очень многие ощущают себя чужими в мире, созданном не ими, и страшатся его.

Но почему? В чем состоит проблема отчуждения? Что такое самоидентичность? Почему так много людей воспринимают задачу ее нахождения как ужасную тяжесть? И в чем значимость обвинения капитализма в связи с этой проблемой?

Сейчас мы попытаемся ответить на эти вопросы.

Проблема отчуждения и проблема самоидентификации неразделимы. Тот, у кого нет ясного восприятия собственной индивидуальности, чувствует отчуждение; тот, кто чувствует отчуждение, лишен ясного восприятия собственной индивидуальности.

Боль является аварийной сигнализацией организма, она предупреждает об опасности; специфический тип боли, который представляет собой чувство отчуждения, дает человеку сигнал того, что он находится в неправильном психологическом состоянии - что его отношение к реальности искажено.

Ни одно животное не задается вопросами: кем я должен быть? Какой образ жизни соответствует моей природе? Такие вопросы могут возникать лишь у разумного существа, то есть у существа, для которого характерен концептуальный метод познания (отношения к окружающей реальности), которое обладает не только сознанием, но и самосознанием и которое благодаря способности к абстракции может представлять и осуществлять разнообразные альтернативные направления деятельности. Далее, такие вопросы возможны лишь для существа, чья способность к познанию произвольна (то есть процесс мышления не происходит автоматически), - существа, которое способно влиять на направление и характер собственных мыслей и действий, и, следовательно, существование которого связано с постоянным процессом выбора.

Как живая сущность, человек рождается с определенным набором нужд и способностей; из них складывается его так называемая *видовая принадлежность* - то есть его человеческая натура. Из того, как именно он использует свои способности для удовлетворения своих нужд - то есть как именно он обращается с фактами окружающего мира, какие варианты деятельности, мыслительной и практической, он выбирает, - складывается его *личность*, или *индивидуальность*. Его самоощущение - внутренняя идея или образ того, кем он является (в том числе его самооценка или ее отсутствие), - складывается из суммы всех выборов, которые он совершает. Именно в этом заключается смысл высказывания Айн Рэнд о том, что «человек - это бытие самостоятельно построенной души».

«Я» человека, его эго, его глубинная сущность - это его тип восприятия, его способность мыслить. Сознательное решение мыслить и идентифицировать факты реальности - принятие на себя ответственности за определение, что истинно, а что ложно, что хорошо, а что дурно, - базовая форма *самоутверждения* человека. Это его принятие собственной сущности как разумного существа, принятие ответственности, неизбежно следующей из интеллектуальной независимости, его заинтересованность в эффективности собственного мышления.

Сущность *самоотвержения* - это временный отказ от сознательного существования. Когда и если человек решает избегать усилий и ответственности, связанных с мышлением, с поиском знаний, с формированием собственного мнения, его деятельность становится *самоотречением*. Отказ от мысли - это отказ от собственного «я», признание себя непригодным к жизни, неспособным взаимодействовать с фактами реальности.

Если человек делает выбор в пользу мысли, ему в первую очередь требуется собственное мнение и собственная система ценностей, которые для него не представляют тайны; он воспринимает себя как *активное начало* собственного характера, поведения и целей. Если человек пытается жить бездумно, он воспринимает себя *пассивно*, его личность и действия оказываются случайными производными сил, которых он не понимает, его сиюминутных чувств и стихийных воздействий окружающей среды. Отказываясь от ответственности мышления, человек оказывается во власти произвольных, подсознательных реакций - которые в свою очередь находятся во власти внешних сил, с которыми он сталкивается, во власти любых процессов, вещей, индивидуумов, оказавшихся с ним в контакте. Он пассивно соглашается стать воплощением социал-детерминистских взглядов на человека: пустой формой, ожидающей наполнения, безвольным роботом, ожидающим сигнала к подчинению от любой среды и любого управляющего устройства.

Твердое ощущение самоидентичности - производное двух вещей: установки на независимое мышление и, как следствие, существования целостной системы ценностей. Так как эмоции и цели человека определяются его ценностной ориентацией и она же придает его существованию направление и смысл, человек воспринимает свои ценности как продолжение себя, как неотъемлемую часть своей личности, как фактор, имеющий важнейшее значение для того, что именно он собой представляет.

Под «ценностями» в этом контексте имеются в виду фундаментальные

и абстрактные ценности, а не конкретные суждения о чем-либо. К примеру, человек, для которого абстрактной ценностью является рациональное мышление, может подружиться с кем-то, кто покажется ему воплощением данного качества; если впоследствии он решит, что ошибся в своем суждении о нем, что его друг не рационален и что их отношения должны закончиться, это никак не изменит его самоидентичность; если же он решит, что рациональность более не является для него ценной, его самоидентичность *будет* изменена.

Если ценности человека противоречат друг другу, это неизбежно нарушает его самоидентичность. Следствием этого становится расщепленное самоощущение, распад личности на несовместимые фрагменты. Чтобы избежать этого болезненного опыта расщепления личности, человек с противоречащими друг другу ценностями обычно старается избавиться от осознания этих противоречий путем уклонения, подавления, логических построений и т.д. Таким образом, чтобы избавиться от проблемы, порожденной неудачей мышления, он отрекается от него. Чтобы избавиться от угрозы, нависшей над его самоидентификацией, *он отрекается от собственного эго* - отрекается от себя самого как мыслящего, оценивающего существа.

Поступая так, он *опускает* собственное самоощущение на более низкий уровень, переходя от мышления, которое представляет активный, побуждающий элемент в человеке, к эмоциям, которые представляют пассивный, тормозящий элемент. Движимый ощущениями, происхождения которых он не понимает, и противоречиями, наличия которых не признает, он страдает от усиливающегося чувства самоотделения, самоотчуждения. Эмоции человека - производное его установок и ценностей, тех мыслей, которые у него были или в которых он потерпел неудачу. Но человек, которым управляют эмоции и который пытается заменить ими рациональные суждения, воспринимает их как враждебную силу. Парадокс его положения в том, что эмоции становятся единственным источником его самоидентификации, но при этом он начинает воспринимать себя как *существо, управляемое демонами*.

Важно отметить, что состояние самоотчуждения и чувство отчуждения от реальности, от окружающего мира проистекают из одного и того же источника: из отказа от ответственности мыслящего существа. Отречение от нормального когнитивного контакта с реальностью и отречение от собственного эго - это единый акт. Бегство от реальности есть бегство от себя самого.

Как следствие, человек чувствует отчуждение от других людей, ему

кажется, что он не принадлежит к роду человеческому, что он - какой-то урод. Отрекаясь от статуса человеческого существа, он становится метафизическим изгоем. На это никак не влияет сознание того, что и многие другие люди пережили точно такое же отречение. Человек чувствует себя одиноким и отвергнутым - из-за нереальности собственного существования, из-за безотрадного внутреннего ощущения духовного обеднения.

Та же самая неудача в рациональном мышлении и независимости, из-за которой человек теряет самоидентичность, в большинстве случаев приводит также к саморазрушительному процессу поиска замены собственной индивидуальности - или, говоря точнее, *вторичной* индивидуальности - посредством бездумного принятия чужих ценностей. Подобные психологические явления я называю социальной метафизикой. В статье «Галерея негодяев» (Rogues Gallery), рассматривая разные типы социальных метафизиков, я говорю и о том, который имеет самое непосредственное отношение к данному разговору, - о «шаблонном» метафизике:

«Он считает мир и его основные ценности готовым продуктом; он не склонен задаваться вопросом "почему?". Что есть истина? То, что истинно для других. Что правильно? То, что другие считают правильным. Как следует жить? Так, как живут другие. <...> [Это] человек, для которого восприятие себя самого и своей значимости *напрямую* зависит от того, насколько ему удастся соответствовать ценностям, условиям и ожиданиям этих всеведущих и вездесущих "других". <...> В культуре, подобной нашей, с ее размытыми ценностями, интеллектуальным хаосом и моральной несостоятельностью, где привычные знаки и правила вдруг исчезают, где неумолимые зеркала отражают "реальность" расколотой на тысячу не поддающихся пониманию субрелигий, где "приспосабливаться" с каждым днем становится все труднее и труднее, шаблонный социальный метафизик первым бежит к психиатру, вопя о том, что он потерял свою личность, потому что больше не знает наверняка, что он должен делать и кем быть».

Человеку, обладающему самооценкой и независимостью суждений, никогда не придет в голову, что «самоидентичность» - что-то, что можно получить у других или сформировать, руководствуясь их указаниями. Для того, кто не тратит время на то, чтобы сомневаться в себе, слышащийся отовсюду плач по современному человеку, терзающемуся вопросом «Кто я такой?», совершенно непонятен. Но в свете всего вышеизложенного все-таки можно попробовать разобраться, что этот плач собой представляет. Это вопль социальных метафизиков, которые перестали понимать, чьему

авторитету следует подчиняться, и которые стонут, измучившись в ожидании, когда же придет *кто-нибудь*, в чьи обязанности пригнать все их стадо к самовосприятию; когда же наконец «Система» обеспечит им самооценку.

Это и есть психологическая подоплека так широко распространившегося среди современных интеллектуалов преклонения перед Средневековьем, дремотной тяги к соответствующему образу жизни и их массового нежелания вспоминать о подлинных условиях человеческого существования в тот период. Средневековье - воплощение тайной мечты социального метафизика: общественный строй, при котором его ужас перед независимостью и ответственностью считался бы добродетелью и даже святой обязанностью каждого члена общества.

За бегство от ответственности, которой требует интеллектуальная независимость, и за формирование отношения к себе самому на основании «принадлежности» к чему-либо, человеку - любой исторической эпохи - приходится платить страшную цену: его мыслительный процесс начинает деградировать. Степень подмены собственных суждений чужими и неспособности к самостоятельному восприятию окружающей реальности соответствует степени отчуждения процесса мышления от реального мира у данного индивидуума. Его мозг теперь оперирует не полноценными образами и соответствующими им понятиями, а заученными ключевыми словами, то есть сочетаниями звуков, которые искусственно связаны с определенными смыслами и ситуациями, но не обладают никаким собственным познавательным содержанием. Это неопределенный, непризнанный феномен, который побуждает разучившихся мыслить субъектов поверить в то, что современного человека совершенно справедливо уличают в «чрезмерной абстрактности» и «чрезмерной интеллектуальности» жизни, которую он ведет, и вполне обоснованно указывают на необходимость его «возвращения к природе». Они смутно ощущают, что потеряли связь с реальностью, что в их отношениях с окружающим миром что-то не так. Но найденное ими объяснение существующей проблемы является полностью ошибочным. На самом деле они не запутались в чаще «абстракций», а не сумели распознать их сущность и найти им правильное применение; они блуждают не в лабиринте понятий, а в лабиринте *ключевых слов*. Они оказались отрезаны от реальности не потому, что пытались воспринимать ее чересчур интеллектуально, а потому, что пытались воспринимать ее *исключительно с чужой точки зрения, через вторые руки*. И вот они шагают по нереальному миру словесных ритуалов, повторяя лозунги и заявления,

которые при них повторяли другие, ложно воображая, что эти пустые слова являются идеями, и не имея ни малейшего представления о том, как правильно использовать их концептуальные свойства и что представляет собой первичное концептуальное знание. Затем они становятся готовыми воспринять дзен-буддизм, где им говорят, что преодолеть отчуждение от реальности можно, полностью освободив разум от любых мыслей и просидев часок со скрещенными ногами, отрешенно созерцая узор жилок на листке.

Психологам прекрасно известно следующее явление. Когда человек испытывает невротическую тревогу, когда его мучают страхи, которым он не может найти объяснения, он нередко пытается использовать для облегчения своей участи такой метод: подыскивает своим страхам какие-нибудь произвольные причины во внешнем мире, которые придают им видимость рациональности; человек старательно убеждает сам себя в том, что таинственный ужас, преследующий его, на самом деле не что иное, как совершенно обоснованная боязнь микробов, грабителей, удара молнии или специальных лучей, которыми марсиане контролируют наш мозг. Объявление капитализма причиной отчуждения - пример того же самого.

Тем не менее выбор капитализма в качестве искусственной причины и инструмента рационализации иррационального не случаен.

Отчужденный человек стремится избежать ответственности, связанной с произвольным (то есть самостоятельно управляемым) сознанием: он не желает утруждать себя выбором - думать или не думать, запускать процесс размышления или отказаться от него. Но ввиду того, что этот свободный выбор является неотъемлемой составляющей человеческой природы, избежать его невозможно; этим объясняется чувство вины и тревожности, возникающее у человека, когда он отрекается от разума и зрения в пользу ощущений и слепоты. Но со свободой человек сталкивается и на другом уровне - экзистенциальном, или социальном; и в этом случае избежать выбора оказывается возможно. *Политическая свобода - это не метафизическая данность, ее нужно добиваться, а значит, от нее можно и отказаться.* Психологически в основе бунта индивидуума против наличия свободы в его существовании лежит бунт против свободы в его сознании. *В основе бунта против возложения на себя ответственности за действия лежит бунт против самостоятельного управления мышлением.* Человек, не желающий думать, также не желает брать на себя ответственность как за последствия своих действий, так и за свою собственную жизнь.

В связи с этим будет уместно процитировать отрывок из моей работы

«Кто такая Айн Рэнд?», где я рассматриваю сходство атак на капитализм, предпринимавшихся поклонниками Средневековья и социалистами в XIX веке:

«В работах и специалистов по Средним векам, и социалистов можно заметить тоску, которую ни с чем нельзя спутать: тоску по обществу, в котором человеку автоматически гарантировано его существование, то есть в котором человек не обязан нести ответственность за собственное выживание. Для представителей обоих лагерей идеальное общество характеризуется наличием того, что они называют "гармонией", свободой от быстрых изменений, обязательств или жесткой конкуренции; это общество, в котором каждый должен выполнять свою предписанную традицией часть общего труда на общее благо, но никто не должен сталкиваться с необходимостью самостоятельно делать выбор и принимать решения, которые могли бы серьезно повлиять на его жизнь и будущее; общество, в котором не встает вопрос о том, кто и что заработал или не заработал, заслужил или не заслужил; в котором вознаграждение не зависит от достижений, а тот, кто совершил ошибку, благодаря чьей-то доброй воле не испытает на себе ее последствий. Неспособность капитализма соответствовать этому *пасторальному* образу является краеугольным камнем, на котором любители Средневековья и социалисты выстраивают свою критику свободного общества. Капитализм не предлагает людям садов Эдема».

Конечно, на сегодняшний день капитализм все чаще уступает место смешанной экономике - системе, сочетающей в себе черты как свободного, так и тоталитарного общества, - неуклонно смещаясь в сторону усиления государственного контроля. Сегодня мы куда ближе к «идеальному обществу» социалистов, чем были в те времена, когда Маркс впервые заговорил об «отчуждении» рабочего. Однако по мере того, как коллективизм завоевывает новые территории, крики об отчуждении не только не смолкают, но, напротив, становятся еще громче. Говорят, что положение дел продолжает ухудшаться. В коммунистических странах, при условии, что такая критика не является запрещенной, ряд комментаторов начинают жаловаться на то, что решение проблемы отчуждения рабочего, предложенное Марксом, не сработало, что человек при коммунистическом режиме все равно остается отчужден и что достичь «новой гармонии» с природой и окружающими людьми так и не удалось.

Правда, ее не было и у средневекового холопа или ремесленника, что бы там ни говорили Эрих Фромм и иже с ним.

Человек не может отказаться от своей природы, и, если он создает

общественную систему, враждебную этой природе, - систему, которая не позволяет ему быть разумным и независимым существом, - он получает в итоге психологическую и физическую катастрофу.

Естественно, свободное общество не может автоматически гарантировать всем своим членам умственное благополучие. Свобода не является *достаточным* условием обеспечения адекватного самовыражения человека, однако является *необходимым*. И капитализм - общество свободной торговли - это единственная система, при котором это условие соблюдается.

Отчуждение - не метафизическая проблема; это не жребий, данный человеку природой, от которого невозможно спастись, как от какого-то первородного греха; это *патология*. Отчуждение не является следствием капитализма, индустриализма или «укрупнения», и от него не избавиться путем отмены частной собственности. Проблема отчуждения по своей сути *психоэпистемологическая*: она связана с тем, каким образом человек решает использовать собственное сознание. Это продукт человеческого бунта против мышления, то есть против реальности.

Если человек оказывается брать на себя ответственность за поиск знаний, определение ценностей и постановку целей, если он отдает все это во власть других, *то как он может не чувствовать, что Вселенная для него закрыта?* Она действительно закрыта. По его собственному выбору.

А поэту, спрашивающему:
Страшусь неведомых путей,
Страшусь и Бога, и людей.
Как остаться мне собой
В мире, созданном не мной? -
мы должны ответить:
Почему же не вами?

24. Реквием по человеку

Айн Рэнд

Как ярая сторонница капитализма, я много лет твердила, что капитализм не совместим ни с альтруизмом, ни с мистикой. Совсем недавно те, кто еще сомневался в отсутствии альтернативы, получили подтверждение из уст высочайшего представителя власти наших противников - самого папы Павла VI.

Энциклика «О развитии народов» (*Populorum Progressio*) - необычный документ. Когда читаешь ее, создается ощущение, что давно сдерживаемые эмоции наконец вырвались наружу под натиском многовекового молчания, перехлестывая, затапливая дамбу выверенных, просчитанных с удивительной точностью фраз. Фразы эти противоречат друг другу; чувства поражают своим постоянством.

Эта энциклика - манифест бесстрастной ненависти к капитализму; но зло, которое она заключает в себе, неизмеримо глубже, и направлено оно не только на политику. Она основана на мистическом и альтруистическом «смысле жизни». Смысл жизни для нее - неосознанный эквивалент метафизики; предвзятого, эмоционально целостного восхваления человеческой природы и ее отношения к бытию. Мистический и альтруистический смысл жизни всегда выражается приближенно и расплывчато, отсюда и тот уклончивый тон, которым написана энциклика. Однако в ней с удивительным красноречием открывается сущность того, о чем автор пытается умолчать.

В том, что касается капитализма, позиция его выражена с предельной ясностью. Вот что он говорит об индустриальной революции:

«Однако, к несчастью, в этих новых условиях была создана система, которая рассматривает прибыль как основной стимул экономического прогресса, конкуренцию - как первейший закон экономики, а частную собственность средств производства - как абсолютное право, которое не приемлет ни ограничений, ни долга перед обществом... не имеет ограничений и не подразумевает общественных обязанностей... Но если один из видов капитализма действительно породил чрезмерные страдания, несправедливости и братоубийственные войны, чьи последствия все еще в силе, мы не вправе приписывать самой индустриализации те изъязы, которые таит в себе злокозненная система, идущая с ней рука об руку» (абзац 26).

Ватикан - не редакция третьесортной марксистской газетенки. Он учитывает перспективы, открываемые столетиями, фундаментальные знания и вневременные философские размышления. Дело совсем не в необразованности. Даже сторонники левых партий знают, что совпали не по «несчастной случайности» капитализм и индустриализация, без капитализма индустриализации бы не было.

Какие «чрезмерные страдания, несправедливости и братоубийственные конфликты» вызвал к жизни капитализм? Энциклика на этот вопрос не отвечает. Какая социальная система, бывшая или будущая, не содержит зародышей того зла, которое можно приписать капитализму? Феодализм Средних веков? Абсолютная монархия? Социализм или фашизм? Ответа нет. А если уж говорить о «чрезмерных страданиях, несправедливости и братоубийственных конфликтах», разве может капитализм сравниться с террором и всеобщей резней в нацистской Германии или Советской России? Ответа нет. Если капитализм не порождает прогресса и благополучия, почему уровень жизни так высок именно в тех странах, чьи системы предусматривают самый высокий уровень экономической независимости, характерной для капитализма? Ответа нет.

Поскольку энциклика затрагивает историю и основные политические принципы, но из всех социальных устройств обсуждает и осуждает исключительно капитализм, напрашивается вывод, что все другие социальные порядки совместимы с ее политической философией. Эта мысль подкрепляется тем, что энциклика осуждает капитализм, и не за какие-то незначительные свойства, а за самую его суть, которая и отличает его от всех других систем, - прибыль, конкуренцию и частное владение средствами производства.

Из каких же нравственных принципов исходит энциклика, осуждая социальное устройство капитализма? Самое конкретное обвинение гласит:

«Желание удовлетворить свои потребности вполне законно, и труд, который стремится удовлетворить их, - долг человека. «Кто не работает, тот не ест». Но стремление приобрести временные блага может привести к корыстолюбию, неутолимому желанию получать все больше и больше, и превратить возрастающее могущество в соблазнительную цель. Отдельные люди, семьи и целые нации, равно богатые и бедные, могут стать жертвами алчности и удушающего материализма» (абзац 18).

С незапамятных доиндустриальных времен невежды, которые не могли понять, как разбогатели и чего хотят те, кто добивается благополучия, бросали им обвинение в жадности. Однако

процитированные строки написал отнюдь не невежда.

Слыша слова «жадность» и «скупость», мы мысленно рисуем две карикатуры: толстого и тонкого. Один наслаждается бессмысленным обжорством, другой чахнет над сундуками с золотом. И тот и другой - символы накопления богатства во имя богатства. Это ли движущая сила капитализма?

Если бы все деньги, которые уходят на личные нужды всех богатых людей Соединенных Штатов Америки, были экспроприированы и распределены среди населения, их как раз хватило бы по доллару на человека. (Подумайте, а если распределить их среди населения всего земного шара?) Оставшаяся часть американского богатства инвестируется в производство. Именно постоянно растущие инвестиции повышают уровень жизни в Америке, повышая производительность труда. Это первый закон экономической теории, который папа Павел VI, без сомнения, знает.

Чтобы выявить все эпистемологические манипуляции, обратимся еще раз к процитированному отрывку. Какие образы рождаются в голове за декорациями «жадности» и «скупости»? Нетрудно обнаружить, что изобличаемое зло таится в словах «неутолимое желание получать все больше и больше». Чего же? «Возросшего могущества». Какого могущества? В отрывке нет прямого ответа, но вся энциклика отвечает на этот вопрос, прибегнув к умолчанию: никак не разделяется *экономическое и политическое* могущество (производство и сила); в одних отрывках они взаимозаменяемы, в других - явно приравнены друг к другу. Если же посмотреть на реальные факты, можно заметить, что за «возросшим могуществом», которого богачи ищут при капитализме, скрывается право свободно производить, «неутолимо» стремиться к повышению производительности. Так вот что осуждает энциклика! Зло - не в труде, а в таком труде, который хочет чего-то достигнуть.

Этот подтекст подтверждает и мягко подчеркивает отрывок, показывающий, как понимает автор энциклики «менее гуманные» условия общественного существования:

«Отсутствие материальных нужд у тех, кто не обладает средствами, минимально необходимыми для поддержания жизни, моральная неполноценность тех, кто искалечен эгоизмом... общественные формации, подавляющие как за счет злоупотребления правом собственности, так и злоупотреблением властью...»

А "более гуманные" условия - это "переход от нищеты к обладанию предметами первой необходимости..."» (абзац 21).

Что за «предметы первой необходимости» обеспечивают «средства, минимально необходимые для поддержания жизни»? *Какой жизни?* Физического выживания? Если да, то на какой срок? Никакого ответа на эти вопросы нет; но общее положение энциклики определено достаточно ясно: только те, кто не может подняться выше уровня, «минимально необходимого для поддержания жизни», вправе обладать материальными благами, и это право превышает все права других людей, включая их право на жизнь. Об этом в энциклике говорится недвусмысленно:

«С первых же страниц Писание учит нас, что все сотворенное - для человека, и он должен развивать все это разумными усилиями и совершенствовать своим трудом, так сказать, в свою пользу. Если мир сотворен для того, чтобы предоставить каждому человеку средства к существованию и орудия, дающие возможность развиваться, то у каждого человека есть право обрести в мире то, что ему необходимо. Об этом напоминает последний собор: "Бог предназначил землю и все, что на ней, для каждого человека и каждого народа. Тем самым, если все следуют правде и милости, они должны иметь в разумном изобилии сотворенные блага". Все другие права, включая и право на собственность, и право свободной торговли, должны подчиняться этому принципу» (абзац 22).

Посмотрите, чего не хватает в этой картине мира, какое право человека считается несущественным и несуществующим? Более подробно я обращусь к этому чуть позднее. Сейчас я хотела бы обратить ваше внимание на то, в каком значении используются слово «человек» (*какой человек?*) и термин «сотворенные блага». Кем сотворенные? Неизвестно.

Такие умолчания просто поражают в следующем отрывке энциклики:

«Хорошо известно, к каким резким словам прибегали отцы церкви, чтобы описать истинное отношение людей, обладающих благами, к людям, терпящим нужду. Можно процитировать святого Амвросия: "Вы не даруете своих богатств нищим. Вы отдаете им то, что принадлежит им по праву, ибо то, что было даровано всем на равных условиях, вы присвоили себе. Мир дарован всем, а не только богатым". Это значит, что никто не имеет безусловного и полного права на частную собственность, ни у кого нет оснований присваивать в свое исключительное пользование то, что превышает его нужды, когда другие терпят недостаток в самом необходимом..."» (абзац 23).

Святой Амвросий жил в IV веке, поэтому такие взгляды на собственность вполне можно объяснить и даже оправдать. Однако с XIX века положение изменилось.

Как предлагает энциклика разрешить проблемы современного мира?

«Личная инициатива и свободная игра в конкуренцию никогда не могли обеспечить успешного развития. Мы должны по мере возможности стремиться не допускать еще большего обогащения богатых и главенства сильных, когда нищие остаются в нищете, а угнетенные - в рабстве. Таким образом, необходимо разрабатывать программы, чтобы "поощрять, стимулировать, координировать, дополнять и объединять" усилия разных людей и посреднических сил. Органы государственной власти должны выбирать, вернее даже, определять цели, к которым нужно стремиться, задачи, которых нужно достичь, и соответствующие способы их достижения. Именно они должны стимулировать все силы, вовлеченные в общую деятельность» (абзац 33).

Общество, в котором правительство («органы государственной власти») избирает и определяет цели, к которым нужно стремиться, задачи, которых нужно достичь, и соответствующие способы, - это тоталитарное государство. Поэтому следующая фраза вызывает нравственное потрясение:

«Пусть они привлекут к этой работе личную инициативу и посреднические организации. Таким образом, им удастся избежать полной коллективизации или деспотического планирования, которые за счет отрицания свободы будут мешать осуществлению основных прав человека» (абзац 33).

Каковы же «основные права человека» (которые, заметим, энциклика не определяет) в государстве, в котором «все другие права... должны подчиняться этому принципу («"праву" на средства, минимально необходимые для поддержания жизни») (абзац 22)? В чем заключается «свобода» или «личная инициатива» там, где правительство устанавливает задачи и присваивает средства? Что такое *неполная* коллективизация?

Трудно поверить, что у примиренцев, к которым обращен этот отрывок, дар обходить самое существенное настолько велик, чтобы они приняли эти слова за панегирик смешанной экономике. Смешанная экономика включает элементы и капитализма, и этатизма. Если принципы и установки капитализма порицаются и уничтожаются в корне, как предотвратить *полную* коллективизацию, контролируемую государством?

(Когда поймешь, что автор считает упомянутый дар бесконечным, испытываешь истинный шок. Однако, учитывая отклики, которые получила энциклика, он не ошибается.)

Я всегда полагала, что каждая политическая теория основана на каком-то этическом кодексе. Энциклика подтверждает мое мнение, хотя ее нравственный кодекс противоположен моему.

«Тот же долг солидарности, который есть у каждого человека в отдельности, есть и у наций: "Развитые страны обязаны помогать развивающимся народам". Этот принцип должен быть претворен в жизнь. Хотя вполне естественно, что те дары, которые Провидение посылает нации в награду за труд отдельных ее представителей, прежде всего должны благодетельствовать именно саму нацию, ни одно государство не должно претендовать на то, чтобы его богатство принадлежало ему одному» (абзац 48).

Что ж, достаточно ясно. Однако автор энциклики берет на себя труд это разъяснить, чтобы его не поняли превратно.

«Другими словами, правило свободной торговли само по себе больше не может управлять международными отношениями... Вы должны признать, что основной принцип либерализма, в качестве правила коммерческого обмена, подвергается здесь сомнению» (абзац 58).

«Мы повторяем еще раз, что избыточное богатство должно быть предоставлено бедным нациям, и та заповедь, которая раньше требовала от нас идти с добром к нашим ближним, теперь должна включить в себя всех нуждающихся мира» (абзац 49).

Если нужда, всеобщая нужда - критерий нравственности, а минимальные средства, обеспечивающие выживание (то есть уровень жизни самых неразвитых дикарей), - критерий прав на собственность, то каждая новая рубашка, каждая порция мороженого, каждый автомобиль, холодильник, телевизор становятся «излишним богатством».

Помните, что «богатство» - понятие весьма относительное. Рабочие в США несусветно богаты по сравнению с рабочими в Азии или Африке. Тем не менее энциклика считает «несправедливой» свободную торговлю среди стран, находящихся на разных этапах развития, на том основании, что:

«промышленно развитые страны большей частью экспортируют промышленные товары, в то время как в странах с менее развитой экономикой есть только продукты питания, ткани и сырье на продажу» (абзац 57).

Исходя из предположения, что это увековечивает бедность неразвитых стран, энциклика требует, чтобы международная торговля регулировалась не законами свободного рынка, но *нуждой* самых нуждающихся ее участников. Как это выглядит на практике, показывается весьма определенно:

«Это требует от богатого человека большой щедрости, огромного самопожертвования и несмолкающего голоса совести, совести, чье

послание меняется вместе со временем... Готов ли он платить более высокие налоги, чтобы органы государственной власти могли сплотиться во имя развития? Готов ли он платить более высокую цену за импортированные товары, чтобы их производитель получал заслуженную награду?» (абзац 47)

Но ведь налоги платят не только богатые; большая часть налогового бремени США ложится на плечи среднего и низшего класса. Товары или сырье ввозятся не только для личного потребления богатых. Цена на продукты питания не очень волнует богатых, больше всего она влияет на бедных. Поскольку *продукты питания* в основном производят неразвитые страны, подумайте, что будет, если последовать советам энциклики. Американской домохозяйке придется покупать овощи и зерно, выращенные людьми, которые ковыряют почву руками или ручными плугами, и платить за них такую цену, за которую от американских фермеров, использующих механизированные орудия труда, она получила бы в сто или даже в тысячу раз больше. Какими частями семейного бюджета ей придется пожертвовать, чтобы производители из неразвитых стран «получали заслуженную награду»? Придется ли ей покупать меньше одежды? Но часть семейного бюджета, отведенная на ее покупку, сократится таким же образом, ибо ей придется «заслуженно вознаграждать» производителей тканей и другого сырья. И так далее. Что же случится с ее уровнем жизни? Что случится с американскими фермерами и производителями сырья? Чтобы конкурировать не в рамках продуктивной конкуренции, а в рамках *нужды*, им придется остановить свое развитие и вернуться к ручному плугу. Что же тогда случится с уровнем жизни во всем мире?

Нет, нельзя и предположить, чтобы папа Павел VI настолько не разбирался в экономике и настолько не мог рассмотреть в деталях собственные теории, что выдвинул свое предложение во имя «гуманности», не понимая, какую невыразимую и бесчеловечную жестокость они повлекут за собой.

Однако в основе таких мыслей лежит определенная предпосылка, которая что-то объяснит. Она может примирить противоречия энциклики - оговорки, увиливания, умолчания, вопросы без ответа - и выстроить из них четкую структуру. Чтобы понять эту предпосылку, стоит спросить: как рассматривается в энциклике природа человека?

Те, кто разделяет такую точку зрения, предпочитают ее скрывать или не определять полностью. Обусловлено это не столько сознательной философской системой, сколько чувством, которое диктуется «смыслом

жизни». Сознательная философия тех, кто разделяет его, в основном заключается в попытках ее рационализировать.

Чтобы понять эту позицию, обратимся к ее истокам (то есть к явлению, которое ее породило, исходя из смысла жизни).

Представьте себе лицо ребенка, когда он наконец нашел ответ на мучивший его вопрос. Оно светится радостью, если не триумфом, неосознанно отражая уверенность в себе, и его сияние распространяется в двух направлениях - вовне, озаряя мир, и внутрь, высекая искру, которая потом разгорится в заслуженную гордость. Те, кто это видел или сам испытал, непременно поймут: если есть на свете что-то «священное», то есть самое лучшее, высшее из доступного человеку, то это выражение лица - священо. Его нельзя предать, им нельзя пожертвовать ради чего бы то ни было.

Бывает оно не только у детей. В комиксах его обычно изображают, помещая над головой персонажа, которому внезапно в голову пришла идея, зажженную лампочку. Лампочка, которая зажглась в душе человека, - символ, соответствующий этому выражению лица.

Именно ее ровный, уверенный свет вы ищете на лицах взрослых, особенно тех, кому вы доверяете самое дорогое для вас. Вы ищете его в глазах хирурга, который оперирует любимого вами человека. Вы ищете его в глазах пилота, ведущего самолет, на котором вы летите; и, если вы последовательны, вы ищете его в глазах того человека, с которым собираетесь связать жизнь.

Просветленное лицо - вспышка человеческого разума в действии, внешнее проявление мыслительных способностей, сигнал и символ нашего разума. В зависимости от того, насколько вы человечны, оно вовлечено во все, чего вы ищете, чему радуетесь, что цените и любите.

Теперь представим себе, что это выражение, мелькнувшее на лице ребенка или взрослого, несколько не восхищает вас. А что, если оно вызывает смутный, неназванный страх? Всю свою жизнь и все философские способности вы потратите на то, чтобы так и не найти имени этому страху. Вы будете отыскивать объяснения, позволяющие вам его спрятать. Вы скажете, что лицо выражает «эгоизм», «дерзость» или «наглость», и все это будет верно, однако отнюдь не в той степени, какую вы хотите показать. Вы сочтете, что это выражение лица - ваш злейший, коварнейший, опаснейший враг, и желание стереть его возобладает над логикой, последовательностью, реальностью. Желая его уничтожить, вы стремитесь, в сущности, сломить дух человека.

И тогда вы и станете относиться к жизни так, что сможете написать

энциклику *Populorum Progressio*. Она продиктована «смыслом жизни» не отдельной личности, но некоей организации.

Доминантный аккорд такого мировоззрения - ненависть к человеческому разуму. Отсюда вытекает ненависть к самому человеку и к жизни, из нее - ненависть ко всей земле, ненависть к радости, а уж отсюда - ненависть к единственному общественному строю, который позволяет наслаждаться всеми этими ценностями.

Докажу это на одном-единственном примере. Представьте, что будет, если мы обречем американцев на вечный, монотонный, принудительный труд без всякого вознаграждения, заставим их работать на пределе сил или даже больше, не пообещав взамен ничего, кроме средств, минимально необходимых для поддержания жизни, - и все затем, чтобы дикари пользовались плодами их усилий. Что бы вы подумали, услышав такое предложение? Я вижу молодых людей, вступающих в жизнь с уверенностью в своих силах и готовностью к труду, которые корпят над книгами, посвятив всего себя будущему и ожидая его с радостью, без жалоб. Как важны для них новый костюм, новый ковер, старая машина, купленная по дешевке, или билет в кино! Все это словно подпитывает их храбрость в схватке с миром. Тот, кто этого не видит, мечтая избавиться от «плода их трудов» и полагая, что человеческие усилия - недостаточная причина для того, чтобы человек сам распоряжался их плодами, может прикрываться любыми рассуждениями. Ясно одно - людей он не любит.

Я могла бы остановиться на этом примере, но не хочу. Энциклика не только излагает некий смысл жизни, но и дает ему конкретное, сознательное философское обоснование.

Заметьте, она направлена не на то, чтобы уничтожить разум человека. Ей нужен медленный и более мучительный результат - порабощение.

Ключ к пониманию социальных теорий, содержащихся в энциклике, вы найдете в словах Джона Голта:

«Я - тот человек, существование которого ваши пробелы позволяли вам не замечать. Я - тот человек, ни жизни, ни смерти которого вы не хотели. Вы не хотели моей жизни, так как боялись понять, что я нес ту ответственность, от которой вы отказались, и ваши жизни зависели от меня; не хотели моей смерти, потому что знали это»^[47].

Энциклика не признает и не подтверждает существования человеческого разума: она обращается с ним как с не имеющим отношения к делу свойством, которое учитывать не нужно. Вот основное и фактически единственное упоминание о роли разума в человеческой жизни:

«Появление индустрии - необходимое условие экономического роста и

человеческого прогресса. Можно расценивать его и как признак развития, способствующий ему. За счет настойчивого труда и использования собственных интеллектуальных способностей человек постепенно вырывает у природы ее секреты и находит лучшее применение ее богатствам. Развивая в себе самообладание, он развивает и вкус к исследованиям и открытиям, способность идти на обдуманный риск, бесстрашие в своих начинаниях, щедрость и размах в своих действиях и чувство ответственности» (абзац 25).

Обратите внимание: о творческих способностях человеческого разума (его основном средстве выживания, той отличительной черте, которая выделяет его из мира животных) в энциклике говорится как о приобретенном «вкусе», будто речь идет о любви к оливкам или какой-то моде. Даже это жалкое утверждение не остается без уточнений; рядом с принимаемыми в качестве ценности «исследованиями и открытиями» появляются такие неуместные понятия, как «щедрость».

То же самое происходит и с понятием «труд». Энциклика предупреждает, что «ему [труду] иногда придают слишком большое значение», однако признает, что труд - творческий процесс, не преминув добавить, что, «когда работа сделана сообща, когда люди разделили надежду, трудности и радость от свершенного... они становятся братьями» (абзац 27). И далее: «Труд, конечно, может оказывать противоположное действие, так как он обещает деньги, наслаждение и власть, развивая в одних эгоизм, а в других - бунтарство...» (абзац 28).

Это значит, что наслаждение, которое нам дарит продуктивная работа, - зло; экономическая власть, которую нам дарит продуктивная работа, - зло; и деньги, которые так пылко выпрашивают на протяжении всей энциклики, - тоже зло, если они у тех, кто их заработал.

Вы можете представить себе Джона Голта, который работает «сообща», делит «надежду, трудности, амбиции, радость от свершенного» с Джеймсом Таггертом, Уэсли Моучем и доктором Флойдом Феррисом? Вы скажете, это только герои книг. Что ж, может быть. Вспомните Пастера, Колумба, Галилея - что стало с ними, когда они попытались разделить свои «надежду, трудности, радость от свершенного» с католической церковью?

Нет, энциклика не отрицает, что есть и гениальные люди, иначе она бы не молила так о всеобщем объединении. Если бы каждого было можно заменить, если бы разные возможности не имели никакого значения и всякий производил бы одинаковое количество продуктов, никто бы не получил от объединения никакой выгоды. Энциклика допускает, что некие

неназванные, непризнанные первоисточники богатства каким-то образом продолжали бы работать, и тем не менее создает такие условия, в которых работа этих первоисточников попросту невозможна.

Разум - не монополия гения; он есть у всех людей. Разница только в разных возможностях. Если условия разрушительны для гения, они разрушительны для любого человека, в соответствии с его интеллектуальными способностями. Если гений карается законом, то таким же образом караются и интеллектуальные способности каждого человека. Разница только в том, что обычный человек, в отличие от гения, не сможет противостоять этому гнету со спокойной уверенностью в себе. Он сломается гораздо быстрее, в безнадежной растерянности откажется от разума при первых же признаках давления.

В мире, который мечтает построить энциклика, нет места человеческому разуму, а значит, нет места и человеку. Населяют его бесчувственные роботы, используемые для исполнения предписанных заданий в гигантской машине племени; роботы, лишённые выбора, права суждения, ценностей, убеждений и, прежде всего, самооценки.

«Вы не даруете своих богатств нищим. Вы отдаете им то, что принадлежит им по праву» (абзац 23).

Разве богатство, нажитое Томасом Эдисоном, принадлежит бушменам, которые его не наживали? Разве ваша зарплата за неделю принадлежит хиппи из соседней квартиры, которые ничего не заработали? Человек никогда не сможет принять подобную логику; а вот робот сможет. Человек будет гордиться тем, чего он достиг; именно эту гордость за достигнутое и нужно уничтожить в роботах будущего.

«Ибо то, что было даровано всем для общего использования, вы присвоили себе» (абзац 23). «Бог предназначил землю и все, что на ней, для каждого человека и каждого народа» (абзац 22).

Вы тоже находитесь на земле, значит, и вы предназначены для «каждого человека и каждого народа»? Автору энциклики ответ ясен - да, ибо идеальный мир, который показан в ней, основан на этой предпосылке.

Но человек никогда не сможет ее принять. Человек, подобный Джону Голту, скажет:

«Вы не открыли индустриального века и держитесь за мораль варварских эпох, когда жалкая форма человеческого существования создавалась физическим трудом рабов. Каждый мистик всегда хотел иметь рабов, чтобы они защищали его от материальной реальности, которой он страшится. Но вы, нелепые, мелкие атависты, слепо таращитесь на небоскребы и дымовые трубы вокруг и мечтаете о порабощении создателей

материальных ценностей: ученых, изобретателей, промышленников. Когда вы требуете общественной собственности на средства производства, вы претендуете на общественную собственность на разум»^[48].

Робот никогда так не скажет. Робота запрограммируют, чтобы он не думал об источнике богатства и не узнал, что источник этот - человеческий разум.

Слыша сентенции вроде «Все созданное отдано человеку» (абзац 22) и «Мир дарован всем» (абзац 23), человек сразу поймет, что это отговорки, отвлекающие от мыслей о том, *как же использовать* природные ресурсы. Он знает, что ему ничего *не даровали*. Чтобы преобразовать сырье в то, что необходимо человеку, нужен умственный и физический труд, на который одни люди способны, а другие нет, и что *по справедливости* никто не обладает изначальным правом на блага, созданные умственным и духовным трудом других людей. Робот не будет протестовать и не видит разницы между собой и сырьем; он воспринимает свои действия как *данность*.

Человек, который любит свою работу и знает, какой колоссальной силы, какой дисциплины мысли, энергии, цели, преданности, она требует, взбунтуется, только подумав, что плодами ее будут пользоваться те, кто не ценит ее и презирает. Энциклика же так и дышит презрением к материальному производству.

«Менее обеспеченные люди никогда не смогут устоять перед искушением, которое несут им богатые нации. Искушает их прежде всего образ действий, который изначально направлен на обладание материальным благосостоянием» (абзац 41).

Проповедуя «диалог» между разными цивилизациями, энциклика подчеркивает, что он должен быть «основан на человеке, а не на товарах или технических навыках...» (абзац 73). Это означает, что технические навыки - какая-то мелочь, ерунда, и для обладания ими не нужно иметь никаких особых достоинств, а способность производить товары не требует признания и входит в понятие «человек».

Таким образом, требуя плоды индустриального процветания, автор энциклики пренебрежительно и безразлично относится к их источнику. Энциклика признает существование следствий, однако игнорирует причину; она претендует на то, что ведет речь о возвышенных и нравственных материях, однако исключает процесс материального производства из сферы нравственных вопросов, словно это - деятельность низшего порядка, которая не включает и не требует никаких моральных принципов.

Приведу отрывок из книги «Атлант расправил плечи»:

«Промышленник... такого человека не существует. Завод - это "естественный ресурс", как дерево, камень или грязевая лужа. <...> "Кто разрешил проблему производства?" - "Человечество", - отвечают они. "В чем заключается разрешение?" - "Товары здесь". - "Как они попали сюда?" - "Как-то". - "Кто причиной тому?" - "Никто"»^[49].

Процесс производства контролируется и направляется человеческим разумом. Это не какая-то неопределенная способность; для того, чтобы разум действовал, требуются определенные условия, и одно из ключевых слов тут - *свобода*. Энциклика на удивление красноречиво избегает и намека на *условия*, необходимые для работы разума, словно считает, что человеческая мысль может идти в любом направлении при любых условиях, при любом давлении, или словно намеревается остановить ее стремительный бег.

Если бы человеком двигателя забота о бедных или страждущих, он бы непременно попытался доискаться до причин их положения. Он бы сразу спросил: почему одни нации развиваются, а другие нет? Почему одни нации достигли материального изобилия, а другие погрязли в нужде, недостойной человека? История и в особенности беспрецедентный рост благополучия в XIX веке подсказали бы ему ответ: капитализм - единственная система, которая позволяет людям достичь производственного изобилия, а ключ к капитализму - личная свобода.

Несомненно, политическая система оказывает воздействие на экономику общества, защищая продуктивную деятельность человека или препятствуя ей. Но именно этого энциклика никогда не признает и не позволит признать. Именно взаимоотношения политики и экономики она яростно игнорирует и отрицает, определенно давая понять, что их просто нет.

Рисую картины будущего мира, в котором цивилизованные страны возьмут на себя бремя помощи нецивилизованным странам, энциклика утверждает:

«Страны, получающие помощь, имеют право требовать, чтобы в их политическую жизнь или общественный строй никто не вмешивался. Как суверенные государства, они имеют право сами вести свои дела, выбирать свой политический курс и свободно двигаться в сторону того типа общества, который они выбирают» (абзац 54).

А что, если в том типе общества, который они выберут, производство, развитие и прогресс невозможны? Что, если они - сторонники коммунизма, как Советская Россия; или проповедуют истребление меньшинств, как

нацистская Германия; или устанавливают кастовую систему, как Индия; или склоняются к кочевой, антииндустриальной форме существования, как какая-нибудь из арабских стран; или просто состоят из племен, управляемых жестокой силой, как одна из новых стран Африки? С молчаливого согласия энциклики все это решает суверенное государство, а мы должны уважать «различные культуры», и цивилизованным нациям каким-то образом придется покрыть дефицит.

Некоторые аспекты такого мировоззрения так прямо высказаны в энциклике:

«Учитывая растущие потребности развивающихся стран, вполне естественно, что развитые страны должны выделять часть своего производства на выполнение этих нужд, а также обучать преподавателей, инженеров, техников и ученых, чтобы они предоставляли свои знания и умения в распоряжение менее удачливых народов» (абзац 48).

Энциклика содержит предельно жесткие инструкции для таких посланников:

«Они должны вести себя не свысока, как господа, но как помощники и коллеги. Люди быстро понимают, пришли ли им помогать от чистого сердца или нет... и помощь их можно отвергнуть, если она не будет даром братской любви» (абзац 71).

Они должны быть полностью лишены «националистической гордости»; они должны:

«понимать, что их компетентность не дает им превосходства в какой бы то ни было сфере. Они должны сознавать, что их цивилизация не единственная и что она не обладает монополией на какие-то ценности. Они должны стремиться открывать историю и культурное богатство той страны, которая их принимает. Тогда между ними установится взаимопонимание, которое послужит обогащению обеих культур» (абзац 72).

И это говорится цивилизованным людям, которые отправляются в страны, где люди откармливают священных коров, когда их собственные дети мрут с голода, где младенцев женского пола убивают или бросают, где люди слепнут от того, что их религия запрещает лечиться, где женщин уродуют, чтобы обеспечить их верность, где участника церемоний подвергают жесточайшим пыткам, где попросту едят людей! Эти ли «культурные ценности» западный человек должен приветствовать «с братской любовью»? Этими ли «ценностями» он должен восхищаться? В этих ли «сферах» он не должен чувствовать свое превосходство? Когда он откроет, что все население страны гниет заживо, должен ли он с гордостью

признать достижения своей нации и своей культуры и поблагодарить людей, которые их создали, оставив ему на сохранение достойное наследство?

Энциклика ответила бы «нет». Он должен не судить, не подвергать сомнению, не осуждать, но только любить, беспричинно, без разбора, не ставя условий, наперекор собственным ценностям, стандартам или убеждениям.

(На самом деле единственная помощь, которую западная цивилизация может оказать неразвитым странам, сводится к тому, чтобы рассказать им о сущности капитализма и помочь им построить его у себя. Однако это вступает в противоречие с местными «культурными традициями»; индустриализация не привьется на почве суеверной внеразумности; возможно либо одно, либо другое. К тому же это знание потерял и сам Запад, и именно его прокликает энциклика.)

Требую какого-то непривередливого релятивизма по отношению к ценностям примитивных культур и подчеркивая необходимость уважать их право на собственный уклад, западной цивилизации она этого не позволяет. Говоря о западных предпринимателях, ведущих дела со странами, «недавно открывшими для себя индустриализацию», энциклика вопрошает:

«Почему же они возвращаются к негуманным принципам индивидуализма, когда действуют в менее развитых странах?» (абзац 70)

Ужасы племенного существования в этих неразвитых странах не вызывают в энциклике осуждения. Она порицает только индивидуализм. Принцип, который вытащил человечество из болота, назван «негуманным».

В свете этих слов заметнее презрение к концептуальной цельности, когда энциклика проповедует:

«создание лучшего мира, который бы глубже уважал права и призвание индивидуума» (абзац 65).

Какие права могут быть у индивидуума в мире, в котором индивидуализм считается «негуманным»? Ответа нет.

В энциклике есть и еще одна отсылка к западной цивилизации:

«Мы рады узнать, что в некоторых странах "военная обязанность" частично заменяется "общественными обязанностями", "службой в чистом виде"» (абзац 74).

Возможный источник идеи такой замены - слова о том, что американская молодежь обязана посвятить своей стране несколько лет «рабства в чистом виде», на самом деле это ошибочное понятие, более ужасное, чем воинская повинность, противоречит всем основным

американским принципам.

Именно философия, которая лежит в основе Соединенных Штатов, - тот враг энциклики, которого она стремится уничтожить. Случайное упоминание, направленное вроде бы против Латинской Америки, - не более чем уловка, мина-ловушка для тех, кто готов пойти на компромисс, лазейка, которой они с удовольствием и пользуются. В энциклике говорится:

«Если какая-то земельная собственность препятствует общему процветанию, так как слишком велика, или не используется, или используется неэффективно... иногда во имя общих целей приходится требовать ее экспроприации» (абзац 24).

Какие бы грехи ни числились за Латинской Америкой, капитализм к ним не относится. Капитализма - системы, основанной на признании и защите частных прав, - никогда там не было. И раньше, и в наши дни Латинской Америкой управляет примитивная форма фашизма - неорганизованные, неструктурированные военные банды, которые приходят к власти при помощи военного переворота, другими словами, при помощи физической силы. Это дает номинальный предлог для экспроприации частной собственности любой военной группировке, находящейся у власти (что и обуславливает Латинской Америке экономический застой).

Основная цель энциклики - помощь неразвитым странам во всем мире. Латинская Америка занимает не последнее место в списке этих стран; ведь она не может прокормить собственное население. Может ли кто-нибудь представить себе, что она обеспечивает нужды всего мира? Только Соединенные Штаты Америки, созданные на принципах индивидуализма, - самый свободный образец капитализма за всю историю человечества, первая и последняя страна, которая соблюдает права человека, - могли бы взять на себя эту роль, что равносильно самоубийству.

Следует отметить, что энциклику не волнует человек, личность, индивидуум. «Единица», которой она оперирует, - это племя. Нации, страны, народы обсуждаются так, словно они обладают тоталитарным правом избавиться от своих граждан, а личность, индивидуум сам по себе не имеет никакого значения. В этом и заключается стратегия энциклики: самое значительное достижение западной цивилизации за то тысячелетие, в течение которого она борется за индивидуализм, также за последние смутные годы, - Соединенные Штаты Америки. С исчезновением США, то есть капитализма, на всей земле ничего не останется, кроме коллективизированных племен. Чтобы ускорить пришествие этого дня,

энциклика рассуждает о нем как о свершившемся факте и разбирает взаимоотношения между племенами.

Смотрите-ка, ведь именно эту мораль - этику самоуничужения, которую на протяжении столетий требовали от индивидуума, теперь предъявляют как основную ценность цивилизованным нациям. Кредо самопожертвования - изначальное оружие, созданное для того, чтобы наказать человека за успех, которого он добился, подорвать его уверенность в себе, искалечить его независимость, отравить наслаждение жизнью, кастрировать гордость, остановить самоуважение и парализовать мозг, - теперь идет в ход для того, чтобы сокрушить цивилизованный мир и цивилизацию как таковую.

Привожу слова Джона Голта:

«Вы достигли тупика той измены, которую совершили, согласившись, что не имеете права на существование. Некогда вы верили, что это "лишь компромисс": вы допустили, что эгоистично жить для своих детей, но морально жить для своей общины. Потом допустили, что эгоистично жить для своей общины, но морально жить для страны. Теперь вы позволяете величайшую из стран грабить любому подонку из любого уголка земли, допуская, что эгоистично жить для своей страны, и ваш моральный долг - жить для всего земного шара. Человек, не имеющий права на жизнь, не имеет права на ценности и не станет беречь их»^[50].

Права - условия существования, которые требует природа человека, чтобы он сохранился как человек, другими словами, как разумное существо. С альтруизмом они несовместимы.

Душа человека, его дух - сознание; движущая сила этого сознания - разум. Лишите его свободы, другими словами, лишите его права использовать свой разум, и от него останется только физическая оболочка, которой сможет манипулировать любое племя.

Спросите себя, читали ли вы когда-нибудь документ, столь ориентированный на плоть и плотское, как эта энциклика. В ней утверждается мысль о том, что люди, населяющие землю, - роботы, отвечающие на малейшее возбуждение. Нужда - самая низменная, пошлая, физическая нужда всех роботов; а нужны им только средства, едва достаточные для того, чтобы они работали, ели, спали и размножались. Жесточайший уровень бедности - это тот уровень, на котором животные нужды становятся единственной целью и заботой; тот уровень, на котором энциклика собирается установить и зафиксировать все человечество, чтобы нужды эти были единственной мотивацией («все другие права... нужно подчинить этому принципу»).

Если энциклика обвиняет капитализм в том, что люди при нем становятся жертвами «удушающего материализма», то какую же атмосферу создаст *этот* мир?

Вот что пишет один из выживших там, где удалось «внедрить» такие планы:

«Вообразите только, на что это будет похоже, если вам придется жить и работать, связанной со всеми несчастьями и несуразностями в глобальном масштабе? Если где-то человек ошибся, вы должны исправить совершенное им. Работать, не имея шанса подняться, когда ваша пища, одежда, дом, удовольствия зависят от каждого обмана, голода, эпидемии, случившихся где-то в мире. Работать, не надеясь на добавочный паек, пока всех камбоджийцев и патагонцев не накормят и не пошлют в колледж. Работать на всех родившихся младенцев, на людей, которых вы никогда не увидите, о чьих нуждах ничего не узнаете, чьи таланты или лень, или никчемность, или лживость вы не раскроете и с кого не имеете права спросить. Просто работать и работать, предоставив решать Айви и Джеральдам всего мира, в чьем желудке исчезнут труды, мечты и годы вашей жизни. Принять ли такой нравственный закон? И таков ли нравственный идеал?»^[51]

Вы думаете, я преувеличиваю и никто не исповедует таких идеалов?

А может, вы хотите сказать, что идеи энциклики никогда не претворятся в жизнь? Они на это и не рассчитаны.

Они рассчитаны не на то, чтобы облегчить страдания или отменить бедность, а на то, чтобы вызвать чувство вины. Они рассчитаны не на то, чтобы их принимали и осуществляли, а на то, чтобы их приняли и нарушили из-за эгоистичного желания жить, которое сочтут постыдной слабостью. Люди, принимающие как идеал нереальные, недостижимые цели, никогда не смогут поднять голову и никогда не смогут узнать, что только склоненная голова и была достигнутой целью.

Альтруизм не думает о том, как облегчить страдания, он просто объясняет ими свои действия. Самопожертвование - не путь к счастливому концу, оно самодостаточно. Это перманентное состояние человека, стиль жизни и тяжелый, безрадостный труд на бесплодной и унылой земле, когда в затянутых пеленой потухших глазах детей не вспыхивает никаких вопросов.

В энциклике это предположение фактически подтверждается: там нет и попытки хоть как-то обосновать альтруистическое мученичество. Она объявляет:

«Человек далек от того, чтобы быть мерой всех вещей, и потому

может осознать себя, только выйдя за свои пределы» (абзац 42).

(Сойдя в могилу, что ли?) И дальше:

«Дорога к большей человечности требует от нас многих жертв и усилий, но страдание, принятое нами во имя наших братьев, способствует продвижению всеобщей семьи» (абзац 79). «Эта дорога к Богу объединяет всех нас» (абзац 80).

Что же касается отношения к человеческому разуму, то отчетливее всего позиция Его святейшества прослеживается не столько в энциклике, сколько в той речи, которую папа Павел VI произнес перед собранием римских епископов 7 апреля 1967 года. Папа осуждает сомнения в любой догме, которая не приносит удовольствия и требует подчинения. Кроме того, он призывает священников бороться с «культом собственной личности» (*New York Times* от 8 апреля 1967 года).

К тому, какая же система лучше, энциклика презрительно равнодушна. По-видимому, любая политика сойдет, если экономику будет контролировать государство. Смутные отсылки к какой-то номинальной форме частной собственности наводят на мысль, что, может быть, энциклика одобряет и фашизм. С другой стороны, тон, стиль и вполне избитые доводы объединяют ее с изрядно потрепанным марксизмом. Но даже вся эта пошлость, видимо, свидетельствует о глубоком безразличии к интеллектуальному спору - словно взирая на аудиторию сверху, автор выбирал самые характерные для наших дней клише и штампы.

Энциклика настаивает только на двух политических требованиях: нации должны приветствовать этатизм, при котором экономическую деятельность граждан контролирует тоталитарное государство, и нации должны объединиться во всеобъемлющее государство с тоталитарным контролем над глобальным планированием.

«Для этого международного сотрудничества во всемирном масштабе необходимо создать учреждения, которые бы подготовили, координировали и управляли им... Кто из нас не видит, как необходимо установить мировую власть, которая сможет эффективно действовать в юридической и политической сфере?» (абзац 78)

Есть ли разница между коммунизмом и такой философией? Здесь я хотела бы привести слова одного известного католического деятеля. Под заголовком «Энциклика дала отпор марксизму» в *New York Times* от 31 марта 1967 года появилась статья, в которой говорится:

«Преподобный Джон Кортни Мюррей, выдающийся иезуитский богослов, определил последнюю энциклику папы Павла VI как "четкий ответ церкви марксизму"»...

"Марксисты предложили один путь развития, в котором они полагаются только на человека, - сказал отец Мюррей, - а теперь папа Павел VI разработал детальный план, как достигнуть той же цели, однако исходит он из подлинного гуманизма, который признает религиозную природу человека"».

Аминь.

Это посильнее американских «консерваторов», которые полагают, что религия заложена в основу капитализма, и верят, что можно иметь капитализм - и съесть его, как требует нравственный каннибализм альтруистической этики.

Это посильнее и современных «либералов», которые считают себя поборниками разума, науки и прогресса, хотя обзывают сторонников капитализма суеверным реакционным пережитком темного прошлого. Подвиньтесь, господа, пустите в свой круг новых попутчиков, которые вообще-то всегда шли по одной дороге с вами. Если у вас хватит смелости, посмотрите, какое прошлое представляют они.

Итак, перед вами - церковь, которая хотела бы примкнуть к этатизму, отчаянно пытаясь вернуть себе ту власть, которую она потеряла еще во времена Возрождения.

Католическая церковь никогда не оставляла надежды восстановить средневековое единение церкви и государства, ставящее целью глобальное государство и глобальную теократию. Со времен Возрождения она осторожно выжидала, когда можно будет примкнуть к тому политическому движению, которое принесет ей наибольшую выгоду. Однако на этот раз слишком поздно: коллективизм изжил себя, и тот паровоз, на который она взобралась, оказался катафалком. Тем не менее, рассчитывая на его тягловую силу, она отмечает западную цивилизацию и призывает варварские орды, чтобы они пожрали плоды человеческого разума.

В этом спектакле есть свои грустные нотки. Когда-то католичество было самой философской формой религии. Ее долгую и яркую историю освещала гигантская фигура великого ученого, Фомы Аквинского. Он вернул аристотелевское восприятие причины (аристотелевскую эпистемологию) на европейскую почву и показал путь философам Возрождения. За тот недолгий период XIX века, когда его влияние на католических философов было особенно сильно, величие его мысли фактически подняло церковь до уровня разума (хотя и ценой фундаментального противоречия). Теперь мы видим, как наследие Фомы Аквинского вновь приходит в забвение, церковь снова поворачивается к его изначальному противнику, которого она понимает значительно лучше,

- блаженному Августину, ненавидящему и разум, и жизнь как таковую. Остается пожелать, чтобы реквием по святому Фоме был более достойным.

Голос, звучащий в энциклике, принадлежит Средним векам. Он вновь слышен в интеллектуальном вакууме наших дней, словно холодный ветер, который со свистом носится по пустым улицам цивилизации, пришедшей в упадок.

Не разрешив фатального противоречия, конфликта между индивидуализмом и альтруизмом, западная цивилизация опускает руки. Когда человек отказывается от разума и свободы, пустоту заполняют вера и сила.

Ни один общественный строй не может простоять долго, не имея под собой прочного нравственного основания. Представьте себе великолепный небоскреб, построенный на зыбучих песках: пока люди в поте лица надстраивают сотые и двухсотые этажи, десятый и двадцатый засасывает грязь. Такова история капитализма, его шаткого положения, его попытки стоять прямо на фундаменте альтруистской морали.

Однако либо то, либо другое. Если одурманенные, ослепленные чувством вины защитники капитализма этого не понимают, это хорошо известно двум последователям альтруизма - коммунизму и католичеству.

Поэтому примирение между ними не должно удивлять. В конце концов, разница заключается в вещах сверхъестественных; здесь же, на земле, их объединяют три ключевых элемента: общая мораль - альтруизм, общая цель - установление насильственной власти и общий враг - человеческий разум.

Найдется и прецедент их стратегии. На выборах в Германии в 1933 году коммунисты поддерживали нацистов под тем предлогом, что потом они поделят между собой власть, но сначала им нужно уничтожить общего врага - капитализм. В наши дни католичество вполне может войти в сговор с коммунистами под тем предлогом, что потом они поделят между собой власть, но сначала нужно уничтожить общего врага - личность, заставив человечество объединиться и подставить единую шею их удавке.

Недаром энциклику с восторгом приняли коммунистические партии во всем мире. По свидетельству *New York Times* от 30 марта 1967 года, *L'Humanite*, газета французской коммунистической партии, писала, что энциклика:

«подчас берет за душу и весьма конструктивно выявляет зло капитализма, на которое давно обращали внимание марксисты».

Те, кто не понимает, как важна нравственная уверенность в себе для человеческих взаимоотношений, вряд ли смогут оценить сардонически

нелепый отрывок из той же статьи:

«Однако французские коммунисты весьма сожалеют о том, что папа римский не смог разделить богатые коммунистические страны от богатых капиталистических стран, когда осудил неравномерное распределение стран "имущих" и "неимущих"».

Таким образом, богатство, полученное силой, - законная собственность, в отличие от богатства, полученного в процессе производства; мародерство - нравственно, а производство - нет. Представитель мародеров возражает против порицания богатства, которое содержится в энциклике, а представители производителей лебезят, уклоняются от ответа, терпят оскорбления и обещают отдать свои богатства. Если капитализм не переживет этих дней, то такое зрелище покажет, что он недостоин выживания.

В редакторской статье *New York Times* от 30 марта 1967 года энциклику называют «в высшей степени продвинутой в вопросах экономической философии» и прибавляют: «Она сложна, всеобъемлюща и глубоко проникает в суть вопроса...» Если под «продвинутой» редактор имеет в виду, что энциклика разделяет постулаты современных «либералов», с ним можно согласиться, с той лишь оговоркой, что *The New York Times* не замечает, куда направлен этот прогресс. Не энциклика достаточно прогрессивна для XX века, а «либералы» повернули назад, к IV веку.

Wall Street Journal от 10 мая 1967 года пошел дальше. В нем говорится, что папа имел в виду совсем не это. Энциклика, предполагает журнал, лишь недоразумение, порожденное заговором ватиканских переводчиков, которые специально дали неправильное толкование идеям папы при переводе его труда с латыни на английский.

«Конечно, может быть, его святейшество и не рассыпает комплименты свободной рыночной системе, однако он и не имеет в виду того, что приписывает ему английский перевод».

Скруплезно сопоставив латинские предложения и их официальные и неофициальные переводы на английский и столбики казуистического буквоедства, *Wall Street Journal* пришел к выводу, что папа порицает не капитализм, а только «некоторые мнения» о капитализме. Какие мнения? Согласно неофициальному переводу, 26-й абзац энциклики гласит:

«Но при новых условиях неизвестным нам образом в человеческом обществе появились некоторые мнения, согласно которым выгода рассматривается как основной стимул экономического прогресса, свободная конкуренция - как высшее правило экономики, частная

собственность на средства производства - как абсолютное право, которое не приемлет ни ограничений, ни долга перед обществом...»

«В латинском варианте, - читаем мы в статье, - папа Павел VI признает трудности... сопутствующие развитию "некоторых видов капитализма". Однако вину за это он возлагает не на "всю жалкую систему" (другими словами, капиталистическую. - А. Р.), а на некоторые искаженные представления о ней».

Если ратовать за выгоду как основной стимул, свободную конкуренцию и частную собственность - значит «искажать» представление о капитализме, в чем же тогда заключается капитализм? Об этом - ни слова. Как же тогда *The Wall Street Journal* определяет капитализм? Об этом - опять ни слова. Что же нам называть «капитализмом», если все его основные характеристики вычеркнуты? И об этом ни слова.

Последний вопрос выявляет то утверждение, которое в статье делается не прямо, а косвенно: если папа римский нападает не на капитализм, а только на его основные принципы, значит, нам и беспокоиться не о чем.

А как вы думаете, в чем автор статьи решился-таки упрекнуть энциклику?

«Хотелось бы пожелать, чтобы энциклика признавала, что капитализм, и в Соединенных Штатах Америки, и повсеместно, принимает на себя целый ряд обязательств перед обществом».

Sic transit gloria viae Wall^[52].

Такое же отношение и тот же взгляд на проблему выражен и в журнале *Time* от 7 апреля 1967 года.

«Хотя папа Павел VI, по-видимому, попытался написать свое послание христианам, учитывая текущую экономическую ситуацию в мире, он в своей энциклике определенно забывает о том, что невмешательство, использовавшееся в капиталистической системе, так же изжило себя, как и "Капитал" Маркса. Очевидно, папа осуждает те разновидности капитализма, которые не учитывают новых тенденций и сохранились только, например, в Латинской Америке».

Впрочем, если бы мы проводили конкурс, приз пришлось бы отдать журналу для предпринимателей *Fortune* за май 1967 года. Его позиция агрессивно безнравственна и чужда философии. Он с гордостью заявляет о том, что поддерживает разделение экономики и этики. «Капитализм - это чисто экономическая система», - говорится в нем.

Изначально признавая «достойную всяких похвал цель» папы, *Fortune* пишет:

«Однако, несмотря на ее современный и глобальный взгляд на

проблему, *Populorum Progressio* обрекает себя на провал. Деятельность экономического предприятия рассматривается с устаревшей и подозрительной точки зрения... Папа создал подставное лицо, у которого найдется мало защитников, если понимать этот абзац (26) буквально. На самом деле чистая политика невмешательства используется в весьма незначительной части мировой торговли... "Собственность" в развитых странах существует в том виде, который подразумевает "обязанности перед обществом"... Говорить об "абсолютных" частных правах в развитых индустриальных обществах просто неуместно».

Приведя все эти аргументы, *Fortune*, по-видимому, с удивлением и обидой замечает, что папа не счел нужным причислить предпринимателей к «людям доброй воли», которых он призывает сразиться со всеобщей бедностью. «Избегая каких-либо определенных упоминаний о предпринимателях, он тем самым отказывается от помощи естественного и необходимого союзника, который во многих уголках земли серьезно занимается теми вопросами, к решению которых призывает папа. Может быть, участие предпринимателей воспринимается как само собой разумеющееся, как основная сила, на которую можно рассчитывать, если ее только приручить, запрячь и наблюдать за ее действиями. (А разве *Fortune* не так воспринимает предпринимателей в своем «чистом» государстве?)

Ватикан редко мог относиться к капитализму иначе, чем к необходимому злу в лучшем случае, и *Populorum Progressio* свидетельствует о том, что к пониманию прийти нелегко. Однако это не значит, что капитализм - полная формула общественного просвещения и прогресса; это только экономическая система, которую люди доброй воли могут использовать успешнее, чем любую другую из когда-либо существовавших, чтобы добиться тех общественных целей, которые им помогают определить политика и религия».

Посмотрите, как неприлично пытаться оправдать капитализм на альтруистических основаниях. Насколько же наивны эти циники. Энциклика направлена не на их богатство и не на облегчение бедности.

По-военному сцепленные, уравнивающие цинизм с «практичностью», современные прагматики не видят дальше текущего момента и не могут понять, что движет миром и определяет его направление. Люди, которые могут плыть по любому течению, идти на компромисс с чем угодно, служить средством любым целям, теряют способность понимать силу, заключенную в идеях. Пока две орды человеконенавистников, понимающие эту силу, объединяются против цивилизации, они сидят

посередине и кричат о том, что принципы - подставные.

Я знаю, что тот же упрек обращают и к объективизму. Мы боремся с призраком, говорят нам, никто и не поддерживает тех идей, против которых мы сражаемся.

Ну что ж... Как сказал один из моих друзей, только в Ватикане, Кремле и Эмпайр-стейт-билдинг знают истинное положение вещей в современном мире.

1967 г .

25. Права человека

Айн Рэнд

Тот, кто хочет защищать свободное общество - то есть капитализм, - должен понимать, что его главная основа - принцип личных прав. Тот, кто хочет поддерживать права личности, должен понимать, что капитализм - единственная система, которая может защищать их. А тот, кто хочет оценить взаимосвязь свободы и целей современных интеллектуалов, должен оценить их отношение к тому, что сегодня права личности искажаются, подавляются и крайне редко обсуждаются, особенно так называемыми «консерваторами».

«Права» - это концепция из сферы нравственности, концепция, которая обеспечивает логический переход от принципов, направляющих деятельность индивидуума, к принципам, направляющим его взаимоотношения с окружающими, которая сохраняет и защищает личную мораль в социальном контексте; это связь между моральным кодексом человека и законодательством в обществе, между этикой и политикой. *Права личности - это способ подчинения общества моральному закону.*

Каждая политическая система основана на определенном этическом кодексе. Основными типами этических систем в человеческой истории были разные варианты альтруистско-коллективистских доктрин, которые подчиняли личность некоей высшей власти, мистической или общественной. В дальнейшем большинство политических систем представляли собой варианты одной и той же государственной тирании, различаясь не по основным принципам, а лишь по степени проявления, ограниченной лишь случайными факторами традиций, хаоса, кровавых раздоров и периодических катастроф. При всех подобных системах мораль имела отношение к личности, но не к обществу. Общество стояло *по ту сторону* морали, являясь ее воплощением, источником или единственным интерпретатором, а главным назначением этики в земном существовании человека было внушение ему самоотверженной преданности общественному благу.

Поскольку на самом деле нет такой единой сущности, как «общество», поскольку общество - это просто набор личностей, то на практике это означало, что правители общества не подчинялись моральному закону; они были обязаны следовать лишь традиции, имели полную власть и требовали слепого подчинения, согласно подразумеваемому принципу: «Хорошо то,

что хорошо для общества (племени, расы, народа), а приказы правителя - выражение общественных нужд».

Так было при всех тоталитарных режимах, при всех вариантах альтруистско-коллективистской этики, мистических или общественных. В первом случае политическая теория сводилась к «правам королей, данным им Богом», во втором - к девизу «Глас народа - глас Божий». В качестве примеров можно вспомнить египетскую теократию, при которой фараон был богом на земле; неограниченную *демократическую* власть большинства в Афинах; государство всеобщего благоденствия под управлением римских императоров; инквизицию позднего Средневековья; французскую абсолютную монархию; Пруссию при Бисмарке; газовые камеры фашистской Германии; советскую диктатуру.

Все эти политические системы являлись выражением альтруистско-коллективистской этики, и все их объединяет то, что общество ставится превыше морального закона, и все в нем подчиняется прихоти тех, кто находится у власти. Политически все эти системы - варианты *аморального* общества.

Самым великим революционным завоеванием Соединенных Штатов Америки было *подчинение общества моральному закону*.

Принцип личных прав человека представляет собой распространение морали на общественный строй в качестве ограничения власти государства, защиты личности против грубой силы коллектива, подчинения *силы праву*. Соединенные Штаты Америки были первым *моральным* обществом в истории.

Все предыдущие системы рассматривали человека как жертву, приносимую для пользы окружающих, и общество - как самоцель. В Соединенных Штатах человека стали считать самоцелью, а общество - инструментом мирного, упорядоченного, *добровольного* сосуществования личностей. Все более ранние общественные системы считали, что жизнь человека принадлежит обществу, что оно может распоряжаться им, как угодно, и что свобода может быть дана ему лишь как подарок, с *позволения* общества, которое может точно так же лишить его этой свободы в любой момент. В Соединенных Штатах жизнь человека принадлежит ему по *праву* (то есть согласно принципу морали и его природе), все права относятся только к личности, общество как таковое не может иметь никаких прав, а единственное моральное предназначение правительства - защита прав личности.

«Право» - это моральный принцип, определяющий и утверждающий свободу действий человека в социальном контексте. Существует только

одно основное право (все остальные следуют и выводятся из него) - это право человека на собственную жизнь. Жизнь - это процесс самоподдерживающей и самосозидающей деятельности; право на жизнь означает право на такую деятельность, то есть свободу предпринимать любые действия, необходимые разумному существу для поддержания, продолжения жизни и получения удовольствия от нее. (В этом смысл права на жизнь, на свободу и на достижение счастья.)

Концепция «права» относится только к деятельности - конкретно, к свободе деятельности. Это означает свободу от физического принуждения, насилия или вмешательства других людей.

Таким образом, для каждой личности право - это моральное разрешение *позитивного* свойства; разрешение действовать согласно собственным суждениям, собственным целям и собственному *добровольному, не навязанному извне* выбору. На тех, кто его окружает, его права не накладывают никаких обязательств, за исключением *негативных*: не нарушать его права.

Право на жизнь - источник всех прав, а выражаются они в первую очередь в праве на собственность. Без права на собственность никакие другие права не имеют смысла. Так как человек должен поддерживать собственную жизнь собственными силами, если он не имеет прав на продукт собственных усилий, лишается возможностей делать это. Человек, который производит то, что принадлежит затем другим, является рабом.

Учтите, что право на собственность - это право на деятельность, как и все остальные права: это не право на *объект*, а право на деятельность и на ее следствия в виде произведенного или заработанного объекта. Это не гарантия того, что человек *обязательно* заработает любую собственность, а лишь гарантия того, что человек будет иметь все, что заработает. Это право получать, сохранять и использовать по своему усмотрению любые материальные ценности.

Концепция индивидуальных прав настолько нова в человеческой истории, что большинство людей до сегодняшнего дня не осознали ее полностью. В соответствии с двумя этическими теориями, мистической и общественной, часть людей считает, что права - это дар Божий, а другие, что права - это дар общества. Но на самом деле источник прав - это природа человека.

В Декларации независимости США утверждается, что людям «даны Создателем определенные неотчуждаемые права». Можно верить, что человек создан Богом или природой, но любое его происхождение не изменяет того факта, что он является сущностью особого рода - разумным

существом, - что он не может успешно функционировать под давлением, и что права - это необходимое условие его особого способа выживания.

«Вы, утратившие концепцию права, вы, колеблющиеся между утверждениями, что права - это Божий дар, сверхъестественный дар, который нужно принимать на веру, и что права - это дар общества и могут нарушаться по его произвольной прихоти, источник человеческих прав не богоданный и не принятый конгрессом закон, а закон тождества. А есть А, и Человек есть Человек. Права - это условия существования, которых требует природа человека, чтобы выживать должным образом. Если человек должен жить на земле, он вправе пользоваться своим разумом, вправе действовать на основе своих суждений, вправе трудиться ради своих ценностей и владеть результатом своего труда. Если цель его - жить на земле, он вправе жить как разумное существо: природа запрещает ему быть неразумным»^[53].

Нарушить права человека - значит заставить его действовать вопреки собственным суждениям или отобрать у него его ценности. Существует один главный путь к этому: физическое насилие. Есть два возможных типа нарушителей прав человека: уголовные элементы и правительство. Огромное достижение Соединенных Штатов - в том, что здесь провели черту между этими двумя, запретив вторым заниматься легальным вариантом того, что делают первые.

В Декларации независимости заложен принцип, согласно которому «люди основывают правительство для того, чтобы оно защищало эти права». Это обеспечивает единственное приемлемое оправдание существования правительства и определяет его единственное достойное предназначение: защищать права человека путем защиты его от физического насилия.

Таким образом, роль правительства меняется с властителя на слугу. Правительство учреждается для того, чтобы защищать человека от уголовных элементов, а Конституция служит для того, чтобы защищать человека от правительства. Билль о правах был направлен не против частных граждан, а против правительства, как ясное указание на то, что права личности превосходят любую общественную власть.

В результате появился образ цивилизованного общества, к которому - за короткий промежуток приблизительно в 150 лет - Америке удалось приблизиться. Цивилизованное общество - то, в котором физическое насилие в человеческих взаимоотношениях запрещено, то, в котором правительство, выполняя роль полицейского, может применять силу *только* в качестве противодействия тем, кто применил ее первым.

Вот в чем основной смысл и назначение американской политической философии, заложенный в принципе личных прав. Но он не был ни сформулирован со всей очевидностью, ни принят полностью, ни введен в постоянную практику.

Внутреннее американское противоречие заключено в альтруистско-коллективистской этике. Альтруизм несовместим со свободой, с капитализмом и с правами человека. Никто не может совмещать стремление к счастью с психологией жертвенного животного.

Рождение свободного общества стало возможным лишь с появлением концепции личных прав. И именно с разрушением личных прав началось разрушение свободы.

Коллективистская диктатура не может позволить себе прямую конфискацию ценностей целой страны. Это происходит только в процессе внутренней коррупции. В материальной сфере разграбление богатства страны достигается с помощью инфляции, но сегодня мы можем видеть, как происходит процесс инфляции в сфере прав. Этот процесс ведет за собой такой рост количества вновь провозглашенных «прав», что люди не замечают того факта, что смысл понятия совершенно искажается. Точно так же, как дурные деньги изгоняют хорошие, так и «провозглашенные» права отменяют подлинные.

Задумайтесь о любопытном факте, что никогда еще в мире не было такого широчайшего распространения двух вроде бы противоречащих друг другу феноменов: так называемых новых «прав» и лагерей рабского труда.

Хитрость кроется в перемещении концепции прав из политической в экономическую сферу.

Платформа Демократической партии 1960 года заявляет об этом перемещении смело и открыто. Она утверждает, что демократическая администрация «подтвердит экономический билль о правах, который вписал в наше народное сознание Франклин Рузвельт 16 лет назад».

Ни в коем случае не забывайте о подлинном значении концепции «прав», когда будете читать список предложений, включенных в вышеупомянутую платформу:

«Право на полезную и хорошо оплачиваемую работу на предприятиях промышленности, сельского хозяйства и сферы обслуживания страны.

Право зарабатывать достаточно, чтобы иметь возможность покупать хорошие продукты, одежду и оплачивать отдых.

Право каждого фермера выращивать и продавать свою продукцию по ценам, обеспечивающим ему и его семье достойную жизнь.

Право каждого предпринимателя, крупного и мелкого, торговать в

атмосфере, свободной от нечестной конкуренции и давления монополий в своей стране и за рубежом.

Право каждой семьи на хорошее жилье.

Право на достойное медицинское обслуживание и возможность поддерживать здоровье и наслаждаться полноценной жизнью.

Право на социальную защиту в случае старости, болезни, несчастного случая и безработицы.

Право на хорошее образование».

Единственный вопрос, добавленный к каждому из этих восьми пунктов, может прояснить ситуацию: *за чей счет?*

Работа, питание, одежда, отдых (!), жилье, медицинское обслуживание, образование и т.д. не появляются сами по себе в природе. Это ценности, создаваемые человеком, - товары и услуги, которые производят люди. *Кто* должен обеспечивать их?

Если часть людей *по праву* будет распоряжаться продуктами труда других людей, это значит, что эти другие будут лишены прав и обречены на рабский труд.

Любое так называемое «право» одного человека, требующее нарушения прав других людей, не является и не может быть правом.

Никто не имеет права по собственному желанию накладывать обязательства на другого человека и заставлять его служить себе без вознаграждения. Не может быть такой вещи, как «*право на порабощение*».

Право не подразумевает материальную поддержку этого права другими людьми; оно подразумевает лишь свободу заработать это материальное обеспечение самостоятельно.

Задумайтесь в этом контексте, насколько интеллектуально точны были здесь отцы-основатели: они говорили о праве на *стремление* к счастью, а не о праве на счастье. Это означает, что человек имеет право на действия, которые он считает необходимыми для достижения счастья; это не означает, что другие должны делать его счастливым.

Право на жизнь означает, что человек имеет право поддерживать свое существование посредством своего собственного труда (на любом экономическом уровне, какого позволяют ему достигнуть его способности); оно не означает, что другие должны обеспечивать ему то, что необходимо для поддержания жизни.

Право на собственность означает, что человек имеет право предпринимать экономические шаги, необходимые для владения собственностью и для использования ее по своему усмотрению; оно не означает, что другие должны обеспечивать его собственностью.

Право на свободу слова означает, что человек имеет право выражать свои убеждения, не опасаясь запретов, вмешательства или наказания со стороны правительства. Это *не* означает, что остальные должны предоставлять ему лекционные аудитории, радиостанции или печатные издания, с помощью которых он сможет выражать свои идеи.

Любое предприятие, в котором участвует не один человек, требует *добровольного* согласия всех его участников. Каждый из них имеет *право* на собственное мнение, но никто не имеет права навязывать его другим.

Не существует такой вещи, как «право иметь работу»; есть лишь право на свободную торговлю, то есть право человека получить работу, если другой решит нанять его. Не существует никакого «права на жилье», есть лишь право на свободную торговлю: право построить дом или купить его. Не существует «права на "справедливую" зарплату или "справедливые" цены», если никто не захочет платить ее, нанимать человека или покупать данный продукт. Не существует «права потребителя» на молоко, обувь, кинофильм или шампанское, если никто из производителей не захочет производить данную продукцию (есть лишь право произвести ее самому). Не существует «прав» у отдельных групп людей, «прав фермеров, рабочих, бизнесменов, нанимателей, наемных работников, стариков, молодежи, нерожденных младенцев». Есть только *Права Человека* - права, которыми владеют каждый человек и все люди как личности.

Право на собственность и право на свободную торговлю - единственные «экономические права» человека (которые, на самом деле, являются *политическими*), и не может существовать ничего подобного «экономическому биллю о правах». Но при этом обратите внимание на то, что его сторонники практически разрушили систему подлинных политических прав.

Вспомните, что права - это моральные принципы, определяющие и защищающие свободу действий человека, при этом не накладывая никаких обязательств на других людей. Частные лица не должны представлять угрозы правам и свободам друг друга. Частное лицо, которое применяет физическое насилие и нарушает права других людей, - это уголовный элемент, и граждане защищены от таких лиц законом.

Уголовники - очень незначительная часть населения в любую эпоху и в любой стране. И ущерб, который они нанесли человечеству, крайне мал в сравнении с теми ужасами - резней, войнами, казнями, конфискациями, голодом, порабощением, полным уничтожением, - который терпят народы от государства. Государственная власть - самая крупная потенциальная угроза правам человека: у него есть законная монополия на применение

силы против законно безоружных жертв. Правительство, не ограниченное и не сдерживаемое правами личности, - злейший враг человека. Билль о правах был написан для защиты не от частных, а от правительственных действий.

Теперь взглянем на процесс уничтожения этой защиты.

Этот процесс состоит из приписывания частным лицам специфических нарушений, конституционно запрещенных для правительства (для совершения которых у частных граждан просто нет соответствующих возможностей), и, таким образом, развязывания рук правительству. Эта подмена становится все более очевидной в сфере свободы слова. На протяжении многих лет коллективисты заявляли, что отказ частного лица от материального обеспечения оппонента - это нарушение права этого оппонента на свободу слова и акт «цензуры».

Они заявляют, что когда газета отказывается нанимать на работу или публиковать авторов, идеи которых диаметрально противоположны ее политике, - это «цензура».

Они заявляют, что если предприниматели отказываются размещать рекламу в журнале, который оскорбляет и ругает их, - это «цензура».

Они заявляют, что если спонсор телепрограммы протестует против оскорбительных действий, которые происходят в эфире этой программы - как это было в случае с Эджером Хиссом, который был приглашен, чтобы выдвинуть обвинения против бывшего вице-президента Никсона, - это «цензура».

А еще есть Ньютон Миноу, который заявляет: «Существует цензура, осуществляемая с помощью рейтингов, с помощью сетей вещания, с помощью филиалов, которые отказываются выпускать программы, рекомендованные для их района». Это тот же самый мистер Миноу, который угрожает отобрать лицензии у станций, которые не согласны с его программной политикой, - и который заявляет, что *это* - не цензура.

Задумайтесь над этой тенденцией.

«Цензура» - термин, относящийся только к действиям правительства. Никакая деятельность частного лица не может считаться цензурой. Никакое частное лицо или агентство не может заставить человека замолчать или запретить публикацию; это может сделать только правительство. Свобода слова частных лиц включает в себя право не соглашаться, не слушать и не финансировать тех, с кем они не согласны.

Но согласно доктринам, подобным «экономическому биллю о правах», человек не имеет права пользоваться своими материальными средствами в соответствии с собственными убеждениями и должен

отдавать свои деньги любому оратору или пропагандисту, которые обладают «правами» на его собственность.

Это означает, что способность обеспечивать материальные средства для выражения идей лишает человека права иметь какие-либо идеи. Издатель должен публиковать книги, которые он считает бессмысленными, ложными или вредными; спонсор телепрограмм должен финансировать экспертов, которые выступают против его убеждений; владелец газеты должен отдавать свои страницы любому молодому хулигану, который кричит о порабощении прессы. Это означает, что часть людей получает право на неограниченные действия, в то время как другие должны довольствоваться состоянием беспомощной безответственности.

Но так как обеспечить каждого, кто этого требует, работой, микрофоном, или колонкой в газете совершенно невозможно, то *кто* должен определять «распределение» «экономических прав» и выбирать тех, кому они даются, если владельцы лишаются возможности выбора? Что ж, мистер Миноу указал на *это* совершенно однозначно.

И если вы ошибочно решили, что это относится только к крупным владельцам собственности, то задумайтесь о том, что на самом деле теория «экономических прав» включает в себя и права любого писателя, желающего стать драматургом, любого поэта-битника, любого производящего шум «композитора» и любого художника-абстракциониста (у которого есть политические взгляды) на финансовую поддержку, которой вы их лишаете, если не посещаете их выступления и не покупаете их творения. А в чем еще смысл проекта траты налоговых денег на субсидии деятелям искусства?

И пока люди спорят об «экономических правах», концепция политических прав растворяется в воздухе. Уже забыто, что право на свободу слова означает свободу защищать свои взгляды и нести за них возможную ответственность, в том числе готовность к несогласию, оппозиции, отсутствию популярности и поддержки. Политическое назначение «права на свободу слова» состоит в защите несогласных и непопулярных меньшинств от физического подавления, а *не* в том, чтобы гарантировать им поддержку, преимущества и вознаграждение, связанные с популярностью, которой они не заслужили.

В Билле о правах сказано: «Конгресс не должен издавать законов... ограничивающих свободу слова или прессы...» Это не означает, что частные лица должны обеспечивать возможность для выступлений человеку, который призывает к их уничтожению, или давать ключи вору, который хочет ограбить их, или предлагать нож убийце, который желает

перерезать им глотки.

Такова на сегодняшний день ситуация с противостоянием *политических* и «*экономических*» прав. Они не могут сосуществовать. Одно уничтожает другое. Но на самом деле не бывает никаких «экономических прав», никаких «коллективных прав», никаких «прав общества». Термин «права личности» избыточен: не существует никаких других прав, и никто больше обладать правами не может.

Те, кто защищает подлинный *свободный* капитализм, - единственные защитники прав человека.

Апрель 1963 г.

26. Природа государства

Айн Рэнд

Государство - это институт, которому принадлежит исключительная власть вводить определенные правила общественного поведения в данном географическом регионе.

Нужен ли людям такой институт и зачем?

Поскольку разум человека - его основное орудие выживания, его способ получать знание, чтобы направлять свои действия, то он не выживет без свободы думать и действовать сообразно своему разумному суждению. Это не значит, что человек должен жить один и необитаемый остров лучше всего соответствует его потребностям. Люди могут получать огромную пользу от общения друг с другом. Социальная среда наиболее благоприятна для их успешного выживания, *но только на определенных условиях.*

«Две главные ценности, которые может обрести человек в общественной жизни, это знания и обмен. Человек - единственный вид, который может расширять и передавать свой багаж знаний из поколения в поколение; объем знаний, потенциально доступных человеку, больше, чем любой человек на протяжении одной своей жизни способен хотя бы начать постигать; каждый человек получает невыразимые преимущества от знаний, полученных другими. Второе огромное преимущество - это разделение труда: оно позволяет человеку прикладывать свои усилия в определенной сфере работы и обмениваться продуктами труда с теми, кто занят в других сферах. Такая форма сотрудничества позволяет всем, кто принимает в ней участие, получить в обмен на собственные усилия существенно больше новых знаний, умений и продуктов труда, чем мог бы получить каждый, если бы ему пришлось самому производить все, в чем он нуждается, на необитаемом острове или ферме, живущей натуральным хозяйством.

Но эти преимущества определяют, какие конкретно представители человечества имеют ценность друг для друга и в каком обществе: только рациональные, продуктивные, независимые граждане в рациональном, продуктивном независимом обществе»^[54].

Общество, которое отнимает у индивидуума плод его труда, или поработощает его, или пытается ограничить его свободу мысли, или принуждает его действовать вопреки собственному рассудку; общество,

которое порождает конфликт между собственными постановлениями и требованиями человеческой природы, строго говоря, не общество, а толпа, сплоченная узаконенным правлением бандитов. Такое общество нельзя оправдать; оно уничтожает все преимущества человеческого сосуществования и представляет собой не источник благ, а смертельную угрозу. Жизнь на необитаемом острове безопаснее и несравненно предпочтительнее жизни в Советской России или нацистской Германии.

Если люди собираются жить вместе в мирном, продуктивном, рациональном обществе и общаться друг с другом к обоюдной выгоде, они должны принять основной социальный принцип, без которого невозможно ни одно нравственное и цивилизованное общество, - принцип прав личности.

Признавать права личности - значит признавать и принимать условия, необходимые природе человека для нормальной жизни.

Права человека могут быть нарушены только при помощи физической силы. Только посредством физического насилия один человек может лишить другого жизни или поработить его, или ограбить, или помешать ему преследовать собственные цели, или заставить его действовать вопреки собственному мнению.

Непременное условие цивилизованного общества - исключение физического насилия из социальных отношений и, таким образом, утверждение принципа, согласно которому, если люди хотят общаться друг с другом, они могут делать это только посредством *разума*, то есть посредством обсуждения, убеждения и добровольного непринудительного соглашения.

Необходимое следствие права человека на жизнь - его право на самозащиту. В цивилизованном обществе силу можно применять только для возмездия и только против тех, кто первым ее использовал. Причины, которые превращают первоначальное использование физической силы в зло, делают ее применение в целях возмездия нравственным императивом.

Если бы какое-нибудь «пацифистское» общество отказалось от ответного применения силы, оно бы стало совершенно беспомощным и было бы отдано на милость первого же разбойника, который решил пренебречь моралью. Такое общество добилось бы результатов, прямо противоположных своим ожиданиям: вместо того, чтобы уничтожить зло, оно бы его поощрило и вознаградило.

Если бы общество не обеспечивало своих членов организованной защитой от насилия, то каждый гражданин был бы вынужден ходить вооруженным, превратить свой дом в крепость, стрелять во всякого

незнакомца, приближающегося к его двери, или же вступить в банду, созданную для самозащиты, и воевать с другими бандами, созданными с той же целью, в результате чего общество выродилось бы в хаотическое господство банд, то есть в господство грубой силы, в непрерывную племенную войну доисторических дикарей.

Использование физической силы, даже ответное, нельзя отдать на усмотрение отдельных граждан. Мирное сосуществование невозможно, если человек живет под постоянной угрозой того, что любой из «ближних» в любой момент может применить против него силу. Будут ли намерения ближних благими или дурными, будет ли их решение разумным или неразумным, будет ли лежать в основе их действий чувство справедливости, или невежество, или предрассудок, или злой умысел, в любом случае использование силы против одного человека нельзя отдать на произвольное усмотрение другого.

Представьте себе, например, что произойдет, если человек потеряет бумажник, решит, что его украли, будет вламываться во все дома и пристрелит первого, кто на него косо посмотрит, приняв этот взгляд за доказательство вины.

Применение силы в целях возмездия требует *объективных* правил, позволяющих доказать, что преступление совершено и кем оно совершено, а также *объективных* правил, позволяющих определить, что такое наказание и как оно осуществляется. Те, кто пытается преследовать преступников без таких правил, - толпа линчевателей. Если бы общество предоставило применение карающей силы отдельным гражданам, оно бы выродилось в охлократию, самосуд и бесконечную цепь кровавых междоусобиц.

Если физическую силу надо исключить из общественных отношений, людям нужен институт, который бы защищал их права при наличии *объективного* свода правил.

Это и есть задача государства, хорошего государства. Это его основная цель, его единственное моральное оправдание и причина, по которой оно нужно людям.

Государство - это способ поместить репрессивное использование физической силы под объективный контроль, то есть под контроль объективно определенных законов.

Основное различие между частным действием и государственным действием, которым сегодня упорно пренебрегают, заключается в том, что государство обладает монополией на легальное использование физической силы. Это необходимо, так как монополия сдерживает и ограничивает

использование силы. По той же причине действия государства должны быть строго обозначены, определены и ограничены. Нельзя допускать ни намека на каприз или прихоть; государство должно уподобиться безликому роботу, чья единственная движущая сила - законы. Если общество хочет быть свободным, его государство должно находиться под контролем.

При правильном общественном устройстве частное лицо с юридической точки зрения свободно действовать, как ему угодно (до тех пор, пока не нарушает права других), а государственный чиновник при исполнении служебных обязанностей связан законом в каждом своем поступке. Частное лицо может делать все, кроме того, что *запрещено* законом; государственный чиновник не может делать ничего, кроме того, что *разрешено* законом.

Это способ подчинить «силу» «праву». В этом заключается американская идея «правления законов, а не людей».

Понимание природы законов, подобающих свободному обществу, и источника полномочий его государства можно вывести из понимания природы и цели идеального государства. Основной принцип обеих указан в Декларации независимости: «Для обеспечения этих прав [человека] учреждены среди людей государства, облаемые справедливой властью с согласия подданных...»

Поскольку защита прав человека - единственная надлежащая цель государства, она же окажется единственным надлежащим предметом законодательства. Все законы должны быть основаны на правах человека и нацелены на их защиту. Все законы должны быть *объективны* (и логически объяснимы): перед тем как они совершат то или иное действие, люди должны четко понимать, что закон запрещает им делать и почему, что считается преступлением и какое наказание их ждет, если они это преступление совершат.

Источник полномочий государства - «согласие подданных». Это значит, что государство - не властелин, а слуга или представитель граждан. Государство как таковое не имеет никаких прав, кроме тех, которые ему препоручили граждане для особой цели.

Есть *только один основной принцип*, который индивидуум должен принять, если он хочет жить в свободном цивилизованном обществе, - отказ от применения физической силы и передача государству своего права на физическую самозащиту, чтобы оно могло осуществлять упорядоченное, объективное, юридически определенное применение силы. Другими словами, он должен признать *разделение силы и прихоти* (любой, включая его собственную).

Что произойдет, если возникнет разногласие между двумя людьми по поводу дела, которое касается их обоих?

В свободном обществе люди не обязаны общаться друг с другом. Они делают это по добровольному соглашению или договору. Если договор расторгнут произвольным решением одного человека, это может нанести огромный финансовый ущерб другому, и жертве останется отнять собственность обидчика в качестве компенсации. Но и здесь применение силы нельзя оставить на усмотрение частных лиц. Ситуация эта подводит к одной из самых важных и самых сложных функций государства - функции арбитра, который разрешает споры между людьми в соответствии с объективными законами.

В любом мало-мальски цивилизованном обществе преступники составляют незначительное меньшинство. Однако осуществляемая гражданскими судами защита условий договоров и принуждение к их выполнению - самая насущная потребность мирного общества. Без такой защиты нельзя построить цивилизацию и сохранить ее.

В отличие от животных люди не могут выжить, действуя в пределах текущего момента. Человек должен ставить себе цели и стремиться к ним на протяжении некоторого времени; он должен рассчитывать свои действия и планировать свою жизнь надолго вперед. Чем умнее он и чем больше знает, тем больше период, на который он планирует. Чем более развита и сложна цивилизация, тем долгосрочнее в ней планирование деятельности. Соответственно, тем больше срок, на который заключаются договоры между людьми, и тем насущнее потребность обеспечить надежность таких договоров.

Даже примитивное бартерное общество не сможет функционировать, если его член договаривается обменять мешок картошки на корзину яиц, но, получив яйца, отказывается отдать картошку. Представьте себе, к чему приведет такой своевольный поступок в индустриальном обществе, где делают поставки на миллиарды долларов в кредит, или заключают договоры на строительство многомиллионных сооружений, или подписывают арендные контракты на 99 лет вперед.

Нарушение контракта одной из сторон подразумевает косвенное использование физической силы. Заключается оно, по сути, в том, что один человек получает материальные блага, товары или услуги от другого человека, после чего отказывается за них платить и удерживает их силой (на том основании, что обладает ими), а не по праву, то есть без согласия истинного владельца. Мошенничество включает такое же косвенное применение силы: суть его - в приобретении материальных благ без

согласия хозяина с помощью ложных предложений или ложных обещаний. Вымогательство - еще одна разновидность косвенного применения силы; оно состоит в том, чтобы приобрести материальные блага, не предоставляя в обмен других благ, а угрожая насилием, физической расправой или нанесением ущерба.

Некоторые из таких действий очевидно преступны. Другие, например одностороннее расторжение контракта, быть может, не имеют за собой преступного умысла, а вызваны безответственностью и неразумностью. Третьи могут представлять сложные случаи с претензиями на правоту обеих сторон. Но каким бы ни было дело, все подобные конфликты должен рассмотреть с позиции объективно сформулированных законов и разрешить беспристрастный арбитр, претворяющий эти законы в жизнь, то есть судья (и присяжные, если нужно).

Обратите внимание на ключевой принцип, которым руководствуется правосудие во всех этих случаях: ни один человек не может получить никаких ценностей от других людей без согласия владельцев, и, как следствие этого, права одного человека не могут быть отданы на милость одностороннего решения, случайного выбора, иррационального желания, *прихоти* другого человека.

Такова, в сущности, правильная цель государства. Оно делает существование в обществе приемлемым для людей, охраняя то благо и борясь с тем злом, которые люди могут причинить друг другу.

Надлежащие функции государства распадаются на три широкие категории, причем все они затрагивают вопросы физического насилия и защиты прав человека. Это *полиция*, защищающая граждан от преступников, *армия*, защищающая граждан от внешних врагов, и *суды*, разрешающие конфликты между гражданами в соответствии с объективными законами.

Эти три категории включают много производных и дополнительных пунктов, и реализация их на практике, в форме особого законодательства, бесконечно запутана. Все это относится к области специальной науки, философии права. В сфере реализации может быть множество ошибок и разногласий, но главное - осуществить сам принцип, согласно которому цель закона и государства состоит в защите прав личности.

Сегодня этот принцип забывают, его игнорируют, от него уклоняются. Результат - теперешнее состояние мира, когда человечество, пятясь назад, дошло до абсолютистской тирании, до первобытной жестокости и господства грубой силы.

Необдуманно протестуя против таких тенденций, некоторые

поднимают вопрос о том, можно ли считать государство злом по самой его природе, а анархию - идеальным общественным строем. Анархия как политическое понятие - наивная и расплывчатая абстракция; по вышеупомянутым причинам общество без государства будет отдано на милость первого же подвернувшегося преступника, который ввергнет его в хаос междоусобной войны. Но человеческая безнравственность - не единственное препятствие для анархии; даже общество, все члены которого ведут себя совершенно разумно и безукоризненно, не сможет функционировать без власти. Потребность в объективных законах и в арбитре для разрешения конфликтов между честными людьми неизбежно повлечет за собой учреждение государства.

Новейшая разновидность анархической теории, завладевшая умами некоторых молодых апологетов свободы, представляет собой странную бессмыслицу под названием «конкурирующие государства». Принимая основную предпосылку современных государственников, которые не видят разницы между функциями государства и функциями промышленности, между силой и производством, и защищают государственную собственность на коммерческие предприятия, сторонники теории «конкурирующих государств» выбирают другую сторону той же медали и заявляют, что, поскольку конкуренция столь полезна в бизнесе, ее нужно применить и к государству. Они считают, что вместо единственного государства-монополиста должно быть несколько разных государств в одном географическом регионе, которые бы боролись за отдельных граждан, каждый из которых волен «покупать» у того государства, которое он выберет.

Если мы вспомним, что единственная услуга, которую государство может предложить, это насильственное ограничение свободы, можно себе представить, что будет означать конкуренция в этой области.

Нельзя сказать, что эта теория противоречит сути используемых понятий, поскольку она просто не понимает понятий «конкуренция» и «государство». Нельзя назвать ее и туманной абстракцией, поскольку она лишена всякой связи с реальностью, и конкретизировать ее мы не можем даже ориентировочно и приблизительно. Достаточно привести один пример. Представьте, что Смит, гражданин государства А, подозревает, что Джонс, клиент государства Б, его ограбил. Бригада полиции А направляется к дому Джонса, где ее встречают полицейские Б и заявляют, что они не считают действительной жалобу Смита и вообще не признают полномочий государства А. Что будет дальше? Подумайте сами.

У понятия «государство» долгая извилистая история. Какой-то намек

на правильную функцию государства существовал в любом организованном обществе, проявляясь в признании скрытой (а часто - даже несуществующей) разницы между государством и бандой грабителей; ореоле уважения и нравственного авторитета, присущего государству как хранителю «закона и порядка»; том факте, что даже самые дурные чиновники и правители считали нужным поддерживать некое подобие порядка и правосудия, хотя бы только в повседневной жизни и традиции, и претендовали на какое-нибудь - мистическое или социальное - оправдание своей власти. Короли абсолютистской Франции использовали для этого «божественное право» монарха; современные диктаторы Советской России тратят миллионы на пропаганду, призванную оправдать их правление в глазах порабощенных подданных.

Человечество очень недавно осознало истинную задачу государства. Это очень недавнее достижение, ему всего двести лет, и обязаны мы им «отцам» Американской революции. Они не только определили природу и нужды свободного общества, но и разработали способ воплотить их в жизнь. Свободное общество, как любое другое человеческое творение, не может быть создано случайно, по желанию или благодаря «добрым намерениям» лидеров. Чтобы создать свободное общество и сохранить его свободным, нужна сложная правовая система, построенная на *объективно* обоснованных принципах; система, не зависящая от мотивов, морального облика или намерений любого отдельно взятого чиновника; система, не оставляющая никакого шанса, никакой лазейки для возникновения тирании.

Американская система ограничений и противовесов была именно такой. Некоторые противоречия в Конституции оставили возможность для роста этатизма, но несравненным достижением была сама идея Конституции как способа определить и ограничить власть государства.

Сейчас, когда мы так дружно стараемся забыть эти достижения, не принято слишком часто повторять, что Конституция - ограничение, налагаемое на государство, а не на частных лиц; что она предписывает, как себя вести государству, а не частным лицам; что она не дарует полномочия государству, а гарантирует гражданам защиту от него.

Теперь подумайте о нравственной и политической извращенности доминирующего сегодня взгляда на государство. Вместо того чтобы быть защитником прав человека, государство становится их самым опасным нарушителем; вместо того, чтобы охранять свободу, государство насаждает рабство; вместо того, чтобы защищать людей от насилия, государство осуществляет насилие и принуждение, когда ему угодно; вместо того,

чтобы служить источником объективности в человеческих отношениях, государство создает какое-то пещерное царство неуверенности и страха при помощи необъективных законов, толкование которых оставлено на усмотрение любого бюрократа; вместо того, чтобы защищать людей от опасной прихоти ближних, государство присваивает себе право на прихоть. Таким образом, мы быстро приближаемся к полной инверсии, когда государство будет вольно делать все что угодно, а граждане смогут действовать только по разрешению. Это будет та фаза развития, на которой человечество находилось в самые темные периоды своей истории, господство грубой силы.

Уже не раз отмечали, что, несмотря на материальный прогресс, человечество не достигло хоть сколько-нибудь похожих успехов в нравственном развитии. Обычно за этим наблюдением следует какой-нибудь пессимистический вывод о природе человека. Да, уровень нравственного развития людей позорно низок. Но если учесть чудовищную нравственную извращенность государств (допущенную альтруистско-коллективистской моралью), под властью которых люди были вынуждены жить большую часть своей истории, можно, скорее, удивляться тому, что им удалось сохранить хотя бы подобие цивилизации и что неуничтожимая крупица самоуважения помогла им остаться существами, ходящими на двух ногах.

Кроме того, сегодня можно яснее увидеть природу тех политических принципов, которые надо принять и поддержать как составную часть битвы за интеллектуальное возрождение человека.

Библиография

1. Branden, Nathaniel, Who Is Ayn Rand?, New York: Random House, 1962; Paperback Library, 1964.
2. *The Objectivist*, a monthly journal published by The Objectivist, Inc., The Empire State Building, 350 Fifth Avenue, New York City. (Formerly *The Objectivist Newsletter*).
3. Rand, Ayn, Anthem, Caldwell, Idaho: The Caxton Printers, 1953; New York: The New American Library (Signet), 1961.
4. Rand, Ayn, Atlas Shrugged, New York: Random House, 1957; New York: The New American Library (Signet), 1959.
5. Rand, Ayn, For the New Intellectual, New York; Random House, 1961; New York: The New American Library (Signet), 1963.
6. Rand, Ayn, The Fountainhead, New York: The Bobbs-Merrill Company, 1943; New York: The New American Library (Signet), 1952.
7. Rand, Ayn, The Virtue of Selfishness, New York: The New American Library (Signet), 1964; New York: The New American Library, 1965.
8. Rand, Ayn, We the Living, New York: Random House, 1959; New York: The New American Library (Signet), 1960.
9. Anderson, Benjamin M., Economics and the Public Welfare: Financial and Economic History of the United States, 1914-1946, Princeton, New Jersey; D. Van Nostrand Co., 1949.
10. Anderson, Martin, The Federal Bulldozer: A Critical Analysis of Urban Renewal, 1949-1962, Cambridge, Massachusetts: The M.J.T. Press, 1964.
11. Ashton, T. S., An Economic History of England: The Eighteenth Century, New York; Barnes and Noble, 1955.
11. Ashton, T. S., The Industrial Revolution, 1760-1830, London: Oxford University Press, 1948.
12. Ballve, Faustino, Essentials of Economics, Princeton, New Jersey: D. Van Nostrand Co., 1963.
13. Bastiat, Frederic, Economic Sophisms, Princeton, New Jersey: D. Van Nostrand Co., 1964.
14. Bastiat, Frederic, Selected Essays on Political Economy, Princeton, New Jersey: D. Van Nostrand Co., 1964.
15. Boehm-Bawerk, Eugen von, The Exploitation Theory, South Hoiland, Illinois: Libertarian Press, 1960.
16. Buer, Mabel C., Health, Wealth and Population in the Early Days of the

Industrial Revolution, 1760-1815, London: George Routledge amp; Sons, 1926.

17. Chu, Valentin, Ta Ta, Tan Tan (Fight fight, talk talk); The Inside Story of Communist China. New York: W. W. Norton amp; Co., 1963.

18. Crocker, George N., Roosevelt's Road to Russia, Chicago: Henry Regnery Co., 1959.

19. Dallin, David., and Nlcokuvsky, Borii L., Forced Labor in Soviet Russia, New Haven, Connecticut: Yale University Press, 1947.

20. Ekirch, Arthur A., Jr., The Decline of American Liberalism, New York: Longmans, Green 4 Co., 1955.

21. Fertig, Lawrence, Prosperity Through Freedom, Chicago: Henry Regnery Co., 1961.

22. Fleming, Harold, Ten Thousand Commandments: A Story of the Antitrust Laws, New York: Prentice-Hall, 1951.

23. Flynn, John T., The Roosevelt Myth, revised edition. New York: The Devin-Adair Co., 1956.

24. George, M. Dorothy, England in Transition: life and Work in the Eighteenth Century, London: Penguin, 1953.

25. George, M. Dorothy, London Life in the Eighteenth Century, 3rd edition, London: reprinted by The London School of Economics and Political Science, 1951; New York: Harper and Row (Harper Torchbooks), 1964.

26. Hazlitt, Henry, ed., The Critics of Keynesian Economics, Princeton, New Jersey: D. Van Nostrand Co., 1960.

27. Hazlitt, Henry, ed., Economics in One Lesson, New York: Harper and Brothers, 1946.

28. Hazlitt, Henry, ed., The Failure of the «New Economics»: An Analysis of the Keynesian Fallacies, Princeton, New Jersey: D. Van Nostrand Co., 1959.

29. Hazlitt, Henry, ed. What You Should Know About Inflation, 2nd edition, Princeton, New Jersey: D. Van Nostrand Co., 1965.

30. Hewitt, Margaret, Wives and Mothers in Victorian Industry, London: Rockliff, 1958.

31. Keller, Werner, East Minus West = Zero: Russia 's Debt to the Western World. 862-1962, New York: G. P. Putnam's Sons, 1962. (Published In Great Britain as Are the Russians Ten Feet Tall, London: Thames and Hudson, 1961.)

32. Kubek, Anthony, How the Far East Was Lost: American Policy and the Creation of Communist China, 1941-1949, Chicago: Henry Regnery Co., 1963.

33. Lynch, Matthew J., and Raphael, Stanley S., Medicine and the State, Springfield, Illinois: Charles C Thomas, 1963.

34. Mason, Lowell B., The Language of Dissent, New Canaan, Connecticut: The Long House. (Originally published Cleveland. Ohio: The

World Publishing Co., 1959.)

35. Neale, A. D., *The Antitrust Laws of the United States of America: A Study of Competition Enforced by Law*, Cambridge, England: Cambridge University Press, 1960.

36. Paterson, Isabel, *The God of the Machine*, Caldwell, Idaho: The Caxton Printers, 1964. (Originally published New York: G. P. Putnam's Sons, 1943.)

37. Snyder, Carl, *Capitalism the Creator: The Economic Foundations of Modern Industrial Society*, New York: The Macmillan Company, 1940.

38. Von Mises, Ludwig, *The Anti-Capitalistic Mentality*, Princeton, New Jersey: D. Van Nostrand Co., 1956.

39. Von Mises, Ludwig, *Bureaucracy*, New Haven, Connecticut, and London: Yale University Press, 1944. *Human Action: A Treatise on Economics*, New Haven, Connecticut: Yale University Press, 1949.

40. Von Mises, Ludwig, *Omnipotent Government*, New Haven, Connecticut: Yale University Press, 1944.

41. Von Mises, Ludwig, *Planned Chaos*, Irvington-on-Hudson, New York: The Foundation for Economic Education, 1947.

42. Von Mises, Ludwig, *Planning for Freedom*, 2nd edition. South Holland, Illinois: Libertarian Press, 1962.

43. Von Mises, Ludwig, *Socialism: An Economic and Sociological Analysis*, New Haven, Connecticut: Yale University Press, 1951.

44. Von Mises, Ludwig, *The Theory of Money and Credit*, new edition, New Haven, Connecticut, and London: Yale University Press, 1953.

notes

Примечания

Рэнд А. Атлант расправил плечи. В 3 ч. - 6-е изд. - М.: Альпина
Публишерз, 2011.

Рэнд А. Добродетель эгоизма. - М.: Альпина Паблишерз, 2011.

Encyclopaedia Britannica. 1964. Vol. IV. P. 839-845.

Рэнд А. Атлант расправил плечи: В 3 ч. - 6-е изд. - М.: Альпина
Пабlishерз, 2011. - Ч. III.

Рэнд А. Добродетель эгоизма. - М.: Альпина Паблишерз, 2011.

Рэнд А. Источник: В 2 кн. - 2-е изд. - М.: Альпина Паблишерз, 2010.

См. главу 25 «Права человека» наст. изд.

Подробнее на эту тему см. главу 26 «Природа государства» наст. изд.

Автор отсылает к Декларации независимости США. - *Прим. пер.*

Рэнд А. Атлант расправил плечи. - Ч. III.

Интеллектуальному банкротству философов, не сумевших осмыслить феномен капитализма, посвящено заглавное эссе моей книги «Для нового интеллектуала» (For the New Intellectual).

Подробную, документально подтвержденную полную картину ограбления Европы русскими см. в кн.: Keller Werner. East Minus West = Zero. New York: C. P. Pulman's Sons, 1962.

The Decline of American Liberalism // By Arthur A. Ekirch. Jr. New York: Longmans, Green amp; Co., 1955.

Там же. Р. 189. Цитата по поводу «духа империализма» взята из кн.: Osgood R.E. Ideals and Self-interest in America 's Foreign Relations. Chicago: University of Chicago Press, 1953. Р. 47.

The Decline of American Liberalism // By Arthur A. Ekirch. Jr. New York: Longmans, Green amp; Co., 1955. P. 199.

The Decline of American Liberalism // By Arthur A. Ekirch. Jr. New York: Longmans, Green amp; Co., 1955. P. 199.

Имеется в виду антитрестовский закон, принятие которого было вызвано недовольством общества по поводу роста промышленных монополий. - *Прим. ред.*

Эта статья была впервые опубликована в сборнике *The Objectivist Newsletter*. Она содержит краткие ответы на вопросы, наиболее часто задаваемые читателями, - вопросы, отражающие широкое распространение заблуждений относительно капитализма.

Мизес фон Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. - М.: Социум, 2008.

Mabel C. Buer, *Health, Wealth and Population in the Early Days of the Industrial Revolution, 1760-1815*, London: George Routledge amp; Sons, 1926, p. 250, p. 88.

Рэнд А. Атлант расправил плечи: В 3 ч. - 6-е изд. - М.: Альпина
Пабlishерз, 2011. - Ч. II.

Laissez-faire, *принцип невмешательства* (фр. *позвольте делать*) - экономическая доктрина, согласно которой государственное вмешательство в экономику должно быть минимальным. - *Прим. ред.*

Билли Сол-Эстес - техасский финансист, известный по скандалу с коррупцией в департаменте сельского хозяйства. В 1962 году был приговорен к восьми годам тюрьмы. Бобби Бейкер, секретарь большинства в американском сенате, в 1963 году ушел в отставку после того, как был обвинен в использовании своего положения ради личного обогащения. - *Прим. ред.*

Рэнд А. Атлант расправил плечи. - Ч. III.

Рэнд А. Атлант расправил плечи. - Ч. III.

Рэнд А. Атлант расправил плечи. - Ч. II.

Рэнд А. Атлант расправил плечи. - Ч. III.

Рэнд А. Атлант расправил плечи. - Ч. II.

Рэнд А. Атлант расправил плечи. - Ч. III.

Рэнд А. Атлант расправил плечи. - Ч. III.

Рэнд А. Атлант расправил плечи. - Ч. III.

Рэнд А. Атлант расправил плечи. - Ч. III.

Рэнд А. Атлант расправил плечи. - Ч. III.

Таммани-холл - политическое общество Демократической партии США в Нью-Йорке, действовавшее с 1790-х по 1960-е годы и контролировавшее выдвижение кандидатов в Манхэттене с 1854 по 1934 г.
- *Прим. ред.*

Рэнд А. Атлант расправил плечи. - Ч. III.

Эти определения взяты из: The American College Dictionary. New York: Random House, 1957.

Rand Ayn. *The Fascist New Frontier*. New York: Nathaniel Branden Institute, 1963.

Der Nationalsozialismus Dokumente 1933-1945 // Ed. by Walther Hofer.
Frankfurt am Main: Fischer Bucherei, 1957. P. 29-31.

Рэнд А. Атлант расправил плечи. - Ч. III.

Хаусман А.Э. Последние стихи, XII/Пер. М. Кульневой.

Ludwig von Mises, *Socialism*, New Haven, Connecticut: Yale University Press, 1951, p. 527.

Фромм Э. Человек для самого себя. - М.: АСТ, АСТ Москва, 2010.

Фромм Э. Искусство любить. - М.: АСТ, АСТ Москва, 2009.

Рэнд А. Источник. - Кн. 2.

Рэнд А. Атлант расправил плечи. - Ч. III.

Наиболее подробно эти идеи изложены в работе Э. Фромма «Здоровое общество» (М.: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, 2006).

Рэнд А. Атлант расправил плечи. - Ч. III.

Рэнд А. Атлант расправил плечи. - Ч. III.

Рэнд А. Атлант расправил плечи. - Ч. III.

Рэнд А. Атлант расправил плечи. - Ч. III.

Рэнд А. Атлант расправил плечи. - Ч. II.

Так проходит слава Wall-Street. Слово «Street» передано словом «via» - дорога, улица.

Рэнд А. Атлант расправил плечи. - Ч. III.

Рэнд А. Добродетель эгоизма. - М.: Альпина Паблишерз, 2011.